

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ю. С. Степанов

МЕТОДЫ
И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

Из книг
А.М. Шахнаровича

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1975

В книге исследуются основные специальные методы лингвистики (дистрибутивный, оппозитивный, порождающий и др.). Показываются возможности их дальнейшего обобщения, с одной стороны, для целей исторической реконструкции, с другой — для синхронного описания (в частности, семантики). Все теоретические положения иллюстрируются развернутыми примерами из индоевропейских языков.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕТОДА В ЛИНГВИСТИКЕ

§ 1. Трехчастное строение метода и различные взгляды на соотношение частей

Лингвистические методы имеют давнюю историю. Мы же начнем ее, в соответствии с темой этой книги, с того времени, которое оставило нам особенно актуальные, современные идеи.

В советском языкознании 40—50-х годов три ключевых понятия определяли взгляды на проблему метода — «методика», «метод», «методология». Методика понималась как совокупность приемов наблюдения и эксперимента. Метод — как способы теоретического освоения наблюдаемого и выявленного в эксперименте. Методология — как применение принципов мировоззрения к процессу познания. Всеобщим методом в советской науке тогда, как и теперь, являлся диалектический материализм. По отношению к нему методы языкознания представляют собой частнонаучные методы. Само разграничение трех приведенных понятий вытекало из положений диалектического материализма и поэтому было принципиально сходным с таким же разграничением метода, методики, методологии в других частнонаучных методах — гуманитарных и естественных наук. Разумеется, конкретное содержание этих понятий в языкознании было иным, чем в других науках, но мы сейчас говорим лишь об отношении этих понятий друг к другу.

В американском языкознании той же поры существовало трехчастное деление лингвистической науки, из которого может быть извлечено содержащееся в нем представление о методе. Эти три области лингвистики таковы: «предлингвистика, или долингвистика» (prelinguistics), «микрولينгвистика, или лингвистика в собственном смысле слова», «металингвистика». Предлингвистика, согласно воззрениям того периода, призвана изучать звуки речи как акустические и физиологические явления. Соответственно этому применяемые в ней методы заключаются в способах наблюдения и эксперимента. Микрولينгвистика имеет дело с анализом языковых систем, или, точнее, структур языков. Соответственно, ее метод является способом теоретической систематизации предварительно выявленного языкового материала. Металингвистика понималась американскими исследователями как такой вид исследований, в котором обсуждались и

сравнивались различные теоретические систематизации языкового материала, т. е. результаты, полученные на предшествующем этапе лингвистической работы¹.

В конечном итоге содержание американской металингвистики той поры может быть сведено к противопоставлению двух течений, известных под названиями «лингвистики божественной истины» и «лингвистики фокусничества». «Лингвистика божественной истины» принимает, что язык имеет некоторую структуру, ожидающую, когда лингвист, производящий анализ, ее обнаружит; при этом возможные неясности в отношении фактов свидетельствуют либо о недостаточности наблюдений, либо о несовершенстве процедуры, либо о том и о другом вместе... Процедура, основанная на этом допущении, естественно, является способом логического извлечения описания из данных; при этом предполагается, что логически, на основании одних и тех же данных получается всегда одно и то же описание»². «Лингвистика фокусничества» получила свое название от противников. По существу же «тот, кто занимается этой лингвистикой, вполне может разделять веру в „божественную истину“, согласно которой язык обладает автономной структурой. Но для него из этого не следует вывод, что такая структура поддается мгновенному распознаванию. Когда лингвист теоретически изучает процедуру своей работы, он устанавливает схемы или модели для таких областей явлений, которые кажутся взаимосвязанными [в том именно смысле, что они придумываются для этих явлений, а не отражают их], и проверяет их путем сравнения с теми явлениями, которым они параллельны, для чего используется простое наблюдение, а затем повторно изменяет их и смотрит, лучше ли они подгоняются к соответствующим явлениям; соединяет их в более обширные схемы и проверяет эти сочетания, наблюдая, хорошо ли они подходят к более обширным областям явлений, и так далее — до тех пор, пока описание не оказывается достаточно полным для того, чтобы его можно было на время принять»³.

Следует, правда, заметить, что автор, впервые четко сформулировавший фактически существовавшее в американской лингвистике трехчастное деление, Трейгер, употреблял термин «металингвистика» в ином смысле, как синоним «семантики». Но его употребление в американской лингвистике не привилось. Как отмечал один из его соотечественников, «случайной неудачей

¹ Ср.: G. L. Trager. The Field of Linguistics. «Studies in Linguistics. Occasional papers. 1». Norman, Oklahoma, 1949.

² Э. Хэмп. Словарь американской лингвистической терминологии. Перев. и дополн. В. В. Иванова. М., 1964, стр. 103. Словарь цитирует работу М. Джюза в сб. «Readings in Linguistics: The development of descriptive linguistics in America since 1925. Ed. Martin Joos». Washington, 1957, стр. 80, 419.

³ Э. Хэмп. Указ. соч., стр. 103. По этому вопросу см. также: Основные направления структурализма. М., 1964, стр. 203—205 (с дальнейшей библиографией).

представляется, что Трейгер уже предложил термин „металингвистика“ для области, которая стала широко известна под названием „семантики“. Это словоупотребление должно быть отвергнуто, поскольку слову [метаязык] придается совершенно другое значение в смежной дисциплине — логике⁴. Действительно, приведенное резюме свидетельствует о том, что термин «металингвистика» в американском употреблении покрывал по существу те же вопросы об отношении процесса познания к общим принципам мировоззрения, что и термин «методология» в советской науке, но эти вопросы рассматривались, как опять-таки видно из приведенных высказываний, с совсем иных философских позиций — с позиций так называемой «философии науки» в ее неопозитивистском варианте.

Сопоставление взглядов советской и американской лингвистических школ 40—50-х годов по вопросу о методе показывает, что в них имеется много общего и существуют различия. (По тем же самым пунктам при другом содержании проходят сходства и различия и между другими взглядами на метод.)

Общее заключается в том, что развитая система метода включает три части: 1) вопрос о способах выявления нового материала и его введения в научную теорию («методика» в советском языкознании, «предлингвистика» в американском), 2) вопрос о способах систематизации и объяснения этого материала («метод» в советском языкознании, «микрولينгвистика» в американском), 3) вопрос о соотношении и способах соотношения уже систематизированного и объясненного материала с данными смежных наук и прежде всего с философией («методология» в советском языкознании, «металингвистика» в американском).

Различия заключаются, во-первых, в том, что все эти вопросы могут решаться либо положительно, либо отрицательно. При этом отрицательное отношение к тому или иному вопросу может либо теоретически обсуждаться и эксплицитно выражаться в теории метода, либо просто подразумеваться. Для советской лингвистики названного периода в общем было характерно недостаточное внимание к способам выявления и введения в науку нового материала; процедуры установления языковых фактов и, что в особенности важно, языковых единиц, специально не обсуждались и эксплицитно не формулировались. Специальные работы «о способах введения научных объектов» появляются значительно позже и их немного⁵. В американской лингвистике,

⁴ Э. Хемп. Указ. соч., стр. 109.

⁵ См., например: Т. П. Ломтев. О методах идентификации синтаксических объектов и исчисления их значимостей. «V Международный съезд славистов. София. Доклады». МГУ. М., 1963, стр. 48 и сл.; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики (на материале немецкого языка). М., 1968, и некот. др. Лишь совсем недавно появилась специальная работа о методах начального, или «нулевого», цикла: А. Е. Кибрик. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). МГУ. М., 1972 (ротационный).

напротив, этой проблеме отводилось главенствующее положение. В общем можно сказать, что вся дескриптивная лингвистика в обоих ее течениях, Йейльском и Энн-Арборском, занималась главным образом проблемой перевода непосредственно наблюдаемой звучащей речи в корпус научных данных о языке. Напротив, проблема методологии языкознания, напряженно и плодотворно обсуждавшаяся в советской лингвистике, американскими языковедами как правило принципиально исключалась из научного рассмотрения. Самая терминология советской школы («методика» — «метод» — «методология») несет отпечаток философской постановки вопроса. Американская терминология в такой же мере антифилософична: термины «предлингвистика», «микрولينгвистика», «металингвистика» выделяют специально-научную, лингвистическую сторону проблемы. Многократные заявления американских лингвистов той поры подчеркивали желательную независимость лингвистики от философии.

Различия заключаются, во-вторых, в том, учитывается ли в теории лингвистического метода его специфика, вызванная его особым объектом — языком (как, в частности, в семиотических концепциях), или, напротив, она игнорируется и подчеркивается общность лингвистического метода с методами других наук, в особенности физики (как, например, в «двуступенчатых» вариантах генеративной теории). В различиях между советской и американской школами 40—50-х годов этот пункт не выступал на первый план, или, лучше сказать, различия по этому пункту тогда еще недостаточно поляризовались. Причиной этого было то, что та и другая теории метода вступали в сопоставление лишь по центральному пункту — «метод» и «микрولينгвистика» (см. выше второй пункт), тогда как первая и третья части теории метода практически отсутствовали, один в советском, а другой в американском языкознании. Положение существенно изменилось в настоящее время, когда имеются развитые теории лингвистического метода и их сопоставление может проходить по всем трем пунктам.

Сравнение развитых теорий метода в полном объеме должно составить предмет исследований особого рода — теории лингвистических методов. В этой книге соответствующие вопросы затрагиваются лишь частично.

Итак, как мы видели выше, для сравнения различных систем метода (или просто взглядов на проблему метода) существенным оказывается трехчастное строение системы метода и вопрос о том, включается ли в нее процедура открытия, с одной стороны, и связь с философией, с другой стороны. Продолжим рассмотрение теорий метода по этим пунктам.

Различия, возникшие в 40—50-е годы между двумя отмеченными выше теориями метода, сохраняются и поляризуются в наши дни. В качестве примера развития традиций советской лингвистической школы 40—50-х годов выступает очерк теории метода,

данный Б. А. Серебренниковым в коллективном труде «Общее языкознание» (т. 3. М., 1973). Примером развития традиций американской лингвистической школы может служить коллективная монография «Метод и теория в лингвистике», изданная П. Л. Гарвином («Method and Theory in Linguistics». Ed. Paul L. Garvin. Mouton. The Hague, 1970).

В очерке Б. А. Серебренникова подчеркивается, что метод всегда представляет собой систему, и эксплицитно провозглашается зависимость метода от той или иной философской концепции. В соответствии с этими общими положениями Б. А. Серебренников сохраняет трехчастное построение метода (в чем и реализуется принцип системности метода), но на первое место выдвигает «теорию метода»: «В систему, именуемую научно-исследовательским методом применительно к языкознанию, обычно входят: 1. Теория метода; 2. Комплекс научно-исследовательских приемов, содержание которых определяется лингвистическими основами метода; 3. Комплекс технических приемов и процедур»⁶. «Теория метода» занимается вопросом о соотношении субъективной диалектики познания с объективной диалектикой объекта. Последняя формулируется в виде законов науки. Таким образом, по Б. А. Серебренникову, «теория метода» опирается на уже наличное научное знание (дальнейшее о соотношении метода и теории см. § 2). «Комплекс научно-исследовательских приемов» представляет собой различные способы оперирования с материалом, причем каждый способ обусловлен соответствующей стороной объекта (например, статистический метод обусловлен объективной дистрибуцией и частотностью употребления единиц языка; метод лингвистической географии обусловлен объективной территориальной ограниченностью распространения языковых явлений, и т. д.). Объективные языковые основания метода называются у Б. А. Серебренникова также «лингвистическими основами метода»⁷ и «теоретической базой» (например, реконструкция праформ есть частный прием сравнительно-исторического метода, и его теоретической базой является неравномерность изменения форм одного происхождения и возможность установить более архаичные формы путем особым образом проведенного сравнения)⁸. «Комплекс технических приемов и процедур» включает такие приемы, как составление диаграмм, таблиц и карт, определение района исследования, беседа с информантом, рентгеноскопия произносительных органов, записи на магнитофонную пленку, вторичная проверка и уточнение собранного материала, и т. д.

Из упомянутого американского сборника наиболее интересной для нашей темы является статья Чжао Юань-жэня «Некоторые

⁶ «Общее языкознание» Методы лингвистических исследований, стр. 260.

⁷ Там же, стр. 261.

⁸ Там же, стр. 263.

аспекты отношения между теорией и методом»⁹. Как и очерк Б. А. Серебренникова по отношению к советской лингвистике, эта работа развивает традиционные для американской лингвистики 40—50-х годов взгляды на метод. Новым оказывается здесь прежде всего то, что понятие «метод» определяется по принципу лексико-семантического поля, т. е. через соотношение со всеми терминами, так или иначе связанными с термином «метод». Ближайшим образом понятие «метод» связано, по Чжао Юань-жюню, с понятиями «вещь», «множество», «символ», «модель», «теория» и занимает в этом ряду место с точки зрения семантической близости между понятиями «символ» и «модель». Все названные понятия в свою очередь входят в другие лексико-семантические ряды, так что в итоге понятие «метод» разъясняется через полное перечисление терминов поля:

Вещь	Множество	Символ	Метод	Модель	Теория
объект, материя, чувственные данные, факт.	элемент множества, терм, класс, уровень, система, структура, отношение.	карта, код, трансформ	операции, наблюдение, описание, фиксация, изучение, анализ, синтез, организация, трансформа- ция.		организация системы, правила, объяснения, предсказания, реконструк- ция.

Термины, или категории, в очерке Чжао Юань-жюня могут быть сгруппированы так: а) «вещь», «множество», «символ» — в один ряд, б) «метод» — в другой, в) «теория» — в третий. При этом делается очевидным соответствие категорий первого ряда понятиям «предлингвистики», т. е. подготовки первичных данных наблюдения и их введения в науку как научных объектов, «фактов науки»; категорий второго ряда — понятиям «микрولينгвистики»; категорий третьего ряда — понятиям «металингвистики» в терминологии 40—50-х годов. Отношение «модели» к методу, с одной стороны, и к теории, с другой, — в этом очерке остается неясным.

В последние годы появились иные концепции метода, занимающие в известном смысле промежуточное положение между конфликтующими концепциями американской и советской лингвистики. Мы имеем в виду прежде всего концепции лингвистического метода в порождающих грамматиках. Сохраняя трехчастное построение теории метода и включаясь в дискуссию о соотношении частей, они, однако, выдвигают на первый план иные вопросы, главным образом вопрос о соотношении метода познания и метода изложения, и поэтому их целесообразно рассмотреть под углом зрения этого вопроса.

⁹ Yuen Ren Chao. Some aspects of the relation between theory and method. «Method and Theory in Linguistics», стр. 15—20.

§ 2. Соотношение метода познания и метода изложения

Выше уже было сказано, что американские лингвисты-дескриптивисты 40—50-х годов рассматривали свой метод лишь как способ фиксации корпуса языка и его анализа, зачастую полностью уклоняясь от объяснений (М. Джуз подчеркивал: «Мы не отвечаем на вопросы „почему“, касающиеся структуры языка; ...Мы пытаемся точно описывать, мы не пытаемся объяснить»¹⁰). В наиболее категорической форме эта идея вылилась в утверждение, что лингвистический метод есть процедура открытия, а не способ изложения и тем более не способ объяснения¹¹.

В трансформационных исследованиях школы Н. Хомского было выдвинуто резко отличное положение. Н. Хомский в связи с этим писал: «Большинство наиболее тщательных программ в области разработки лингвистической теории¹² стремятся к удовлетворению самого сильного из этих трех требований (т. е. выработки процедуры для открытия грамматики. — Ю. С.). Это значит, что предпринимаются попытки сформулировать методы анализа, которые исследователь реально может использовать, если у нас есть время, чтобы построить грамматику языка, исходя непосредственно из сырых данных. По-моему, весьма сомнительно, чтобы этой цели можно было достигнуть сколько-нибудь интересным путем, и я подозреваю, что всякая попытка достичь ее должна завести в лабиринт все более и более подробных и сложных лингвистических процедур¹³, которые, однако, не дают ответа на многие важные вопросы, касающиеся природы лингвистической структуры. Я полагаю, что, снизив наши запросы и поставив более скромную цель — разработать процедуры выбора грамматик, — мы сможем сосредоточить наше внимание на узловых проблемах лингвистической структуры и прийти к более удовлетворительному их решению»¹⁴. Процедура выбора грамматик есть не что иное, как способ решить — имея совокупность высказываний и две предлагаемые грамматики, — какая из грамматик лучше для языка, из которого выделена данная совокупность высказываний¹⁵. Вопрос о способе открытия, выявления грамматик таким образом снимался.

Это положение трансформационных теорий неоднократно подчеркивалось. Так, рецензент указанной работы Н. Хомского, Р. Лиз отмечал, что эвристические приемы, которые использовал

¹⁰ См.: «Основные направления структурализма», стр. 191.

¹¹ D. Olmsted. Substitution and frequency-estimation in linguistic analysis. «International Journal of American Linguistics». Vol. 27, N 4, 1961, стр. 318—319.

¹² Здесь Н. Хомский перечисляет некоторые из основных работ дескриптивного направления.

¹³ Эти опасения Н. Хомского не лишены основания. См. в связи с этим о понятиях «актуальной и потенциальной осуществимости» (II ч., I гл., § 8).

¹⁴ Н. Хомский. Синтаксические структуры [1957]. Перев. с англ. «Новое в лингвистике» Вып. 2. М., 1962, стр. 459—460.

¹⁵ Там же, стр. 458.

лингвист, не играют никакой роли в самой теории, когда она уже построена¹⁶. В не менее резкой форме подчеркивает это обстоятельство А. Ф. Лосев: «Метод структурной лингвистики, если здесь идет речь не о чистой логике, но именно о лингвистике, имеет своей целью создавать и исследовать, разыскивать вовсе не какие-нибудь новые языковые факты, но устанавливать только метод нового изложения уже добытых языковых фактов. Это не есть метод науки, но метод изложения науки»¹⁷. — «Нужно прямо и откровенно сказать: никаких новых фактов языка, никаких новых методов изучения языкового развития, никаких новых законов языка, будь то исторических, будь то систематических, структуральная лингвистика никогда не устанавливала, не имеет никаких средств установить, даже не должна устанавливать, а должна все это предоставить методам т. н. традиционной лингвистики. Структуральная лингвистика имеет своей целью, как показывает само ее название, устанавливать только структуры языка»¹⁸.

В последующих работах Н. Хомский разграничил две процедуры — 1) установление порождающей грамматики данного языка, отвечающей данной совокупности высказываний этого языка, и 2) выбор наиболее адекватной из нескольких таких грамматик. Вторая процедура была отнесена им к общей лингвистической теории, а первая — к частной¹⁹. Но это разграничение принципиально не изменило отмеченного выше положения — эксплицитная процедура выявления грамматики в порождающих исследованиях отсутствует. Практически все авторы таких работ исходят из корпуса языка, уже установленного предварительно, чаще всего именно путем применения дескриптивной процедуры американских лингвистов предшествующего периода.

Упомянутое выше решение вопроса о методах, принципиальный разрыв между методами познания (в смысле открытия) и методами изложения, дается ли оно эксплицитно или лишь подразумевается, до некоторой степени отражает действительное положение дел в науке о языке и в науке вообще. Различие между методами открытия, нередко не вполне осознаваемыми самим исследователем, и методами осознанного изложения открытого, несомненно, объективно присуще процессу научного познания в широком смысле слова. Но абсолютизация этого разрыва, возведение его в методологический принцип, характерно лишь для

¹⁶ R. Lees [Рец]. N. Chomsky. Syntactic structures. «Language». Vol. 33, № 3, 1957, стр. 380.

¹⁷ А. Ф. Лосев. Введение в общую теорию языковых моделей («Моск. Гос. Пед. инст. им. В. И. Ленина. № 307»). М., 1968, стр. 179.

¹⁸ Там же, стр. 273. — Необходимо отметить, что А. Ф. Лосев в этой работе употребляет термин «структурная, или структуральная, лингвистика» в узком значении, какое придается ему в исследованиях по «аппликативной модели».

¹⁹ См., например: Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса (1962). Перев. с англ. МГУ. М., 1972 (роптапринт), стр. 27—29.

определенного этапа в развитии теории научного метода. На этой точке зрения стояли, как известно, такие исследователи как К. Поппер и Г. Рейхенбах ²⁰. В этой связи важно подчеркнуть и возвести в методологический принцип и другую сторону процесса научного познания — внутреннее единство процесса открытия и процесса изложения. Процесс строгого, или даже формализованного, изложения нередко, — а в современном языкознании это даже типичный случай, — повторяет в очищенном и логически упорядоченном виде процедуру открытия, зачастую неосознанную. Это положение дел подтверждается приводимым ниже материалом (ср. разделы «Направления поиска» и «Логический принцип»). Необходимость введения нового методологического принципа в указанном смысле подчеркивается и советскими философами. Они справедливо отмечают, что «в наш век метод дихотомического расслоения знания был широко использован в гносеологии неопозитивизма. На первых стадиях этого движения сложная структура знания была представлена здесь в весьма упрощенной дихотомической модели. Знание было резко разделено на фактуальное, эмпирическое и формальное — логический аппарат. Этой резкой дихотомии соответствует на определенных стадиях неопозитивизма и двойственность истины: логическая истина (взаимосогласованность, непротиворечивость знаний) и фактуальная истина (соответствие предложений эмпирическим фактам)» ²¹ и подчеркивают: «Дихотомическое рассечение сложных познавательных структур, даже при учете взаимодействия выделенных компонентов, нередко оказывается все же весьма бедным, недиалектичным в целом представлением. Опыт современных исследований познания показал, что более богатой, насыщенной диалектикой выступает иерархическая модель знания как сложного многоступенчатого процесса» ²².

Применительно к задаче этой книги из всего сказанного следует, что необходимо рассматривать как те лингвистические системы метода, в которых преобладает процедура открытия, так и те, в которых преимущественное внимание уделяется методам строгого логического изложения знания.

§ 3. Проблема классификации методов и композиция книги

Данная работа — не теория лингвистического метода, а обзор и систематизация специальных лингвистических методов, применяемых, выражаясь условно, во «внутренней лингвистике». По соображениям объема и специфической сложности пришлось

²⁰ К. Popper. *Logik der Forschung. Zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft*. Wien, 1935; H. Reichenbach. *Theory of probability*. Berkley, 1949.

²¹ М. С. Козлова. К исследованию диалектики познания. — «Проблемы диалектики». Изд. ЛГУ, 1972, стр. 48.

²² Там же, стр. 49.

отказаться от рассмотрения методов социальной лингвистики, психолингвистики, лингвистической статистики. Такое ограничение придает проблеме лингвистического метода большую четкость, но вместе с тем не снимает трудностей классификации.

Как классифицировать методы? По соответствующей каждому теории? Но это не всегда возможно, так как соответствие «теория — метод» имеется лишь для наиболее общих и разработанных методов, а мы уже сказали, что нашей целью является обзор частно-лингвистических методов. По методике и техническим приемам? Это, очевидно, еще менее целесообразно. Столь же нецелесообразна и классификация по сфере языка, на «методы фонологии», «методы морфологии», «методы синтаксиса» и т. д. Как мы неоднократно будем убеждаться в дальнейшем (ср., например, I, I, § 5), современная лингвистика характеризуется экстраполяцией методов: одни и те же методы переносятся из одной сферы языка в другую, на другой материал.

Единственно приемлемой классификацией оказывается классификация, основанная на предварительном выявлении глубинного принципа каждого метода. Соответственно этому книга распадается на три части. В первой части «Направления поиска и линии развития в современной лингвистике» предпринимается попытка выявить и обобщить некоторые существенные методические принципы текущих лингвистических работ. Во второй и третьей частях рассматриваются уже известные методические принципы. При этом во второй части, «Исторический принцип в современной лингвистике», они анализируются с точки зрения их применения к историческому описанию языка, а в третьей части, «Логический принцип в современной лингвистике», те же принципы рассматриваются с точки зрения их применения к цели синхронного и логического описания языка. Как уже было сказано, нередко и в направлениях поиска обнаруживаются те же самые методические принципы, но при этом в не всегда осознанном и, как правило, логически не очищенном виде. На всем протяжении этой книги речь идет по существу об одной и той же группе методических принципов современной лингвистики, но в разных частях они рассматриваются применительно к разным целям и с разной степенью общности. Таким образом, эти части представляют собой группировки **м е т о д ы — ц е л и**.

В разделе «Направления поиска» речь идет об актуальном, о работах последних лет, а там, где это было возможно учесть, и последних месяцев, о текущих лингвистических исследованиях, главным образом в СССР, его предмет — недавние публикации, книги, материалы конференций, тезисы симпозиумов, авторефераты диссертаций, посвященных отдельным, иногда частным, вопросам, но всегда таким, которые вписываются в общую перспективу поисковых направлений. Задача исследования заключается здесь в том, чтобы выделить и осознать их общие методические положения, свести их по возможности к наименьшему

числу еще более общих и, наконец, поставить последние в связь уже с вполне оформившимися и логически обоснованными «системами метода». Связь эта может оказаться как положительной, так и отрицательной, то есть может выясниться, в случае положительной связи, что выявляющиеся принципы составляют лишь более или менее осознанное или интуитивное применение одного из «больших методов» (дистрибутивного, оппозитивного пражского, функтивного копенгагенского, трансформационного, генеративного). Но связь может оказаться и отрицательной, если выяснится, что какой-либо эвристический принцип не подводится под систему того или иного известного «большого метода», а является прообразом нового, только лишь возникающего метода.

Раздел «Исторический принцип» освещает историческое исследование языка как неотъемлемую часть современного языкознания. В настоящее время для этой цели используются как методы, уходящие своими истоками в младограмматический период и составляющие в общем сравнительно-исторический метод, так и общие принципы социологического изучения языка как общественного явления, особенно полно представленные в традиции советского языкознания 20—30-х годов, а также методы и приемы структурно-системного описания, возникшие в последующие годы. В этой части книги рассматриваются преимущественно последние. В отличие от сравнительно-исторического метода и социологического подхода их можно сгруппировать под общим названием «внутренней реконструкции».

Внутренняя реконструкция и внешняя реконструкция — две части сравнительно-исторического изучения языков. Они отличаются друг от друга материалом, приемами и целями. Слова «внутренняя» и «внешняя» в этих названиях означают соответственно «внутренняя» или «внешняя» по отношению к одному какому-либо языку. Внешняя реконструкция имеет целью осветить прошлое какого-либо языка путем его сопоставления с другими родственными языками, т. е. путем внешнего сравнения. Приемы последнего были разработаны во всем основном уже к 20-м годам нашего века и составляют наследие классического периода сравнительного языкознания.

В силу того, что внешнее сравнение использует данные родственных языков, основные выводы из него, т. е. сам результат реконструкции, всегда характеризует период общности сравниваемых языков, а периоды, более поздние, раздельного существования родственных языков не могут быть освещены этим методом вполне последовательно и надежно. Внутренняя реконструкция, напротив, освещает эпохи раздельного существования каждого языка и применяется особенно (хотя и не исключительно) к тем периодам, от которых не имеется письменных источников. Таким образом, внутренняя и внешняя реконструкция являются взаимодополнительными методами.

Внутренняя реконструкция имеет целью восстановить прош-

лую систему какого-либо языка путем логических выводов из описания существующей системы этого же самого языка. Внутренняя реконструкция представляет собой применение к истории, «историческую проекцию», методов синхронного системного описания языка, развитых в последние десятилетия. В этом логическом смысле историческое исследование и, в частности, внутренняя реконструкция идет после синхронного описания, но фактически развитие лингвистики протекало так, что именно в опытах внутреннего реконструирования создавались основы синхронного описания. Поэтому осветить методы исторического реконструирования значит показать логические основы лингвистических методов.

Из сказанного ясно, что приемы и методы внутренней реконструкции должны быть сначала классифицированы в соответствии с теми методами синхронного описания языка, которые легли в их основу. Это делается в первой главе второй части. Вторая глава, «Обобщение», излагает метод внутренней реконструкции в его единстве и может рассматриваться как опыт создания общей теории реконструкции.

Раздел «Логический принцип» рассматривает методические принципы современной лингвистики в их логически наиболее очищенном виде, как логические основания языка и логические основания описания языка.

Какие же логические, или, точнее, логико-лингвистические, категории могут рассматриваться как обобщение освещенных в предыдущих частях эвристических и исторических принципов? Детальное рассмотрение показывает, что для этого достаточно следующих шести категорий, являющихся соответственно основаниями шести методов: 1) множество, 2) дистрибуция, 3) оппозиция, 4) функция, 5)пликация (импликация и аппликация), 6) репрезентация (знак). Соответствующие им методы таковы: 1) алгебраический, теоретико-множественный метод (русская, советская и восточно-европейская лингвистика); 2) дистрибутивный метод (Американская лингвистическая школа); 3) оппозитивный метод (Пражская лингвистическая школа и советские работы); 4) функтивный метод (Копенгагенская лингвистическая школа); 5) генеративный, или порождающий, метод (современная американская, европейская и советская лингвистика); 6) семиотический метод (современная советская и европейская лингвистика). Наконец, методы стоят в соответствии с одноименными моделями и теориями, так что имеется теоретико-множественная модель и теория языка, дистрибутивная модель и теория языка и т. д. Согласно этому перечню строится первый раздел третьей части — «Обзор методов». Вторая глава, «Обобщение», показывает теоретические возможности дальнейшего синтеза методов, основанных на этих категориях, и иллюстрирует эти возможности практическим описанием обширного фрагмента современного французского языка и развернутыми русскими примерами.

В «Обобщении» (ч. III, гл. II) автор продолжает тему, намеченную им ранее²³, и ставит вопрос о синтезе основных понятий методов как лингвистическую задачу. Такая постановка вопроса означает, что категории дистрибуции, оппозиции, функции и другие рассматриваются с точки зрения их соответствий друг другу и показывается возможность их транспозиции друг в друга.

Кроме этого, там же, как, впрочем, и на предыдущих страницах, мы не упускаем случая показать возможности обобщения и другого рода. Каждая крупная современная теория и соответствующий ей метод имеют собственный набор терминов, которым во многих случаях соответствуют отличные от них термины другой теории. При их сопоставлении идет речь как бы о переводе с метаязыка одной теории на метаязык другой теории или о создании метаметаязыка лингвистической теории. Вот один из примеров такого рода соответствий:

<i>В Копенгагенской школе</i>	<i>В Московской фонологической школе и системе Р. И. Аванесова</i>	<i>В теоретико-множественной модели</i>
Катализ	Словофонематическая запись (транскрипция)	Почти фонематическое разбиение
Анализ	Морфофонематическая запись (транскрипция)	Фонематическое разбиение

Другой пример: понимание парадигматики языка как системы, основанной на отношениях «или... или...», строгой дизъюнкции, у тех лингвистов, которые работают по методу «двухступенчатой фонологии», соответствует пониманию вариативного ряда одной фонемы у М. В. Панова, в то время как понимание парадигматики как системы «...и/или...», нестрогой дизъюнкции, у Л. Ельмслева, соответствует понятию «широкой, или большой, парадигмы» у М. М. Гухман, В. М. Солнцева и понятию «чередование фонем» в фонологии М. В. Панова (см. подробнее ч. III, гл. II, § 3).

Полностью соотношения такого рода должны найти свое место в объяснительном словаре лингвистических терминов, который объединил бы терминологию разных лингвистических школ и который еще только предстоит создать.

В заключение целесообразно подчеркнуть еще одну особенность в соотношении направлений поиска, исторического и логического принципов в том их виде, как они понимаются в настоящей книге. С одной стороны, под всеми тремя заголовками речь идет об одном и том же — о выявлении логики языка и логики описания языка. Но это выявление проводится с разной степенью глубины: направления поиска и соответствующие им нередко эвристические приемы и принципы выясняются из индивидуальных лингвистических работ, каждая из которых ох-

²³ Ю. С. Степанов. Синтез лингвистических направлений как лингвистическая задача. «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов». М., 1967. стр. 51—53.

ватывает как правило лишь тот или иной ограниченный фрагмент системы языка. Исторический принцип выявляется из работ, которые освещают материал в значительно более широком плане — в его синхронии и истории, и соответственно такие работы, как правило, не являются в полном смысле индивидуальными — они опираются на обобщение значительного количества предшествующих исследований, в рамках исторического принципа происходит отшлифовка эвристических приемов и становление научных течений. Логический принцип полностью выявляется из описания не фрагментов, а всей системы языка, и, поскольку такое описание, как правило, не бывает результатом индивидуального труда отдельной личности, этот принцип выявляется лишь в работах лингвистического направления или школы. Таким образом, эвристические приемы, исторический и логический принципы располагаются в ряд по степени абстрактности и общности, причем абстрагирование и обобщение протекает одновременно по двум линиям — объективного и субъективного обобщений. По линии объективного обобщения — направление поиска с соответствующим эвристическим приемом вскрывает основания какого-либо сравнительно узкого фрагмента языка, исторические принципы — основания более широких фрагментов и подсистем, логические принципы — основания всей языковой системы. По линии субъективного обобщения — первые совпадают с исследовательскими приемами отдельной талантливой личности или группы единомышленников, вторые, исторические принципы, — с приемами и принципами работы относительно широких течений в лингвистике, третьи, логические принципы, — с тем общим, что имеется во взглядах целого лингвистического направления или национальной школы.

С другой стороны, было бы большим упрощением представлять себе дело так, что три группы принципов последовательно вырастают друг из друга, таким образом, что логические принципы соотносятся с эвристическими лишь при посредстве исторических. Взятые в другом отношении, нежели указанное выше отношение, три группы принципов не лежат на одной линии. Исторические принципы и логические принципы равно представляют собой обобщение эвристических приемов и принципов, но обобщение, лежащее в двух разных плоскостях. Исторические принципы являются развитием эвристических принципов в том смысле, что обобщают эвристические приемы на более широкий материал и главным образом на материал истории языка. Логические принципы развивают эвристические принципы в том смысле, что очищают процедуру открытия от случайных элементов и соотносят ее со строгой процедурой изложения. Наконец, исторические принципы и логические принципы соотносятся друг с другом таким образом, что в одном отношении первые являются развитием вторых, а в другом отношении вторые — развитием первых. Так, глубинное описание синхронного состояния языка

является одновременно первым этапом его исторической реконструкции. Синхронное описание строится на более или менее строгих логических основаниях, а историческая реконструкция заключается в дополнении этих оснований принципом развития и в применении их к истории языка. В этом отношении исторические принципы являются углублением и развитием логических принципов. С другой стороны, логические принципы вскрывают основания возможных вообще языковых систем, тогда как исторические принципы — основания лишь только исторически засвидетельствованных языковых систем, и в этом смысле логические принципы являются развитием и обобщением исторических. Таким образом, в некоторых существенных отношениях три группы принципов не следует представлять себе расположенными последовательно, в ряд, на одной линии, скорее уже — если пользоваться геометрическим сравнением — их следовало бы представлять себе в виде трех вершин одного треугольника или трех достаточно удаленных друг от друга точек спирали.

Известный интерес представляет вопрос об иерархии методов. В некоторых случаях ответ на него очевиден. Так, в полном и хорошо построенном описании языка выявление дистрибуций, приводящее к установлению языковых элементов, должно предшествовать выявлению оппозиций элементов. Генеративный метод требует предварительного знания как элементов, так и элементарных отношений между ними, и таким образом надстраивается над дистрибутивным, оппозитивным и функциональным методом, и т. д. Однако, с другой стороны, отчетливая иерархия может и отсутствовать. Так, развернутое оппозитивное описание какого-либо яруса языка (например, фонологии) дает более полную картину, чем генеративная фонология, и потому в этом отношении оппозитивный метод занимает в иерархии высшее место, или во всяком случае статическое оппозитивное и динамическое генеративное описание становятся двумя равно дополняющими друг друга типами. В этой книге в общем порядок изложения соответствует объективной иерархии методов. Следует, однако, помнить, что метод всегда соединен с целью, и говорить об иерархии методов значит, в сущности, говорить об иерархии целей познания, а это гораздо более сложный вопрос. Существенное подчеркнуть другое — все отобранные здесь для изложения и анализа методы объективно значимы, каждый в рамках поставленной перед ним цели. Для лингвиста-практика, желающего проникнуть в лабораторию методов, опасность представляет не множественность выборов, ибо в действительности ее не существует, а абсолютизация одного какого-либо метода как якобы универсального. Сила современной лингвистики — в богатстве методов, отвечающем разнообразию и сложности стоящих перед ней задач и целей.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА И ЛИНИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Глава I

ОБЗОР ПРИНЦИПОВ И ОБОБЩЕНИЕ

§ 1. Укрупнение грамматики

В свете современных исследований такие традиционно выделяемые категории, как «наклонение», «время», «вид», «падеж» и подобные не являются последней ступенью обобщения в грамматике. Еще в 20-е годы нашего века в теоретической лингвистике отчетливо обнаружилась тенденция к дальнейшему обобщению — к выявлению таких категорий, которые покрывали бы несколько грамматических категорий, например, «наклонение» и «время», или соединяли бы грамматическую категорию с сопутствующими ей явлениями в лексике и семантике, например «падеж» и «предлог», или «способы глагольного действия (Aktionsarten)», «виды глагола» и «приглагольные наречия меры и степени». Тенденцию современной лингвистики к выявлению таких общих категорий и сам процесс выявления мы назовем «укрупнением грамматики».

Одну из первых идей в этом направлении выдвинул И. А. Бодуэн де Куртене (1927 г.), исследовав «категорию количества» в языке. Выделенную им категорию он считал «в некотором роде параллелью к понятию количества в математике» и подводил под нее разнообразные языковые явления, в частности — количественные числительные, итеративные глаголы, некоторые выражения меры, времени, интенсивности¹. Дальнейший этап работы в этом направлении связан с типологическими исследованиями 40-х годов в СССР и США. Поскольку в этот период идея структурности языка и способы выявления языковой структуры еще не получили полного развития, укрупнение грамматики протекало главным образом на семантической основе. В советских работах такой основой послужили «понятийные категории»

¹ J. Baudouin de Courtenay. Pojęciowość w myśleniu językowym. «Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski», vol. I. Cracoviae, 1927, стр. 3—18 (русс. перев.: И. А. Бодуэн де Куртене. Количественность в языковом мышлении. «Избран. труды по общему языкознанию». т. 2. М., 1963).

И. И. Мещанинова. «Понятийная категория» реализуется одновременно и параллельно в лексике, морфологии и синтаксисе: «Понятийная категория выявляется в синтаксических построениях и в оформлении слова»². В США аналогичную роль сыграли «скрытые категории», или «криптотипы», Б. Л. Уорфа. В качестве криптотипов американские исследователи рассматривали такие, например, явления, как выражения «количества вещества и его формы», указывая, что в европейских языках эта категория находит расчлененное выражение «форма или количество + бесформенное вещество», *стакан воды, килограмм масла*, а в языке хопи нерасчлененное³. В западноевропейской лингвистике, а также в советской германистике и романистике, аналогичные исследования, не достигая обобщений И. И. Мещанинова и Б. Л. Уорфа⁴, протекали по более частным линиям — главным образом в связи с изучением глагольных видов, или «аспектуальности». В германистике эти исследования начались с установления синонимических средств выражения в лексике и грамматике и завершились опытами построения «категории аспектуальности» (работы Е. В. Гулыги, Е. И. Шендельс, Б. М. Балина и др.)⁵. В романистике те же вопросы ставились в еще более частной форме при исследовании сочетаемости различных форм глагола с теми или иными типами наречий в рамках общей категории аспектуальности (работы Ж. Брюнеля, А. Стена, А. Клюда, Л. И. Илия, М. Т. Мачавариани и др.)⁶. В качестве известного обобщения этой семантической линии исследования (к сожалению, с неполным упоминанием предшествующей традиции) можно рассматривать работу А. В. Бондарко (1971 г.). Автор называет шесть обобщенных (по его терминологии, «функционально-семантических») категорий: «темпоральность», «модальность», «персональность»,

² И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М. — Л., 1945, стр. 197; Он же. Понятийные категории в языке. «Труды Военного инст. иностр. языков», 1945, № 1, стр. 14 и др.

³ См.: Б. Л. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 143.

⁴ Ср. «Понятийные категории» в работе: О. Есперсен. Философия грамматики. Перев. с англ. М., 1958, стр. 57—58.

⁵ См.: Е. В. Гулыга. К вопросу о взаимосвязи уровней (языковые макро- и микрополя). «Лингвистика и методика в высшей школе». I МГПИИЯ. М., 1967, стр. 13—22; Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия. Автореф. докт. дисс. М., 1964; Б. М. Балин. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969 (ротапринт). (Первая часть этой книги имеет показательный заголовок «От грамматической категории вида к языковой понятийной категории аспектуальности»).

⁶ См.: J. Brunel. L'aspect et l'ordre du procès. — BSL, 42, fasc. 1, 1946, стр. 43—75; H. Sten. Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne. Copenhague, 1952; A. Klum. Verbe et adverbe. Stockholm, 1961; Л. И. Илия. Очерки по грамматике современного французского языка. М., 1970, стр. 57 и сл.; М. Т. Мачавариани. Глагол в его взаимоотношении с видовыми наречиями и их эквивалентами во французском языке. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970.

«аспектуальность», «залоговость», «временная локализованность»⁷. В соответствии с общим подходом этого исследовательского направления, как и другие авторы, А. В. Бондарко устанавливает общую категорию на основе центрального ядра — морфологической категории и частичной семантической общности с ней других явлений лексики и синтаксиса. «Например, берется за основу морфологическая категория времени в русском языке. Далее устанавливается, что слова типа *прежде*, *завтра* и т. п. взаимодействуют с формами времени при их функционировании и поразному сочетаются с этими формами; определяются заключенные в этих словах семантические признаки ..., устанавливается, что эти признаки относятся к той же семантической области, что и значения форм времени. Так определяется принадлежность слов указанного типа к той функционально-семантической категории, грамматическим центром которой является глагольное время». Например, «темпоральность... помимо системы временных форм глагола представлена такими средствами, как лексические показатели времени (*только что*, *давно* и т. п.), синтаксическая структура некоторых типов предложений, формы косвенных наклонений и инфинитива в сочетании с другими элементами контекста»⁸.

Другое направление в укрупнении грамматики, основываясь так же, как и первое, на семантическом принципе, существенно дополняет его, вводя основной семиотический принцип языка — принцип структурной иерархии. Категориям большей обобщенности или большей «глубины» соответствует дистрибуция на больших линейных отрезках⁹. Это означает, что, желая выявить глубинные категории системы, более общие, чем «время», «наклонение», «приглагольное наречие» и т. д., мы должны соответственно анализировать дистрибуцию на более длинных последовательностях текста, чем те, на которых выявляются «время», «наклонение» и т. д.

В работе автора (1962 г.) под названием «метаграмматических категорий» вводились не только семантически содержательные общие категории (исследовалась категория «определенности — неопределенности» во французском языке, находящая выражение в артикле, местоимении и структуре предложения), но и формальные общие категории¹⁰. Однако полного учета дистрибутивной структуры там еще не было. За истекшее десятилетие значение дистрибутивного критерия было полностью осознано. Сравним четкую формулировку Л. И. Илия: «Введение аналитических

⁷ А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, стр. 11—12, 56. Ряд обобщенных категорий этим не исчерпывается, ср. В. Н. Филиппов. Опыт компонентного анализа плана содержания лексики, соотносимой с понятием «необходимость» и предикатное выражение этого понятия (на материале англ. яз.). Автореф. канд. дисс. Калинин, 1971.

⁸ А. В. Бондарко. Указ. соч., стр. 10—11.

⁹ Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1971, стр. 63.

¹⁰ Ю. С. Степанов. Метаописание в исторической грамматике. «Вестник МГУ. Серия VII. Филология, журналистика», № 2, 1962, стр. 3—16.

форм в описание спряжения глагола уже означало нарушение границы между морфологией и синтаксисом в их традиционном понимании. Определение значений категорий в грамматике всегда опиралось на контекст, но грамматическое значение, которое отвлекается от неограниченного числа контекстов, несистематически избираемых, может быть только общим или приблизительным». — «Значение форм может быть более точно определено дистрибутивным методом, т. е. путем установления типических контекстов, в которых встречается конструкция»¹¹.

Во многих случаях последовательное применение этого критерия приводит к более точному описанию, казалось бы, уже установленных языковых категорий. Иллюстрацией этого положения может служить трактовка категории «определенности — неопределенности» адыгских языков в работе М. А. Кумахова (1971 г.). Как отмечает автор, «распространенное мнение, что морфемы -р, -м в существительных выражают одновременно и функцию определенности и функцию падежа, нуждается в уточнении. Следует разграничить разные функции именных формантов -р, -м»¹². Автор последовательно различает такие случаи, где дистрибуция позволяет установить в совокупности употреблений каждого из этих показателей общий инвариант, от таких случаев, где инварианта установить невозможно. На этой основе разграничиваются функции формантов.

Более точные методы выявления глубинных категорий мы проиллюстрируем очерком по истории теорий грамматического рода.

Основу современных теорий рода составляют работы А. Мейе, изложенные им в ряде очерков¹³. Согласно А. Мейе, в индоевропейском праязыке отчетливо реконструируются две родовые системы: 1) различие «одушевленного — неодушевленного» родов и 2) различие «мужского — женского — среднего» родов. Эти системы не лежат в одном плане, они гетерогенны и принадлежат по происхождению разным историческим эпохам. Древнейшей является система «одушевленный — неодушевленный» роды. На ее существование указывают многочисленные факты исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Такие, например, пары, как лат. *pater* — *māter* 'отец' — 'мать', *lupus* — *fāgus* 'волк' —

¹¹ Л. И. Илья. Очерки по грамматике современного французского языка, стр. 58.

¹² М. А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, стр. 36—46; ср. более ранние работы этого автора, а также: А. К. Шагиров. Об эргативной конструкции предложения в адыгских языках. Сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов». Л., 1967, стр. 175.

¹³ См.: А. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1926; а также в его работах, написанных в соавторстве: А. Meillet et J. Vendryes. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris, 1924; А. Ernout et А. Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris, 1932.

‘буковое дерево’ не содержат никаких формальных различий мужского и женского родов, они различаются формально лишь посредством согласования прилагательных и представляют старый «одушевленный» род. В древней группе «одушевленных» нет также никаких семантических различий, соответствующих позднему разделению на муж. род и жен. род, кроме тех, в общей сложности немногочисленных случаев, когда речь идет об обозначении самцов и самок. В дальнейшей истории индоевропейского праязыка «одушевленный род» преобразуется, разделяясь на муж. род и жен. род, и одновременно с этим старый «неодушевленный род» получает относительно муж. и жен. родов значение среднего рода. В этом преобразовании существенную роль играли как морфологические факторы, так и синтаксические факторы. Например, старые основы на -u- в пределах старого «одушевл. рода» становятся основами муж. рода, а старые основы на -i- — основами жен. рода, появляются новые основы на -i- жен. рода, подстроенные к старым основам на -u-, санскр. *guru-h* ‘тяжелый’ — *gurv-i* ‘тяжелая’, основы на -a- нового «жен. рода» подстраиваются к основам на -o- «муж. рода»; этим иллюстрируется морфологический фактор. Синтаксический фактор перестройки заключается в том, что согласование с прилагательным сыграло ведущую роль в оформлении романской системы родов: прилагательные, согласовавшиеся по жен. роду, имели основу на -a-, по муж. роду — основу на -o-, в дальнейшем романские существительные, в особенности отчетливо в испанском, стали оформляться так, что муж. род организуется вокруг показателя -o-, жен. род — вокруг показателя -a- (ср. исп. *hijo* ‘сын’ — *hija* ‘дочь’) ¹⁴. Подстроенность и производность жен. рода в новой системе родов проявляется очень отчетливо и в области семантики. Муж. род обозначает самца и родовое понятие, жен. род в соотносительных случаях — всегда частную разновидность ¹⁵. Например, «птица» в древнегреческом гомеровском языке всегда муж. рода, и лишь в специальных значениях это слово появляется у Гомера в жен. роде (напомним еще раз, что в морфологической форме слово в полном соответствии со своим индоевропейским происхождением не несло указания на род — муж. или жен.). В идее А. Мейе о несимметричном положении муж. и жен. родов в родовой системе содержится уже в зародыше учение о «маркированных» и «немаркированных» членах родовой корреляции, развитое впоследствии Р. Якобсоном на материале славянских языков. В самом деле, в системе, установленной А. Мейе, муж. род выступает как общий,

¹⁴ Ср.: Л. Н. Степанова. Категория рода и лексические дублиеты в испанском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 1—6, 10.

¹⁵ На сильное проявление этой тенденции в германских языках в именах деятеля указывает В. П. Конецкая. (О понятии супплетивизма в его соотношении с гетеронимией. — ВЯ, № 2, 1968, стр. 24) (ряды типа *to wait* → *waiter* → *waitress*). Та же тенденция находит проявление и в испанском языке.

т. е. немаркированный, по отношению к жен. роду, и как равноправный, эквиполентный, по отношению к среднему роду.

Из этого краткого обозрения родовой теории А. Мейе видно, что ее основу составляет рассмотрение синтагматических последовательностей на длине слова (основа слова с отчетливым морфологическим показателем — слово — согласование двух слов). Роды как лексико-семантические парадигматические классы слов в этой теории опираются на синтагматический анализ на длине слова.

Дальнейшее развитие теорий рода проходило в двух направлениях: либо последовательно уменьшались анализируемые синтагматические последовательности — анализу подвергались основы и корни и соответственно этому дробились и подразделялись лексико-семантические классы, соответствующие трем родам у А. Мейе; либо, напротив, анализируемые синтагматические последовательности удлинялись — рассматривались синтагмы, состоящие из многих слов или целых предложений, и тогда лексико-семантические классы родов соответственно комбинировались друг с другом, укрупнялись и заменялись категориями «согласовательных классов». Одновременно первое направление характеризовалось интересом к глубинной реконструкции прошлых состояний языковой системы, а второе — интересом к неологизмам и новейшим, активным процессам в языковой системе. Остановимся подробнее на каждом из этих направлений.

Анализ на длине меньшей слова был отчетливо намечен на материале древнерусского языка уже Л. П. Якубинским (1941 г.). Описывая известное распределение славянских имен существительных на пять разрядов, классов или склонений, по терминологии Л. П. Якубинского, «деклонационных групп», каждая из которых характеризуется прежде всего конечным звуком основы (заметим характерное увеличение числа разрядов при таком анализе — пять деклонационных групп против трех родов), он отмечал: «Следует иметь в виду, что деление имен на деклонационные группы не имело никакого отношения к делению их по родам... На древнейшем этапе развития склонения деклонационные группы имен возникали и существовали как живое явление языка, отражая имевшееся в мировоззрении наших предков деление на семантические группы самих понятий, выражаемых этими именами. Принципы классификации понятий и их названий, легшие в основу образования индоевропейских деклонационных групп имен, нам сейчас совершенно неизвестны. Для нас ясно только, что в основе первоначального деления имен на деклонационные группы должен был лежать какой-то семантический принцип, какое-то содержание, формой выражения которого и были наши различные основы склонения. По мере того как преобразовывалась грамматическая система общеславянского языка и развивались разные типы грамматической абстракции, деклонационные группы слов или различные типы основ превращались

в грамматические разряды слов, объединенных общим типом склонения»¹⁶. Важно отметить, что уже в общеславянском языке отмечается тенденция к объединению двух членений имен: по типам склонения и по родам. Та же тенденция характеризует латинский и современный литовский язык¹⁷.

Углубленные этимологические исследования (О. Н. Трубачев, Э. Бенвенист и др.) показали, что на уровне реконструируемых корней в праиндоевропейском вскрываются особые лексико-семантические оппозиции родового типа (напомним, что в теории А. Мейе родовые различия в пределах старого «одушевленного рода» не прослеживались). Эти оппозиции можно отчасти сравнить с теми случаями в пределах категории рода современных языков, когда родовое различие в системе языка соответствует половому различию в объективной действительности и выражается различием корней: ср. русск. *петух* — *курица*, *гусь* — *утка*, и.-е. **ers-* ‘самец’ в противоположность к ‘самке’ и **wers-* ‘самец-производитель’ без оппозиции к какому-либо корню «жен. рода», ср. греч. *ἄρρεν*, *ἄρσην* (**ers-*) ‘мужской’ в оппозиции к *θηλες* ‘женский’; греч. *ἑρσαι* ‘молодняк животных’, лат. *uerres* ‘хряк-производитель’¹⁸.

Анализ на длине большей слова развивается особенно в последние годы. Собственно говоря, уже введение в парадигму имени «аналитических форм слова», типа сочетания существительного с артиклем, означало выход при анализе за пределы слова. Такие работы появились еще в 20-е годы (ср. известную книгу К. де Бура о романском существительном, 1926 г.)¹⁹. Синтаксическое согласование учитывалось и в теории родов как лексико-семантических классов А. Мейе, но играло там вспомогательную роль. В последнее время возникли концепции рода, в которых синтаксический фактор рассматривается как определяющий. Фактическим материалом этих концепций послужили некоторые новые активные процессы в современных индоевропейских языках типа русск. (о женщине) *наш врач сказал*, *наша врач сказала* вместо прежнего *наша докторша (врачиха) сказала*²⁰.

¹⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 164—165.

¹⁷ П. С. Кузнецов. Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке. М., 1958; Т. В. Вульгина. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме). «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 28—31.

¹⁸ E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. T. I. Economie, parenté, société. Paris, 1969, стр. 21—25; ср. О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

¹⁹ C. de Boer. Essai sur la syntaxe moderne de la préposition en français et en italien. Paris, 1926; из новейших работ в этом направлении см.: Т. А. Репина. Аналитизм романского имени (склонение существительных на западе и востоке Романии). Автореф. докт. дисс. Л., 1973 (см. то же кн. Л., 1974).

²⁰ Подробный обзор и данные лингвистической анкеты см.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского

Синтаксический способ выражения рода, характерный для подобных массовых неологизмов, стимулировал появление концепции родов как согласовательных классов. С точки зрения такой концепции число согласовательных классов, например в русском языке, больше, чем число родов, поскольку каждый род содержит «одушевленный» и «неодушевленный» согласовательные классы ²¹, которые выявляются при наблюдении более широкой дистрибуции, чем делается обычно для категории рода или одушевленности в отдельности. Это положение может быть проиллюстрировано, согласно А. А. Зализняку, схемой:

Таблица 1
Согласовательные классы

	1 (дом)	2 (слон)	3 (стена)	4 (коза)	5 (окно)	6 (чудовище)
И. ед.	белый	белый	белая	белая	белое	белое
В. мн.	белые	белых	белые	белых	белые	белых

Дистрибуция всех шести классов, как это видно из таблички, различна (каждый класс отличается от другого по крайней мере одной формой).

Изложенное выше положение представляется весьма важным и существенным. Но трудно было бы присоединиться к такому выводу, который делает из него автор: «Таким образом, противопоставление согласовательных классов существительных допустимо представлять в виде двух самостоятельных классифицирующих грамматических категорий: одушевленности — неодушевленности и рода. Из сказанного ясно, однако, что в отличие от выявления согласовательных классов, отражающих некоторое объективное членение русских существительных, признание самостоятельных категорий рода и одушевленности не вытекает с необходимостью из фактов, а является лишь одним из способов описания выявленных согласовательных классов» ²². Как было показано выше, при обзоре теории рода как лексико-грамматического класса, категории одушевленности и рода не менее объективны и не менее формально выражены, чем категории согласовательных классов, хотя и на другом уровне — уровне слова, а в некоторых случаях — уровне основы или даже корня слова.

литературного языка». Под ред. М. В. Панова. М., 1968, стр. 19—41; И. П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, стр. 205—245.

²¹ А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 66—67. — Ранее концепция родов как согласовательных классов была оформлена Ч. Хоккетом применительно к английскому языку (см. ниже, § 5).

²² А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 75.

Очевидная необходимость избежать столь категорических выводов, как только что цитированный, привела в самое последнее время к интересным опытам совмещения двух определений категории рода — определения через «согласовательный класс» и определения через «лексико-грамматический класс». Мы имеем в виду, прежде всего, работу О. Г. Ревзиной²³. Автор пишет, что формальная процедура для выделения родов «основана на двух особенностях грамматической категории рода: 1) категория рода есть в первую очередь синтаксическая категория, т. е. она выделяется на основе различных согласований имен существительных разных родов с зависящими от них словами, 2) категория рода есть лексико-грамматическая, или классифицирующая, категория, т. е. она относится не к словоформе, а к лексеме»²⁴. Автор подчеркивает, что таким образом понимаемые «формальные процедуры основаны на том понимании категории рода, которое было разработано ранее в лингвистической традиции».

На основе комбинированного подхода О. Г. Ревзиной удалось дать весьма полное определение категории рода, которое фактически совпадает с понятием рода как категории, выявляемой в процессе «укрупнения грамматики», т. е. как «общей категории», «метаграмматической категории», «криптотипа», «функционально-семантической категории». Ср.: «В данной классификации категория рода получает следующие характеристики: 1) категория рода есть с у п е р к а т е г о р и я, т. е. она соотносится более чем с одной частью речи. Действительно, категория рода проявляется в существительном (класс определяемых) и в прилагательном, глаголе, разных видах неличных местоимений и т. д. (класс определяющих). Между простыми категориями, входящими в суперкатеорию рода, имеется отношение интердепенденции. Это означает, что род в существительном выделяется постольку, поскольку он имеется в прилагательном, и наоборот; 2) суперкатегория рода служит для выражения подчинительной связи (в форме согласования) внутри атрибутивной и предикативной синтагм. При этом категория рода в существительном (главном члене подчинительной синтагмы) является управляющей, а в прилагательном (зависимом члене) — управляемой; 3) управляющая категория рода (в существительном) является преимущественно лексической. Это означает, что основным в ней является лексический компонент — передача таких признаков неязыковой действительности, как принадлежность к одному из полов, одушевленность — неодушевленность, личность — неличность. Управляемая категория (в прилагательном) есть преимущественно синтаксическая: основную роль в ней играет сигнализация о зависимом положении прилагательного в атрибутивной синтагме; 4) категория рода в существительном выделяется контекстно-морфологическим

²³ О. Г. Ревзина. Типологический анализ грамматической категории рода (на материале славянских языков). Автореф. канд. дисс. М., 1970.

²⁴ Там же, стр. 3.

способом. Это означает, что принадлежность имени к роду определяется через контекст, причем формальный показатель категории также находится в контексте (в прилагательном). Кроме того, категория рода в существительном имеет собственный (элементный) показатель, который, однако, является различающим, но не выделяющим, т. е. по показателям в существительном категорию рода выделить нельзя. Обобщением полученной характеристики выступает отнесение категории рода к классифицирующим категориям, т. е. таким, которые относятся не к словоформе, а к лексеме»²⁵.

Проведенный с точки зрения эвристического принципа «укрупнения грамматики» обзор теорий рода позволяет поставить вопрос о таком о б щ е м о п р е д е л е н и и к а т е г о р и и р о д а, которое отвечало бы всем основным теориям рода и их языковому материалу. Это определение, которое здесь мы даем лишь в общей и предварительной форме, может быть следующим: роды являются классифицирующей категорией языка, разбивающей именную часть словаря на классы путем последовательного сочетания 1) определенного вида корней с определенными формантами основ в рамках основы слова (имени существительного), 2) определенного вида основ с определенными аффиксами в рамках слова (имени существительного), 3) определенного вида слов (имен существительных) с определенными прилагательными в рамках именной синтагмы, 4) определенного вида именных синтагм с определенными служебными словами (типа артиклей, относительных местоимений и т. п.) в рамках предложения (простого и сложного); таким образом, роды суть с о ч е т а т е л ь н ы е к л а с с ы.

По линии категории рода укрупнение грамматики ограничивается длиной сложного предложения. Однако в последнее время выявлены и такие категории, которые могут быть полностью описаны лишь при условии обследования сочетания предложений; путем построения «грамматики абзаца» и «грамматики связного текста». Примером такой категории может служить «предложное прямое дополнение» в романских языках (в румынском и испанском). Как известно, многолетние попытки непротиворечивого описания и объяснения этой категории с позиций либо морфологического анализа, либо лексико-семантического анализа, либо синтаксического анализа предложения, не привели к успеху. При любом таком подходе может быть обоснована и подтверждена языковыми примерами как необходимость введения, так и необходимость опущения предлога перед прямым дополнением в различных конкретных случаях. Более или менее удовлетворительным оказался лишь опыт описания с позиций «грамматики абзаца» (Satzgefüge) и «глубинных структур». Было показано, что наличие предлога перед прямым дополнением, действительно, обусловлено такими семантическими категориями, как «одушевленность лица»

²⁵ О. Г. Ревзина. Указ. соч., стр. 27—28.

(Menschliches) в отличие от «одушевленности животного», а также персонификацией, но что эти категории реализуются лишь в целой последовательности предложений²⁶.

Проведенный обзор показывает, что подлинной основой эвристического принципа «укрупнения грамматики» является семиотический принцип иерархии — большей глубине парадигматики соответствует большая длина синтагматики. Это положение в «логически очищенном» виде рассматривается далее (ч. II, гл. I, § 5, ч. III, гл. II, § 3).

§ 2. Укрупнение лексикологии

Исследования в области лексики и семантики в последние годы были более разнообразны, чем в сфере грамматики. Из большого количества зачастую совершенно разнородных работ (что не всегда является свидетельством богатства идей) мы выделим прежде всего более компактную группу — те, в которых более или менее четко проявляется эвристический принцип, уже отмеченный при грамматических исследованиях — «принцип укрупнения». В сфере исследований лексики и семантики он реализуется таким образом, что по мере того как изучается более широкая синтагматическая сочетаемость слов, выявляются более глубокие парадигматические группировки в лексике.

Таким образом, начало этого плодотворного эвристического подхода следует видеть прежде всего в тех работах последних лет, где четко проводится различие — и одновременно устанавливаются связи — между двумя рядами отношений в лексико-семантической системе языка — парадигматическими и синтагматическими отношениями. В этой связи следует назвать книги и докторскую диссертацию Д. Н. Шмелева (последняя будет упомянута ниже еще в иной связи)²⁷. Развернутую трактовку этот принцип получил в книгах и докторской диссертации А. А. Уфимцевой; ср.: «Определить структуру слова означает для нас, во-первых, выявить порядок внутреннего сцепления и соподчинения неоднородных смысловых элементов в слове, во-вторых, установить, какими суперсегментными средствами осуществляется внутрисловное смысловое разграничение, определить системный семантический контекст, круг сочетающихся слов, проводящих границу лексико-семантических вариантов (слова. — Ю. С.)»²⁸.

²⁶ H. Isenberg. Das direkte Objekt im Spanischen. «Studia grammatica». Akademie Verlag. Berlin, 1968.

²⁷ Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, особ. стр. 128—184 («Парадигматические отношения в семантике») и 185—211 («Синтагматические отношения в семантике»); Он же. Проблемы семантического анализа лексики. Автореф. докт. дисс. М., 1969; Он же. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

²⁸ А. А. Уфимцева. Проблемы системной организации лексики. Автореф. докт. дисс. М., 1970, стр. 21.

Практическое применение и одновременно углубленное теоретическое исследование этот принцип получает в текущей словарной работе, проводимой в нашей стране. В этой связи следует упомянуть прежде всего две словарные группы, работающие равно над словарями сочетаемости, однако на различных теоретических положениях. Одна группа, связанная с Институтом русского языка им. А. С. Пушкина, ставит своей целью создание «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка»²⁹. Как указывают авторы, «общий принцип отбора и оценки слов — принцип учебно-методической целесообразности. Его сущность раскрывается на основе следующих критериев: 1) частотности слова, 2) тематической и ситуативной ценности слова, 3) широты и характера лексико-синтаксических связей слова с другими словами. Эти критерии в большинстве случаев согласуются между собой, нередко существенно дополняя друг друга и внося коррективы в общий принцип отбора и оценки слов»³⁰. Таким образом, под тривиальным названием «учебно-методический» скрывается в данном случае далеко не тривиальный теоретический принцип: словарь должен быть легко доступен для практического использования, — прагматический принцип доступности.

Другая группа связана с Институтом русского языка и Институтом языкознания АН СССР³¹. Создаваемый ею словарь сочетаемости по общему назначению сходен с вышеуказанным, но отличается двумя существенными чертами. Во-первых, отсутствует прагматический принцип: разработка значений и способы подачи значений могут иметь любую степень сложности. Нередко они крайне сложны и трудны для восприятия читателя, критерий доступности не считается существенным. Во-вторых, углубленно разрабатываются логические основы анализа семантики, главным образом на основе «глубинного синтаксиса» (см. также следующий § 3).

Уже сам тип названных словарей — «словари сочетаемости» предопределяет то, что лексико-семантическое исследование дополняется изучением словосочетаний. В этом расширении лексикологии, в появлении лексикологии словосочетаний, вообще следует видеть самую характерную особенность

²⁹ См.: П. Н. Денисов, В. В. Морковкин, Л. А. Новиков. Проспект учебного словаря сочетаемости слов русского языка. Изд. МГУ. М., 1971; Л. А. Новиков. Учебный словарь сочетаемости слов, его лингвистические основы и структура. «Вопросы учебной лексикографии». Изд. МГУ. М., 1969, стр. 39—52.

³⁰ П. Н. Денисов и др. Указ. соч., стр. 4.

³¹ См. пробные выпуски словаря: «Предварительные публикации группы по экспериментальной и прикладной лингвистике при Институте рус. языка АН СССР», вып. 28. М., 1972, и далее (издание продолжающееся, ротационно); о теоретической основе словаря см.: Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, М. А. Мельчук. Об одном способе изучения сочетаемости слов. «Русск. яз. в нац. школе», 1969, № 6; Они же. О системе семантического синтеза. Образцы словарных статей. «Научно-техническая информация», 1968, № 11.

изучения лексики в последние годы. Лексикология словосочетаний, получившая в советской лингвистике название фразеологии, отличалась особенно бурным развитием. Оно ознаменовалось появлением трех крупных фразеологических словарей — английского, французского и русского языков³² и большим количеством специальных конференций и исследований³³. Проследивая в главных линиях это новейшее развитие фразеологии, нельзя не прийти к выводу, что оно по существу подчиняется тому же общему эвристическому принципу. Если в работах конца 50-х — начала 60-х годов словосочетание и фразеологизм еще так или иначе трактовались по соотношению с отдельным словом (как имеющие «опорное слово» или не имеющие его; как «эквивалентные слову» или не эквивалентные ему), то в последние годы они квалифицируются уже иначе — как специфические единицы лексической системы языка, не сравнимые непосредственно со словом, но включающиеся в систему лексики на тех же основаниях, что и слово — на основе отношений синонимии, антонимии, омонимии и вариативности [ср. последовательное уточнение этих категорий по данным предисловий к соответствующим словарям А. В. Кунина (1955), В. Г. Гака и Я. И. Рецкера (1963), А. И. Молоткова (1967), а также специальные работы А. В. Кунина, М. И. Черемисиной, В. П. Жукова, Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензона и других].

В новейших лексико-семантических исследованиях прослеживается и иной эвристический принцип, не связанный с «укрупнением лексики». Он заключается в ориентации на углубленный логико-семантический анализ, в стремлении выявить и логически охарактеризовать семантические отношения между словами, между группами слов. В этой связи упомянем еще раз докторскую диссертацию Д. Н. Шмелева, где дается тонкий логический анализ в соотношении слов конкретной лексики, например таких различий, как *холм* и *гора*, с одной стороны, когда одно может быть истолковано через другое (*холм* — это маленькая *гора*) и *сосна* и *береза*, с другой, когда одно не может быть истолковано через другое и требует обращения к более общему, третьему члену *дерево*. Разнообразные логические отношения между частными

³² А. В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955; В. Г. Гак, И. А. Кунина, И. П. Лалаев и др. Французско-русский фразеологический словарь. Под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963; Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

³³ Конференции: «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц». Тула, 1968; «Вопросы фразеологии», III. «Труды Самаркандского гос. ун-та». Новая серия, № 178. Самарканд, 1970; «Вопросы семантики фразеологических единиц». Новгород, 1972; обзоры исследований см.: В. П. Жуков. Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет — ВЯ, 1967, № 5; А. В. Кунин. Изучение фразеологии в советском языкознании, «Иностр. языки в школе», 1967, № 5; В. Н. Телия. Фразеология. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968; М. М. Копыленко. Фразеология. В кн.: «Обзор работ по рус. литерат. языку за 1966—1969 гг. Лексика». М., 1972 (ротапринт).

и общими терминами получили освещение, в том числе под названиями гипонимии, инклюзивности, импликации и проч., в работах А. А. Уфимцевой, М. В. Никитина, В. В. Макарова и других³⁴. Специальная работа посвящена логическому анализу антонимии³⁵. Эти исследовательские идеи подводят нас к теме отношений лингвистики и логики (см. ниже § 4).

§ 3. Центральная роль синтаксиса

Когда говорят, что в современной лингвистике синтаксис выдвигается на первое место, то при этом имеют в виду под термином «синтаксис» не совсем то, что обозначалось этим словом в традиционной лингвистике в таких, например, утверждениях, как «язык состоит из фонетики, лексики и грамматики, грамматика разделяется на морфологию и синтаксис». На первое место выдвигается не тот «синтаксис», который противопоставляется фонетике, лексике и морфологии, а синтаксис в его новом понимании. Понимание «синтаксиса», таким образом, разделилось на два — прежнее и новое. Суть этого разделения до некоторой степени аналогична тому, что произошло с термином «предложение». В последнее время центр внимания в мировой лингвистике переместился с языка как системы форм к «языку в действии», «языку в ситуации общения» (*langue en emploi; langue en exercice; langue en situation*). Выделение нового аспекта привело к уточнению терминологии, многие термины потребовали двух вариантов — одного для традиционно изучаемого аспекта языка, или системы форм, другого — для аспекта языка в действии. Термин «предложение», уже в 30-е годы разделившийся на два термина: 1) «предложение», англ. *sentence*, франц. *proposition* и 2) «высказывание», англ. *utterance*, франц. *phrase, énoncé* — испытал дальнейшее расщепление: вместо нерасчлененного «высказывания», франц. *énoncé*, теперь имеется *énoncé* в значении «высказывание как результат речевого акта, текст высказывания», и *énoncement* или *énonciation* в значении «акт высказывания, высказывание как речевое действие»³⁶. Именно в этом новом аспекте «синтаксиса высказывания» или еще точнее «синтаксиса акта высказывания» синтаксис и выдвинулся на центральное место.

³⁴ См.: А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, особ. стр. 93 и сл., 170 и сл.; М. В. Никитин. О содержательных связях значений в семантической структуре слов. Уч. зап. Владимирского Гос. Пед. Ин-та им. П. И. Лебедева-Полянского. Серия «Иностр. языки». Владимир, 1971, стр. 31—54; В. В. Макаров. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972 (ротапринт), особ. стр. 270 и сл.

³⁵ Л. А. Новиков. Антонимия в русском языке. Логический анализ противоположности в лексике. Изд. МГУ. М., 1973.

³⁶ Обзор проблемы с библиографией см.: Т. Todorov (éd.). *L'énonciation*. «Langages», 17, mars 1970; ср.: P. F. Strawson. *Intention and Convention in Speech-Acts*. «The Philosophical Review», 1964.

Исподволь к той же идее подходили лингвисты, казалось бы, совсем с другой стороны — от проблем диалога и монолога. В этой связи следует отметить такие работы последних лет, как исследование Р. Р. Гельгардта и статья А. К. Соловьевой³⁷.

К тому же результату — выдвижению на первый план синтаксиса высказывания вели и другие лингвистические исследования последних лет, исходящие из других отправных пунктов. Наиболее мощный стимул в этом направлении исходил из работ по формализации семантики. В тезисной форме основная идея этого подхода может быть выражена так: «Семантика должна иметь свой синтаксис, порождаемый до и независимо от синтаксиса членов предложения»³⁸. В рамках этого подхода осуществляются и те работы по описанию семантики и составлению словаря Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского, И. А. Мельчука и других, которые были отмечены выше (§ 2).

На определенном этапе развития идея «синтаксиса в семантике» и идея «синтаксиса акта высказывания» пришли в закономерное соприкосновение, так как одно оказалось невозможным описывать в отрыве от другого. Это слияние идей приобрело конкретную форму в виде концепции «глубинных структур». — «Идея глубинных структур, завоевавшая в последнее десятилетие известную популярность среди лингвистов, возникла из стремления найти оптимальный способ описания ситуации неоднозначности в отношениях между формой и содержанием в синтаксисе, выражающейся в возможности одинакового прочтения разных предложений и существовании вполне совпадающих высказываний, допускающих разную семантическую интерпретацию»³⁹.

Более далеким прообразом «глубинных структур» — но вместе с тем их действительным основанием в истории лингвистики последних десятилетий — послужили идеи синтаксической типологии языков. В советской лингвистике они были развиты в работах И. И. Мещанинова и ряда других лингвистов по типологии предложений. «Общим для всех языков субстратом (лингвистическою субстанцією) выступают элементы не морфологии и лексики, а синтаксиса. Его ведущие грамматические категории участвуют в членении каждого предложения. Подлежащее, сказуемое, дополнение и определение являются общеязыковыми категориями. Их

³⁷ А. К. Соловьева. О некоторых общих вопросах диалога. — ВЯ, 1965, № 6; Р. Р. Гельгардт. Рассуждение о диалогах и монологах (к общей теории высказывания). «Сборник докладов и сообщений лингвистического общества». II. Вып. 1. Калинин, 1971, стр. 28—153.

³⁸ Ю. С. Мартенянов. Глубинные структуры в описании языковой семантики. «Тезисы научной конференции „Глубинные и поверхностные структуры в языке“». 20—21 дек. 1972 г.». Изд. МГПИИЯ им. М. Тореза, Инст. языкознания АН СССР. М., 1972 (ротапринт), стр. 32.

³⁹ Н. Д. Арутюнова. Глубинные структуры и неоднозначность предложения. «Тезисы научной конференции „Глубинные и поверхностные структуры в языке“...», стр. 3; *Она же*. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. — ВЯ, 1973, № 1, стр. 117—124.

наличие обусловлено той функцией, которую они выполняют в строении предложения, их назначением служит передача отношений между его членами. Предикативные, объективные и атрибутивные отношения прослеживаются во всех языках»⁴⁰. И. И. Мещанинов развивал при этом идеи, намеченные им еще в работах 1940-х годов. Позднее тождественные идеи применительно к категории «падеж» выдвинули А. Мартине и Ч. Филлмор. Последний понимает под «падежом» место в глубинной семантической (она же глубинная синтаксическая) структуре высказывания, называемой «sentence-type». На поверхностном уровне глубинные падежи могут реализоваться по-разному: в форме падежа, предлога, беспредложного дополнения, обстоятельства и т. д. А. Мартине указал на сходство «глубинного падежа» Филлмора с «синтаксической функцией» в своем понимании⁴¹.

Аналогичные идеи развиваются в ряде работ советских авторов — В. Г. Гака, С. Д. Кацнельсона, Г. А. Климова, Н. Д. Арутюновой, А. С. Мельничука и др.⁴² (подробнее о центральной роли синтаксиса в связи с «глубинными структурами» см. ниже, ч. II, гл. I, § 10).

§ 4. Сближение с современной логикой

Выражение «современная логика», поставленное в заголовке этого параграфа, не тавтология: под «современной логикой» понимаются новые разделы формальной логики, интенсивно развивающиеся в последние десятилетия или даже годы. Сближение лингвистики с логикой происходит не по всем пунктам вообще, а именно в ряде новых областей исследования. Во многих случаях это сближение взаимно: логики в такой же мере начинают интересоваться проблемами языка. В то время как философы и логики,

⁴⁰ И. И. Мещанинов. Структура предложения. М. — Л., 1963, стр. 7.

⁴¹ Ch. J. Fillmore. The Case for Case. «Universals in Linguistic Theory». Ed. by E. Bach and R. T. Harms. N. Y., 1968, стр. 21; A. Martinet. Cas ou fonctions? A propos de l'article «The Case for Case» de Ch. J. Fillmore. «La linguistique», 8 (1), 1972, стр. 5—24.

⁴² См.: В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским). Автореф. докт. дисс. М., 1968; Он же. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. «Семантическая структура слова». М., 1971, стр. 78—96; С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. М. — Л., 1971; Г. А. Климов. К характеристике языков активного строя. — ВЯ, 1972, № 4; Н. Д. Арутюнова. Коммуникативная функция и значение слова. «НДВШ. Филологические науки», 1973, № 3; А. С. Мельничук. Про семантичну структуру речення. «Проблеми изучения семантики языка (тезисы докладов)». Изд. Днепропетровского Гос. ун-та, 1968, стр. 9—11; Т. Н. Наумова. Соотношение семантики слова и целого высказывания. Автореф. канд. дисс. М., 1972. Критические обзоры см.: М. М. Гухман. Типологические исследования. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, стр. 77; Она же. Лингвистические универсалии и типологические исследования. — ВЯ, 1973, № 4, стр. 10 и сл.

в особенности Оксфордской школы — А. Айер, Дж. Остин, а также У. Куайн и другие, уже в конце 40-х годов искали опоры в естественном языке, рассматриваемом в момент его функционирования в естественной ситуации общения, лингвисты со своей стороны все чаще использовали для описания именно этих языковых явлений такие понятия современной логики, как референция, импликация, функция (аргумент, зависимая переменная и функтор), предикат (одноместный и многоместный) и многие другие⁴³. Не случайно сама формулировка относящихся сюда проблем дается теперь в таких терминах, которые нельзя уже называть ни исключительно логическими, ни исключительно лингвистическими. Начиная с последней трети XIX в. вплоть до указанного периода связи лингвистики с логикой все более ослабевали именно в силу того, что суть этих связей полагалась только в сходстве содержания логических форм мышления и форм языка. Естественно, что по мере того как психо-, социо- и др. лингвистики вскрывали именно несходство в содержании этих форм, лингвистика продолжала удаляться от логики. Но подспудно, совсем с другой стороны, лингвистика и логика уже с 30-х годов нашего века снова стали сближаться. Первоначальной основой новых связей послужило понимание языка «как формы». При всей ограниченности такого подхода именно он снова после перерыва привел лингвистику в соприкосновение с логикой вследствие того, что теперь уже обе науки понимались как «науки о форме» и обнаруживали благодаря этому большие сходства в методе.

Благодаря этому по-новому встала проблема взаимоотношения лингвистики и логики как наук. Центральное место занимает здесь вопрос о формах языка и формах мышления, а вопрос о содержании ставится в зависимость от решения вопроса о формах и вопроса о методах описания форм. В рамках этой проблемы выявился целый ряд общих для логики и языкознания категорий: оппозиция (см. ч. II, гл. I, § 7); дихотомия и бинарность; понятие классификации; исчисление системы; импликация, конъюнкция и другие операции; категории осуществимости и бесконечности, например, в связи с вопросом об осуществимости цепочки порождений в генеративной грамматике (см. ниже ч. II, гл. I, § 8) и т. д.

С другой стороны, в последние годы по-новому встала проблема соотношения содержания языковых форм и логических форм, или проблема языковой и логической семантики. В этой более четкой формулировке предстает на современном этапе более старая и более широкая, а отчасти и более расплывчатая, тема «язык и логика, язык и мышление»⁴⁴. В рамках этой проблемы рассматрива-

⁴³ Ограничимся здесь только одним примером, указав на очерк Э. Бенвениста «Аналитическая философия и язык», см. в кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Перев. с франц. М., 1974.

⁴⁴ Ср. итоговые работы: Г. В. Колманский. Логика и структура языка. М., 1965; В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971; А. А. Уфимцева. Типы словесные знаков. М., 1974.

ются такие общие для современной лингвистики и современной логики категории, как функция; функции высказывания (номинативная, ассертивная, перформативная); «семантические функции»; строение высказывания и предложения; денотация и референция; типы языковых знаков по их отношению к денотации и референции (знаки характеризующие, дейксис, анафора и проч.); модальность; отрицание и т. д. Эти категории изучаются на основе сходства приемов и методов лингвистики как науки о языке с приемами и методами логики как науки о законах и формах мышления, иными словами — в зависимости от решения названной выше первой проблемы.

Все современные контакты логики и лингвистики сделали совершенно очевидным, что совпадение теоретических понятий обеих наук — положительный фактор, что когда какое-либо понятие лингвистики, одноименное с логическим или параллельное ему, все же отличается от него, целесообразно уточнить его и максимально приблизить к логическому (если, конечно, специфика языка не препятствует этому). В настоящем очерке будут подробнее рассмотрены три таких понятия — функция, пропозициональная связка, синтаксическое отрицание.

Логико-математическому понятию *функции* дается много определений с различных точек зрения⁴⁵. Наиболее отвечающим решению тех проблем, которые подробнее рассматриваются ниже, будет определение по Х. Карри, в котором понятие функции вводится на основе понятия *функтора*. Х. Карри выделяет следующие основные виды *функторов*: «операторы», преобразующие имена в имена, «глаголы» или «предикаторы», преобразующие имена в предложения, «коннекторы», преобразующие предложения в предложения, и «субнекторы», преобразующие предложения в имена⁴⁶. Логические термины «глагол», «предложение», «имя» не тождественны лингвистическим, но функтор может получить тождественное для логики и лингвистики определение. Мы определим функтор как языковое средство транспозиции одного множества языковых единиц в другое множество единиц того же языка. Функция есть свойство, или значение, функтора. Это определение является адекватным как для логики, так и для лингвистики.

Прежде чем перейти к разъяснению входящих в определение понятий, приведем простой пример функции. Если принять за исходное множество единиц русские глаголы типа *сообщать*, *выражать*, *исполнять* и т. п., а за производное множество единиц *сообщение*, *выражение*, *исполнение* и то, что (как) *сообщается*, *исполняется*, то отношение от первого множества ко второму будет функцией, а языковые формы *-ение*; *то, что (как)* — *-(ает)-ся* будут языковыми средствами этой функции, функторами.

⁴⁵ См.: Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 580—581.

⁴⁶ Х. Б. Карри. Основания математической логики. М., 1969, стр. 63.

В определение входят термины «языковая единица», «транспозиция», «функтор как языковое средство транспозиции». Остановимся на них подробнее. Под единицами в этом определении всегда следует понимать только то, что терминологически определено как единицы языка, т. е. фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения. Под множеством единиц, которое данная функция транспонирует в другое множество, следует понимать совокупность одноименных единиц из приведенного перечня.

Под транспозицией следует понимать такое языковое явление, когда языковая единица, или языковой знак, не меняя своего основного «вещественного» значения, изменяет грамматическое значение. Соответственно тому, проявляется ли транспозиция а) лишь в изменении синтаксического окружения и сочетаемости или б) в изменении линейного означающего знака, она разделяется на два вида — имплицитная транспозиция, или гипостаз, и эксплицитная, или функциональная транспозиция. Примером гипостаза могут служить такие выражения, как *Ваши нет мне надоели*, где слово *нет* транспонировано в существительное. Развернутую систему гипостаза междометий описал С. Карцевский, показав, что русские междометия могут транспонироваться не просто в глагол, но в глагол переходный или непереходный; например, *В воду бух!*; *Он сватил камень, да бух его в реку!*⁴⁷. Примером эксплицитной транспозиции могут служить приведенные выше примеры: *сообщения*; *то, что сообщается* при *сообщать* и др.

Изложенное понимание транспозиции, как и самые термины, полностью соответствуют концепции этого явления у Ш. Балли⁴⁸. Намеченные у Балли основные категории отвечают наиболее ярко выраженным, полярным случаям. Во многих других, промежуточных случаях имеет место лишь некоторый сдвиг в сторону гипостаза, когда перестраивается парадигма знака, что сопровождается некоторым изменением линейного означающего. Примером этого может служить конверсия в английском языке (см. также ниже). В учении Ш. Балли транспозиция была четко ограничена областью продуктивных явлений языка — не обязательно «чисто синхронными» отношениями, но непременно живыми и продуктивными связями языковых единиц. Однако это ограничение у Ш. Балли было слишком жестким: по его мнению, всякое изменение «вещественного» значения полностью исключается из понятия транспозиции. С этой точки зрения, например, чисто относительные прилагательные могут рассматриваться как транспозиция существительного, ср. русск. *сестрин* = *сестры́*, *отцов* = *отца*, *мужнин* = *мужа*, но прилагательные типа *отцовский* уже не могут, так как в отношении *отцовский* — *отец* имеется сдвиг «вещественного» значения, ср. *отцовские чувства* «чувства любви или привязанности, как у отца к детям».

⁴⁷ S. Karcevski. Introduction à l'étude de l'interjection. — CFS, 1, 1941.

⁴⁸ См.: Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. 1955, стр. 130—143, 181—182.

Этот пункт в концепции Ш. Балли нуждается в уточнении и уточняется через понятие «множества», входящее в определение функции. Из понятия транспозиции, а следовательно, и функции, исключаются лишь те языковые явления, которые не прослеживаются регулярно на множестве аналогичных случаев и поэтому не допускают обобщения. Но те отношения, которые «сопровождаются регулярным и предсказуемым изменением «вещественного» значения, подводятся под понятие транспозиции и функции. С этой точки зрения отношения типа *лет-чик, размет-чик, писатель, чита-тель* и т. п. к соответствующим глаголам являются отношениями функции, так как они представляют собой, во-первых, изменение грамматического значения (*летать* — *тот, кто летает* и т. п.), а, во-вторых, регулярное изменение «вещественного» значения («профессия или социальная группа»).

Множество единиц, которое подвергается транспозиции, составляет область определения данной функции. Естественно, что во многих случаях потребуется описать также и то множество единиц, которое получается в результате действия данной функции, поскольку в естественном языке, в отличие от логического, значение функтора и значения конечных продуктов его применения в большинстве случаев, как видно уже из приведенных примеров, несколько отличаются друг от друга. Однако это описание, вообще говоря, не требуется для понимания самой функции, которая достаточно определяется функтором и областью определения. Напротив, в некоторых случаях, особенно когда не требуется детализации, можно описать функцию, указав исходное множество единиц и конечное множество единиц и избежав таким образом списания функтора.

Понятие функтора является дальнейшим развитием уже изложенной концепции транспозиции, оно обобщает целый ряд лингвистических понятий, занимающих существенное место в работах последних лет. Очевидно, что функтор может быть отдельной языковой единицей, сочетанием отдельных единиц в синтагму и, как будет показано ниже, структурной схемой предложения, а также операцией преобразования. Рассмотрим подробнее каждый из четырех случаев.

1. Функтор-языковая единица может быть морфемой, словом, словосочетанием, а также фонемой. Функторы-морфемы достаточно иллюстрируются вышеприведенными примерами. Функторами-словами будут, например, глаголы, выполняющие функции перевода полнозначного глагола одной категории в другую. Таковы, например, франц. *laisser* и *faire*; ср. *tomber* 'упасть', *laisser tomber* 'упоить', *faire tomber* 'опрокинуть'; *croire* 'верить', *faire (ac)croire* 'заставить поверить; внушить мысль'. В этом примере категория, в которую переводятся простые глаголы, — каузатив. Функторами-словосочетаниями являются, например, союзные слова: *вследствие того, что; в силу того обстоятельства, что; прежде чем* и т. п.

Поскольку функтор есть языковая единица, служащая транспо-

зиции одной языковой единицы в другую, сам функтор никогда не может быть единицей того же типа (яруса, уровня, устройства, — вообще, того же наименования), что и единица, или единицы, служащие его исходным и конечным продуктом. Единицы из области определения функции, служащие исходным продуктом, должны, по самой сути функции, входить в функтор. В линейном отношении, следовательно, функтор должен быть длиннее исходных единиц: более короткие входят в более длинные. Но каким образом слово может «войти» в суффикс, если функтором является суффикс? Как, например, слово *летать*, относящееся к области определения суффикса-функтора *-чик*, может «войти в суффикс»? Чтобы не впасть здесь в противоречие, необходимо теоретически записывать суффикс как «—чик» и понимать его, следовательно, как абстрактную единицу с незаполненным местом, требующую всегда того или иного наполнения и преобразующую то, что попадает в это место. Так же и в случае «laisser —» и во всех подобных.

Функтор-фонема может быть на материале языков с палатализацией иллюстрирован фонемой *j*, которая в современных описаниях с позиций «порождения» или «глубинных структур» закономерно рассматривается как функтор, в определенных условиях преобразующий предшествующую фонему (например, русск. *сид* + *j* + *y* = *сиджу*), а в определенных других условиях — последующую (например, литов. ед. число прошедшего времени глагола *sakyti* 'говорить, сказать'; 1-е лицо *sak* + *j* + *a* + *u* → *sakiau* 'я сказал', 2-е лицо *sak* + *j* + *a* + *i* → *sakei*, 3-е лицо *sak* + *j* + *a* + *a* → *sakè*) (подробнее см. ниже ч. II, гл. II, § 7).

2. Функтор-синтагма является минимальной моделью синтаксического построения, в котором релевантными элементами служат порядок слов и/или формальные показатели связи. Ср. русск. *острый нож*, но *нож острый*, где релевантно только расположение элементов. В еще более яркой форме проявляется это в английском, ср. *stone wall*, но *wall stone*, *grammar school*, но *school grammar*. Простейшим видом формальной связи служит согласование, под которое мы подводим не только согласование существительного с прилагательным, но и глагола с дополнением. В самом деле, в таких случаях, как русск. *въехать в город*, *подойти под образец*, *под-лезть под стол*, *с-прыгнуть с крыльца* и т. п., один формальный показатель распространяется на всю группу «глагол + имя», подобно тому, как это имеет место в группе «прилагательное + существительное». Предложное управление в русском языке во многих случаях может быть сведено к согласованию с одним опущенным показателем, ср. *ехать в город* ← *въехать в город*; *играть на рояле* ← *на-играть на рояле*⁴⁹. Функтор, соответствующий структурной схеме предложения, рассматривается дальше особо (см. ч. III, гл. II, § 2).

⁴⁹ Подробнее см.: Ю. С. Степанов. Проблема классификации падежей. — ВЯ, 1968, 6, стр. 44—46.

3. Функтор-операция должен быть выделен в особый вид. Вообще говоря, всякий функтор представляет собой операцию, не исключая и функтора-фонемы. Но до тех пор, пока эта операция может быть обозначена отдельной единицей, мы говорим о функторах как сегментных (1-й тип), и суперсегментных (2-й тип) единицах. Лишь в том случае, если операция требует для своего языкового выражения более чем одной единицы, и эти единицы действуют не симультанно, а последовательно одна за другой, мы выделяем ее функтор в особый, 3-й тип.

Примером функтора-операции могут служить в общем случае все синтаксические трансформации при условии, что они применимы к некоторому множеству синтаксических явлений, а не к отдельным явлениям. Согласно общепринятой точке зрения, конструкции с род. падежом при имени представляют собой результат ряда преобразований глагола с им. падежом субъекта или вин. падежом объекта, ср. *приглашение отца* ← *отец пригласил* или *отца пригласили*. Под понятие функтора-операции могут быть подведены также некоторые виды конверсии⁵⁰.

В применении к фонологическому материалу понятие функтора-операции позволяет обобщить многие разновидности порождающих процедур. Под него подходят понятия «модификатора» (соантов и нейтрального гласного) в порождающей фонологии В. В. Мартынова⁵¹; понятие глайдов и «главного класса признаков» в системе Н. Хомского — М. Халле⁵²; понятие «расщепления периферийных локальных типов» в системе В. А. Виноградова⁵³; понятие нейтрализации в опыте В. М. Бельдяна⁵⁴, развившего некоторые идеи П. С. Кузнецова. Под это понятие подходят также практические рекомендации отдельных фонетистов располагать иностранный фонемный материал для обучения в таком порядке, чтобы можно было вводить каждую новую фонему путем минимального изменения признаков ранее введенной фонемы⁵⁵.

От понятия функции как значения функтора необходимо отличать понятие языкового обоснования самого функтора. Этот тип отношений подробно исследован в ряде работ Е. Куриловича и Э. Бенвениста и получил (у Е. Куриловича) название *rapports de fondement* «отношения основания (или: обоснования)». То, что обосновывает функтор, не обязательно исторически ему предшест-

⁵⁰ См.: Ю. С. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 77—82, 97—100.

⁵¹ В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, стр. 13 и сл.

⁵² N. Chomsky, M. Halle. The sound pattern of English. N. Y., 1968, стр. 295—303.

⁵³ В. А. Виноградов. Консонантизм и вокализм русского языка. М., 1971, стр. 29—30.

⁵⁴ В. М. Бельдяна. Звуковая система современного русского языка и вопросы нейтрализации фонем. Автореф. канд. дисс. М., 1968

⁵⁵ В. А. Виноградов. Указ. соч., стр. 9—10; А. Н. Рапанович. Фонетика французского языка. М., 1969, стр. 113—115.

вует. Форма, возникшая позже, может стать синхронным обоснованием функтора. Так, в индоевропейских языках относительное предложение возникает позже, чем именное сложение, но в синхронном плане становится обоснованием последнего. Развивая понятие функции, Э. Бенвенист предлагает, в частности, рассматривать индоевропейское именное сложение типа бахуврихи русск. *черноглазый*, франц. *bateau-mouche* «речной трамвай» (буквально: «пароход-мушка») не как морфологическую, а как синтаксическую структуру («именное сложение — это микросинтаксис») и «синтаксическую функцию». Э. Бенвенист показал, что «синтаксические функции» являются универсальными категориями разных языков⁵⁶. Переводя терминологию Э. Бенвениста в ту, которой мы придерживаемся, можно, как кажется, внести некоторые уточнения и показать, что возможны две трактовки. При одной из них, как и поступает Э. Бенвенист, можно определить функцию сложного имени так: транспонировать актуальное отношение предикации, выраженное базовым предложением, в виртуальное. У каждого типа сложного имени оказывается свое «базовое предложение» (например, у типа франц. *le bateau-mouche* им будет *Le bateau qui est une mouche* «Пароход, который есть мушка»)⁵⁷.

При второй трактовке «базовое предложение» определяет строение функтора сложных имен, но не имеет вхождения в сложное имя; таким образом, между базовым предложением и сложным именем — отношения синтаксического обоснования функтора. Тогда областью определения сложного имени являются простые имена; функция сложного имени заключается в совмещении двух раздельных наименований в одном или, что то же самое, в совмещении двух естественных языковых классификаций в одной и, по крайней мере для некоторых типов имен, — в одновременной адъективации наименования, в транспозиции его из существительного в прилагательное, ср. *черноглазый*; (Аполлон) *сребролукий* и их греческие аналоги. Две классификации, например, в случае *черноглазый* таковы: 1) черный, но не весь черный, а только 2) в отношении глаз⁵⁸. Функтором сложного имени является синтаксичес-

⁵⁶ См. об этом ряд статей в кн.: *E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale*. Paris, 1966; а также см.: *E. Benveniste. Fondements syntaxiques de la composition nominale*. — BSL, 62, 1967; Понятие синтаксической функции Бенвениста было применено к описанию русского материала Ж. Веренком, см.: *J. Veyrenc. Structure syntaxique des composés en russe*. — Там же; *Он же. Expansion syntaxique et classement des préverbes*. «Slavica», VIII, 1968; см. также: Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М., 1974.

⁵⁷ Заметим, что Э. Бенвенист, идя от своего материала, нащупал здесь тонкие логико-лингвистические различия в функциях глагола «быть» (индоевропейских языков), которые с иной стороны получили более полную классификацию в работе К. Берки (*К. Берка. Функции глагола «быть» с точки зрения современной формальной логики*. «Логико-грамматические очерки». М., 1961, стр. 170 и сл.), где *быть*, как *подобно*, соответствуют 3-му значению.

⁵⁸ См.: Ю. С. Степанов. О паритивном определении в латинском, испанском и французском языках. — «Филологические науки», № 2, 1959.

кое примыкание двух терминов, «первичная именная синтагма».

Еще сравнительно недавно отмечалось: «... за последние десятилетия термины «структура» и «функция» стали наиболее двусмысленными и трафаретными словечками в науке о языке. Особенно часто смешиваются омонимичные термины функция как «роль, задача» (в аспекте целевой модели) и функция как «соответствие между двумя переменными»; в «Философском словаре» Лалаанда справедливо подчеркивается, что «здесь скрывается источник путаницы, которая делает многие страницы, написанные в наше время, непонятными»⁵⁹. В том понимании функции, которое мы, вслед за Э. Бенвенистом и другими исследователями, развивали здесь, этот разрыв преодолевается, и оба значения получают ясную связь: функция есть транспозиция и в этом смысле — соответствие между двумя переменными; но эта транспозиция, всегда создавая единицу языка, актуальную для данной ситуации, выполняет тем самым определенную задачу говорящего и в этом смысле отвечает его целевой установке, получая «роль и задачу».

Предстоит исследовать, какие еще лингвистические понятия, кроме рассмотренных выше, могут быть подведены под это понятие функции (о некоторых см. далее, ч. III, гл. II, § 2 и 3).

§ 5. Возникновение формализации в недрах традиции

Процесс, названный в заголовке этого параграфа, мы проследим по линии лишь одного лингвистического понятия — понятия множества.

Категория множества приходит в лингвистику с первыми опытами формального анализа и попытками выделения предельных единиц. Она фактически применяется уже Ф. де Соссюром в его специальных исследованиях (см. ч. II, гл. I, § 2). Однако эксплицитного определения и обоснования понятие множества у де Соссюра не нашло, в его общем «Курсе» оно не присутствует и, по видимому, не было им осознано. Так же обстоит дело и во многих других исследованиях: категория множества фактически используется, но теоретически не осознается (ср. выше § 1—2). Ввиду такого положения мы здесь сначала укажем элементарные логические основания лингвистического понятия множества, чтобы затем, пользуясь ими как критерием, показать, где и как эта категория фактически обнаруживается в лингвистических работах.

В связи с этим мы будем рассматривать главным образом, хотя и не исключительно, такие вопросы, которые связаны с классификацией языковых единиц разных уровней (фонем, морфем, словоформ, типов предложений), парадигм и грамматических категорий. Поэтому тема параграфа может быть резюмирована так: логические основы классификаций предельных языковых единиц.

⁵⁹ Р. Якобсон. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. «Новое в лингвистике», IV. М., 1965, стр. 377.

Мы увидим дальше, что хотя эти классификации возникли зачастую довольно давно, их логические основания являются базой для решения многих новых и современных проблем.

Простейшим лингвистическим множеством является множество из четырех единиц. Поэтому вся проблема в простейшем виде формулируется как «логический квадрат и лингвистический квадрат». Логический квадрат представляет собой схему определенных общих отношений противопоставления четырех элементов, а именно отношений так называемых контрарности и контрадикторности. Осознанию общности этих отношений не должен мешать тот факт, что в логике система логического квадрата применяется обычно к классификации некоторых систем суждений, имеющих один и тот же субъект и предикат. Примером может служить система из четырех модальных суждений:

- 1) Np , *Необходимо p* , что равнозначно *Невозможно не- p* ;
- 2) $\bar{N}\bar{p}$, *Не необходимо не- p* , что равнозначно *Возможно p* ;
- 3) $N\bar{p}$, *Необходимо не- p* , что равнозначно *Невозможно p* ;
- 4) $\bar{N}p$, *Не необходимо p* , что равнозначно *Возможно не- p* .

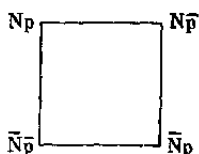

Рис. 1.

В этом логическом квадрате, — если брать его обобщенные индексы N и p , не интерпретируя их обязательно как модальности, — легко узнать логическую основу обычных в лингвистике четырехчленных сопоставлений типа

стол — дом
стол-ик — дом-ик, и т. п.

В таком виде эту логическую схему применял в русской лингвистике Ф. Ф. Фортунатов для определения понятий «формы отдельных полных слов»⁶⁰, а затем с той же целью популярно развил А. М. Пешковский. У последнего она является скрытой основой таких, например, сопоставлений:

«Как видно на примере слова *стекло*, для того чтобы слово имело форму, нужно, чтобы в языке существовало два ряда слов, похожих по звукам и по значению на данное слово:

стекла-о, окно, весло, сукно, долото и т. д.
стекла-а
стекла-анный
стекла-ашка
стекла-ышко и т. д.

⁶⁰ См.: Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. I. М., 1956, стр. 123, 136.

В одном из этих рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикальный ряд нашей схемы), в другом — та же формальная часть с другими основами (горизонтальный ряд схемы). Тогда вследствие такого двойного сравнения и происходит, как мы видели, распадение слова на части. Понятно, что если для какого-нибудь слова таких двух рядов в языке не найдется, ясно выраженной формы в нем быть не может»⁶¹. Аналогичные рассуждения находим и в современных трудах Ф. Ф. Фортунатова и А. М. Пешковского работах Ф. де Соссюра⁶² и в значительно более поздних работах⁶³.

Первоначально и долгое время спустя, у всех названных и многих других авторов, этот «квадрат» прилагался равно и к словообразовательным и к словоизменительным оппозициям нерасчлененно, в рамках общетеоретических рассуждений о членимости слова и его значимых частях. С точки зрения метода, важно отметить две следующие особенности этих сопоставлений. Во-первых, они применяются к непосредственно наблюдаемому, эмпирическому материалу, предварительная обработка которого в таких случаях минимальна: требуется обычно лишь интуитивно определить общность или хотя бы приблизительное совпадение значений тех слов, которые будут предметом сравнения «по квадрату». Во-вторых, хотя берется множество форм, но в сущности категория множества здесь совершенно необязательна, вполне достаточным оказывается сопоставление именно четырех форм (двух бинарных оппозиций), образующих квадрат. Даже когда рассуждение простирается на большее количество форм, непосредственное сравнение касается всегда именно четырех, схема квадрата как бы передвигается по множеству форм, выкраивая из него для непосредственного сравнения все время по четыре формы в любом случайном порядке.

Дальнейшее развитие этого типа классификации протекало в трех направлениях. С одной стороны, развитие метода пошло по линии уточнения понятия тождества сравниваемых единиц (прежде всего тождества семантического) как самой основы сопоставления, это движение равносильно стремлению к более тщательной предварительной обработке сравниваемого материала; в русской лингвистике оно нашло блестящее выражение в известных работах Г. О. Винокура и А. И. Смирницкого, а затем развивалось в так или иначе восходящих к ним других работах советских авторов⁶⁴. С другой стороны, развитие метода проходи-

⁶¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 13.

⁶² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Перев. с франц. М., 1933, стр. 125.

⁶³ G. H. Greenberg. Essays in linguistics. «Viking Fund Publications in Anthropology», № 24, N. Y., 1957, стр. 19.

⁶⁴ Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 5, вып. 4, 1946; перепечатано в кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 419—442; А. И. Смирницкий.

ло по линии выхода за пределы четырех форм, за пределы «квадрата», в область теоретического понятия множества. Выражение этого стремления можно видеть в известной коллективной монографии «Русский язык и советское общество», созданной под руководством М. В. Панова⁶⁵, особенно в разделах морфологии и словообразования.

Однако на этом этапе (40—60-е годы) эти две линии в русской лингвистике еще не сочетались друг с другом: у Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого и их последователей нет идеи множества, а у М. В. Панова и его коллектива не нашла полного применения идея предварительной обработки материала⁶⁶.

Третьим путем было развитие методики множества на чисто формальной основе, с привлечением понятия рекурсивного определения. В этом случае исследователи шли непосредственно от Ф. Ф. Фортунатова, минуя его более «семантических» последователей. Упомянем в этой связи работу И. И. Ревзина об определении морфемы⁶⁷ и аналогичную ей по методу, более позднюю работу П. С. Кузнецова об определении слова⁶⁸. Однако эти формальные определения появились в то время, когда был уже полностью разработан американский метод дескриптивного анализа, и хотя и вытекали из другой традиции, по существу сливались с ним. Развитие категории множества в отечественной лингвистике пошло, как будет показано ниже, несколько иным путем.

Вернемся к коллективной монографии «Русский язык и советское общество». В ней метод «логического квадрата» развивается и перерастает в метод «множества как парадигмы». Интересующее нас рассуждение дается там в связи с определением слова в его отличии от части слова⁶⁹. Вопрос рассматривается в общем (формальном) виде. Индекс аМ (также bМ, сМ... и т. д.) означает значимую единицу-двуучлен, состоящую из двух тоже значимых единиц. Исходным понятием рассуждения является множество типа парадигмы, т. е. в определенном смысле упорядоченное:

Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 5, 1948; Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961; Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; Н. А. Янко-Триницкая. Членимость основы русского слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 27, вып. 6, 1968.

⁶⁵ «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование». Под ред. М. В. Панова, тт. 1—4 М., 1968

⁶⁶ В силу чего, например, в соответствующей части названной работы рассматриваются в одном ряду формы *пришел же, придет ведь* и *пришел бы* (см. т. 3, стр. 111).

⁶⁷ И. И. Ревзин. О логической форме лингвистических определений (на примере определения морфемы). «Применение логики в науке и технике». М., 1960.

⁶⁸ П. С. Кузнецов. Опыт формального определения слова. — ВЯ, № 5, 1966.

⁶⁹ «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 111.

$$\begin{array}{l} aM^1 \ bM^1 \ cM^1 \\ aM^2 \ bM^2 \ cM^2 \\ aM^3 \ bM^3 \ cM^3 \end{array}$$

Если любая из единиц а, б, с и т. д. в соответствующем ей вертикальном ряду имеет одно и то же значение или варьируется позиционно одинаково с любой другой единицей в том же ряду, а любая из единиц M^1 , M^2 , M^3 и т. д. в соответствующем ей горизонтальном ряду также имеет одно и то же значение или так же варьируется позиционно, то любой двучлен из множества есть сочетание регулярных единиц. Примеры: пусть aM^1 это языковое образование *он-то*; тогда в вертикальном ряду имеем *он-то*, *ведь он*, *лишь он* и т. д. (расположение компонентов aM^1 или M^1a в принципе несущественно, в отдельных случаях, оно может быть характеризующим свойством, — примечание авторов «Монографии»); в горизонтальном ряду имеем *он-то*, *их-то*, *крокодилов-то* и т. д. Это случай сохранения значения в любой позиции. Другой случай, когда значение одинаково варьируется позиционно: пусть aM^1 — это языковое образование *пришел же*, тогда в вертикальном ряду имеем *пришел же*, *пришел бы*, *пришел ведь* и т. д., а в горизонтальном *пришел же*, *увидел же*, *победил же* и т. д. Значение *пришел* неодинаково, у одних членов оно указывает на прошедшее время, у другого, а именно, у *пришел бы*, на условное действие в любое время. Значения эти резко различны, но точно в таком же отношении различны значения всех других членов в соответствующих позициях. В силу этих условий языковое образование ⁷⁰ *он-то* в первом случае и языковое образование *пришел же* должны быть признаны сочетанием самостоятельных единиц, в данных случаях однозначных слов с частицами. Точно тем же правилам подчиняются сочетания основ с флексиями.

Дальнейшие рассуждения «Коллективной монографии» о том, чем слово отличается от части слова, уже не относятся к разбираемому методу. Но для полноты картины скажем все же, что вторым условием самостоятельности слова является в концепции «Монографии» возможность синонимических замен элементов. Если первое, разобранное выше, условие соблюдено, то второе условие — синонимическая заменяемость позволяет отделить слово от флексии: слова взаимозаменяемы как синонимы; флексии, даже если и можно их понимать при известных условиях как синонимические элементы, все же никогда не взаимозаменяемы.

Как мы видим, в этой концепции множество рассматриваемых элементов — принципиально необходимое понятие, ибо только рассматривая количество элементов большее четырех, т. е. выходя за рамки «квадрата», мы можем решать поставленные вопросы. Вместе с тем здесь заметно и недостаточное внимание к проблеме

⁷⁰ Выражение «языковое образование» приходится употреблять потому, что на этом этапе рассматриваемое явление еще не отождествлено ни со словом, ни с сочетанием слов, ни с сочетанием значимых частей в пределах слова.

тождества сопоставляемых языковых образований (в рассмотренных примерах — двучленов aM^1 , aM^2 ..., bM^1 , bM^2 ... и т. д.). Или, лучше сказать, здесь как бы молчаливо предполагается, что сам факт рассмотрения множества, а не четырех элементов, позволяет обойти эту проблему. Очевидно, что в этом перспективном методе в применении к проблемам словообразования и морфемного анализа есть что улучшать.

Что касается логической основы такого метода, то, как очевидно из всего вышесказанного, ею является не просто понятие множества, но понятие особым образом упорядоченного множества (особенно отчетливо это видно на схеме стр. 45). По сути дела такое понятие множества приближается к понятию парадигмы, но парадигмы «незаконченной», открытой.

Следующий в логическом отношении этап составляет категория множества в работах Ф. де Соссюра и уточнение понятия парадигмы в работах М. М. Гухман и В. М. Солнцева (см. ч. II, гл. I, § 2, 5; ч. III, гл. I, § 4; II, § 3).

В упомянутых выше работах основной категорией является множество, рассматриваемое само по себе, одно множество. Логически (хотя не всегда хронологически) дальнейшим этапом явилось рассмотрение множеств в их соотношении друг с другом, категория отношений между множествами. В лингвистически законченном виде эта идея была четко сформулирована Ч. Хоккетом еще в конце 50-х годов и применена им для решения проблемы рода в английском языке. Согласно Хоккету, говорить о категории рода в английском языке можно только либо отказавшись от требования «взаимной непересекаемости» родовых классов, либо признав существование семи родов вместо традиционно признаваемых трех. Семь родов устанавливаются на основании соотношения множества имен существительных со множеством личных местоимений, что разъясняется следующим сопоставлением:

- 1) John, boy, man — he
- 2) Mary, girl, woman — she
- 3) road, street, paper — it
- 4) citizen, president, dean, doctor — he, she
- 5) billy-goat, ram, drake — he, it
- 6) nanny-goat, boat, car, ship — she, it
- 7) baby, child, cat, dog, robin — he, she, it ⁷¹.

Заметим попутно, что множество существительных в английском языке допускает и иные разбиения, в зависимости от количества соотносительных личных местоимений — одно, два или три. В таком случае группы 1, 2, 3 из приведенного выше списка составят один род, группы 4, 5, 6 — другой род, группа 7 — третий род, и общее число родов опять окажется равным традиционно вы-

⁷¹ Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics. 3. ed. N. Y., 1960 (1 ed. 1958), стр. 233.

деймым трём, хотя состав каждого рода будет иным. Как уже отмечалось (§ 1), аналогичные идеи были положены в основу некоторых новейших классификаций родов в русском языке.

Далее — в логическом отношении — категория множества в лингвистике развивается в единстве с соответствующим математическим понятием. Первоначально, на основе идей акад. А. Н. Колмогорова, она была применена к определению категории «падеж» В. А. Успенским и О. С. Кулагиной⁷². Затем те же принципы были использованы В. А. Успенским при определении фонемы⁷³. В своем формальном определении фонемы В. А. Успенский исходит из тех содержательных лингвистических теорий фонемы, которые считают существенным для определения фонемы понятие фонетического сходства и одинаковости звуков (ср. теорию Л. В. Щербы и Ленинградской фонологической школы). В качестве формального логического аналога отношений лингвистической одинаковости принимается отношение эквивалентности, определяемое как совокупность отношений рефлексивности, симметричности и транзитивности. Определение фонемы достигается путем последовательных разбиений исходного множества звуков с введением новых требований к каждому этапу разбиений. Первое разбиение проиллюстрируем цитатой: «Так как отношение свободного варьирования является отношением типа эквивалентности, то существует разбиение, при котором любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, попадают в один класс, а любые два звука, не находящиеся в этом отношении, попадают в разные классы. Такое разбиение назовем разбиением свободного варьирования. Будем говорить, что некоторое разбиение устраняет свободное варьирование, если любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, принадлежат к одному и тому же классу разбиения. В частности, разбиение свободного варьирования устраняет свободное варьирование»⁷⁴. Далее определяется разбиение, согласованное с отношением фонетической близости, и разбиение по признаку смысловозначительности. После этого производится разбиение, удовлетворяющее одновременно трем критериям: 1) оно устраняет свободное варьирование, 2) согласовано с отношением фонетической близости, 3) является смысловозначительным. Такое разбиение называется почти фонематическим. Наконец, производится разбиение, удовлетворяющее таким критериям: 1) оно является почти фонематическим, 2) не существует такого разбиения

⁷² См.: В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, 1957; О. С. Кулагина. Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств. «Проблемы кибернетики», вып. 1, 1958; далее см.: А. Ф. Лосев. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968, стр. 184 и сл.

⁷³ В. А. Успенский. Одна модель для понятия фонемы. — ВЯ, № 6, 1964.

⁷⁴ Там же, стр. 51.

этого же исходного множества, которое было бы а) отлично от данного разбиения, б) укрупнением данного разбиения, в) почти фонематическим. Фонемой будет класс исходного множества звуков, составивший это последнее, фонематическое разбиение.

Те же принципы были затем применены А. А. Зализняком к русской морфологии⁷⁵. Задачей А. А. Зализняка в интересующем нас здесь отношении было разбить множество словоизменительных парадигм русского имени (существительного и прилагательного) на непересекающиеся классы — «элементарные классы парадигм». Внутри каждого такого класса парадигм действует отношение эквивалентности с его свойствами симметричности, рефлексивности и транзитивности. Между классами отношение эквивалентности не имеет места. Вся предварительная работа по выявлению этих «классов эквивалентности» заключается в предварительных разбиениях множества парадигм русского имени, подобно тому как фонематическому разбиению у В. А. Успенского предшествуют другие разбиения. Следует сразу заметить, что каждое множество, получаемое в результате разбиения исходного множества, имеет какое-либо одно общее для всех его членов свойство. Поэтому разбиение на множества и установление общих свойств, вообще говоря, операции тождественные⁷⁶. В данной работе А. А. Зализняк говорит об определении с в о й с т в, предшествующих определению свойства эквивалентности, мы же будем говорить, что автор производит здесь р а з б и е н и я исходного множества в указанных отношениях. Тогда более отчетливо выступает преимущество идей: от приемов определения фонемы у В. А. Успенского к приемам определения парадигмы у А. А. Зализняка. Итак, исходное множество парадигм русского имени разбивается последовательно на множества парадигм, имеющих 1) одинаковое устройство (термин разъясняется автором подробно), 2) одинаковый набор окончаний, 3) подобные наборы основ (понятие разъясняется), 4) одинаковую акцентуацию. Эти четыре разбиения являются аналогами приведенных выше трех разбиений у В. А. Успенского. После этого А. А. Зализняк вводит определение эквивалентности двух парадигм как класса, или множества, удовлетворяющего одновременно всем четырем признакам разбиения (сам автор, как отмечено выше, говорит здесь не о классах, а о свойствах). Понятие укрупнения классов эквивалентности парадигм, аналогичное понятию укрупнения при переходе от почти фонематического разбиения к фонематическому у В. А. Успенского, рассматривается А. А. Зализняком в указанной более поздней работе.

⁷⁵ А. А. Зализняк. Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 5, 9—15; далее этот подход применен в работе: А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.

⁷⁶ Ср.: Р. Р. Столл. Множества. Логика. Аксиоматические теории. Перев. с англ. М., 1968, стр. 17.

В самое последнее время те же принципы были использованы для выявления согласовательных классов в арчинском языке А. Е. Кибриком ⁷⁷.

Рассмотренная филиация идей показывает, что одни и те же принципы фактически были применены сначала для формального определения уже выявленных категорий языка (падежа и фонемы у В. А. Успенского и О. С. Кулагиной), затем — для формального определения и одновременно фактического уточнения количества морфологических классов (у А. А. Зализняка) и наконец — для выявления классов (у А. Е. Кибрика). Таким образом, между логическими принципами изложения и открытия нет существенного разрыва, в противоположность тому, что утверждают неопозитивисты ⁷⁸. Далее этот краткий обзор показывает, что в современной лингвистике одни и те же принципы метода применяются к самому различному материалу — как к фонемам, так и к грамматическим категориям, как к русскому, так и к арчинскому языку, и т. п. Этим обстоятельством и объясняется то, что мы в данной работе отказались от классификации методов по сфере языка («методы фонологии», «методы грамматики» и т. д.), и тем более по типу изучаемого языка. Единственной рациональной основой классификации является внутренняя логика метода, его логический принцип.

С точки зрения логического принципа лингвистическая категория множества, как это опять-таки видно из проделанного экскурса, покоится на отношении эквивалентности, которое в свою очередь предполагает отношения рефлексивности, транзитивности, симметричности. Отношение называется отношением эквивалентности, когда оно рефлексивно, транзитивно и симметрично (подробнее см. ч. III, гл. 1, § 1 и 2).

§ 6. Антропоцентризм

Ни один крупный лингвист последнего десятилетия, если только он не принимал без критики положений догматического структурализма, не миновал вопроса об антропоцентризме в языке, а следовательно, и в лингвистической теории.

Так, в работах Э. Бенвениста эта проблема возникла еще в начале 50-х годов, сначала как простое наблюдение: имеются глаголы «клясться», «обещать», «обязываться» и т. п., произнесение которых в первом лице настоящего времени — «клянусь», «обещаю», «обязуюсь» и есть сам акт клятвы, обещания, принятия обязательства. У этих глаголов, следовательно, означаемое, денотат, существует именно в тот момент и ровно столько времени, сколько длится произносимое означающее. Это небольшое открытие повлекло за собой

⁷⁷ См.: А. Е. Кибрик. О формальном выделении согласовательных классов в арчинском языке. — ВЯ, № 1, 1972.

⁷⁸ См., например: К. Popper. Logik der Forschung. Zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft. Wien, 1935.

далее обнаружение целого универсального, существующего в разных языках, класса глаголов и речений (статья «Делокативные глаголы»). Поиск тех же семиотических свойств — совпадения по времени означаемого и означающего в других классах языковых элементов позволяют присоединить сюда же и местоимение первого лица «я». Обнаруживается, что это местоимение является первичным и основным носителем открытого раньше у глаголов свойства (статья «О природе местоимений»). Появляется необходимость и возможность уточнить и самое свойство, которое оказывается фундаментальным свойством языка в процессе его реализации (*langage en exercice*) и получает особое наименование «субъективности в языке». Субъективность в языке есть способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения, отражающаяся в самом языке в виде особой черты его устройства: в том, что целые классы языковых элементов — местоимения первого лица, названные глаголы и др. имеют особую референтную *соотнесенность*, или, если пользоваться специальным термином, являются «аутореферентными»⁷⁹.

За субъективностью вскрывается таким образом еще более общее свойство языка: язык есть семиотическая система, основные референтционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. Э. Бенвенист называет это свойство «человек в языке» и делает это названием целого раздела своей книги. Иначе всю эту черту лингвистической концепции можно назвать *антропоцентрическим принципом*.

Антропоцентрический принцип сближает французскую и русскую лингвистические школы. Во Франции его с большой определенностью утверждал, например, Г. Гийом, значение работ которого только сейчас начинает осознаваться во всей полноте. Указывая на противопоставленность его собственного структурализма копенгагенскому структурализму, Г. Гийом писал: «противопоставление справедливо, и различие двух структурализмов, если свести его к самому основному, заключается в том, что копенгагенский структурализм считает язык объектом внешнего наблюдения, путь к познанию которого лежит через построение теории, как это имеет место во всех науках, где объектом наблюдения является объективный мир «вне меня». Копенгагенская школа приписывает языку ложную объективность как экстра-(вне)-субъективность, а между тем язык не имеет иной объективности, кроме той, которая устанавливается в самых глубинах субъективного» (Г. Гийом, лекция 17 окт. 1955 г.)⁸⁰.

Разумеется, концепция Бенвениста и доктрина Гийома — совершенно разные вещи. Очевидно также, что антропоцентрический принцип находит в современной лингвистике различные ин-

⁷⁹ Ср. наше предисловие к кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

⁸⁰ См. издательский проспект: G. Guillaume. Leçons de linguistique, publiées par Roch Valin, Klincksieck. Paris, 1971.

двипдуальные формулировки (например, в нашем языкознании близкую к гийомовской, но совершенно независимую концепцию развил применительно к грамматике Н. С. Поспелов; вовсе иное выражение находит тот же принцип у некоторых психолингвистов). Но несомненно и то, что в своей концепции «человека в языке» Бенвенист воплощает определенную и глубокую традицию европейского языкознания, в особенности отчетливую во французской и русской лингвистических школах. Подобный принцип на материале лексикологии утверждал у нас еще в 1940 г. академик Л. В. Щерба: «Слово *золотник* (в машине) всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного технического образования, знает как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что вот это золотник, а это нет? Поэтому в общем словаре приходится так определять слово *золотник*: «одна из частей паровой машины». *Прямая* (линия) определяется в геометрии как «кратчайшее расстояние между двумя точками». Но в литературном языке это очевидно не так. Я думаю, что *прямой* мы называем в быту «линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)». (Не следует думать, что здесь скрыт *circulus viciosus*: в основе наших обывательских понятий *прямо, направо, налево* лежит, я думаю, линия нашего взгляда, когда мы смотрим перед собой).»⁸¹ Вслед за тем Л. В. Щерба делал вывод, что логически строго определенные понятия «не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения».

Принцип антропоцентризма является одним из оснований процесса «укрупнения грамматики» (см. выше § 1), так как объединение различных языковых категорий в рамках «суперкатегории» происходит в конечном счете на основе того, что они именно так группируются в языковом сознании говорящего — исследователя.

Это было отчетливо осознано еще И. А. Бодуэном де Куртене в названной работе 1927 г.: дискретной категории количества в математике он противопоставлял недискретную категорию количества в языковом мышлении. И. А. Бодуэн де Куртене, таким образом, один из первых поставил в связь антропоцентризм и недискретность (подробнее см. ниже).

Принцип антропоцентризма имплицитно содержится и в концепциях, основанных на «центральной роли синтаксиса», поскольку их подлинной основой является не столько синтаксис вообще, сколько синтаксис высказывания, анализируемого в конкретной ситуации.

Наконец, этот принцип получает эксплицитное выражение в концепции семиотического устройства языка, где обосновывается центральная роль системы указателей «я — здесь — сейчас» и роль антропоцентрической метафоры⁸².

⁸¹ Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», № 3, 1940, стр. 100.

⁸² Этот вопрос рассматривается в работах Е. Куриловича, Э. Бенвениста, Н. С. Поспелова и др., а также здесь ч. III, гл. II, § 4.

7. Недискретность

Недискретность как эвристический принцип представляет собой такой прием исследования, при котором основное внимание обращается не на выделение предельных единиц каждого уровня языка, а на явления, обнаруживающиеся по пути к предельному разложению. Недискретному принципу описания соответствует недискретность в объективном устройстве языка. Термин недискретный значит 'неразложимый, непрерывный'.

Согласно современным представлениям об иерархии языка, уровней языка столько, сколько основных единиц языка, уровень языка есть то, что имеет соответствующую единицу языка. Существует уровень фонем, морфем, слов, словосочетаний, но нет стилистического уровня. В особом смысле с четкими ограничениями можно говорить об «уровне предложения», помня, что нет предложения как единицы в том смысле, в каком можно точно и строго говорить о других названных единицах. Так же нет уровня дифференциальных признаков фонем, потому что нет дифференциальных признаков как единиц языка. Тем самым точно ограничивается сфера дистрибутивного анализа: от дифференциальных признаков до предложения исключительно, т. е. между ними.

На морфемном уровне предельное разложение дает морф и после идентификации морфему. Непредельное разложение дает квазиморфему. К в а з и м о р ф е м а может быть определена как любой сегмент лексической единицы, который является в плане выражения полным или частичным омофоном другого такого же сегмента другой лексической единицы, а в плане содержания (семантики) частично совпадает с этим другим сегментом. Понятие «частичного семантического совпадения» может быть уточнено различным образом, в зависимости от принятой системы семантического описания. Так, если описание дается в терминах компонентного анализа, и значение каждой единицы определяется некоторым набором семантических признаков, то «частичное семантическое совпадение» будет иметь место в случае неполного совпадения наборов этих признаков. Приведем примеры. Недискретный подход позволяет выделить в англ. слове *funnel* 'воронка; дымовая труба, дымоход' следующие квазиморфемы: а) квазиморфему *-unnel*, так как этот сегмент, не будучи морфемой, встречается еще по крайней мере в двух англ. словах: *tunnel* 'туннель; штольня; дымоход', *runnel* 'ручеек; канава, сток', при очевидном частичном семантическом сходстве; б) квазиморфему *-nnel*, допускающую такое же недискретное отождествление с соответствующими сегментами слов *gunnel*, *channel*, *cannel* и — фонетически — *canal*; в) сегмент *-el*, который является уже единицей на ступени перехода от квазиморфемы к морфеме⁸³. По мере сокращения длины сег-

⁸³ Ср.: R. Lord. Lexico-semantic categories. «Studia linguistica», 24 (I), 1970, стр. 27—31; английский автор вводит понятие, во многом аналогичное понятию квазиморфемы, под названием «омонемы» (homopeme).

мента, отождествляемого как квазиморфема, количество отождествляемых ею в свою очередь слов возрастает, а количество совпадающих семантических признаков уменьшается. В пределе мы имеем грамматическую морфему — аффикс или префикс, — отождествляемую по одному-двум семантическим признакам.

На уровне слова квазиморфема объединяет группы слов, подобно тому как и морфема объединяет группы слов. Но те и другие группы слов не совпадают, хотя и являются разбиением одного и того же множества слов. Подлинные морфемы группируют слова в три типа групп: а) по линии плана выражения — в группы омонимов, б) по линии плана содержания — в группы синонимов, в) при совпадении того и другого разбиений — в «семью слов» или в «грамматическую категорию». Квазиморфемы группируют слова в группы п а р о н и м о в (заметим сразу, что традиционное, даваемое в английских, французских и русских словарях определение этого слова имеет малое отношение к рассматриваемому здесь теоретическому понятию). Приведенные выше англ. *funnel, tunnel, ginnel, ginnel, channel, cannal* — примеры паронимов, ср. русск. *оберегать* и *остерегать* (откуда ошибки в разговорной речи — *Надо остерегать детей от гриппа*, вм. *оберегать*), *представлять* и *предоставлять* (откуда ошибочное *Слово для выступления представляется ...*; *Возможность не представилась* и т. п.).

Теоретическое понятие неопределенного разложения на уровне слова и соответствующее ему явление паронимии уже стало фактической основой нескольких новых типов лингвистических работ.

Один тип работ представляет собой особое расширение методики лингвистической географии — определение изоглосс интернационализмов и составление ареальных лингвистических атласов при изучении современных языковых союзов.

Но интернационализмы имеют двойкий статус: как единицы лексической системы каждого отдельного языка и как общие лексические единицы всего языкового союза. Поэтому при составлении лексических изоглосс остро встает проблема тождества слова и ее нельзя считать решенной. В. В. Акуленко подчеркивает, что интернационализм — не одно слово, принадлежащее ряду языков, а своего рода «полилексема». Поэтому он определяет изоглоссу интернационализма применительно к языковому союзу так: «изоглосса международных слов представляет собой ряд омологичных полилексем, постоянно отождествляемых (в ситуациях двуязычия и многоязычия), сходных по значению и форме слов различных сосуществующих во времени языков»⁸⁴. Это определение может быть принято за основу для дальнейшей детализации. Детализация же требует, по-видимому, на определенном этапе исследования исходить из независимости трех следующих параметров слова, общего для языкового союза (интернационализма). 1) Фо-

⁸⁴ В. В. Акуленко. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972, стр. 58, ср. стр. 38.

нетическое слово, описанное в терминах звукотипов; так, «телефон» для европейского ареала предстает в виде: [t] + передний гласный + [l] + передний гласный + [f] + задний лабиализованный гласный + [n]⁸⁵, на карте этому параметру будет соответствовать фонетико-лексическая изоглосса (не смешивать с чисто фонетической изоглоссой, называемой иначе, «изофоной»). 2) Семантическое слово, описанное в чисто семантических терминах; так, лексически выраженное понятие «стол» имеется во всех языках романского ареала Европы, хотя в одних языках оно выражено модификацией латинского корня *tabul*, в других — корня *mens*, изображение этого явления на карте будет «изосемой». 3) Слово как лексическая единица, описанная в терминах единиц как плана выражения (звукотипов), так и плана содержания, изображение этого явления на карте будет «изоглоссой» в собственном смысле слова. Задача составления изоглосс предстает при этом как проблема тождества слова в условиях паронимии. Какое изменение в совокупности семантических и фонетических признаков соответствует пределу вариаций слова и заставляет исследователя сказать, что перед ним уже не то же самое, а лишь сходное слово? Что будет интернационализмом — 1. {англ. *comic* — русск. *комический*}, 2. {англ. *comical* — русск. *комичный*}, 3. {англ. *comic* — русск. *комичный*}, 4. {англ. *comical* — русск. *комический*}? Таков один тип вопросов, требующих понятия паронимии.

Другой тип исследований, связанных с неопредельным разложением на уровне слова и с понятием паронимии наметился в области этимологии в виде описания «этимологических полей» и «морфо-семантических полей». Такие поля выделяются в лексическом составе языка на основе общего для многих слов формального и семантического элемента. Сам этот элемент, не получивший в исследованиях по проблеме «полей» специального наименования, является не чем иным, как квазиморфемой в предложенном выше понимании. Так, во французском языке морфо-семантическое поле глагола *chiquer* «жевать табак»; аргю «жрать» включает в себя около 60 слов, восходящих к шести различным источникам: 1) нем. *Schick, Geschick* «манера, повадка»; 2) нем. *Schick* «шар»; 3) нем. *schicken* «удачно, кстати прийти»; 4) перс. *šah* «шах»; 5) экспрессивное романское слово *tsikk* «маленький»; 6) звукоподражательное романское слово *tsikk*, ср. русск. *цык, цыц*.⁸⁶ (далее о недискретности см. ч. II, гл. II, § 3, 6).

⁸⁵ Ср.: D. Conceag. *Remarques sur la structure des «mots internationaux»* «Actes du Xe Congrès International des Linguistes». Bucarest, 1970.

⁸⁶ См.: P. Guiraud. *Structures étymologiques du lexique français*. Paris, 1967, стр. 125—154; а также 93—124; ранее проблема была поставлена в работе: M. Konrad Hicking. *Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnfeld)?* «Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft», Bd. 73, H. 3/4, 1956, стр. 222—234; общ. обзор и библиографию см.: Г. С. Шур. О новом и старом в теориях поля в лингвистике. «Романо-германские языки. Уч. зап. Ярослав. Гос. Пед. Инст. им. К. Д. Ушинского». Вып. 73. Ярославль, 1973, стр. 3—27.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Глава I

ОБЗОР МЕТОДОВ

§ 1. Исторические предшественники. Панини

Основой современного метода внутренней реконструкции являются понятия оппозиции форм слова и понятия позиции, т. е. аналитической записи формы слова, соотнесенные с указаниями о последовательности производства, или порождения, этих форм. В тех грамматических учениях прошлого, где есть эти три элемента, есть и зачатки внутренней реконструкции.

Четкий прообраз современного метода содержится в грамматической системе Панини (Индия, V в., по другим данным III, IV или VIII в. до н. э.)¹. Согласно легенде, четырнадцать так называемых «Шива-сутр» (именуемых также «прагьяхара-сутры»), основа всей грамматической системы Панини, ниспосланы ему в ответ на молитвы богом Шивой. В том виде, в котором «Восьмикнижие» Панини дошло до нас, оно неизменно помещает «Шива-сутры» в самом начале, перед первой книгой. Таким образом, и по их положению в тексте «Шива-сутры» представляют собой ключ ко всему последующему материалу (табл. 2).

В этих четырнадцати сутрах (цифры в скобках означают порядок сутр) представлены «правила стяжения», «прагьяхары» (санскр. *pratyāhāra*, букв. 'стяжение, сжатие'). Согласно определению самого Панини, прагьяхара есть *ādir antyena sahetā* (1.1.71), т. е. «начало вместе с концом (который есть) показатель». Это означает, что при стяжении каждой данной сутры, а также нескольких сутр, вместо них употребляются знаки, стоящие в начале и в конце соответствующего ряда. Но так как эти знаки также являются

¹ Ниже сутры даются по изданию: *The Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*, edited and translated into English by Śrīśa Chandra Vasu, vol. I, II. Delhi, 1962. В описании использовано проведенное по нашему плану исследование: Дж. Прасад Димри. Индийская и русская филологическая традиция (опыт сравнения на материале морфемного анализа) Канд. дисс. М., 1972; Он же. Панини и его «Восьмикнижие». — «Народы Азии и Африки», 1973, № 6, стр. 96—99.

Таблица 2
Структура «Шива сутр»

(1) a i u	N	(8) jh bh	Ñ
(2) ṛ ḷ	K	(9) gh ḍh dh	Ṣ
(3) e o	Ṃ	(10) j b g d ḍ	Ṣ
(4) ai au	C	(11) kh ph ch ṭh ṭh c ṭ t	V
(5) h y v r	T	(12) k p	Y
(6) l	N	(13) ś ṣ s	R
(7) ñ m ŋ n	M	(14) h	L

буквами санскритского алфавита то, чтобы не возникло смешения и чтобы знак не был принят сам за член того ряда, который им обозначается, или за начало другого ряда, статус знака оговаривается в приведенной сутре (1.1.71) и в сутре: «*tasya lopah*» (1.3.9), т. е. «его (показателя) исчезновение». Знаки, стоящие в конце каждой сутры (на схеме выше они обозначены заглавными буквами), называемые «анубандха», или «ит» (показатель), отбрасываются.

Например, пратьяхара aN означает гласные а, и, у (конечное N — показатель отбрасывается). Далее, aK означает гласные а, и, у, ṛ, ḷ (простые гласные), aC — все гласные, как простые, так и дифтонги, и т. д. Поскольку согласные начинаются с h (сутра 5) и кончаются показателем L (сутра 14), то все согласные могут быть охвачены пратьяхарой hL. Аналогично все звуки охватываются aL.

Звуки, обозначенные в «Шива-сутрах», являются по существу фонемами, точнее «звукотипами», санскрита, классифицированными каждый в отдельности по месту и способу артикуляции. Но разбиение всего множества звукотипов на подмножества и порядок перечисления подмножеств отражают уже функциональный аспект и их поведение в структуре языка. Так, сутры 1 и 2 обнимают собой все простые гласные (пратьяхара aK, см. выше); сутры 3 и 4 обнимают все «дифтонги» (в понимании индийских грамматистов); сутры 5, 6 — сонанты (отметим, что они включают в себя h); сутра 7 — все носовые и т. д. Таким образом, техника пратьяхар дает Панини возможность вычленять в каждом отдельном случае именно те группы звуков, которые являются существенными при описании того или иного грамматического явления. Панини употребляет 41 пратьяхару (хотя теоретически их число, очевидно, может быть гораздо большим): aL, aṢ, aM, aÑ, aṬ, aC, aK, aṂ, iN, iC, iK, uK, eC, eN, aiC, hL, iṢ, yR, yY, yÑ, yM, yN, vL, rL, vṢ, mY, ñM, jhL, jhR, jhY, jhṢ, jhṢ, bhṢ, jṢ, bṢ, khR, khY, chV, cR, śL, śR².

² См. перечень Ш. Ч. Васу в указ. изд. «Восьмикнижия» (т. I, стр. 1).

Принцип пратьяхары проходит через всю грамматическую систему Панини. На его основе особенно удобно описывать правила сандхи и альтернации звуков.

Отдельные элементы в системе «Шива-сутр» встречаются дважды — анубандхи (показатель) Ṇ (сутры 1 и 6) и буква ḥ (сутры 5 и 14); в результате этого в списке пратьяхар (см. выше) аṆ встречается два раза. Эта кажущаяся непоследовательность, однако, логически объясняется.

Анубандха Ṇ имеет двойное вхождение потому, что пратьяхара аṆ всегда обозначает звуки а, и, у (т. е. относится к первой сутре). Единственное исключение — сутра 1.1.69, где та же самая пратьяхара охватывает все гласные + сонорные. В этой сутре все эти звуки объединяются по месту артикуляции. Кроме того, пратьяхара iṆ всегда означает звуки и, у, г, л, е, о, аи, ау, ḥ, у, в, р, л и никогда — и, у.

Буква ḥ помещена дважды для того, чтобы входить, с одной стороны, в пратьяхары аṢ, аṢ, аṆ, и с другой стороны — в пратьяхары jhL и śL и, таким образом, подчиняться всем правилам, сформулированным для этих пратьяхар. Например, чтобы объяснить образование формы сигматического аориста alikṣat от корня liḥ, Панини формулирует правило (3.1.45), релевантное для пратьяхары śL (т. е. звуков ś, ṣ, s, ḥ), которое определяет сигматический характер данного аориста. Благодаря тому, что ḥ входит в пратьяхару śL, это правило оказывается применимым ко всем глагольным корням, оканчивающимся на ḥ, а значит и к корню liḥ. Если бы ḥ не входило в пратьяхару śL, то аорист был бы произведен в ошибочной форме alihat вместо правильной alikṣat.

Техника пратьяхар дает возможность Панини кратко, в алгебраической форме формулировать фонетические законы. Примером может служить следующая сутра: «iko uapasi» (6.1.77). Она состоит из трех пратьяхар — iK, уṆ, аC. Поэтому буквальный перевод сутры будет следующим: «Если после iK следует аC, то

Таблица 3

iK	уṆ	аC
i	у	а
u	v	i
g	g	u
l	l	g
		l
		e
		o
		ai
		au

Таблица 4
Пратьяхара sUP (4.1.2)

Падеж	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Nom.	sU	au	I as
Acc.	am	auṭ	Sas
Inst.	ṭā	bhyām	bhis
Dat.	Ne	bhyām	bhyas
Abl.	Nasi	bhyām	bhyas
Gen.	Nas	os	ām
L.	Ni	os	sUP

вместо $iK - yN$ ». Парадигматически это можно представить в виде табл. 3.

Например, слово $yadyari$ образуется так: $yadi + ari$. Согласно правилу, сформулированному выше, вместо i (iK) перед a (aC) будет y (yN). Таким образом, $yadi + ari = yadyari$. (Согласно специальному правилу (1.1.50), замена происходит по месту артикуляции). Аналогично: $madhu + atra = madhvatra$, и т. д. Метод пратьяхар у Панини не ограничивается правилами, сформулированными выше в «Шива-сутрах». Существуют специальные пратьяхары для некоторых видов суффиксов. Приведем примеры (табл. 4; ср. указ. соч., т. I, стр. 606).

Таким образом, пратьяхара sUP обнимает собой все падежные окончания. Аналогичным образом, пратьяхара tiN обнимает собой все глагольные окончания (как активные, так и медиопассивные ср. указ. соч. т. I, стр. 589).

Таблица 5
Пратьяхара tiN (3.4.78)

Окончания	Лицо	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Активные	3	tiP	tas	JHi
	2	siP	$thas$	tha
	1	miP	vas	mas
Медиопассивные	3	ta	$\bar{a}t\bar{a}m$	JHa
	2	$th\bar{a}s$	$\bar{a}th\bar{a}m$	$dvam$
	1	iT	$vahi$	$mahiN$

Такие правила Панини, как приведенное выше « iK перед $aC - yN$ », полностью аналогичны правилам порождающей грамматики. Как и последние, они всегда содержат в себе элементы реконструкции, хотя бы и не глубокой, т. е. не уходящей далеко в прошлое от описываемой синхронии. Приведенное правило может быть для целей реконструкции переформулировано так: «существующее теперь yN перед aC восходит к прошлому iK ». Подробнее связь метода порождающей грамматики с реконструкцией освещается в соответствующем разделе ниже ³.

³ Специально о сходстве между методом Панини и современной порождающей грамматикой см.: В. Н. Топоров. О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков. — Сб. «Памяти Ю. Н. Рериха». М., 1961; В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, стр. 10—12; В. А. van Nooten. The vocalic declensions in Pāṇini's grammar. «Language», т. 46, № 1, 1970, стр. 13—32 (с библиографией); Он же. Pāṇini's replace-

§ 2. Первоначальный алгебраический метод де Соссюра.
Понятия «наблюдаемого множества»,
«ненаблюдаемого множества», «абстрактного процесса»

Под «алгебраической» реконструкцией понимается реконструкция структурных отношений в языке, вне вопроса о том, как конкретно реализовались элементы в этой системе. Известным образцом такой реконструкции является восстановление праиндоевропейской системы гласных Ф. де Соссюром⁴. Мы, однако, рассмотрим здесь подробно другую работу Соссюра — его реконструкцию литовской системы ударения. Делаем мы это по двум причинам. Во-первых, в дальнейшем мы в разной связи не раз будем обращаться к балто-славянской группе языков, в особенности к литовскому. Во-вторых, в литовских акцентуационных парадигмах мы имеем такое своеобразное сочетание числа и качества элементов, которое делает их идеальным полигоном лингвистического моделирования⁵.

Предварительно напомним для удобства читателя некоторые термины. Акцентуационной, или акцентной, парадигмой называется совокупность мест ударения в совокупности словоформ, образующих парадигму склонения. Место определяется по счету слогов от начала или от конца слова. В литовском языке четыре парадигмы ударения. Для многосложных существительных, в особенности производных, с суффиксами и префиксами, существуют более или менее определенные правила, по которым их акцентную парадигму во многих случаях можно свести к одной из акцентных парадигм двусложных, «первичных» существительных. Но для этих последних таких правил не существует, и каждое двусложное существительное нужно заучивать вместе с его акцентной парадигмой так же, как заучиваются его значения.

Акцентуация в литовском языке тесно связана с характером слоговых интонаций. Акутовая интонация обозначается правым знаком ударения над долгими гласными и левым — над сочетаниями *i*, *u* с сонантом, т. е. обозначения *á*, *ó*, *é*, *ár*, *ér*, *ir*, *ùr* — соответствуют акутовой интонации. Обозначения *â*, *ê*, *aġ*, *eġ*, *ai* и т. п. соответствуют циркумфлексной интонации. Знак ударения, на-

ment technique and the active finite verb. «Languages», v. 43, № 4, 1967, стр. 883—902; P. Kiparsky. Linguistic Universals and Linguistic Change. «Universals in Linguistic Theory». Ed. by E. Bach and R. T. Harms. N. Y. etc., 1968, стр. 173.

⁴ F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles en indo-européen. Leipzig, 1878; современное развитие реконструкции Соссюра по линии морфологии см.: C. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion. «Indogermanische Grammatik». Hb. von J. Kurylowicz, Bd. III/1. Heidelberg, 1969, стр. 23—25; развитие реконструкции Соссюра по линии фонетики см.: Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. Перев. с франц. М., 1955; о связи с методом древнеиндийских грамматик см. в предисловии Б. В. Горюнга в той же книге.

⁵ Это свойство литовских акцентуационных парадигм специально рассматривается ниже, в § 3.

клоненный влево, соответствует интонации краткости — *è, à, ì, ù* (кроме случаев дифтонга с сонантом *ĩg, ūg*, где, как уже сказано, тот же знак соответствует акуту). В некоторых двусложных словах с акутовой интонацией, в словах типа *várna* 'ворона' ударение постоянное на корне во всех формах, это парадигма I. Двусложные слова с другими интонациями корня, т. е. с циркумфлексной, или краткостной, имеют переходящее, подвижное ударение разного типа — парадигмы II и IV; парадигма III имеет акут, но подвижное ударение⁶. Мы иллюстрируем их двусложными существительными женского рода:

	Е д. ч и с л о		М н. ч и с л о	
	I 'ворона'	II 'рука'	I	II
И.	várna	rankà	várnos	raĩkos
Р.	várnos	raĩkos	várnu	raĩku
Д.	várnai	raĩkai	várnoms	raĩkoms
В.	várna	raĩka	várnas	rankàs
Инстр.	várna	rankà	várnomis	raĩkom is
Местн.	várnoje	raĩkoje	várnose	raĩkose
	III 'голова'	IV 'девушка'	III	IV
И.	galvà	mergà	gálvos	meĩgos
Р.	galvõs	mergõs	galvũ	mergũ
Д.	gálvai	meĩgai	galvõms	mergõms
В.	gálva	meĩga	gálvas	mergàs
Инстр.	gálva	mergà	galvomìs	mergomìs
Местн.	galvojè	mergojè	galvosè	mergosè

Если мы соединим вертикальной линией места ударных слогов в каждой парадигме, то получим акцентную кривую. В частном случае, в парадигме I, она будет прямой (рис. 2).

Анализ де Соссюра можно сгруппировать вокруг трех пунктов, существенных для наших целей⁷.

⁶ Свод правил литовского ударения можно найти в работах: V. *Kamantauškas* *Trumpas lietuvių kalbos kirčio mokslas. I Teoria*. Kaunas, 1928; H. *Kirčio žodynas*. Kaunas, 1931; A. *Laigonaite* *Literatūrinės lietuvių kalbos kirčiavimas*. Vilnius, 1959; P. *Skardžius* *Lietuvių kalbos kirčiavimas*. Chicago, 1968. — В основе всех этих работ лежат известные описания Куршата, Буги, Яуниуса (Яуниса, Явниса). Следует заметить, что в начале нашего века была принята иная нумерация акцентных парадигм, которую можно встретить в старых работах.

⁷ F. de Saussure. *Accentuation lituanienne*. «Indogermanische Forschungen». Anzeiger, 1896; перепечатано в сб.: F. de Saussure. *Recueil des publications scientifiques*. Genève, 1922 (в дальнейшем страницы указываются по этому изданию). — На ту же тему Соссюр опубликовал и другую работу, которую можно рассматривать как подготовительную к данной «A propos de l'accentuation lituanienne (intonation et accent proprement dit)». — MSL, VIII, 1894.

	I	II	III	IV
И.				
Р.				
Д.				
В.				
Ия.				
М.				

Рис. 2. Акцентные кривые существительных литовского языка
(по ед. числу жен. рода на -а)

Закон передвижения ударения вправо, впоследствии получивший название «закон Фортунатова — де Соссюра». Де Соссюр сформулировал его следующим образом. В определенную преддиалектную эпоху ударение подверглось регулярному смещению на один слог вперед, т. е. к концу слова, в тех случаях, когда оно находилось на слоге с циркумфлексной интонацией и имело прямо перед собой слог с акутовой интонацией, например: *laikyti (aī + ū) > laikyti. Слоги с разными слоговыми интонациями могут соседствовать одним из следующих четырех способов:

- 1) aī + ū = ◡ ◡ ◡ + ◡ ◡ ◡
- 2) aī + ū = ◡ ◡ ◡ + ◡ ◡ ◡
- 3) aī + ū = ◡ ◡ ◡ + ◡ ◡ ◡
- 4) aī + ū = ◡ ◡ ◡ + ◡ ◡ ◡

Почему только в одном, четвертом, случае ударение переходит на соседний слог, по мнению де Соссюра, ясно из самого сопоставления схем. Причина лежит в непосредственной близости слоговых вершин друг к другу⁸. Это объяснение, следовательно, основывается на независимости места ударения от интонации слога и не предрешает вопроса о том, как реализовалось ударение: было ли оно тоновым или динамическим. Таким образом, здесь по существу вводится понятие процесса, не подразумевающего той или иной конкретной материальной реализации. В дальнейшем такое понятие процесса (назовем его понятием абстрактного процесса) будет развито в методе порождающей грамматики.

Сведение четырех акцентных парадигм к двум. После констатации этого закона стало очевидным, что II акцентная парадигма отличается от I, а IV от III лишь тем, что в некоторых падежах флексия имела акутовую интонацию и пере-

⁸ F. de Saussure. Accentuation lituanienne, стр. 526.

тянула на себя ударение с циркумфлексного корня. Таким образом, до начала действия закона современные I и II парадигмы составляли одну парадигму, старую неподвижную, а современные III и IV — другую, старую подвижную.

При обсуждении всего круга относящихся сюда вопросов де Соссюр фактически вводит операции с разбиением множеств. Все словоформы падежей всех имен существительных образуют исходное множество словоформ. Сначала, как поступали и до него, де Соссюр разбивает это множество на четыре подмножества, соответствующие четырем акцентным парадигмам. Затем в соответствии с открытым им законом, он соединяет множества попарно, так {I, II}, {III, IV}, или, иными словами, разбивает исходное множество только на два подмножества. Все это такие разбиения, при которых элементом разбиения является слово, точнее словоформа. Последнее из этих разбиений и является реконструкцией предшествующего этапа в развитии литовской акцентной системы имени.

Далее де Соссюр переходит к разбиениям более абстрактного типа, при которых элементом разбиения является падежная форма, т. е. тоже словоформа, но рассматриваемая уже только со стороны ее флексии. С этой точки зрения все множество падежных флексий распадается на два подмножества: 1) флексии, могущие иметь на себе ударение и являющиеся фактически ударяемыми в подвижной парадигме, но неударяемыми в неподвижной (например, -ōs в *galvos*, *mergōs*, но -os в *várnos*, *raĩkos*), де Соссюр называет их «окситонируемые» и обозначает заглавной омегой Ω; 2) флексии, не могущие иметь на себе ударения, не окситонируемые ни в подвижной, ни в неподвижной парадигмах (например, -a), де Соссюр называет их «баритонные» и обозначает заглавной дзетой Z. Как нетрудно видеть, эта классификация флексий по ударности (или «окситонности») в потенции еще не достаточна для полной характеристики каждой формы, требуется указание фактической ударности («окситонности»). Для этого де Соссюр совмещает две классификации — данную и вышеприведенную классификацию парадигм ({I, II}, {III, IV}), т. е. совмещает два разбиения множества словоформ. В результате получаются следующие четыре класса падежных форм по их отношению к ударности, или «окситонности»:

1) Z = никогда не окситонируемые формы: *Dat. Sg. mergai*, *Acc. Sg. meĩga*, *Nom. Pl. meĩgos*; по отношению к окситонности, следовательно, это «пустой класс»;

2) Zα = формы, являющиеся окситонными во II и IV парадигмах, т. е. в связи с передвижением ударения по закону де Соссюра: *Acc. Pl. mergàs*, *Nom. Acc. Dual. mergi*;

3) Ω = формы, являющиеся окситонными в III и IV парадигмах, т. е. в связи со старой подвижностью (предшествующей действию закона де Соссюра): *Gen. Sg. mergōs*, *Gen. Pl. mergũ*;

4) Ωα = формы, являющиеся окситонными во всех трех пара-

дигмах II, III, IV, т. е. фактически окситонные формы, независимо от причин: Nom. Sg. fem. — à (ā).

Эта классификация является «алгебраической» по способу действия с объектами: устанавливается исходное множество, и оно подвергается различным разбиениям на подмножества; устанавливается пересечение подмножеств разных разбиений; эта классификация является алгебраической и по абстрактному характеру объектов: элементом классификации оказываются не только фактически ударные, но и потенциально ударяемые словоформы, среди последних могут быть и фактически никогда не ударяемые. Вместе с тем эта классификация обладает большой объяснительной силой. Как выяснилось в дальнейшем (частично в этой же работе де Соссюра, и затем в других исследованиях), узловыми точками языковой системы, как в ее статике, так и в ее динамике, оказываются такие формы, которые занимают места одновременно в двух классификационных рядах — абстрактном и конкретном, реализованном. В приведенном ряду флексий таковыми являются 2 и 3 группы форм, которые совмещают положительные потенциальные и положительные реальные характеристики. По потенциальной характеристике это «формы, допускающие окситонность», а по реальной характеристике это «формы, имеющие окситонность». Что касается групп 1 и 4, то они не принадлежат к типу узловых точек системы, так как у них потенциальные и реальные характеристики расходятся: группе 1 не соответствуют никакие фактически реализованные окситонные надежные формы (это «пустой класс»), а группе 4 соответствуют самые разные ячейки потенциального ряда (это разнородный класс) ⁹.

Третий круг вопросов, разбираемых де Соссюром, в связи с акцентуацией, касается ч л е н е н и я с л о в о ф о р м. Здесь де Соссюр фактически вводит понятие позиции, получившее столь важное значение в дальнейшем. Позиции, по Соссюру, могут быть двух типов: слоговые, получаемые членением словоформы на слоги (*до-че-ри*) или, как их следует назвать в современной терминологии, непосредственно наблюдаемые позиции, и морфемные, получаемые членением словоформы на корень, основу и аффиксы (*до-ч-ер-и*), или абстрактные позиции.

Когда перемещение ударения вызвано фонетическими причинами, то ударение просто переходит с одного слога на другой, из одной наблюдаемой позиции в другую. Но если оно при этом оказывается в новой абстрактной позиции, то последствия оказываются очень далеко идущими. Это явление принципиально того же по-

⁹ О сложности классификации де Соссюра косвенно свидетельствует то, что в литуанистической литературе имеется иная, не сходная с нашей интерпретация указанных четырех классов: *T. Torbiörnsson. Litauische Akzentfragen* [Archivum] Philologicum, V. Kaunas, 1935, стр. 66—99.

рядка, что и рассмотренное выше явление в парадигмах. Именно такое двойное перемещение де Соссюр открыл в литовских именах существительных с основой на сонант (которые в свою очередь входят в более широкий разряд существительных с атематической основой). Первоначальное абсолютное перемещение (по всей вероятности, чисто фонетическое) произошло только в двух падежах Вин. и Дат. — Мест., но относительное смещение оказалось очень существенным. На таблице 6 сплошные линии означают слоговые границы, пунктирные — морфемные:

Таблица 6

До смещения					После смещения				
N. V.	* duk	tē			> duk	tē			
A.	* duk	tē	r	in	> dūk	te	r	i	
D.-L.	* duk	te	r	i	> dūk	te	r	i	
G.	* duk	tā	r	ēs	> duk	te	r	ēs	
I.	* duk	te	r	i mī	> duk	te	r	i mī	

Результатом этого сдвига было следующее: 1) основа перестала быть окситонной, 2) появилась четкая оппозиция корневого и флексийного ударения, 3) возникло расстояние, измеряемое в слогах, между ударением на флексии и ударением на корне. Но корень — одновременно первый слог слова. Таким образом, с точки зрения акцентных парадигм, окончательным результатом всех этих абсолютных и относительных сдвигов было то, что появилась акцентная парадигма с переносом ударения с конечного на начальный слог над некоторым числом промежуточных слогов. Теоретически число промежуточных слогов для акцентной кривой безразлично. Эта парадигма, по де Соссюру, послужила образцом для возникшей на ее основе, типично литовской подвижности ударения (табл. 7).

Таблица 7

duk	te	rēs
dūk	te	rī
pa	siun ti	nỹs
pà	siun ti	nī
su	de gan čia	mē
sù	de gan čia	me

§ 3. Алгебраический метод в современных исторических реконструкциях.

Понятия «матрицы» и «позиции»

Та современная лингвистическая методика, которая основана на принципах де Соссюра, заключается в изучении классов, или множеств, лингвистических элементов. В этом смысле она и может быть названа «алгебраической» в широком смысле термина: исследователь отвлекается от индивидуальности элементов, рассматривая их лишь как элементы некоторых множеств.

Приведенные в этом параграфе рассуждения развивают положения, намеченные в алгебраическом методе де Соссюра. В более или менее системном виде они до сих пор не формулировались¹⁰. Дальнейшее развитие лингвистики, в частности и методов внутренней реконструкции, пошло после де Соссюра иными путями. Понятие множества лингвистических элементов получило сразу очень большое, а в некоторых отношениях чрезмерно большое обобщение, в одном течении — в теоретико-множественных моделях языка¹¹. Понятие позиции получило развитие в другом течении, в глоссематической теории Л. Ельмслева под названием «катализа» и «управления» (*rection*), а позднее, как уже упоминалось, в порождающих грамматиках. Принцип соотношения конкретной и абстрактной позиций, конкретного и абстрактного множества, как принцип, определяющий развитие языка, получил развитие в третьем течении, в учении Е. Куриловича о «морфологической доминации». Принцип абстрактного процесса был использован в теориях порождающих грамматик. Три последние понятия, нашедшие непосредственное применение к внутренней реконструкции, ниже будут рассмотрены. Но мы будем рассматривать их, исходя из той трактовки основных понятий, которая дана в этом параграфе. Во многих отношениях эта исходная позиция является наиболее общей.

Для анализа алгебраического метода в применении к исторической реконструкции, в общем достаточно двух его основных понятий — понятия матрицы и понятия позиции.

Лингвистическая матрица есть изображение на плоскости соотношения каких-либо множеств объектов. Так как плоскость двухмерна, то матрица строится на двоичном основании и количество оцениваемых с ее помощью множеств тоже два. Элементы одного множества символизируются отметками по вертикальной оси, элементы другого — отметками по горизонтальной оси. Посредством матрицы можно изобразить и соотношение между элементами внутри какого-либо одного множества, но в этом случае необходимо каждый один элемент этого множества представить

¹⁰ Кроме некоторых разделов учения о матрицах: А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 180—190.

¹¹ См.: А. Маркус. Теоретико-множественные модели языков. Перев. с англ. М., 1970; см. также ч. III, гл. II, § 1.

два раза: один раз на вертикальной оси, другой раз — на горизонтальной. Таким образом, матрица всегда нечто раздваивает, разбивает на два. Поэтому и с другой стороны, когда матрица представляет соотношение двух разных множеств, их можно в определенных случаях рассматривать как две части одного множества.

Матрица есть структурная схема множества лингвистических объектов. Когда такое множество объективно, в самой организации языка слабо структурировано, то в матрице можно менять местами, переставлять колонки или строки, или и то и другое. Назовем такие матрицы матрицами общего типа, или матрицами со свободным расположением колонок и строк. Примерами таких матриц могут служить множества, рассмотренные в первой части этой книги (§ 5). Когда множество объектов структурировано более жестко, то на свободу перемещения колонок или строк накладываются ограничения. Ярким примером этого является матрица как структурная схема парадигмы. Назовем такие матрицы матрицами с несвободным расположением колонок и строк. Пример матрицы с несвободным расположением колонок дает любая парадигма склонения, в которой места соответствующих морфем расположены одно под другим, то есть позиции морфем образуют колонки, но строки такой матрицы допускают свободную перестановку (табл. 8).

Таблица 8

Матрица с несвободным расположением колонок

а) игр	а			б) игр	ы		в) игр	а	м	и
игр	ы			игр	а	м	игр	у		
игр	е			игр	у		игр	а	м	
игр	у		
игр	о	ю		и т. д.			и т. д.			
игр	а	м								
игр	а	м	и							
...							
и т. д.										

Когда в парадигме одно слово исторически предшествует другому, что нередко имеет место в парадигме словообразования, то естественно отвести более ранней словоформе верхнюю строку, а более поздней и производной — более нижнюю. Такая матрица будет примером матрицы с несвободным расположением колонок и строк (табл.9).

Рассмотрение матриц позволяет естественно ввести и определить понятие позиции. Как мы уже видели выше (здесь, § 2), различие конкретных и абстрактных позиций было установлено в первоначальной форме де Соссюром. Но у него понятие по-

Таблица 9

Матрица с несвободным расположением колонок и строк

а) стол	—	—	—	—	б) голеностоп	н	ы	й
стол	ов	а	ть	ся	голеностоп	—	—	—

Примечание: существительное *голеностоп* в русском языке образовано путем обратной деривации от прилагательного *голеностопный*.

зиции не было поставлено в связь с понятием парадигмы в явном виде, поэтому понятие позиции осталось неопределенным. Мы определим позицию как пересечение колонок и строки матрицы с несвободным расположением колонок и строк. Примеры позиций содержатся в приведенных выше табличках. Так, у словоформы *игр-а-м-и* четыре позиции. Позиции могут быть более конкретными и более абстрактными. Понятия конкретности и абстрактности позиций относительны. Если в парадигме записаны и соотнесены словоформы или слова в их наблюдаемой форме, например, в фонетической или орфографической записи, то матрица такой парадигмы будет содержать наблюдаемые, или конкретные, позиции. Если в парадигме представлены словоформы или слова в их теоретической записи, то матрица такой парадигмы будет содержать абстрактные позиции. В приведенных выше матрицах слово *стол* содержит по соотнесению с соответствующим глаголом пять абстрактных позиций, слово *голеностоп* содержит четыре абстрактные позиции. Примеры теоретической, или «катализованной», записи словоформ рассматриваются ниже (ч. II, гл. I, § 4, § 9); вопрос о соотношении конкретных и абстрактных позиций подробнее рассматривается в ч. II, гл. II, § 6; общие логические основания алгебраического метода рассматриваются в ч. III, гл. I, § 1 и гл. II, § 1. Сказанного здесь достаточно, чтобы проиллюстрировать применение алгебраического метода в современных исторических реконструкциях.

Для иллюстрации положения о том, что различие конкретной и абстрактной позиций весьма существенно для реконструкции, предлагаем читателю еще раз, с новой точки зрения, вернуться к акцентным реконструкциям де Соссюра (§ 2), которые полностью сохраняют свое значение. Некоторые другие вопросы применения алгебраического метода в реконструкциях проиллюстрируем более подробно.

Предварительно введем понятие оптимальной матрицы. Оптимальное число компонентов матрицы определяется соотношением $\log_2 m = k$, где 2 — количество осей матрицы и знаков совпадений — несовпадений (знак совпадения + или 1, знак несовпадения — или 0; в лингвистических матрицах удобнее применять + и —, так как нулю отводится другое значение, символизация неопределенности), m — количество элементов одного мно-

жества, k — количество элементов другого множества. Такие матрицы мы будем называть оптимальными. Например, для описания восьми русских падежей (И, В, Т, Д, Р первый, Р второй, П первый, П второй) требуется $\log_2 8 = 3$, т. е. по крайней мере три колонки, соответствующие трем каким-либо признакам, и обратно — для полного (оптимального) использования трех различительных признаков необходимо, чтобы множество различаемых ими объектов состояло из $2^3 = 8$ — восьми элементов.

Продолжим пример с литовскими акцентными парадигмами. Мы имеем множество из четырех элементов — четырех парадигм I, II, III, IV и несколько признаков для различения элементов этого множества, т. е. различения парадигм: 1) интонация корня — акут (+) — не акут (—), 2) далее характер акцентной кривой (см. схему на стр. 61) — по форме акцентной кривой, соответственно тому, загнут ли ее нижний конец влево, как у I, II, или не загнут, как у III, IV, — это соответствует месту ударения в форме местного падежа, и 3) по силе изгиба — сильный изгиб у II, III, слабый — у I, IV. Для различения четырех объектов достаточно двух признаков ($2^2 = 4$), а в данном случае признаков три. При составлении матрицы окажется, что для четырех объектов матрица избыточна, так как в ней три признака вместо двух (табл. 10).

Таблица 10

Матрица акцентных парадигм литовского языка (1)

Объекты (парадигмы)	Признаки		
	1 Интонация корня (акут +, не акут—)	2 Место ударения в форме местн. пад. мн. числа (на корне +, не на корне—)	3 Изгиб акцентной кривой (слабый +, неслабый —)
I	+	+	+
II	+	—	—
III	—	+	—
IV	—	—	+

Литовские парадигмы ударения имеют три существенных признака, позволяющие различать ($2^3 = 8$) восемь объектов, на деле же различаются лишь четыре объекта — четыре парадигмы. Используем это свойство и дополним матрицу (1) до оптимальной — припишем в нее еще четыре объекта. Приписанные четыре объекта, естественно, будут несуществующими, условными объектами (какими-то возможными, но не существующими парадигмами ударений) (табл. 11).

Бросается в глаза яркая особенность литовских акцентных парадигм; дополнение матрицы парадигм до оптимальной матрицы дает два четко симметричных класса, т. е., как это видно из

Таблица 11

Матрица акцентных парадигм литовского языка (2)

Объекты (парадигмы)		Признаки		
		1 Интонация корня (акут +, не акут —)	2 Место ударения в форме местн. пад мн. ч. (на корне +, не на корне —)	3 Изгиб акцентной кривой (слабый +, не слабый —)
Существующие реальные объ- екты, «непустые классы»	I	+	+	+
	II	+	—	—
	III	—	+	—
	IV	—	—	+
Ось симметрии				
Несуществующие объекты, «пустые классы»	V	+	+	—
	VI	+	—	+
	VII	—	+	+
	VIII	—	—	—

расположения плюсов и минусов в ней, два контрастно-симметричных класса, притом таких, что все действительные, и только действительные, объекты попадают в один класс, а все недействительные, и только недействительные, объекты — в другой. Эта особенность и делает литовские акцентные парадигмы идеальным естественным объектом для алгебраической реконструкции. Не случайно основоположник «алгебраической лингвистики» Ф. де Соссюр именно на этом материале обрабатывал свои важнейшие теоретические понятия, — формулировку открытого им, независимо от Ф. Ф. Фортунатова, закона («закон Фортунатова — де Соссюра»); понятие «оппозиции» (у него *alternance*) и др.

На этом же материале удобно показать некоторые другие общие свойства матриц. Выше мы познакомились со сложением матриц. Так в табл. 11 (2) к одной матрице была прибавлена другая. Этот случай — также достаточно общий, так как при сложении лингвистических матриц необходимо только, чтобы складываемые матрицы совпадали либо числом своих колонок, либо числом своих строк (в данном примере они совпадают и числом колонок, и числом строк; при этом наименование колонок обеих складываемых матриц одно и то же).

Далее, избыточная матрица действительного класса (табл. 10, 1) или половина оптимальной матрицы (табл. 11, 2) в свою очередь становится оптимальной при исключении одного признака. Три признака (колонки 1, 2, 3) связаны между собой таким образом, что любой признак предсказуем по двум остальным, любой

третий признак оказывается избыточным. Например, читая верхнюю половину матрицы (табл. 10, 1) слева направо, мы видим, что в колонке 3 будет всегда +, если в двух предыдущих колонках одинаковые знаки, и всегда —, если там знаки разные. Это «кольцеобразная зависимость» признаков: любые два признака, взятые парой, оказываются к третьему признаку в отношении так называемого дополнительного распределения. Поэтому любой третий признак можно исключить, но с некоторой потерей информации. Такие матрицы требуют выделения в особую группу (и особо рассматриваются ниже). Этот случай отчетливо показывает, когда избыточность признаков можно исключить без всякой потери информации: очевидно, в том случае, когда признаки не образуют кольцевой зависимости (табл. 12).

Таблица 12

1	2	3
+	—	—
+	+	+
—	—	—

Здесь признак колонки 3 просто дублирует колонку 2.

Рассмотренные свойства являются достаточно общими и допускают общую формулировку: избыточную по количеству признаков матрицу со свободным расположением колонок и строк можно свести к оптимальной или, по крайней мере, к менее избыточной, исключая лишние колонки или строки. При этом, если исключаемые признаки не входят в кольцевую зависимость с другими, то никакой потери информации не происходит; в противном случае происходит некоторая потеря информации, могущей оказаться важной для лингвиста (об этом см. ниже); иными словами, для того чтобы быть оптимальной, лингвистическая матрица должна обладать не только оптимальным количественным строением признаков (логарифмическая формула), но и оптимальным качественным: полной независимостью признаков друг от друга.

Применим алгебраическую методику еще к одному примеру, коснувшись проблемы гуттуральных в общеевропейском.

В индоевропеистике существует дискуссионный вопрос о количестве гуттуральных согласных фонем в общеевропейском языке. В максимальном теоретически возможном наборе группа индоевропейских гуттуральных представлена в табл. 13.

Наличие ряда глухих придыхательных (на схеме он взят в скобки) не доказано, и большинство лингвистов обходятся в своих реконструкциях без него. Количество вертикальных колонок как

Таблица 13

	Палат.	Веляр.	Лабил.
Глухие взрывные:	\hat{k}	k	k^w
придыхат.:	($\hat{k}h$)	kh	k^wh
Звонкие взрывные:	\hat{g}	g	g^w
придыхат.:	$\hat{g}h$	gh	g^wh

раз и является предметом дискуссий. Как известно, одни лингвисты (Соссюр, Мейе, Леманн и др.) считают, что палатальные развились позднее, лишь в одной группе индоевропейских языков (в языках «сатэм»), и должны быть исключены из схемы общеиндоевропейского состояния. Другие полагают, что последнему принадлежат велярный и палатальный ряды, а позднее развились лабиализованные, и притом также лишь в одной группе индоевропейских языков, — в языках «кентум». Третьи (Беценбергер, Бругманн, Хирт, Курилович, Тропский и др.) принимают для общеиндоевропейского все три ряда: палатальных, велярных и лабиализованных (или лабиовелярных)¹². Возьмем какую-либо одну из двух групп гуттуральных — или глухие, или звонкие (так как обе группы, очевидно, тождественны по отношению к трем указанным рядам), и с помощью матриц проделаем логический анализ. В данном случае такой анализ не дает нового знания об индоевропейских фонемах, но он дает представление о логическом устройстве лингвистических гипотез о них.

Записать велярные и палатальные легко: у них по одному взаимоисключающему признаку — либо велярность, либо палатальность, а остальные два отсутствуют. Что же касается лабиализованных, то здесь дело сложнее: так как мы в действительности ничего не знаем о фонетической реализации этих индоевропейских фонем, то можно считать либо, что признак лабиальности зависит от признака велярности, т. е. что лабиализованные — это велярные с еще одним признаком — лабиальности, либо, что признаки лабиальности и велярности взаимно независимы, т. е. что лабиализованные гуттуральные могли отличаться по месту смычки в полости рта от велярных, но меньше, чем палатальные от велярных. Нам придется соответственно построить две матрицы. Одна из них будет соответствовать тому, что признаки лабиальности и велярности взаимозависимы и поэтому один из них должен быть исключен. При этом опять представляются две возможности: исключить признак лабиальности или признак велярности (табл. 15, 16). Другая матрица будет такой как выше (табл. 11, 2),

¹² Обзор проблемы см.: В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, стр. 76—85.

и она соответствует тому, что признаки лабиальности и велярности взаимонезависимы и могут комбинироваться. В этом случае строим матрицу по трем признакам из 8 строк ($2^3 = 8$). Сразу разобьем матрицу, как в случае ударений, на два подмножества строк: строки, соответствующие фонемам \hat{k} , k и k^w , обозначим этими буквами, а остальные пять строк (так как матрица избыточна), соответствующие неизвестным объектам, обозначим буквой x с номерами (табл. 14).

Таблица 14

Матрица индоевропейских гуттуральных (группа глухих) при взаимонезависимости трех признаков (1)

Объекты	Признаки			Объекты	Признаки		
	лабиальность	велярность	палатальность		лабиальность	велярность	палатальность
x_1	+	+	+	k	—	+	—
x_2	—	+	+	k^w	+	+	—
\hat{k}	—	—	+	x_4	+	—	—
x_3	+	—	+	x_5	—	—	—

Примечание. Таблица разрезана по оси симметрии, ср. табл. 11.

Эта матрица показывает, что три данные фонемы попадают в разные разбиения относительно оси симметрии, — случай, резко отличный от того, с которым мы столкнулись в связи с литовскими ударениями. Такую матрицу нельзя свести ни к какой менее избыточной. Если под гуттуральными мы понимаем фонемы, а не просто звуки, т. е. не позиционные варианты каких-то других фонем, то следует принять во внимание весьма экономную организацию в фонемных системах вообще. В таком случае в высшей степени сомнительно, чтобы столь неэкономная система могла когда-либо в действительности существовать. Это представление о индоевропейских гуттуральных фонемах с большой степенью уверенности можно отвергнуть.

Рассмотрим остальные случаи (см. табл. 15 и 16).

При таком представлении, как в табл. 15, система оказывается компактной и в ней свободна одна клетка — для лабиального и палатального \hat{k}^w . Мы видим также, благодаря этому, что когда Е. Курилович¹³ постулирует четвертый член группы гуттуральных — как раз лабиальный и палатальный \hat{k}^w , который он находит в латинском языке, где действительно *gi* особенно часто соединяется с гласными переднего ряда *i*, *e* — то он по существу лишь

¹³ J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 356—375.

Таблица 15

Тот же случай при условии
взаимозависимости признаков
лабиальности и велярности и
исключения из матрицы велярности

(2)

	Пала- тальный	Непалаталь- ный
Лабиальный		k^w
Нелабиаль- ный	\hat{k}	k (велярный)

Таблица 16

Тот же случай при условии
взаимозависимости признаков
лабиальности и велярности и
исключения из матрицы лабиальности

(3)

	Пала- тальный	Непалаталь- ный
Велярный		k
Невеляр- ный	\hat{k}	k^w

делает логический вывод и заполняет пустую клетку некоей логической схемы (табл. 15).

В третьей трактовке одна клетка матрицы в принципе не может быть заполнена, так как — это мы установили в самом начале — признаки палатальности и велярности несовместимы.

Здесь мы получаем наиболее полное соответствие без каких бы то ни было добавлений тем трем фонемам, которые, как уже было сказано, и признаются большинством современных лингвистов для общендоевропейских гуттуральных глухих.

Не следует, однако, думать, будто последнее решение вопроса будет одновременно и наиболее простым. Все три матрицы (табл. 14, 15 и 16) связаны взаимными преобразованиями и заранее принятыми условиями: в матрице (1) все признаки принимались как взаимонезависимые, но совместимые; в матрице (2) — взаимозависимые и совместимые; в матрице (3) — взаимозависимые и — в положительной форме — несовместимые. Это заставляет предполагать, что в таких случаях лингвисты имеют дело с градуально зависимыми друг от друга классификационными признаками, — проблема, которая выходит за рамки вопроса об алгебраических методах ¹⁴.

§ 4. Функцивный метод Л. Ельмслева.

Понятия «катализа» и «импликация»

При всей сложности системы Л. Ельмслева она может быть сведена к немногим основным положениям. Одним из них является понятие к а т а л и з а, и это как раз то понятие, которым «алгебраический» метод существенно дополняется в чисто лингвистическом отношении.

¹⁴ На другом материале эта проблема описания (из трех признаков любые два могут считаться зависимыми) рассматривается в работе: Т. В. Булыгина. О русских долгих шипящих. «Фонетика. Фонология. Грамматика». М., 1971, стр. 87.

По де Соссюру, языковой знак есть единство означаемого и означающего, но, как выяснилось вскоре после того, как это положение было сформулировано, — единство асимметричное: одному означаемому могут соответствовать несколько означающих и наоборот. Задачей Л. Ельмслева было устранить эту асимметрию в теоретическом описании. Для этого Л. Ельмслев постулирует в речевой цепи вместо одного два ряда означающих: конкретный, непосредственно наблюдаемый ряд звуков речи и абстрактный ряд «кенематем» («сенематем»). Точно так же вместо одного ряда означаемых он вводит два — конкретный ряд понятий и представлений и абстрактный ряд языковых значимостей «плерематем». Конкретные ряды относятся к «субстанции» — субстанции выражения и субстанции содержания и не связаны непосредственными отношениями символизации. Напротив, абстрактные ряды, непосредственно и однозначно соотносятся друг с другом, они уже не асимметричны, и собственно они-то и составляют язык. Установить однозначное соотношение абстрактных языковых сущностей, кенематем и плерематем, друг с другом значит произвести полный анализ. Наличие однозначного соотношения проверяется операцией «коммутации». Коммутация заключается в том, чтобы выявить столько кенематем, сколько имеется элементов плана выражения, которые при замещении одного другим влекут изменение в плане содержания. Например, русские «а» и «о» кенематемы, что выясняется коммутацией *дам* — *дом*. Катализ — есть операция, предшествующая полному анализу и подготавливающая его. Катализ (от греч. *κατάλυω* 'развязываю, расслабляю') имеет целью ослабить видимые, субстанциальные связи между элементами речевой цепи и позволить увидеть за этим глубинную реальность — абстрактные сущности языка. Практически катализ сводится к тому, чтобы дополнять непосредственно наблюдаемую речевую цепь таким количеством элементов, какое только можно ввести, не вызывая изменения плана содержания. Простой пример катализа — замена непосредственно наблюдаемого *хожу* на «ходжу». В одном наблюдаемом «ж» мы выделяем «д» на том основании, что оно имеется в парадигме *хожу, ходишь, ходит* и т. д., а оставшийся элемент обозначаем как «j», и таким образом сводим конкретное «ж» в этом слове к абстрактному «dj». С точки зрения трех уровней абстракции, которые Л. Ельмслев называет, в направлении от абстрактного к конкретному, схемой, актуализацией, манифестацией (они имеют много других названий в других системах терминологии), катализ соответствует среднему уровню, он выявляет актуализацию.

В другой лингвистической системе, а именно в системе Московской фонологической школы и Р. И. Аванесова, трем названным уровням Л. Ельмслева соответствуют три типа транскрипции — морфофонематическая, словофонематическая, фонетическая. Благодаря этому обстоятельству положения Л. Ельмслева можно иллюстрировать хорошо известным русскому читателю матери-

алом. В фонетической транскрипции (I) кратчайшие звуковые единицы рассматриваются с максимальным учетом всех их физиолого-акустических свойств и вне отношения к структуре языка. В словофонематической (II) транскрипции звуки речи передаются на письме освобожденными от всего «внешнего», от тех их сторон, которые обусловлены позицией в данном конкретном случае. В морфофонематической транскрипции (III) кратчайшие звуковые единицы предстают полностью «обнаженными», с указанием лишь тех их сторон, которые существенны, самостоятельны в смысле независимости от фонетической позиции и от данного конкретного слова, т. е. при этом кратчайшие звуковые единицы передаются лишь с учетом их отношения к различению морфем, а следовательно с учетом их отношения к структуре языка¹⁵. Словофонематическая транскрипция Р. И. Аванесова и соответствует катализу Л. Ельмслева. Например, I. [н'ос], [н'и^е слá], [кан' óм], [ókун' ýм]; II. [н'ос₂], [н'ас₂ слá], [кан' óм], [ókун' óм]; III. [н'ос], [н'ос₁ лá], [кон' óм], [ókун' óм]. В каталитической записи (II) непосредственно наблюдаемая речевая цепь (I), с одной стороны, дополняется новыми элементами (с₁, с₂), с другой стороны — некоторые элементы освобождаются от различающих их внешних, чисто позиционных черт, и благодаря этому отождествляются (и^е, а, ь = а).

Вообще говоря, нет строгой границы ни между записью манифестации и катализом, ни между катализом и анализом. Всякая запись манифестации есть простейший катализ, и всякий анализ есть полностью завершенный катализ. Поэтому в дальнейшем, говоря о любой записи словоформ и других элементов речевой цепи, сколь бы развернутой эта запись ни была, от орфографической формы до формы с обозначением абстрактных элементов, мы будем называть такую запись каталитической, или просто катализом. Но если при этом показывается, каким образом была достигнута эта запись, то подобный показ будет уже анализом. Таким образом, всякий катализ есть результат той или иной, хотя бы начальной, ступени анализа. Но при этом сам анализ может опускаться.

Теорию Л. Ельмслева отличает от фонологических теорий его времени одна существенная черта, благодаря которой эта система остается актуальной и при «порождающем» подходе, характерном для современной лингвистики. Эта черта — понятие *импликации*. Под импликацией понимается порождение одного элемента речевой цепи другим элементом, соседствующим с первым. Импликация — это не что иное, как функция детерминации между элементами текста. Примером импликации (в данном случае морфофонематической) служит отношение $\delta j \rightarrow ж$ в случае $ход\delta j y \rightarrow хожу$: δ имплицитно порождает $ж$ в соседстве с j . В Московской фонологиче-

¹⁵ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 215—224, пример оттуда же.

ской школе (1930—1950-х годов) решались другие задачи и понятие импликации не разрабатывалось. Например, на всех уровнях транскрипции элементы предстают соположенными, без указания того, как один элемент имплицитует другой в соседстве третьего. Однако весьма совершенная система Московской фонологической школы позволяет в случае необходимости развить на ее основе и системы импликаций¹⁶. В системе Ельмслева импликация занимает центральное место среди функций, т. е. зависимостей между языковыми элементами. Последние по отношению к функциям называются *функтивами*, откуда мы производим и название всего метода — «функтивный». Импликация имеет место на всех трех уровнях — в манифестации, в актуализации и в системе. Но только на двух последних она приобретает в системе Ельмслева существенное значение (на уровне манифестации импликациями будут, например, всевозможные ассимиляции и диссимиляции). На уровне актуализации импликация связывает отдельные конкретные элементы, непосредственно соседствующие друг с другом (по Ельмслеву, в составе одной «синтагмы») и называется *детерминацией*. На уровне системы импликация связывает абстрактные элементы, или, что то же, классы конкретных элементов, которые, следовательно, уже не принадлежат одной синтагме. Импликация на уровне системы называется у Ельмслева *управлением*, или *рекцией* (*rection*). Отсюда делается ясным следующее определение: «рекция — это гетеросинтагматическая детерминация» («la rection c'est la détermination hétérosyn-tagmatique») ¹⁷.

Тем положением, что рекция на абстрактном уровне повторяет в очищенном и обобщенном виде детерминацию на актуализованном уровне, Л. Ельмслев полностью предвосхитил положение современных порождающих грамматик (например, «аппликативной» системы 1971—72 гг.), согласно которому процесс порождения на абстрактном уровне повторяет (или предвосхищает) процесс актуального развертывания высказывания, первый «изоморфен» второму.

Детерминация и рекция не обязательно полностью совпадают, но, по Ельмслеvu, закономерности импликаций полностью вскрываются только на самом абстрактном уровне, в виде рекций.

На основе этих положений Л. Ельмслев приступил к описанию и реконструкции литовской акцентуации¹⁸. В дополнение к общим теоретическим положениям он постулировал для этой цели еще одно, специальное: «Язык, обладающий одновременно слоговыми, интонациями» и слоговыми «ударениями», — система невозможная, противоречащая фундаментальным законам структуры

¹⁶ Это сделано, например, в работе: В. А. Виноградов. Консонантизм и вокализм русского языка (Практическая фонология). М., 1971, стр. 36—80.

¹⁷ L. Hjelmslev. La notion de rection (1939). — В кн.: L. Hjelmslev. Essais linguistiques («Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», v. XII). Copenhague, 1959, стр. 149.

¹⁸ L. Hjelmslev. Accent, intonation, quantité. «Studi baltici», v. 6, 1937.

языка»¹⁹. Поскольку в литовском ударение есть средство выделения слога, постольку слоговая интонация в этом языке не имеет самостоятельного статуса, а является всего лишь сопутствующей ударению чертой и зависит от количества и качества гласного. (Де Соссюр и большинство индоевропейцев принимает обратное положение — о независимости ударения и слоговых интонаций).

Литовские гласные путем катализа (т. е. неполного, предварительного анализа) Ельмслев сводит к четырем кратким а, е, і, u, рассматривая остальные как последовательности, состоящие из теоретически любого количества основных гласных (условное обозначение последовательностей aaa... = â, eee... = ê, и т. д.). Долгие, возникшие из сочетания краткого с носовым плавным, Ельмслев восстанавливает в первоначальной форме.

Катализ	Ельмслева	Орфографическое обозначение
	a	a
	e	e
	i	i
	u	u
aa ... =	â	o
ee ... =	ê	é
ii ... =	î	y
uu ... =	û	û
	an	ȧ
	en	ė
	in	i̇
	un	u̇

В отличие от предыдущего тезиса, это положение Л. Ельмслева совпадает с широко принятой в настоящее время теоретической записью.

Результаты катализа резюмируются следующим итогом. В литовском языке два противопоставленных ударения — высокое (accent haut¹⁹) и низкое (accent bas⁰), последнее в обычном понимании соответствует отсутствию ударения. На слогах с разными гласными они реализуются в виде различных «интонаций»: слог с простым гласным а, е допускает циркумфлекс и акут; слог с простым гласным і, u допускает только циркумфлекс (а также, разумеется, низкое ударение); слог с â, ê, î, û допускает циркумфлекс и акут; то же верно для слогов с простым гласным в сочетании с г, l, n, (.), m, а также для слогов с дифтонгами. Литовская словоформа теоретически допускает ударение на любом слоге, поэтому полная каталитическая запись, а фактически такая запись, как полное обозначение возможностей (ударений в данном конкретном слове) приближается к «аналитической» в указанном выше смысле термина «анализ», выглядит следующим образом (нуль над

¹⁹ Там же, стр. 22.

слогом означает низкое ударение):

‘мать’	mótina	=	‘mâ~ti ⁰ nâ
‘решаю’	spréndžiu	=	‘spren’djuâ
‘праздную’	švenčiù	=	~šven’tjuâ
‘празднует’	šveñčia	=	~šven ⁰ tja и т. п. ²⁰

Что касается того, какая из возможностей фактически реализуется («актуализуется» или «доминирует»), то, по Ельмслеву, это определяется «основным законом литовского ударения», состоящим из двух частей. (1) В минимальной синтагме (*chaîne minimale*, практически она совпадает со словом) всегда доминирует первое высокое ударение, кроме случаев, подпадающих под действие закона де Соссюра, понимаемого как синхронный закон; в этих случаях доминирует второе высокое ударение; этой частью закона объясняются фактические ударения приведенных выше четырех примеров. (2) Если акцентуационное единство (*unité accentuelle*) длиннее минимальной синтагмы, то доминирует первое высокое ударение, принадлежащее тому слогу, который допускает чередование высокого — низкого ударений. Этой частью закона объясняются, по мнению Ельмслева, такие случаи, как *ar pažįsti* = ~ar’pa’žin’stie, где доминирует ударение слога žin, потому что это первое высокое ударение в этой последовательности, и этот слог допускает также низкое ударение, как это видно из наличия *pažinaĩ*; этим же объясняются случаи типа *pažįstu* = = ‘pa’žin’stuâ, где также доминирует ударение слога žin, потому что это акцентуационное единство не является минимальным: ‘pa может само по себе составлять минимальную синтагму, как в диалоге: *Pažįsti?* — *Pa*²¹. Таким образом, фактическая реализация ударений также подчиняется общему отношению импликации (детерминации и рекции).

Трудно сказать, откуда взялось это «правило доминанции ударений». Оно является как *deus ex machina*²². Приводимый Л. Ельмслевом материал не кажется ни вполне очевидным, ни исчерпывающим. Однако оно, по-видимому, все же отражает какую-то объективную тенденцию балтийского ударения, а именно фонетическую тенденцию к крайней «левой» позиции²³.

Как показывает проведенный разбор, ельмслевская систематизация на абстрактном уровне фактически и есть внутренняя реконструкция (так, например, абстрактные гласные и согласные в большинстве случаев совпадают с историческими прототипами литовских гласных). Однако это реконструкция не глубокая, ог-

²⁰ L. Hjelmslev. Accent, intonation, quantité, стр. 33.

²¹ Там же, стр. 38.

²² Точно так же внезапно в более ранней работе Л. Ельмслева является утверждение о метатонии: «Всякий ударный слог принимает интонацию непосредственно следующего за ним слога» (L. Hjelmslev. Etudes baltiques. Copenhagen, 1932, стр. 5).

²³ См. об этой тенденции: Ю. С. Степанов. Ударение и метатония в литовском глаголе. «Baltistica», I priedas, 1972, стр. 169—183.

раничивающаяся ближайшим и в известной степени актуальным этапом. Этой чертой, между прочим, она напоминает систему Панини. Теоретически же Л. Ельмслев высказывался против внутренней реконструкции. «Во всяком состоянии языка есть отголоски предшествующего состояния и зачатки состояния в становлении, которое лишь едва и расплывчато брезжит. Несколько систем в потенции вырисовываются на экране языка рядом с реализованной системой... Если абстрагироваться от наших знаний или гипотез, касающихся эволюции, невозможно решить, являются ли эти потенциальные системы системами возникающими или отживающими... До тех пор пока наблюдение проводится в пределах одного языка, необходимость эволюционной реконструкции никогда не возникает. Все, что имеется в реализованной системе, объясняется из нее самой, а что касается потенциальных систем, то нельзя сказать, системы ли это вчерашнего или завтрашнего дня, или, может быть, системы, которые лишь намечаются, так и не рождаясь»²⁴. В той же работе Л. Ельмслев дает в заключение небольшой очерк реконструкции индоевропейской акцентуации, но делает это на основе внешнего сравнения и постулируемого им панхронического закона о той или иной «доминации ударений».

§ 5. Функцивный метод в современных исторических реконструкциях

Как уже ясно из предыдущего изложения, суть функционального метода заключается в развернутой каталитической записи с указанием импликаций между записанными элементами. Однако обычно не обращается достаточного внимания на то, что изменение синтагматической записи, ее превращение в каталитическую запись, имеет парадигматические последствия. Каждой разновидности каталитической записи неизбежно соответствует иная разновидность парадигмы. Поясним это здесь пока лишь грубым примером. Если русская словоформа *конь* каталитизируется как *конʹ*, то она попадает тем самым в парадигму слов, имеющих морфофонемный или морфемный показатель *j*: *конь*, *день*, *верь* и т. д. Если же *конь* каталитизируется как *кон'*, т. е. элемент *j* специально не выделяется, то она попадает в одну общую парадигму со словами *кон*, *дом*, *двор* и т. д.

Этому парадигматическому следствию из каталитической записи Л. Ельмслев уделял удивительно малое внимание, из-за чего и самое понятие парадигмы осталось у него очень расплывчатым. Между тем сам принцип соотношения «чем длиннее синтагматическая единица, тем шире парадигма, в которую она входит» был для него ясен. Он писал: «Категория (в грамматике. — Ю. С.) — это парадигма, несущая определенную функцию и опознаваемая в большинстве случаев на основе реакции»²⁵. Под реакцией, как

²⁴ Л. Hjelmlev. Accent, intonation, quantité, стр. 42—43.

²⁵ Л. Hjelmlev. La notion de reaction, стр. 143.

уже было сказано в предыдущем параграфе, Ельмслев понимал одностороннюю зависимость, детерминацию, лежащую в синтагматическом плане и связывающую элементы двух разных минимальных синтагм. Так, если предлоги составляют парадигму, то это значит, что они определяются через их способность управлять падежами («иметь рекцию к падежам»). Эти отношения, будучи однонаправленными, могут, однако, рассматриваться в описании в обратном направлении, тогда «категория падежей определяется как парадигма, некоторые члены которой претерпевают рекцию со стороны предлогов и глаголов. Глаголы составляют категории в соответствии с их управлением: глаголы переходные и непереходные; глаголы с дательным падежом, и т. д. Наклонение и вид глагола могут быть определены как такие парадигмы, некоторые члены которых претерпевают рекцию со стороны союзов»²⁶.

Как видим, общий принцип сформулирован здесь достаточно ясно. Но его дальнейшее развитие в рамках теории Ельмслева пошло по особому пути: в «Прологоменах» принцип получил сразу очень большое обобщение. Л. Ельмслев стал выделять на основе трех видов зависимостей («функций») элементарные сегменты текста и затем, последовательно обобщая их в синтагматические классы, ставить им в соответствие столь же последовательно обобщаемые парадигматические классы. На этом пути и создавался опыт общей семиотической теории языка²⁷, но многие частные вопросы, существенные для лингвистики, оказались пропущенными. Не освещенным оказался, в частности, важнейший вопрос о парадигме в грамматике. Особенно сильно это сказалось в работах Л. Ельмслева по внутренней реконструкции. Узость его подхода здесь даже удивляет. Л. Ельмслев, занимаясь реконструкцией литовской акцентуации, сопоставляет не парадигму с парадигмой, а одни падежи с основным ударением, с другими падежами с конечным ударением, в пределах одной и той же парадигмы (современной III—IV, или «подвижной» де Соссюра). После этого он делает вывод, что это «парадигма с чередованиями» (*paradigme alternant*), отличающаяся от «парадигмы без чередований» (*paradigme non-alternant*), подобно тому как в немецком языке парадигма *Stuhl — Stühle* отличается от парадигмы *Schuh — Schuhe*. Задавать же вопрос, в чем общая причина этого противопоставления парадигм, «кеноматическая причина», по мнению Л. Ельмслева, бессмысленно. С точки зрения системы выбор одного из возможных различий — дело случая.²⁸

Ни в работах самого Л. Ельмслева, ни в работах его последователей мы не найдем сколько-нибудь значительных опытов исторической реконструкции на основе функтивного метода. По-видимому, для исторических исследований этот метод в чистом виде оказался мало пригодным. Общая причина этого заключается,

²⁶ L. Hjelmstev. La notion de rection, стр. 143.

²⁷ См. об этом: Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1971, стр. 58—60, 101—103.

²⁸ L. Hjelmstev. Accent, intonation, quantité, стр. 34—35.

вероятно, в том, что современные исторические исследования требуют прежде всего реконструкции системы, а следовательно, развитого учения об оппозициях в парадигматике и не менее развитого учения о процессах в синтагматике, а также метода соотношения того и другого. Но как раз эти вопросы в их конкретном виде не получили, как уже было сказано, достаточного освещения в работах Л. Ельмслева.

Можно считать, что фунгтивный метод отразился в современных исторических исследованиях лишь в глубоко опосредованном виде в той мере, в какой учение об отношениях между парадигмами, намеченное Л. Ельмсловом, было учтено и развито в идее «оппозитивного отталкивания» Е. Куриловича (см. ниже § 6), а ельмсловская категория импликации — в категории «порождения» (см. ниже § 9).

Более непосредственное развитие идей Л. Ельмслева получили в применении к исследованию синхронной системы языка, а следовательно — в свете логического принципа (см. ч. III, гл. I, § 4).

§ 6. Оппозитивный метод.

Понятие «оппозитивного отталкивания» у Е. Куриловича

В соответствии с общими идеями Пражской школы, язык рассматривается как система значимых оппозиций. Оппозиции могут быть значимы как в конкретном чисто семасиологическом смысле, например, «красивый» ~ «некрасивый», так и в более общем структурном смысле. Примером последнего служит противопоставление производного слова базисному, какова бы ни была их семантическая категория.

Основную систему оппозиций составляют грамматические формы, несущие категориальные грамматические значения (презент, имперфект, аорист, перфект в рамках категории времени; предшествование, одновременность, следование в рамках категории времени; генитив и аблатив в рамках категории падежей с пространственным значением, и т. д.). Формы имеют первичные и вторичные функции. Первичные функции выявляются из непосредственного сопоставления форм, вторичные — лишь в контекстном окружении. Например, в индоевропейских языках составные формы времени, англ. *I have written*, фр. *j'ai écrit*, исп. *he escrito*, лат. *scriptum habeo* имеют первичной функцией предшествование моменту речи, а вторичной — законченное действие в прошлом.

Система оппозиций не линейна, а иерархична. В основе иерархии лежит, в сущности, принцип синонимии: одна форма в ее первичной функции делается синонимичной другой форме в ее вторичной функции. Например, форма типа *I have written* делается синонимичной форме *I wrote*. Такое синонимическое совпадение приводит к нейтрализации оппозиции и влечет за собой существенные сдвиги во всей системе.

По мнению Е. Куриловича, «иерархия функций внутри некоторой семантической зоны носит панхронический характер, вообще говоря не зависящий от конкретных языков. Это обстоятельство делает возможной реконструкцию относительной хронологии, хотя только для грамматических категорий, а не для изолированных лексических фактов с их непредсказуемостью в отношении вторичных семантических функций. Чем более грамматичной (т. е. более общей) является данная категория, тем менее дифференцированы ее вторичные функции и тем проще установить семантическое расщепление и относительную хронологию»²⁹.

Панхронические законы изменения функций, по Куриловичу, могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

итератив > дуратив (презенс) > (общий или неопределенный) презенс;

глагол состояния > перфект > неопределенное прошедшее > повествовательное время, и т. п.

Описание системы какого-либо конкретного языка заключается в выявлении его иерархии функций и оппозиций среди основных категориальных форм (презенса, аориста и т. д.), что, по мнению Куриловича, фактически совпадает с определением того, в каком месте универсальной схемы иерархии находится та или иная подсистема данного языка в его данном состоянии. Вторая часть этого положения (об универсальности иерархии) принадлежит к индивидуальной теории Е. Куриловича. Первая часть является более или менее общим достоянием всех тех работ, которые проводятся на основе идей Пражской школы. В этом тезисе получило дальнейшее развитие понятие а б с т р а к т н о г о п р о ц е с с а.

У де Соссюра абстрактный процесс понимается как причинно-следственное отношение между двумя структурными элементами языка, взятыми в два разные момента времени (пример — соотношение ударений и интонаций двух соседних слогов по «закону де Соссюра»).

У Ельмслева абстрактный процесс понимается как соотношение типа импликации между двумя абстрактными сущностями языка (соответствующими классам конкретных элементов); это соотношение допускает как историческую причинно-следственную трактовку, так и синхронную трактовку в виде чисто логического принципа объяснения соотношения двух явлений; причем сам Л. Ельмслев склонен к последнему (закон де Соссюра понимается им как принцип объяснения синхронного соотношения фактов).

В работах, идущих в русле идей Пражской школы, в частности и у Куриловича, тоже присутствует, хотя и в неявном виде, идея абстрактного процесса. Но теперь абстрактный процесс понимается как иерархический порядок морфов и соответствующих им категорий. «Иерархический порядок морфов совсем не

²⁹ Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции (1962). — «Новое в лингвистике», IV. М., 1965, стр. 428, 433.

обязательно соответствует их линейной последовательности. Этот порядок может быть описан строго фиксированной последовательностью трансформаций (Хомский — Халле): и.-е. (*linékti>) *leiq^u> *leik-tó-> *lik-tó-»³⁰. Одна категория доминирует над другой, каждая из них занимает определенное место в оппозитивной системе языка, поэтому запись доминации есть одновременно отображение системы оппозиций в ее иерархии.

Особую роль играют оппозиции во вновь создающихся словах и словоформах, т. е. в системе словообразования. Хотя в реальном историческом процессе производная словоформа не обязательно возникает непосредственно из базисной словоформы, но в синхронной системе базисная форма всегда играет роль основания, или обоснования, производной. Таким образом, между производной и базисной формами существуют отношения обоснования (*rapport de fondement*), которые подчиняются тенденции к поляризации, т. е. установлению как можно более резкого контраста между производной и базисной формами³¹. Чтобы закрепить в термине оба существенных признака этого явления, мы назовем его «оппозитивным отталкиванием».

На этой основе Е. Курилович приступил к описанию и реконструкции литовской акцентуации³² (хотя в развернутом виде общие теоретические положения были сформулированы им позже, фактически они уже содержатся в этой специальной работе 1940 г.).

Е. Курилович исходил из того, что слоговые интонации не были унаследованы от общиндоевропейского периода, а развились независимо в отдельных индоевропейских языках³³. В балтийском общей причиной их возникновения было, по Куриловичу, первоначально чисто фонетическое оттягивание ударения с конечных на срединные слоги (закон Лескина^{33а} и правило де Соссюра относительно типа *dukterį*, см. выше § 2), это оттягивание происходило на фоне противопоставления унаследованных акцентуационных парадигм, баритонной и окситонной, и при тенденции сохранить эти противопоставления в условиях передвинутного ударения. «Закон де Соссюра» возникает, по мнению Куриловича, при оттягивании ударения с конечных слогов, еще до возникновения слоговых интонаций, поэтому закон де Соссюра и закон Лескина составляют один и тот же закон. При этом закон де Соссюра естественно оказывается не диахроническим законом, формулирующим будто бы действительно происшедшее в истории передвижение ударения, а

³⁰ Е. Курилович. Указ. соч., стр. 410.

³¹ Там же, стр. 408; ср. здесь стр. 39.

³² J. Kuryłowicz. Intonation et morphologie en lituanien.—«*Studi baltici*», 7, (1938—1940), 1940, стр. 37—87; *Он же*. Akcentuacja czasownika złożonego. «*Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Splawiński*». Warszawa, 1963, стр. 31—37.

³³ J. Kuryłowicz. L'indépendance historique des intonations baltiques et grecques.—BSL, t. 35, fasc. 1, 1934, стр. 24—35.

^{33а} См. А. Leskien. Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen. «*Archiv für slav. Philol.*», Bd. V, 1881, стр. 183—190.

чисто синхронным правилом, по которому в литовском языке соотносятся определенные типы основ, — законде Соссюра становится синхронным законом морфологической импликации, или доминанции.

Исходя из этого общего положения, Е. Курилович постулирует три класса морфологических явлений и устанавливает внутри каждого класса отношения импликации, называемые им «морфологическими законами» литовского языка.

I. Внутри одной морфологической категории первоначальная баритонеза, противопоставленная окситонезе, имплицитно акутовую интонацию на корневом слоге.

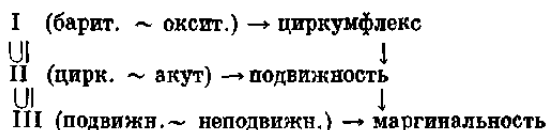
II. Внутри одной именной категории краткий вокализм корня (= корневая интонация циркумфлекс), противопоставленный долгому вокализму корня (= корневая интонация акут) имплицитно подвижность ударения.

III. Внутри одной именной парадигмы, если она имеет подвижность ударения, ударение занимает крайнее (маргинальное) положение, т. е. конечное в одних падежах (так назыв. слабых) и начальное в других падежах (так назыв. сильных), иными словами, в этих случаях ударение передвигается между первым слогом и флексией через теоретически любое число промежуточных слогов [в пределах самой флексии ударение может приходиться как на ее первый, так и на ее последний слог (*pasiuntin-ys*, *pasiuntin-iuo-sè*), оба положения в акцентуационной парадигме равно рассматриваются как конечные] ³⁴.

Как нетрудно видеть, в основе этой совокупности правил лежит следующая система оппозиций. Каждое правило (I, II, III) ограничивает определенный класс морфологических явлений от класса наибольшего объема (I) до класса наименьшего объема (III), причем каждый следующий класс включен в предыдущий ($I \supseteq II \supseteq III$). В пределах каждого класса установлены отношения поляризации, или оппозитивного отталкивания: в I классе первоначальная баритонная парадигма противопоставлена окситонной; во II классе краткий вокализм корня (= циркумфлекс) противопоставлен долгому вокализму (= акуту); в III классе подвижное (= маргинальное) ударение противопоставлено неподвижному; все три противопоставления реализуют один и тот же инвариант — противопоставление двух типов акцентуационных парадигм имени, хотя объем противопоставленных классов может меняться; оппозитивное отталкивание имплицитно в каждом классе определенное явление: в I классе — акутовую интонацию корня (и, следовательно, как ее противочлен — циркумфлексную); во II — подвижность ударения; в III — маргинальное положение ударения. Наконец, результаты импликации каждого класса в свою очередь связаны друг с другом отношениями импликации: циркумфлекс корня имплицитно подвижность ударения, подвиж-

³⁴ J. Kuryłowicz. *Intonation et morphologie en lituanien*, стр. 45—48.

ность ударения имплицитует маргинальное положение ударения. Если оппозицию обозначить знаком \sim , а импликацию стрелкой в сторону имплицитруемого члена, то всю систему можно представить в таком виде:

На этой схеме каждая строка символизирует определенную эпоху эволюции (диахронический срез), следовательно, отношения по вертикали — диахронические отношения; в пределах каждой строки знак \sim символизирует устойчивую систему оппозиций, а знак \rightarrow означает процессы, протекающие во времени, но в пределах данной эпохи. Таким образом, у каждой категории морфологической системы — циркумфлекса, подвижности, маргинальности — два источника, с одной стороны место в системе, определяемое оппозицией, с другой стороны — исторический источник, составляющий материал для этого места. Например, у явления маргинальности ударения системным источником оказывается противопоставление немаргинальному (колонному) ударению, историческим источником — подвижность ударения, в конечном счете восходящая к действительному движению ударения.

Мы выделили и подробно рассмотрели здесь положения концепции Е. Куриловича, существенные для оппозитивного подхода вообще, а следовательно, и для нашей темы. Более полный, но вместе с тем и более суммарный перечень положений лингвистической концепции Е. Куриловича, ориентированный на индоевропейские реконструкции, имеется в авторском изложении³⁵.

Различение двух источников и соответственно двух типов реконструкции — системной (или структурной) и материальной получило дальнейшее развитие в современных сравнительно-исторических исследованиях.

§ 7. Оппозитивный метод в современном сравнительно-историческом языкознании.

Различие материальной и структурной реконструкции

Как уже было сказано выше, при оппозитивном подходе четко различаются, во-первых, основная оппозиция по линии первичных функций, в рамках которой происходит процесс поляризации и процесс развития у каждого члена оппозиции вторичных функций, во-вторых, первоначальная функция форм. Первоначальная функция — это исторический источник происхождения тех форм, которые на рассматриваемом этапе составля-

³⁵ J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, (гл. I), стр. 9—55.

ют первичную оппозицию. Так, например, у местных падежей (локатив, иллатив, аблатив) в индоевропейских языках есть как первичные, так и вторичные падежные функции, в частности, в рамках последних индоевропейский аблатив часто совпадает с генитивом. Но первоначальной функцией этих форм была наречная функция, а их исторический источник — наречия, нередко восходящие к сочетаниям самостоятельных слов.

Уже давно было отмечено, какое огромное значение имеет переразложение основ: выделение нового элемента из основы в пользу окончания в пределах словоформы — процесс чисто материальный приводит к сдвигам в целой системе оппозиций склонения или спряжения³⁶. В настоящее время известные и более общие формы этого явления, когда выделенный элемент приобретает статус целой флексии или суффикса и способность к оформлению новых парадигм, например, индоевропейское окончание инъюнктива *-i-*, флексия и суффикс *-s-* и др.³⁷

В соответствии с этим во внутренней реконструкции строго различаются два процесса: реконструкция системы оппозиций (парадигм) и реконструкция того материального элемента, сводимого в конечном счете к отдельному морфу или слову, который послужил материальным знаком той или иной парадигмы.

Так, неоднократно высказывалось соображение о том, что литовские (соотв. балтийские) парадигмы настоящего и прошедшего времени противопоставлены в структурном отношении наличием — отсутствием структурно, т. е. гипотетически, выделяемого элемента **-a-* при тождестве остальных элементов флексии:

Наст.	Прош. на -o-
1. <i>dirbu</i> = <i>*dirb-u</i>	1. <i>dirbau</i> = <i>*dirb-a-u</i>
2. <i>dirbi</i> = <i>*dirb-i</i>	2. <i>dirbai</i> = <i>*dirb-a-i</i>
3. <i>dirba</i> = <i>*dirb-a</i>	3. <i>dirbo</i> = <i>*dirb-a-a</i>

Прош. на -è-

1. <i>koriau</i> = <i>*kor-j-a-u</i>	или	<i>*kor-i-a-u</i>
2. <i>korei</i> = <i>*kor-j-a-i</i>	или	<i>*kor-i-a-i</i>
3. <i>korè</i> = <i>*kor-j-a-a</i>	или	<i>*kor-i-a-a</i>

Однако только в самое последнее время было дано убедительное отождествление этого **-a-* (по крайней мере, для 1 и 2 л.) с определенным историческим материальным элементом, точнее

³⁶ На материале славянских языков см.: И. А. Бодуэн де Куртене. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. — В кн.: И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 19—29; на древнерусском материале с точки зрения принципа оппозиций см.: Т. П. Ломтев. Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка. — В кн.: «Энгельс и языкознание». М., 1972, стр. 61—72.

³⁷ C. Watkins. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Indogermanische Grammatik. Hb. von J. Kurylowicz. Bd. III/1. Heidelberg, 1969, стр. 49—58 и др.

с двумя: прабалтийские (или прабалтославянские) окончания претерита *-āt, *ēt, сопоставимые с итало-кельтским модальным -ā- и греч. аористным -ē- (η), при отпадении -t- превратились в нулевые окончания и были отождествлены с нулевыми окончаниями презенса, после чего они могли соединиться с материально выраженными окончаниями презенса: -ā + uo > -au, -ā + ie (-ai) > -ai, -ē + uo > -iau, -ē + ie (-ai) > -ei³⁸. В деталях этот вопрос рассматривается ниже (гл. II, § 7).

§ 8. Дистрибутивный метод в историческом применении.

Понятие «замещения» и понятия «актуальной, потенциальной и фактической осуществимости»

Особые приемы реконструкции, основанные на сравнении разных форм одного языкового элемента — морфемы или слова, применялись задолго до того, как получили обобщение в рамках дистрибутивного метода. К этим приемам относится так называемая «дополнительная дистрибуция». В старославянской рукописи «Зографское евангелие» засвидетельствованы формы *сънемъ* и *соньма*. Первая представляет собой им. п., вторая — род. п. ед. ч. одного и того же слова со значением 'собрание'. Запись этих форм по позициям, в данном случае соответствующим слогам, показывает, что редуцированные гласные ъ, ѣ и гласные полного образования о, е распределены контрастно:

	1	2	3		1	2	3
сънемъ	ѣ	е	ѣ	или *	—	—	—
соньма	о	ѣ	а		—	—	—

* Здесь знаки — и — используются нетрадиционно, первый для обозначения гласного полного образования, второй — редуцированного.

Поскольку та и другая формы являются формами одного и того же слова, его более древний вид реконструируется либо в виде (1) *съньмъ (ѣ — е — ѣ), либо в виде *сонема (о — е — а), или — так как известно, что славянское а восходит к о — в виде (2) *сонемо. Первая из реконструированных форм реально обнаруживается в качестве старославянского им. п. съньмъ 'собрание'. Вторая реально никогда не существовала, но представляет собой абстрактную реконструкцию, из которой применением простых морфофонемных правил соответствий могут быть получены формы исторически засвидетельствованных славянских языков:

(3) при ударении на первом слоге — русск. *сонмо, из которой им. п. получается отбрасыванием конечного гласного сонм, а род. п. — преобразованием о → а — сонма;

(4) при ударении на втором слоге чешск. *snemo → *sněmo, из которой им. п. получается также отбрасыванием конечного гласного sněm, а род. п. преобразованием о → u — sněmu.

³⁸ C. Watkins. Geschichte der indogermanischen Verballexion, стр. 214—215.

Статус конечного -о в форме (2) может быть уточнен, если принять во внимание, что оно принадлежит флексии и что система флексий часто, во всяком случае в индоевропейских языках, требует особых морфофонемных и фонемных правил. В таком случае это конечное -о можно рассматривать как (5) общий элемент им. и род. падежей ед. числа основ мужского рода на -о, так что им. падеж в полном реконструированном виде получает запись -o-s, а род. падеж — -o-o > -ō³⁹.

Рассмотренное соотношение исходных форм Зографского евангелия является примером дополнительной дистрибуции, а формы (1), (2), (3), (4), (5) — примером форм реконструкции, выводимых как следствие из этого соотношения.

Категория индоевропейского корня в известной теории Э. Бенвениста также является примером реконструкции, основанной на принципе дополнительной дистрибуции (табл. 17).

Таблица 17

Основа	Корень	Распростра- нитель	Пример
I	reg-	-k-	лит. regš- в глаголе regšù 'сватаю, предлагаю';
II	rg-	-ék-	лат. rgesc- в глаголе rgescog 'прошу, умоляю'.

Мы не случайно сблизили славянский пример, основанный на дополнительной дистрибуции слогов разных видов, и индоевропейский, основанный на дополнительной дистрибуции морфем разных огласовок. Как будет показано в дальнейшем, между тем и другим явлением существует глубокая взаимосвязь.

Существует и более сложный вид дополнительной дистрибуции, когда в этом отношении друг к другу находятся не отдельные словоформы парадигм, а целые классы словоформ — парадигмы в целом. Это отношение в неявной форме лежит в основе реконструкции литовских акцентных парадигм у де Соссюра (см. выше, § 2). В развернутом виде, как основной принцип, дополнительная дистрибуция целых парадигм использована в реконструкции праславянской акцентной системы в работах В. А. Дыбо и В. М. Илича-Свитыча. Они исходили из результатов Х. Станга, который (в работе 1957 г.) реконструировал три акцентные парадигмы: так называемые парадигму «а» (в имени и в глаголе колонное ударение на корне), парадигму «b» (в имени колонное ударение на конечном слого основы, в глаголе колонное ударение на тематиче-

³⁹ Ср.: А. Мейе. Общеславянский язык. Перев с франц. М., 1951, стр. 90, 324; А. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II, 1. Paris, 1958, стр. 30.

ческом гласном), парадигму «с» (в имени и в глаголе подвижное маргинальное ударение). Эти авторы показали, что в ранний период (предшествующий действию «правила Мейе») в имени парадигмы «а» и «б» находились в дополнительном распределении по интонационному качеству гласного основы и, следовательно, были лишь вариантами одной акцентной парадигмы, противопоставленной другой — подвижной парадигме «с». Что касается глагола, то в нем такие же акцентные соотношения также в той или иной степени должны были иметь место ⁴⁰.

После того как в 50-е годы в американской лингвистике была завершена разработка дистрибутивного анализа, его принципы были обращены в диахронию, и на этой основе была создана подробнейшая классификация диахронических изменений Г. Хенигсвальда ⁴¹, которую мы здесь суммарно изложим.

Основной принцип дистрибутивного анализа заключается, как известно, в том, что языковые единицы описываются через совокупность их окружений, т. е. совместной встречаемости с единицами того же наименования: указание на то, какие фонемы могут окружать данную фонему, является описанием данной фонемы; то же действительно для описания морфемы через ее окружения другими морфемами, для описания слова — через его окружение другими словами, и т. д. Однако центральное место в дистрибутивном методе вообще, и в особенности у Г. Хенигсвальда, занимает морфема, точнее морф, — двусторонняя единица, обладающая как планом выражения (звучанием, фонемным составом), так и планом содержания (значением, семемным составом). Фонемы описываются как части морфов, а слова и высказывания как цепочки морфов. Понятие морфемы у Г. Хенигсвальда соответствует «совокупности морфов», термин «морфема» часто применяется для обозначения общего значения этой совокупности, т. е. «морфема» оказывается тождественной «семе» ⁴².

Дополнительная дистрибуция, рассмотренная выше, рассценивается здесь лишь как частный случай соотношения дистрибуций. В общем виде эти соотношения для трех морфов *A*, *B*, *C* представлены на табл. 18 (под *A*, *B*, *C* можно понимать в общем слу-

⁴⁰ См.: *Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation. Oslo, 1957¹; 1966²*; В. А. Дыбо. Рецензия на названную работу. «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 220—225; Он же. О реконструкции ударения в праславянском языке. — ВСЯ, 6, 1962; В. А. Дыбо и В. И. Иллич-Свитыч. К истории славянской системы акцентных парадигм «Славянское языкознание». М., 1963; «правило Мейе» см.: А. Мелье [Meiye]. О некоторых аномалиях ударения в славянских языках. «Русский филологич. вестник», т. 48 (1902) стр. 193 и сл.

⁴¹ H. M. Hoenigswald *Language Change and Linguistic Reconstruction. University of Chicago Press. Chicago, 1960¹; 1964²; London and Chicago, 1966³.*

⁴² Такое употребление термина было характерно для целого периода в развитии американской лингвистики. Подробнее об этом см.: Н. Д. А. рутюнова. О значимых единицах языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 71.

Таблица 18

	I	II	III	IV	V	...
<i>A</i>	+	—	+	—	—	...
<i>B</i>	+	+	—	+	—	...
<i>C</i>	+	+	—	—	—	...

Таблица 19

	I
<i>A</i>	+
<i>B</i>	+
<i>C</i>	+

чае другие элементы языка — фонемы, слова; цифры I, II, III и т. д. означают классы тождественных окружений).

На дистрибутивной основе можно обобщить такие традиционные понятия лингвистики, как синонимия, омонимия, многозначность (полисемия) и др. Так, соотношение типа табл. 19 показывает, что элементы *A*, *B*, *C* различные по другим типам окружений, в окружении типа I являются синонимами. Ср. русские примеры *зубо{врачебный, -лечебный}*; с ним {*каши, узи, пива*} *не сварить*; *между деревь{ев, -ями}*, где элементы, взятые в скобки, являются именно в данных окружениях синонимами.

Все исторические изменения констатируются также в терминах дистрибуции. Общая формулировка здесь такова (табл. 20).

Таблица 20

	I	II	III	IV	...
Предшествующий этап <i>A</i>	+	+	—	—	...
Этап изменения <i>B</i>	+	—	+	—	...

Расположение дистрибуций до и после изменения позволяет дать типологию исторических изменений. С точки зрения дистрибутивного анализа Г. Хенигсвальда, всякое историческое изменение, поддающееся точному описанию, есть *замещение*, замещение одного элемента другим в тождественном окружении (*replacement*). Замещение двух морфов в тождественном окружении одним морфом называется *конвергенцией*, или *слиянием* (*merger*); появление двух морфов на месте одного в тождественном окружении называется *дивергенцией*, или *расщеплением* (*split*). Это два основных типа. Введение дополнительных признаков дает подтипы, или разновидности, среди которых особенно важны: замещение положительного морфа нулевым или наоборот, замена одного морфа другим при их частичном фонемном сходстве (это тождественно понятию «изменение по аналогии» в традиционной классификации младограмматиков).

Наконец, в тех же терминах дистрибуции может быть дано определение и самым общим понятиям исторической лингвистики. Семантическое изменение определяется как изменение дистрибуции; иными словами, изменение дистрибуции языкового элемента при сохранении его контраста с другими элементами тождественно изменению значения этого элемента. Изменение по аналогии определяется как слияние в частично тождественных окружениях сходных по составу единиц (сходство состава может быть в свою очередь определено как тождество дистрибуций более мелких единиц в составе замещающихся). Звуковое изменение и звуковой закон могут быть определены первое — как замещение одного морфа другим при наличии фонемных соответствий между ними, второе — как тождественные звуковые изменения в достаточно широком классе окружений. Г. Хенигсвальд особенно подчеркивает, что, поскольку всякое описание через дистрибуцию дает не индивидуальный элемент, а класс элементов в тождественном окружении, постольку реконструкция на основании звукового закона в этих терминах устанавливает не фонетическое явление, а замещение (replacement) и восстанавливаемое нечто — не звукотип, а абстрактное фонемное соответствие ⁴³.

Приведем один пример диахронического описания по Хенигсвальду ⁴⁴. Рассматривается такая разновидность типа «расщепление», когда в процессе перехода от предыдущего к последующему этапу частично изменилось окружение исследуемой фонемы *a*, а сама фонема «расщепляется»: два ее аллофона становятся самостоятельными фонемами. На начальном этапе *a* встречается в окружениях I, II, III, IV. Затем окружения III и IV совпадают, давая таким образом новый класс окружения V. Если аллофон *a* в окружении III остается физически отличным от аллофона *a* в окружении IV после того как III и IV слились, то в новом окружении V (из III + IV) эти аллофоны начинают контрастировать как две самостоятельные фонемы. Оставшийся аллофон *a* в окружении I, II присоединится либо к одной, либо к другой из двух новых фонем на правах ее аллофона. Этот процесс кратко резюмируется следующим образом: аллофоны одной фонемы становятся самостоятельными фонемами, когда часть их определяющих дистрибуций или дистрибуций в целом начинают совпадать, а фонетическое различие бывших аллофонов остается. Примером этого изменения является, по Хенигсвальду, история и.-е. гуттурального *k^w*. Если считать, что эта фонема имела два аллофона: палатализованный перед *e*, *i* и непалатализованный перед *o*, *r*, *u* и в других позициях, то далее, в соответствии с рассмотренным типом изменения, нужно принять следующее развитие. В индо-иранском и.-е. *e*, *o* совпали (конвергенция) в *a* не только после *k^w*, но и почти во всех других

⁴³ Н. М. Hoenigswald Указ. соч., стр. 72 (по изд. 1)

⁴⁴ Там же, стр. 93—94.

окружениях. Различие палатализованного и непалатализованного аллофонов было тем самым снято перед *a*; *k* и *ç* стали самостоятельными фонемами; *k* встречается также перед *r* и т. п., *ç* — также перед *i*, *y*.

Рассмотрим теперь самый общий (и не выявленный у Г. Хенигсвальда) принцип этого метода. Все рассмотренные выше изменения являются изменениями типа «замещение». Исследователь, действующий по этому методу, констатирует изменение одного элемента (*x*) в другой (*y*) в рамках окружения *A — B*:

A {x — y} B.

Если изменяется само окружение *A — B*, то его нужно рассматривать по контрасту с другим, равным ему по длине окружением *M — N* в рамках более широкого окружения *K — L*, являющегося общим для *A — B* и *M — N*:

K {^A_M {x — y} ^B_N} L.

Сказанное действительно в свою очередь и для *K — L* и т. д. Весь процесс может быть представлен таким образом:

T {^K_P {^A_M {x — y} ^B_N} ^L_Q} V и т. д.⁴⁵

Все более широкие окружения захватывают все более длинные последовательности морфов: от одного морфа к сочетанию морфов, образующему слово, затем к сочетанию слов — синтагме, далее — к высказыванию, еще далее — к последовательности высказываний, образующей целое словесное произведение, наконец — к совокупности словесных произведений, составляющей «корпус» всего высказанного и написанного на данном языке. По мере расширения отрезков текста увеличивается и их набор: несколько десятков фонем, несколько сотен морфов, десятки тысяч слов, практически бесконечное количество предложений, практически и теоретически бесконечное количество сочетаний предложений в виде словесных произведений.

Естественно, что где-то в разумных пределах этого бесконечного ряда исследователю надо остановиться. Все, что окажется внутри этих пределов, может быть точно описано в терминах дистрибуции и оно-то и составит, по Хенигсвальду, то, что называется «замещение». Все, что будет за этими пределами, конечно, не перестает быть «изменением» в лингвистическом смысле термина, но уже не поддается никакому более или менее точному лингвистическому описанию. Изменения этого типа, по Хенигсвальду, составляют «аморфные изменения».

⁴⁵ Применение этого процесса к описанию реального языка см.: Ю. С. Степанов. Структура французского языка. М., 1965, стр. 15 и след.; в общей форме: Он же. Семантика. М., 1971, стр. 101—103; здесь, стр. 291 — 300.

Мы видим, таким образом, что за понятиями замещения и аморфного изменения в этом методе лежат более общие понятия «фактической осуществимости», т. е. возможности реально выполнить процесс описания, и «потенциальной осуществимости», переходящей уже в осуществимость лишь абстрактно мыслимую, а в действительности не являющуюся ни фактической, ни даже потенциальной. По странной условности терминологии последняя называется в логике «актуальной осуществимостью»⁴⁶. В пределах самого дистрибутивного метода эти основания и вытекающие из них следствия остались неосознанными.

§ 9. Реконструкция и история в теориях порождающих грамматик. Понятия «правила как абстрактного процесса» и «порядка правил как абстрактного процесса»

В порождающих грамматиках каждый конкретный язык понимается как набор предложений, имеющих некую идеальную фонетическую форму и связанную с ней семантическую интерпретацию. Система правил, которым подчиняется это соотношение «звук — смысл», и составляет грамматику данного языка. Теория языка — это теория грамматик в указанном смысле термина, и ее основная задача — изучение универсальных свойств языка и порождения речи.

Эволюция теорий порождающих грамматик привела к разнообразию точек зрения, сменившему первоначальное относительное единство. В том варианте этих теорий, который разрабатывается Н. Хомским и его последователями, в грамматиках различаются две группы свойств — «формальные универсалии» и «содержательные универсалии». Первые, по-видимому, не что иное, как виды правил и их преобразования. Сторонники этой теории на деле стремятся использовать одни и те же правила и преобразования для описания самых различных языков. Вторые, «содержательные универсалии», охватывают лексические единицы, группирующиеся в такие категории, как «имя», «глагол», «прилагательное», а также «универсальную фонетику». Фактически в настоящее время детально и «универсально» разработана лишь эта часть⁴⁷. Поэтому здесь мы будем говорить лишь о так называемом «фонологическом компоненте» порождающих грамматик, основываясь на названной работе Н. Хомского и М. Халле (1968 г.). «Фонологический компонент» — это раздел грамматики, который является промежуточным звеном между «синтаксическим компонентом», т. е. синтаксическим описанием, и его фонетической интерпретацией, связывая структурное описание каждого предложения с его фонетическим воплощением.

⁴⁶ О логической проблематике см.: Ю. А. Петров. Логические проблемы абстракций бесконечности и осуществимости. М., 1967.

⁴⁷ См.: N. Chomsky and M. Halle. The Sound Pattern of English. N. Y., 1968.

Содержание «фонологического компонента» составляют (1) правила и (2) универсальные дихотомические признаки для описания всех звуков речи, которые вообще способен произвести человек. В системе Н. Хомского и М. Халле 40 двоичных признаков, эта классификация является дальнейшим развитием известной системы дихотомической фонологии с ее 12 двоичными признаками Р. Якобсона, Г. Фанта, М. Халле (1950-е годы). Фонетическая интерпретация, или фонетическое воплощение предложения, мыслится как двухмерная матрица, колонки матрицы представляют собой последовательные фонетические единицы (фонемы), соответствующие линейно идущим один за другим звукам высказывания, а строки матрицы соответствуют каждая одному классификационному признаку из универсального набора (положительный признак отмечается знаком «плюс», отрицательный — знаком «минус»). Следует обратить внимание на то, что таким образом система фонетической интерпретации теоретически частично сводится к понятию матрицы (см. выше § 3). Что касается правил, входящих в «фонологический компонент», то они представляются в стандартных формулах типа:

$$A \rightarrow B/X - Y,$$

где A и B представляют отдельные единицы фонологической системы, включая «нуль»⁴⁸, стрелка означает «актуализуется как», косая черта означает «в контексте», X и Y представляют соответственно левое и правое окружение для A . Например, правило, отражающее появление глайдов w и j между согласным и гласным имеет такой вид:

$$\begin{bmatrix} - \text{cons} \\ + \text{high} \\ - \text{back} \end{bmatrix} \rightarrow [-\text{voc}] / - \begin{bmatrix} + \text{voc} \\ - \text{cons} \end{bmatrix}^{49},$$

или, в русском переводе:

$$\begin{bmatrix} - \text{консонантный} \\ + \text{высокий} \\ - \text{задний} \end{bmatrix} \rightarrow [-\text{вокальный}] / - \begin{bmatrix} + \text{вокальный} \\ - \text{консонантный} \end{bmatrix}.$$

Каждое такое правило представляет собой не что иное, как «абстрактный процесс» в том виде, как это понятие присутствует, например, в законе Ф. де Соссюра (см. § 2).

В качестве иллюстрации заметим, что и сам закон де Соссюра получил трактовку в терминах порождающих грамматик, его формулировка выглядит при этом так:

$$M^x \rightarrow M / - M^x,$$

⁴⁸ Подчеркнем, что, поскольку система основана на универсальных фонетических признаках, она описывает не «фонемы», а «звукотипы».

⁴⁹ N. Chomsky and M. Halle. Указ. соч., стр. 332—340.

и читается как «правило диссимилиации, согласно которому первая из двух соприкасающихся ударных мор теряет свое ударение»⁵⁰.

В названной книге Н. Хомского и М. Халле и в целом ряде статей других авторов эта система была применена и к исторической реконструкции. Теоретическая основа этого применения делается ясной из следующего рассуждения.

В процессе овладения языком ребенок неосознанно конструирует такую грамматику, которая наилучшим образом соответствует набору известных ему предложений («получает наивысшую оценку в оценочной шкале»). Элементарной формой диахронического звукового изменения является в терминах порождающих грамматик «добавление (или исключение) правила». Как должно отразиться это изменение, когда ребенок овладевает речью? «Нетрудно видеть, — отвечают авторы, — что добавление определенного правила к грамматике G_1 может вылиться в грамматику G_2 , которая производит те же языковые формы, что и некая третья грамматика G_3 , и однако получает более низкую оценку на оценочной шкале. Мы принимаем, что, когда язык взрослых претерпевает такое изменение, их грамматика видоизменяется только добавлением одного данного правила. Когда же дети этого поколения взрослых усваивают родной язык от родителей, они конструируют для себя грамматику с наивысшей оценкой — G_3 , которая может оказаться в принципе отличной от грамматики родителей G_2 . Тот факт, что дети и родители могут иметь совершенно различные грамматики, говоря на почти тождественных идиолектах, не должен казаться удивительным. Когда дети научаются родному языку, они приходят в соприкосновение с его грамматикой не непосредственно, а через внешний выход этой грамматики, актуализованной в виде высказываний в речи родителей, и через посредство этих высказываний дети конструируют грамматику этого языка»⁵¹.

Очевидно, однако, что это теоретическое требование реконструировать иную грамматику для каждого периода истории языка, когда отмечается то или иное существенное звуковое изменение, фактически выполнить очень трудно, если не невозможно. В действительности, все исследования, имеющие дело с реконструкцией по методу порождающих грамматик этого типа, реконструируют историческое изменение только в виде либо 1) «добавления (исключения) правила», либо 2) «изменения порядка правил», либо 3) «упрощения правила», или же, наконец, в виде комбинации каких-либо из этих основных изменений.

В силу того, что понятие «абстрактного процесса» покрывает одновременно категории диахронического изменения и синхронного порождения одних языковых единиц из других, в ранних вариантах порождающих грамматик утверждалась очень боль-

⁵⁰ *M. J. Kenstowicz. Lithuanian Phonology. University of Illinois, 1969* (диссертация, ротапринт), стр. 95.

⁵¹ *N. Chomsky and M. Halle. Указ. соч., стр. 251.*

шая близость между последовательностью порождения единиц в синхронном описании языка и реальным диахроническим процессом изменения или появления этих единиц в истории языка ⁵². В отношении порядка правил эта близость трактовалась как тождество. Однако очень скоро выяснилось, что такое совпадение далеко не всегда имеет место.

Валдис Зепс в специальной статье, посвященной этому вопросу, приходит к заключению, что «поскольку родственные диахронные и синхронные правила могут (или должны) различаться по форме, понятно, что они могут (или должны) различаться по порядку применения, т. е. относительная хронология не обязательно должна совпадать с описательным порядком» ⁵³. Рассматривая славянскую палатализацию, В. Зепс показал, что при попытках последовательной записи фонетического порождения форм должен быть такой порядок:

- 1) монофтонгизация дифтонгов: $oi > \ddot{e}$;
- 2) палатализация: $k, g, x > c, dz, s$;
- 3) палатализация: $k, g, x > \check{c}, \check{z}, \check{s}$,

в то время как исторический порядок, как известно, таков:

- 1) первая палатализация: $v\check{l}yke > v\check{l}y\check{c}e$; $*koina$;
- 2) монофтонгизация: $v\check{l}y\check{c}e$; $*koina > *k\ddot{e}na$;
- 3) вторая палатализация: $v\check{l}y\check{c}e$; $k\ddot{e}na > s\check{e}na$.

При некоторых допущениях может быть составлен другой порядок фонетического порождения, который совпадает с историческим, но тогда единое синхронное правило чередования, определяющее, когда, с синхронной точки зрения, k чередуется с c , а когда с \check{c} , распадается на два. При попытке снова каким-либо образом объединить оба получающихся частных правила в одно опять возникает иной, чем в исторической последовательности порядок правил.

Вопрос продолжает обсуждаться в специальной литературе. Один из авторов, рассматривая русскую палатализацию, берет в качестве исходного пункта полный класс палатальных, включая $ш'$, $ж'$, $щ'$, а затем вводит правила «веляризации» или «отвердения» для этих трех фонем. Правило веляризации расщепляется при этом на два: одно (1) применимо перед правилом перехода $e \rightarrow o$ (2), другое — после него (3). По мнению автора, при такой формулировке объясняется разница $л'бжа$, $молод'бж$, $ид'бш$, но $молд'ѣц$, и получается соответствие трем историческим этапам: 1) ве

⁵² Ср.: А. А. Зализняк. Синхронное описание и внутренняя реконструкция «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов». Изд. МГУ, 1964, стр. 52. Далее гл. II, § 4.

⁵³ Valdis J. Zeps. A synchronic and diachronic order of rules: mutations of vowels in Old Church Slavonic. «Approaches in Linguistic Methodology». Edited by I. Ranch and Ch. T. Scott. The University of Wisconsin Press, Madison etc., 1967, стр. 145—151.

ляризация *и, ж* в XIV в.; 2) переход *е* → *о* с XII по XV в.; 3) веляризация *ц* в XVI в.⁵⁴

Вариант Хомского — Халле не является единственным. Оригинальная, детально разработанная концепция порождающей фонологии представлена в работе В. В. Мартынова (1968 г.)⁵⁵. В. В. Мартынов четко развивает основной принцип порождающей фонологии, не получивший ясного изложения в работах указанной выше ориентации. Этот принцип «триедин»: 1) порождение звукотипов есть универсальный процесс, свойственный языковой способности человека; 2) порождение звукотипов в онтогенезе (в процессе овладения речью у ребенка) совпадает с универсальной исторической последовательностью; 3) каждая фонологическая система, т. е. система каждого языка, может быть описана как определенная стадия этого универсального процесса.

Из конкретных положений В. В. Мартынова особенно существенно указание на роль полугласных или глайдов типа *j, w* или соответственно *i, u*. Заметим, что ту же роль играют глайды в системе Хомского — Халле: эти элементы, а также ларингальный глайд *h*, входят в так называемый «главный класс фонетических черт» (major class features), на основе которого строится универсальная классификация звукотипов⁵⁶. Именно они выступают «универсальными модификаторами» фонем, постоянно порождая из наличных фонем новые. (О значении этого положения см. также ниже, ч. III, гл. II, § 6.)

Таким образом, по Мартынову, каждая новая фонема порождается двумя прежними — «полноценной» и «модификатором». Модификаторами в определенном выше смысле как в системе вокализма, так и в системе консонантизма, становятся полугласные и любые гласные в той мере, в какой они способны утрачивать функцию слогоносителя. При каждом новом порождении ни одна из фонем прежнего состояния не исчезает⁵⁷. Порождение вокализма выглядит при этом таким образом:

$$\begin{array}{ccc} \text{I } i & & u \\ & a & \left| \begin{array}{l} a + i > e \\ a + u > o \end{array} \right. \end{array}$$

«первичный треугольник гласных»

$$\begin{array}{ccc} \text{II } i & & u \\ & e & o \\ & & \left| \begin{array}{l} u + i > y \\ o + i > \text{э} \end{array} \right. \end{array}$$

$$\begin{array}{ccc} \text{III } i & y & u \\ & \text{е} & \text{э} & o \\ & & a & \left| \begin{array}{l} i + u > \ddot{u} \\ i + o > \phi \end{array} \right. \end{array}$$

и т. д.⁵⁸

⁵⁴ W. J. Daniels. Greek-letter Variables and the Russian *š, ž, c* class. «Linguistic Inquiry», v. 2, № 3, 1971, стр. 416—418.

⁵⁵ В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968.

⁵⁶ N. Chomsky and M. Halle. The Sound Pattern of English, стр. 300—303

⁵⁷ В. В. Мартынов. Указ. соч., стр. 14—15.

⁵⁸ Там же, стр. 13.

На основе этих принципов В. В. Мартынов дает детальную реконструкцию фонологической и слоговой систем славянских языков и некоторых фрагментов лексического состава. Одновременная с циклом работ Хомского — Халле и их последователей работа В. В. Мартынова фактически составляет переход к следующему этапу в развитии этого метода — этапу «глубинных структур».

§ 10. Проблемы исторического описания и реконструкции в терминах «глубинных структур».

Понятие «блока взаимосвязанных процессов»

Постановка вопросов об истории, диахронии, реконструкции в терминах «глубинных структур» отличается от подхода порождающих грамматик к тем же вопросам. Это отличие существует в той мере, в какой те и другие теории различаются общим пониманием «теории» и «грамматики». При порождающем подходе грамматика понимается как теория предложений какого-либо языка, а теория вообще — как теория таких грамматик. При подходе от «глубинных структур» грамматика понимается как теория «языковой способности» (competence), а теория вообще фактически отождествляется с универсальной грамматикой. Поэтому задачи описания языка, с точки зрения сторонников подхода от «глубинных структур», сводятся к двум основным этапам — во-первых, к формулировке элементов, которая дается в терминах дескриптивной грамматики, во-вторых, к формулировке правил, связывающих элементы теми или иными отношениями. Эти правила могут формулироваться в виде просто импликаций («один элемент требует другого»), и в этом случае соответствовать методике порождающих грамматик. Но из указанного общего понимания теории и грамматики следует, что при подходе от «глубинных структур» правила должны прямо опираться на такие импликации, которые являются универсальными законами языка и языковой способности человека.

Как и «генеративисты» в собственном смысле слова, сторонники подхода от «глубинных структур» исходят из понятия абстрактного процесса, но процессы эти — также процессы универсальные, свойственные вообще языковой способности человека, и, следовательно, панхронические. Историческое изменение одного языка отличается от исторического изменения другого лишь тем, какие процессы из универсального набора процессов действуют в данный период на данной территории. Зато противопоставление диахронии и синхронии по существу снимается. Однако «абстрактный процесс» отчетливо присутствует в работах этого направления лишь как отправная точка. В ходе же исследования это понятие, как мы увидим в дальнейшем, претерпевает существенные изменения.

Рассмотрим эти приемы сначала на кратком примере, затем в общей форме, и наконец на подробных примерах.

Предположим, что лингвист констатирует изменение, известное под названием «первой палатализации» в славянских языках: *к, г* переходят соответственно в *ч, дж* перед гласными переднего ряда *и, ъ*, например, **kŭto* > *čŭto*, **givŭ* > *dživŭ*. Чтобы рассуждать об этом в терминах глубинных структур, сначала дают структурное описание элементов (в данном примере, по методике дихотомической фонологии): *к, г* согласный, недиффузный (non diffuse), *ч, дж* — согласный, низкий, резкий; гласные переднего ряда — неконсонантные, задние; затем эти характеристики записываются в определенной последовательности (обычно в квадратных скобках) и, наконец, связываются отношением импликации, формулируемым в виде «правила»:

$$(1) \left[\begin{array}{l} + \text{ согласный} \\ - \text{ диффузный} \end{array} \right] \rightarrow \left[\begin{array}{l} - \text{ низкий} \\ + \text{ резкий} \end{array} \right] / - \left[\begin{array}{l} - \text{ согласный} \\ - \text{ задний} \end{array} \right]$$

Последняя запись соответствует этапу порождающей грамматики. Однако для теории «глубинных структур» этого недостаточно. Импликация, обозначенная в приведенной записи стрелкой, должна получить общее подтверждение как одна из универсалий языкового изменения. Это может быть сделано лишь в том случае (если может быть сделано вообще), когда формулируется не одно правило, как вышеприведенное, а несколько таких правил, объединяющих в совокупности несколько последовательных этапов диахронических изменений. Подход от «глубинных структур» способен объяснить диахронические явления лишь при условии рассмотрения некоторой совокупности естественно взаимосвязанных процессов (в английской терминологии — a natural block of diachronical processes). Поэтому можно сказать, что на смену разным частным преобразованиям метода, которые делаются в порождающей грамматике, когда ее требуется приспособить для целей диахронного описания (добавление правил; упрощение правил; изменение порядка правил; см. выше § 9), в подходе от «глубинных структур» приходит по сути дела одно, но более радикальное преобразование — группировка или обобщение правил. Продолжим пример со славянскими палатализациями⁵⁹. Кроме указанного процесса, здесь, как известно, имели место еще по крайней мере следующие:

dž > *ž* во всех славянских языках, например, *dživŭ* > *živŭ*:

$$(2) \left[\begin{array}{l} + \text{ звонкий} \\ - \text{ низкий} \\ + \text{ резкий} \end{array} \right] \rightarrow [+ \text{ непрерывный}];$$

⁵⁹ Ср.: P. Kiparsky. Linguistic Universals and Linguistic Change. «Universals in Linguistic Theory», Ed. by E. Bach. and R. T. Harms. N. Y., etc., 1968, стр. 197—200. В рамках «порождающих» и «глубинных» структур исторические универсалии системно не изучались. Детальное исследование см.: Б. А. Серебрянников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

(3) монофтонгизация дифтонгов, $\ddot{a}i > \acute{e}$; $\ddot{o}i > i$; так называемая вторая палатализация, $k > c$, $g > dz$, $\chi > s$ перед \acute{e} и i (только в конце слова), из дифтонгов, например, $*k\acute{e}na > s\acute{e}na$, $*g\acute{e}lo > dz\acute{e}lo$, т. е.:

$$(4) \left[\begin{array}{l} + \text{взрывной} \\ - \text{низкий} \\ - \text{резкий} \\ - \text{диффузный} \end{array} \right] \rightarrow \left[\begin{array}{l} + \text{резкий} \\ + \text{диффузный} \end{array} \right]$$

Возникающая в результате процесса (4) аффриката dz , в отличие от более ранней $d\acute{z}$, сохраняется в старославянском и польском. Грамматики этих языков содержат правила (1) — (4) как фонологические правила порождения и именно в данной последовательности. В других же славянских языках dz переходит в соответствующий непрерывный z , например, $dz\acute{e}lo > \text{русс. } зело$. Грамматики этих языков сохраняют те же правила, но последовательность их должна быть изменена: чтобы находиться в соответствии с тем фактическим положением, что звонкие аффрикаты, возникшие в результате второй палатализации, так же переходят во фрикативные, как и аффрикаты, получившиеся в результате первой палатализации, правило (2) должно следовать за правилом (4):

Для старославянского
и польского

Для прочих славянских

(2) [аффриката] > [фрикативный]	([аффриката] > [фрикативный])
(3) [дифтонг] > [монофтонг]	[дифтонг] > [монофтонг]
(4) [смычный] > [аффриката]	[смычный] > [аффриката]
(2') —	[звонкая аффриката] > [фрикативный]

Для прочих славянских языков, за исключением старославянского и польского, описанная совокупность диахронических процессов может быть сведена к одному общему процессу. В самом деле, последний из частных процессов (2') приводит к тем же элементам, которые служат исходным материалом первого из частных процессов (2), в результате возникает общий циклический процесс, завершающийся полной переработкой того материала, который отвечает структурной характеристике исходного пункта (в данном случае [звонкая аффриката]). Этот циклический процесс может быть назван с а м о р а с ш и р я ю щ и м с я (feeding order of rules, в английской терминологии П. Кипарского). Ниже мы вернемся к этому типу процессов в связи с математическими моделями. В общей форме саморасширяющиеся процессы было предложено изображать так:

$$(a) \begin{array}{l} \text{I. } [\varphi] > [] > \text{II. } [] > [\varphi] \\ \text{II. } [] > [\varphi] > \text{I. } [\varphi] > [] \end{array}$$

Сразу заметим, что П. Кипарский применяет название «саморасширяющийся процесс» только к левой половине формулы:

I. $[\varphi] > [\]$, II. $[\] > [\varphi]$. Вся же формула как выражение единого процесса в его рассмотрение в этом смысле не попадает. В соответствии с нашим пониманием подхода от «глубинных структур» следует подчеркнуть, что «саморасширяющимся процессом» является как то, что выражено в левой части формулы, так и то, что выражается всей формулой в целом.

По естественной аналогии с «саморасширяющимися процессами» были предприняты поиски обратных им, «самосуужающихся», или «самопрерывающихся» процессов (bleeding order of rules, в английской терминологии П. Кипарского). Если следовать пониманию П. Кипарского, то общая форма самопрерывающихся процессов должна быть такова:

$$(6) \begin{array}{l} \text{I. } [\] > [\sim \varphi] \\ \text{II. } [\varphi] > [\] \end{array} > \begin{array}{l} \text{II. } [\varphi] > [\] \\ \text{I. } [\] > [\sim \varphi] \end{array}$$

При этом «самосуужающимся процессом» будет лишь то, что выражено в левой части формулы. Вся же формула в целом выражает переход от «самосуужающегося» или «самопрерывающегося» процесса к тому же фактически процессу (он представлен в правой части формулы), который уже был рассмотрен раньше под названием «саморасширяющегося», но только теперь члены $[\varphi]$ и $[\sim \varphi]$ составляют более контрастную пару (примеры ниже).

Это понимание «самопрерывающихся процессов» кажется нам малоперспективным.

Действительно ли такие процессы существуют в истории языка или же являются всего лишь иллюзией, возникающей вследствие особого способа описания материала, остается открытым вопросом. Неясность заключается, в частности, и в том, что считать оппозитивными элементами, или классами $[\varphi]$, $[\sim \varphi]$.

Приведем тем не менее иллюстрацию П. Кипарского, прокомментировав ее⁶⁰. В германских диалектах имеют место два процесса: оглушение конечных звонких, например, *bund* > *bunte*, *täg* > *tāχ*; спирализация звонких смычных после гласного, например, *tāgə* > *tāγə*, *sāgt* > *sāγt*. В одной группе диалектов, в частности, в нижненемецких диалектах, сначала происходит спирализация (*täg* > *tāγ*), а затем оглушение (*tāγ* > *tāχ*). В другой, меньшей группе диалектов, в некоторых эльзасских, баварских и средненемецких, те же процессы следуют в обратном порядке, сначала оглушение (*bund* > *bunt*, *täg* > *tāk*), затем спирализация (*tāgə* > *tāγə*), в результате чего в этих диалектах возникает контраст *tāk*: *tāγə*. Какой порядок этих частных процессов отождествить с начальным положением общего исторического процесса — с левой половиной приведенной абстрактной схемы (а)?

⁶⁰ P. Kiparsky *Linguistic Universals and Linguistic Change*, стр. 199, со ссылкой на диалектные материалы В. М. Жирмунского (Немецкая диалектология) стр. 302 нем. издания: V. Schirmunski. *Deutsche Mundartkunde*. Berlin, 1962.

П. Кипарский высказывается за то, чтобы с исходным положением отождествить положение в меньшей группе, в эльзасских, баварских и средненемецких диалектах, а положение в другой, большей группе диалектов отождествить с правой половиной формулы. Известно, что этот порядок процессов — вторичен, так как некоторые слова ((a)wek, литерат. нем. Weg), где звонкость в конечном положении не имела морфофонемного подкрепления, избежали спирализации даже в этих диалектах. Это можно объяснить, по мнению П. Кипарского, только тем, что оглушение было исторически первым процессом в этих диалектах, хотя в синхронном плане оно занимает место второго. Здесь остается непонятным, как процесс, оказывающийся затухающим, «самопрерывающимся» уже в первой, меньшей группе диалектов, мог каким-то образом перерасти в расширяющийся процесс и распространиться на большую группу диалектов. Как видим, формулировки здесь утрачивают объяснительную силу.

Стремясь выявить универсалию, лежащую в основе диахронических процессов («порядков правил») как первого, так и второго типа, П. Кипарский указывает, что первые «стремятся к максимализации», а вторые — к «минимализации», и предлагает обобщить обе тенденции в следующей формулировке: «порядок правил стремится принять такой вид, который способствует наиболее полному осуществлению правил в грамматике»⁶¹.

Как уже сказано, в рамках подхода от «глубинных структур» можно предложить иное, следующее понимание «саморасширяющегося процесса». Имеется какой-либо частный диахронический процесс (I), преобразующий класс языковых элементов [ф] в класс языковых элементов [α]. В то же время, на той же диалектной территории протекает другой диахронический процесс (II), преобразующий какой-либо класс элементов [β] в класс [ф]. Таким образом, конечным продуктом второго процесса оказывается то, что служит исходным продуктом первого процесса, и весь сложный процесс в целом, т. е. сочетание процессов (I и II), оказывается циклическим, или «саморасширяющимся». Это и отражено в формуле (а), взятой как целое.

В соответствии с предложенным пониманием «саморасширяющегося процесса» иначе должен быть охарактеризован и обратный ему «самосужающийся» или «самопрерывающийся» процесс. Его общая формула будет такова:

$$\begin{array}{l} \text{(в)} \quad \text{I. } [ф] > [α] \\ \quad \quad \text{II. } [β] > [∼ ф] \end{array} > \begin{array}{l} \text{II. } [β] > [∼ ф] \\ \text{I. } [ф] > [α] \end{array}$$

Из формулы видно, что, поскольку в результате процесса II образуются иные элементы или классы элементов, чем в результате процесса I, то перемена порядка процессов — II прежде I —

⁶¹ P. Kiparsky. Указ. соч., стр. 200.

приводит к размыканию всей цепи и сложный процесс как единое целое перестает существовать.

В словесной формулировке содержание этих отношений может быть изложено следующим образом. Если в результате какого-либо частного диахронического процесса (I) возникает класс языковых элементов [$\alpha = \beta$], служащий исходным продуктом для другого, протекающего одновременно с первым процесса (II), а в результате последнего создается класс элементов [$\sim \varphi$], который оказывается в оппозиции к исходному продукту первого процесса, то оба частных диахронических процесса будут иметь тенденцию к разъединению. Для того чтобы эта тенденция осуществилась, необходимо дополнительное условие — второй процесс должен протекать интенсивнее и быстрее первого. В таком случае в результате при рассмотрении на достаточно большом отрезке времени второй, опережающий процесс предстанет как диахронически первый, предшествующий, а бывший в действительности первым — как диахронически второй, последующий. Связь между ними окажется разомкнутой, сочетание процессов (I и II) как единого целого перестанет существовать.

Рассмотрим теперь с этой точки зрения тот же пример с немецкими диалектами. Исходное положение следует отождествить с большей группой диалектов (нижненемецкими) и процессом I считать спирализацию ($t\ddot{a}g > t\ddot{a}r$). Этот процесс, по-видимому, шел там очень быстро и опережал процесс II — оглушение ($t\ddot{a}r > t\ddot{a}x$). В другой, меньшей группе диалектов, процессе спирализации проходил медленнее, второй процесс, оглушение, выходил на первое место и весь сложный процесс $t\ddot{a}g > t\ddot{a}r > t\ddot{a}x$ оказывался «саморазъединяющимся» и как единое целое внутри этой диалектной группы переставал существовать.

При такой интерпретации подхода от «глубинных структур» мы приходим к положению о том, что порядок процессов (или «порядок правил») во времени может быть понят только при одновременном рассмотрении их в пространстве. Вне этого положения, которое не было сформулировано в сколько-нибудь отчетливом виде в западноевропейских и американских исследованиях по «глубинным структурам», само понятие «порядка правил» остается во многом еще неясным, как мы видели это выше и на примере из порождающих грамматик.

Подход от «глубинных структур» имеет аналогии со многими другими методами. Некоторые из аналогий отмечались самими сторонниками этого метода. П. Кипарский указал на соответствия с некоторыми понятиями младограмматиков. При подходе от «глубинных структур» целесообразно различать в формулируемых правилах «структурный анализ», указывающий, к каким формам правило приложимо, и «структурное изменение», указывающее, что происходит с этими формами. В обычной записи для фонологических правил «структурное изменение» — это часть между стрелкой и косой чертой (см. выше), а «структурный анализ» —

все остальное. Если обобщение правила исторически идет по линии первого из названных компонентов, то результатом этого процесса оказывается слияние разных фонем в одной фонеме или слияние алломорфов нескольких морфем вместе — это традиционная фонетическая «аналогия» младограмматиков: *bunt*: *bunde* в некоторых немецких диалектах в силу озвончения конечных глухих заменяется *bund*: *bunde*. Таковы же отмеченные выше изменения отношения *tāk*: *tāḡ*, с одной стороны, к *tāḥ*: *tāḡ*, с другой. Если обобщение правила исторически идет по линии другого его компонента, «структурного анализа», то результатом оказывается распространение тождественных отношений на новые пары фонем или морфем. Например, в славянской палатализации таковы отношения между чередованием «звонкий смычный: звонкая аффриката» ($g > d\check{z}$), с одной стороны, и «звонкий смычный: звонкий фрикативный» ($g > \check{z}$), с другой. Эти отношения, называемые иногда «поляризацией» (*polarization*, от *extension*, в английской терминологии П. Кипарского) — то же самое, что морфологическая «аналогия» — тождество морфем при отсутствии тождества входящих в них фонем. Когда такие отношения выходят за рамки фонологических правил и распространяются на генетически непроеизводные друг от друга морфемы, они аналогичны «оппозитивному отталкиванию» Е. Куриловича, как оно описано выше (§ 6).

Из приведенного разбора видно, что в концепции «глубинных структур», по крайней мере в их разобранным варианте, постепенно сходит на нет понятие абстрактного процесса, столь характерное для теорий порождающих грамматик в собственном смысле слова. Описания постепенно снова становятся описаниями статики, а не динамики языка. В связи с этим синтаксический компонент в описании используется уже не как аналог построения высказывания в его динамическом развертывании, а как статическая система эталонных фраз и соответствий между ними. Синтаксис становится компонентом внутри описания лексической семантики. Этот принцип особенно ярко проявляется в тех разновидностях концепции «глубинных структур», которые разрабатываются в советской лингвистике. Соответственно этому и вопрос о диахронии в круг исследуемых проблем как правило не входит⁶².

Вопросы развития морфологии и синтаксиса остаются очень слабо освещенными методами порождающих грамматик и «глубинных структур». Упомянем лишь несколько работ по описанию падежей. Ч. Дж. Филмор предложил подход к универсальному описанию падежей в терминах «глубинных структур»⁶³. Автор

⁶² Ср. А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. К построению действующей модели языка «смысл ↔ текст». «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 11 («Труды I МГПИИ им. М. Тореза»). М., 1969.

⁶³ Ch. J. Fillmore. The Case for Case. «Universals in Linguistic Theory». Ed. by E. Bach and R. N. Harms. N. Y., 1968, стр. 1—88.

утверждает «центральное положение синтаксиса» в лингвистическом описании, а в синтаксисе как его самую глубинную основу «тип предложения» (sentence type). «Тип предложения» является базисной структурой, состоящей из глагола и одной или более именных фраз, каждая из которых связана с глаголом одним определенным «падежным отношением» (case relations). «Падеж» в этом смысле не падеж как морфологическая категория на «поверхностном уровне». Глубинный «падеж» — самая основа основ всей «глубинной структуры». Различные сочетания глубинных падежей создают разновидности типов предложений, которые на «поверхностном уровне» могут реализоваться самым различным образом, в зависимости от языка, в том числе и так, что не будут содержать ни одного падежа в традиционном морфологическом смысле слова. Глубинные падежи универсальны и, по Филлмору, их шесть: агентивный, инструментальный, дательный, фактитивный, локативный, объективный (и, возможно, бенефактивный).

Проект Ч. Филлмора в рамках «глубинных структур» не был применен к диахронии, но А. Мартине нашел большое сходство между «глубинными падежами» Филлмора и «функциями» в своем собственном понимании, в терминах так называемого «функционального подхода»⁶⁴. В таком случае можно сказать, как эти понятия применяются к диахронии. А. Мартине полагает, что существует универсальная языковая тенденция к совпадению энергетических затрат (cost) и информации. Она проявляется, например, в том, что субъект как тема высказывания, будучи неотъемлемой и постоянной принадлежностью высказывания, формой «вне синтаксиса», подобно вокативу, тем самым стремится к тому, чтобы быть выраженной наиболее экономным показателем, «нулем». Исходя из этого, А. Мартине идентифицирует индоевропейский «ненулевой» падеж на -s как эргативный падеж, а в генитиве усматривает ту же флексию, но распространенную гласным, т. е. -es⁶⁵. Сходство своей концепции с концепцией Ч. Филлмора А. Мартине видит в том, что, по мнению обоих, языки могут различаться наличием или отсутствием «функции субъекта». «Субъекты высказывания», которые лингвист встречает в одном и том же языке, могут быть представителями самых различных отношений передаваемого в сообщении опыта, и поэтому нельзя превращать категорию субъекта в непремennую основу всякой языковой структуры⁶⁶. Этим положением концепция А. Мартине и проект Ч. Филлмора противопоставлены концепции Н. Хомского, в которой схема «субъект — предикат» рассматривается именно как универсальная основа синтаксического построения. Однако более

⁶⁴ A. Martinet. Cas ou fonctions? A propos de l'article «The Case for Case» de Chalmers J. Fillmore. «La Linguistique», t. 8, № 1, 1972, стр. 5—24. Для сравнения: A. Martinet. Le sujet comme fonction linguistique et l'analyse syntaxique du basque. — BSL, t. 57, fasc. 1, 1962.

⁶⁵ A. Martinet. Cas ou fonctions?, стр. 13.

⁶⁶ Там же, стр. 16.

тщательное сопоставление конкурирующих теорий показывает, что они не столько противопоставляются, сколько дополняют одна другую. В теории Н. Хомского речь идет о самом глубинном уровне, в концепции Мартине — Филлмора об уровне, более близком к поверхностной реализации: наличие бессубъектных типов предложения опирается на более глубокую субъектно-предикатную конструкцию.

Другие аспекты диахронического изучения морфологии и синтаксиса в рамках генеративных и «глубинных» концепций почти вовсе не представлены. Упомянем лишь несколько статей ⁶⁷.

§ 11. Метод моделей в исторических реконструкциях

Под моделью в самом широком смысле понимается воспроизведение структуры какого-либо предмета или явления в материально ином предмете или явлении. В этом самом широком смысле один электровоз, например, является моделью другого. Однако практически имеет смысл говорить о модели лишь при том условии, что она материально достаточно отличается от оригинала. При этом условии моделью электровоза будет не другой экземпляр электровоза того же типа, а его игрушечный экземпляр или система чертежей. Таким образом, понятие модели является относительным и зависит от того, насколько важна или неважна для моделирующего человека степень материального совпадения с оригиналом (структурное совпадение является обязательным во всех случаях). В лингвистике встречаются весьма различные понимания моделей, начиная от самого широкого. В этом предельном случае метаязык, служащий для описания языка-объекта, а также искусственный язык-эталон, могут быть названы моделями языка-объекта ⁶⁸. При таком широком понимании понятие модели совпадает с понятием общей лингвистической структуры, как схематизации объективной, сущностной структуры языка на основе того или иного методического принципа — дистрибутивного, оппозитивного, генеративного и т. д. Если исходить из этого понимания, то описание «метода моделей» должно было бы совпасть с описанием соответствующих структурных методов (дистрибутивного, оппозитивного и т. д.) Поэтому в этой книге при всем стремлении к симметрии освещения материала (одни и те же принципы рассматриваются как в историческом, так и в логи-

⁶⁷ E. Closs. Diachronic Syntax and Generative Grammar. «Language», 41, 1965; H. Isenberg. Diachronische Syntax und die logische Struktur einer Theorie des Sprachwandels. «Studia Grammatica», 5, Berlin, 1965; S. Saporita. Ordered Rules, Dialect Differences and Historical Processes. «Language», 41 (1965); B. Sigurd. Generative Grammar and Historical Linguistics. «Acta Linguistica Hafniensia», 10, 1966; I. T. Piirainen. Generative Modelle in der Diachronie. «Folia linguistica», t. IV, 1/2. Mouton, The Hague, 1970.

⁶⁸ Ближе к этому типу понимание модели в работах: И. И. Ревзин. Модели языка. М., 1961; Он же. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967; Ю. В. Рождественский. Типология слова. М., 1969.

ческом применении), «метод моделей» не может найти места в логической части. Специфическое содержание понятию «моделирования», или «метода моделей», может быть придано лишь при более узком понимании: моделирование в лингвистике предстает как специальный метод лишь при динамическом, а следовательно, историческом понимании моделирования.

Срединное положение между указанными выше широким и специфическим историческим пониманием занимают такие категории модели, когда моделью называется определенным образом выполненное научное описание языка, при этом в целом описание не является ни метаязыком, ни языком-эталоном. Такое понимание модели находим в работах А. Ф. Лосева, Г. П. Мельникова, Р. Г. Пиотровского⁶⁹. Несколько исследований Р. Г. Пиотровского является как бы реализацией некоторых общих принципов, позднее сформулированных А. Ф. Лосевым. Так, А. Ф. Лосев отмечает, что, «когда при изучении отдельных звуков или морфологических показателей в разных языках в той или другой грамматической форме мы констатируем какое-нибудь исходное явление в индоевропейском праязыке, то это последнее оказывается моделью и для всех соответствующих явлений в отдельных языках индоевропейского семейства»; другими примерами моделей в этом смысле могут служить, например, классическая латынь для всех романских языков, каждый отдельный язык — для своих диалектов, каждый диалект — для своих говоров⁷⁰. Р. Г. Пиотровский рассматривает те же категории как соотношение двух рядов: «говор — диалект — язык» и «синхрония диалектов — диахрония языка». Структурное описание синхронного состояния диалектов оказывается одновременно моделью диахронии языка⁷¹.

В узком и самом конкретном смысле лингвистической моделью будет воспроизводство динамического аспекта структуры естественного языка или ее относительно самостоятельного фрагмента в каком-либо материальном предмете или, вместо воспроизводства,

⁶⁹ А. Ф. Лосев. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968 («Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», № 307), в этой работе дана широкая философская постановка проблемы и освещен ряд технических вопросов лингвистического моделирования. Примеры моделирования этого типа см.: Г. П. Мельников. Язык как система и языковые универсалии «Универсальные и ареальные свойства языков. Тезисы докладов». М., 1965; *Он же*. Системный анализ причин своеобразия семитского консонантизма. М., 1968, и др. работы этого автора; из работ общего характера см.: М. М. Гучман. О поли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970.

⁷⁰ А. Ф. Лосев. Введение в общую теорию языковых моделей, стр. 175.

⁷¹ R. Piotrowsky. Modèles structuraux du dialecte. — «Communications et rapports du Premier Congrès International de Dialectologie générale. Louvain — Bruxelles, août 1960». Louvain, 1964, стр. 104—108, развитие этих идей в работе: Р. Г. Пиотровский. Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. М. — Л., 1966.

обнаружение сходства в динамике преобразования их структур. Этот род моделирования во многих отношениях представляет особый интерес, а между тем примеров его в современной лингвистике очень мало ⁷². Ввиду такого положения дел, вместо обзора работ мы даем в этом разделе собственный очерк моделирования — пять моделей германского передвижения согласных.

* * *

Как известно, Якоб Гримм во втором издании первого тома своей «Германской грамматики» впервые четко сформулировал соотношение согласных между индоевропейским, общегерманским и верхненемецким, дал этому соотношению название «передвижения согласных» (*Lautverschiebung*) и выразил его в табличной форме ⁷³. В качестве представителей индоевропейского Гримм рассматривал латинский, древнегреческий и санскрит (в таблицу он вынес только греческий), в качестве представителя общегерманского — готский, сознавая, что готский, конечно, не тождествен общегерманскому, но именно представляет его в интересующем фонетиста отношении. Соотношение согласных индоевропейского и общегерманского (в таблице у Гримма, следовательно, греческого и готского) утвердилось впоследствии в лингвистической литературе под названием «первого, или общегерманского, передвижения согласных». В качестве верхненемецких диалектов Гримм рассматривал здесь древневерхненемецкий. Соотношение общегерманского состояния и древневерхненемецкого, как состояния ряда диалектов в определенную позднейшую эпоху (у Гримма — готского и древневерхненемецкого), утвердилось под названием «второго, или верхненемецкого, передвижения согласных». Гримм писал: «В точности так же, как древневерхненемецкий во всех трех разрядах (губных, зубных, заднеязычных. — Ю. С.) спустился на одну ступень от готского, так уже и сам готский до этого уклонился на одну ступень от латинского (греч., инд.). Готский относится к латинскому точно так, как древневерхненемецкий к готскому. В целом...двойное передвижение согласных представляется в табличной форме таким образом» (здесь у Гримма следует воспроизводимая ниже табличка, см. рис. 3) ⁷⁴.

Таблица Гримма представляет собой модель в форме матрицы. Ее содержание часто выражают и в виде иной модели — круга (рис. 3). Буквы при этом означают следующее: М — звонкие (*mediae*) b, d, g; Т — глухие (*tenues*) p, t, k; А — придыхательные (*aspiratae*).

⁷² См., например: Г. П. Мельников. Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем. М., 1965; Он же. Геометрические модели вокализма и причины перебора башкирско-татарских гласных. «Проблемы лингвистического анализа». М., 1966.

⁷³ J. Grimm. Deutsche Grammatik. Erster Theil. Zweite Ausgabe. Göttingen, 1822, стр. 581, 584.

⁷⁴ Там же, стр. 584.

греч.	Р	В	Ф	Т	Д	ТН	К	Г	СН
гот.	Ф	Р	В	ТН	Т	Д	СН	К	Г
др.-в.-нем.	В(В)	Ф	Р	Д	З	Т	Г	СН	К

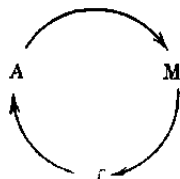

Рис. 3.

Со времени Гримма написанное о германском передвижении согласных достигло почти необозримого объема. В этой массе литературы отчетливо выделяется линия фонетического объяснения и моделирования. Она достаточно полно представлена у Э. Прокоша в его «Сравнительной грамматике германских языков» с существенными уточнениями М. М. Гухман⁷⁵. Модель Прокоша значительно богаче и полнее модели Гримма. Прокош стремится представить весь ряд последовательных фонетических изменений, что на примере зубных выглядит так:

$$t > t' > \text{þ} > \theta > \delta > d > \text{d} > t.$$

Латинским t' с перевернутым апострофом Прокош обозначает придыхательный смычный, латинским d с кружком внизу — глухой слабый d , остальные знаки общеприняты. Зубные выбраны не случайно: в них процесс представлен полнее, чем в других локальных рядах согласных (этапы VII, VIII, IX, указанные ниже, в других рядах отсутствуют). Кроме того, Прокош дает свой опыт относительной хронологии передвижения. Этот опыт, конечно, как справедливо указывает М. М. Гухман, нуждается в дополнениях и уточнениях, но, поскольку мы здесь будем рассматривать модель Прокоша, то приведем его относительную хронологию целиком (исключив лишь его слишком категорические пометы «наша эра»).

- I. Догерманский: $\theta(-dh) > \delta$ — греч. $\theta\acute{\upsilon}\rho\alpha$: герм. $*\text{þur}\bar{a}$ (англ. door 'дверь');
- II. Германский: до н. э. — $t > t' > \text{þ}$ — лат. $\text{tr}\acute{e}s$: гот. þreis , англ. three 'три';
- III. Германский: «закон Вернера» — $\text{þ} > \delta$ — гр. $\pi\alpha\tau\acute{\eta}\rho$: гот. $\text{fa}\bar{d}\bar{a}\bar{r}$ (пишется fadar);
- IV. Германский: $d > t$ — лат. $\text{ed}\bar{o}$: гот. itan , англ. eat 'есть, кушать';
- V. Промежуточный: $\delta > d$ — герм. $*\text{þur}\bar{a}$ — гот. daur ; гот. $\text{fa}\bar{d}\bar{a}\bar{r}$: др.-англ. fæder ;
- VI. Верхненемецкий: $t > \text{z}$ — гот. itan : др.-в.-нем. $\text{ezz}\bar{a}\bar{n}$;
- VII. Верхненемецкий: $d > \text{d} > (> t)$ — гот. daur : др.-в.-нем. dor , tor ;

⁷⁵ Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. Перев. с англ. Примеч. М. М. Гухман. М.—Л., 1954, стр. 41—43.

каждом этапе вступает в силу все более позиционных ограничений и объем передвигающейся части фонемного класса постепенно уменьшается. Не исключено, что на II этапе появляется четвертый класс, который несколько усложняет картину⁷⁷. Нарастают ограничения и в смысле охвата диалектов (языков), но на этой, очень сложной, стороне моделирования мы сейчас останавливаться не будем. В-третьих, модель Прокоша, как отмечалось критиками, вызывает нарекания в отношении относительной хронологии.

Указанные недостатки модели Прокоша могут, однако, быть исправлены. Для этого прежде всего мы откажемся от мысли о том, что последовательность передвижений на модели в точности соответствует реальной исторической хронологии. Реальное историческое движение осложнено перемещением племен, заимствованиями (в частности массовые заимствования в средненемецкий южно-немецкой лексики с «передвинутым консонантизмом») и другими подобными социолингвистическими процессами. М. М. Гухман отмечает, что в германском ареале завоевание территории не сопровождалось полным уходом прежнего населения. «Языковые данные позволяют обнаружить на этих землях интенсивные диалектные смещения, взаимодействие и сосуществование на одной территории разных диалектных систем. В частности, не случайно так называемое второе передвижение согласных обнаруживается из всех франкских владений ранее всего на территории, прежде принадлежащей алеманнам, т. е. именно тем племенам, для которых данный фонетический сдвиг был автохтонным»⁷⁸. Согласно общему принципу моделирования, как и лингвистической реконструкции вообще, неясность территориальных отношений отражается как неясность хронологической последовательности. Мы здесь будем рассматривать этапы германского передвижения прежде всего как идеализированный, абстрагированный от исторических случайностей, общий процесс развития германской фонологической системы, подчиняющийся внутренним семиотическим принципам. Для этого мы внесем в модель Прокоша следующие два изменения: 1) в относительной хронологии Прокоша мы меняем местами V и VI этапы (см. список выше), 2), на этапе $t > z$ (бывший VI теперь V) мы интерпретируем знак z как знак аффрикаты типа ts или $tʃ$ с тенденцией перехода в сильный спирант.

Рассматривая теперь модель Прокоша, мы замечаем, что при переходе от этапа II к этапу III мы не пересекаем в ней ни одной оси, тогда как при переходе от этапа III к этапу IV пересекаем одну ось. Регулярность продолжается и дальше, в целом так:

⁷⁷ Ср.: М. В. Раевский. Верхненемецкое передвижение согласных в его причинно-следственных связях. — Автореф. докт. дисс. Л., 1969.

⁷⁸ М. М. Гухман. Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период (на материале германских языков). «Энгельс и языковедение». М., 1972, стр. 215. Ср. аналогичные замечания С. Д. Кацнельсона в том же сборнике, стр. 287.

VIII. «Немецкий»: $\text{f} > \text{θ}$ — гот. $\text{f} \text{reis}$: др.-в.-нем. dhrī (Исидор);

IX. «Немецкий»: $\text{θ} > \text{d}$ — др.-в.-нем. $\text{dhrī} > \text{drī}$.

(Заметим, что этапы VIII и IX имеются также в нидерландском и скандинавских языках.) В качестве исходного индоевропейского пункта начала передвижения Прокош принимает не звонкие придыхательные, а «слабые» глухие спиранты, то есть bh , dh , $\text{gh} = \varphi$, θ , χ . Его модель покажем на рис. 4.

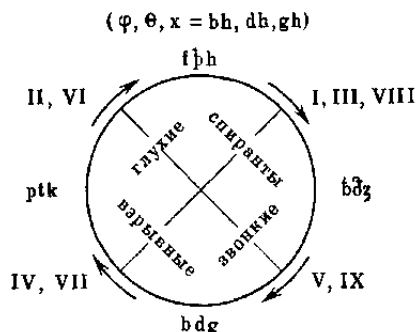

Рис. 4.

Модель Прокоша не дает вполне адекватного представления о существе процесса. Во-первых, создается впечатление, что все время меняются одни и те же позиционно звуки, т. е., что, например, f переходит в b , далее в r , затем в t и т. д. Между тем существо передвижения заключается в том, что на каждом его этапе передвигаются в указанном смысле лишь согласные, находящиеся в определенных положениях в слове, те же самые согласные в других позициях остаются неподвижными. На каждом этапе передвигается в другой класс лишь одна часть каждого фонемного класса, другая часть остается в прежнем классе (можно по-видимому, в общем считать, что остается неподвижной каждый раз часть более позднего, нового происхождения). Таким образом, три класса фонем на всех этапах передвижения остаются тождественными себе как классы и дистанция между ними в общем сохраняется. Это важнейшее положение исторической фонологии германских языков, отчетливо сформулированное Э. А. Макаевым⁷⁶, должно быть основой всех опытов моделирования в этой области. Между тем в модели Прокоша оно отсутствует. Во-вторых, модель Прокоша не дает никакого представления об объеме передвигающейся части каждого фонемного класса. В действительности же процесс в общем протекает, по-видимому, так, что на

⁷⁶ См.: Э. А. Макаев, Система согласных фонем в германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков». Т. 2. М., 1962, стр. 17.

Переход от этапа к этапу	Сколько осей пересекается	Переход от этапа к этапу	Сколько осей пересекается
от II к III	0	от VI к VII	0
от III к IV	1	от VII к VIII	1
от IV к V	0	от VIII к IX	0
от V к VI	1		

Отмеченная регулярность должна быть отчетливо выявлена в модели, и это требование составляет третье условие, наряду с отмеченными выше двумя. Принимая во внимание эти условия, не трудно видеть, что улучшенная модель Прокоша должна быть не кольцом, а спиралью.

Чтобы построить спираль, о которой идет речь в следующем разделе, можно на диаграмме Прокоша (рис. 4) расположить обозначения этапов процесса не в четырех точках — пересечениях четырех осей с кругом, а в девяти точках, спустив отметку каждого следующего этапа вниз по ее оси. Так, точка, соответствующая этапу I, останется на своем месте, следующая по кругу точка — V (на нашей измененной схеме у нее теперь номер VI) спустится несколько ниже на своей оси; следующая за ней, в том же направлении часовой стрелки, точка с отметкой IV — еще ниже и т. д., пока не расположим в пространстве круга все девять точек. Если затем мы соединим их линией, то получится спираль. Однако эта модель не будет удовлетворять всем условиям, а именно трем, о которых было сказано выше. Если расположение точек на все меньших витках спирали будет наглядно выражать уменьшающийся объем фонемных классов, участвующих в передвижении, то расположение нескольких точек на одной оси будет по-прежнему приводить к иллюзии того, что соответствующие этапы передвижения тождественны. Чтобы избежать этого, нужно взять вместо четырех осей восемь, так, чтобы каждая отметка имела собственную ось. Поскольку всего отметок — 9, то девятая (а не восьмая, как раньше) окажется под первой. Это означает, что относительное положение «первого, догерманского» этапа передвижения, начальная точка всего процесса на этой схеме окажется относительно сдвинутой, против диаграммы Прокоша, иной. Значение этого будет обсуждено ниже. Вся схема спирали имеет вид, как на рис. 5.

На приведенной схеме номер каждого этапа передвижения, римская цифра, соответствует номеру круга. Оси, выходящие из центра и пронумерованные арабскими цифрами, символизируют типы фонетических переходов. Спираль соединяет точки в порядке римских номеров. Модель позволяет предсказать дальнейшее направление процесса: так, если бы процесс продолжался, то следующими этапами были бы точки X, XI, XII, взятые на схеме в скобки.

Теперь вернемся к начальной точке спирали. Ее положение не было нами заранее определено из каких-либо априорных или

даже фактических соображений. В построении этой модели мы шли от более новых этапов передвижения согласных к более древним, от конечных точек спирали к ее началу. При этом и оказалось, что, если модель в общем верна, т. е. если большинство ее точек расположено именно так, то последняя по построению точка, а именно начало спирали, должна принять такое положение,

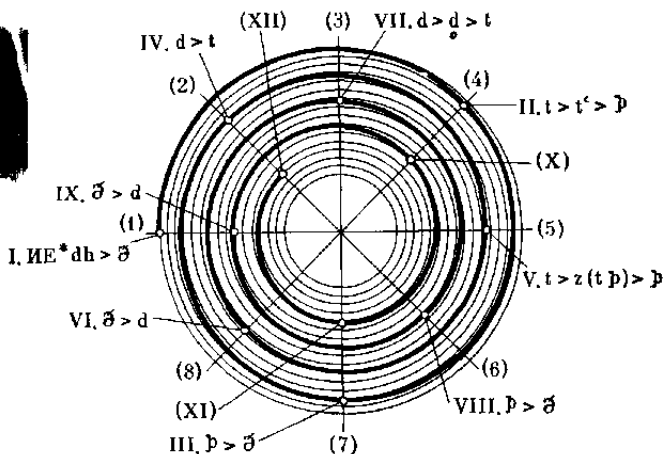

Рис. 5.

как на схеме. Оно соответствует тому, что первый этап германского передвижения согласных моделируется не как передвижение и.-е. $bh, dh, gh > \varphi, \theta. \chi > f, \beta, h$, по Прокошу, а иначе: $bh, dh, gh > b, d, g > \beta, \theta, g$. Эта начальная точка, полученная нами автоматически на модели, в силу «логики модели», соответствует более новой и более признанной реконструкции Ж. Фурке ⁷⁹.

Обсудим теперь некоторые абстрактные вопросы, возникающие в связи с приведенной моделью. Откуда вообще взялась сама спираль с выражающим ее числом — дробью $3/8$, то есть — 8 основных точек на 3 оборота спирали?

Спирали такого рода — хорошо известные в ботанике схемы листорасположения. У большинства растений листья располагаются на стеблях настолько правильно, что существуют точные правила описания их расположения. Если соединить основания листьев в порядке их следования на стебле линией, то эта линия образует спираль. После одного или нескольких оборотов спирали дойдем до листа, который будет находиться на одной вертикальной линии с первым листом. Часть спирали от какого-либо одного листа до другого, находящегося с ним на одной вер-

⁷⁹ J. Fourquet. Les mutations consonantiques du germanique. Essai de position des problèmes («Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg», № 111). Paris, 1948.

тикальной линии, называется циклом. Чтобы определить листорасположение данного растения, нужно знать число оборотов спирали одного цикла и число находящихся в нем листьев. Листорасположение выражается дробью, числитель которой показывает число оборотов спирали, а знаменатель — число листьев цикла. Простейший случай листорасположения — $1/2$. Это двурядное расположение, в котором третий лист приходится над первым. Все возможные листорасположения выражаются таким рядом дробей — $1/2, 1/3, 2/5, 3/8, 5/13, 8/21, 13/34...$ и т. д.⁸⁰

Таким образом, модель германского передвижения согласных, о которой шла речь выше, выражается точно такой же спиралью, какой в проекции на плоскость, на плане, выражается один из возможных в природе случаев листорасположения, а именно четвертый случай от начала приведенного ряда, и его формула $3/8$. В этом смысле нашу модель можно назвать бионической, т. е. совпадающей с моделью какого-либо другого явления, естественно существующего в природе. Разумеется это вовсе не означает, чтобы в германском передвижении согласных было нечто похожее на расположение листьев у растений, кроме того, что и то и другое моделируются одинаковым геометрическим и — шире — математическим способом.

Мы выявили здесь некий абстрактный принцип, которому подчиняется германское передвижение согласных, и можем пойти несколько дальше в выяснении его математической природы.

Приведенный выше ряд дробей обладает двумя замечательными свойствами. Ряд знаменателей и ряд числителей, начиная со второй, образуют так называемые числа Фибоначчи⁸¹. Каждое число в ряду Фибоначчи получается как сумма двух предшествующих ему чисел. Кроме того, каждое число в ряду Фибоначчи может быть получено как сумма чисел некоторых сочетаний. Если C_n^k — число сочетаний из n элементов по k , то число Фибоначчи выражается формулой

$$F_{(n)} = C_{n+1}^0 + C_n^1 + C_{n-1}^2 + \dots + C_{n-p+1}^p,$$

где $p = \frac{n+1}{2}$, если n нечетно, и $p = \frac{n}{2}$, если n четно⁸². Число n соответствует порядковому номеру дроби в ряду дробей. Лингвистический смысл этой формулы мы попытаемся отчасти приоткрыть ниже.

⁸⁰ См: «Новый энциклопедический словарь» Изд. Брокгауз — Ефрон Пг., (1915), т. 24, столбец 628.

⁸¹ Итальянский математик Фибоначчи в 1202 г сформулировал следующую задачу: пара кроликов приносит раз в месяц приплод из двух крольчат (самки и самца), причем новорожденные крольчата через два месяца после рождения в свою очередь приносят приплод. Сколько кроликов появится через год, если в начале года была одна пара кроликов? В ходе решения этой задачи Фибоначчи и нашел указанный ряд чисел.

⁸² Н. Я. Виленкин. Комбинаторика. М., 1969, стр. 155—157.

Другое замечательное свойство ряда чисел Фибоначчи заключается в том, что он выражает так называемое отношение золотого сечения, известное в истории и теории искусства. Золотое сечение разделяет отрезок на две части так, что большая часть относится к меньшей, как весь отрезок — к его большей части. Начиная от дроби $8/5$, далее $13/8$ и так далее (как составляются эти дроби,

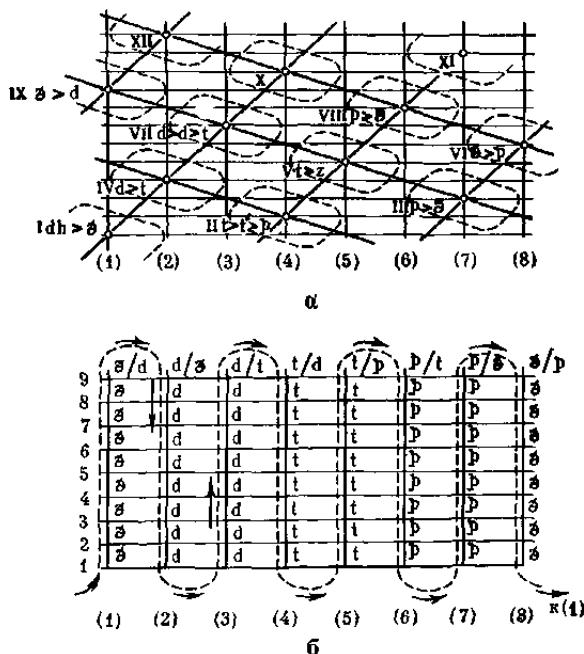

Рис. 6

легко видеть из приведенного выше ряда дробей), каждая дробь выражает отношение золотого сечения, причем тем точнее, чем дальше от начала этого ряда.

Таким образом, в известном смысле можно сказать, что германское передвижение согласных подчинено также и эстетическому принципу наилучшего соотношения. Лингвистическое толкование этой особенности также будет дано ниже.

Вернемся теперь к конкретному. Спирали разобранного выше вида легко преобразуются в развертки. Если мы заменим приведенную выше спираль (см. рис. 5) ее разверткой (такие же развертки обычно делаются для схем листорасположения), то получим новую, четвертую модель германского передвижения, что также будет иметь некоторый смысл, так как раскроет некоторые новые черты этого явления. (Заметим, что, хотя эта модель в некоторых отношениях сложнее предыдущей и труднее для непосредственного восприятия, она затем позволит перейти к значительному упрощению; рис. 6а, 6б).

Развертка основной модели (рис. 6а) очень напоминает пространственные фонетические и фонологические схемы, однако отличается от них одной существенной особенностью (которая есть, впрочем, и у всех данных выше схем, но в меньшей степени). На обычных фонологических схемах, например кубах, параллелепипедах и т. п., пересечения граней — линии символизируют дифференциальные элементы — линии противопоставлений, пересечения линий символизируют фонемы, иными словами, дискретные элементы символизируют фонемы, а поля, грани, плоскости схемы, элементы недискретные, символизируют переходы между фонемами, нерелевантное в фонологическом отношении фонетическое пространство. На данной схеме, наоборот, дискретные элементы — точки пересечения линий символизируют переходы между фонемами, а пространства вокруг этих точек, поля (на схеме они очерчены пунктиром) символизируют самые фонемы. Таким образом, эта схема построена по принципу недискретности.

Другая особенность этой схемы заключается в том, что она состоит из двух сеток линий: одна образована линиями, пересекающимися под прямым углом, другая — линиями, пересекающимися под косым углом. Последняя (пересечения под косым углом) — это сетка фонемных, или фонологических, переходов. Первая же (пересечения под прямым углом) схематизирует фонетические переходы. Таким образом, четвертая модель более других отвечает стремлению современных лингвистов различать фонетические и фонологические отношения как при синхронном описании языка, так и при исторических реконструкциях (Е. Курилович, Ж. Фурке, М. В. Раевский и др.).

Сетка фонетических отношений четвертой модели воспроизведена отдельно на рис. 6б. Она позволяет наглядно уяснить, каким образом фонологические корреляции и их смена соотносятся с фонетическими различиями звуков (на примере зубных). Нижняя линейка с арабскими цифрами в скобках от 1 до 8 символизирует «чистое *ð*», «чистое *d*», «чистое *t*», «чистое *ʃ*». Девять вертикальных отрезков символизируют различные фонетические переходы, покрывающие все соответствующее фонетическое пространство. Например, для *t* колонка (4) отражает всевозможные ступени постепенных фонетических переходов от «чистого *d*» к *t*, а колонка (5) — постепенные переходы от «чистого *t*» к *ʃ*, всего 18 фонетических вариаций. Заметим, что схема хорошо отражает возможные так называемые «модальные» признаки звука, т. е. признаки способа его образования, и не фиксирует жестко «локальных» признаков, т. е. признаков места образования. Так, например, *t* может мыслиться и как зубное и как альвеолярное, соответственно *ð* и как межзубной ффрикативный и как ффрикативный более верхнего образования и т. д.

Схема отчетливо выражает тот факт, что одна и та же фонологическая оппозиция, а следовательно, и одна и та же смена фо-

нологических оппозиций может реализоваться в различном фонетическом пространстве. Так, IV и VII этапы передвижения согласных характеризуются одной и той же сменой фонологических оппозиций — $d > t$, однако на каждом из этих двух этапов она реализуется в разном фонетическом пространстве (см. на схеме 6а и 6б). «Придыхание» у губных может реализоваться как f (pf), у зубных как θ , s (t θ , ts), у гуттуральных как h (kh). Обратить на это внимание кажется особенно важным. Обычно подчеркивается лишь обратное соотношение, а именно, что в одном и том же фонетическом различии реализуются разные фонологические оппозиции, например, что индоевропейская корреляция по сонорности (глухие — звонкие) сменяется в германском корреляцией по напряженности (напряженные — ненапряженные). Логика этой модели настоятельно наводит на мысль (в разной форме уже высказывавшуюся в германистике), что «придыхание, или придыхательность» на разных этапах передвижения реализуется в совершенно различных локальных рядах, например, при зубном d (соответственно и.-е. dh) не в виде гортанного придыхания h , а в том же локальном ряду, что и основное d , т. е. в ряду зубном; но «зубное придыхание» как раз и есть признак перехода к фрикативному зубному или межзубному θ . То же и для других «придыхательных».

Наконец, эта модель позволяет, по-видимому, до некоторой степени прояснить лингвистический смысл «числа n », входящего в формулу числа Фибоначчи (см. выше). Можно думать, что это n , указывающее на положение дроби в ряду дробей (а каждая дробь есть формула спирали, т. е. соответствующей модели), указывает одновременно на фонологическое членение соответствующей части фонетического пространства. Так, в нашем примере, число n , равное четырем, указывает, по-видимому, на четырехчленное фонологическое членение: θ , d , t , β .

После того как многие отношения были уяснены с помощью приведенной выше четвертой модели, можно суммарно обобщить их в гораздо более простой форме. Эта простая форма обобщения и составляет последнюю, пятую модель.

Выше мы видели, что существенным признаком германского передвижения согласных является постоянное воспроизводство одной и той же фонологической корреляции, или равноценной, в разных частях фонетического пространства, в особенности полно в зубном ряду, в разных его частях и при разных способах реализации смычки. Так что все время сохраняется одна и та же фонетическая дистанция между противопоставленными звуками. Но если мы подчеркнем, что эта дистанция постоянно воспроизводится, как бы «выкраивается» в разных частях фонетического континуума, фонетического пространства, на принципах, выясняющихся из приведенных выше схем, то это позволит построить простую модель указанного процесса.

Фонетическое пространство (для зубных) представим в виде

непрерывной линии (рис. 7а). Точки на ней символизируют дискретные звуки — звукотипы, о которых шла речь в предыдущих рассуждениях. Каждый звук отличается от соседнего каким-либо одним фонетическим признаком, несоседние звуки различаются более, чем одним признаком. Особо отметим только характер придыхательных. В соответствии с тем, что было сказано выше, придыхание мы трактуем как сопутствующий локальный признак к основному признаку согласного. Таким образом, придыхательное *t* есть *tʰ*, но может также быть и *tʰ* с гортанным придыханием, и *ts-z* с зубным придыханием. То же соответственно и для *d*.

Тот факт, что в процессах передвижения фонетическая дистанция сохраняется, представим в виде «масштаба» — отдельной короткой линии (рис. 7б). На ней точки 1, 5, 6 символизируют постоянную дистанцию между согласными фонемами.

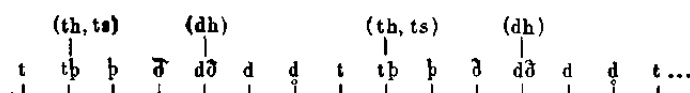

Рис. 7а. Фонетическое пространство

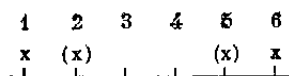

Рис. 7б. Масштаб

Для моделирования передвижения согласных масштаб прикладываем к линии фонетического пространства так, чтобы начальная левая отметка масштаба совпала с начальной левой отметкой большой линии. Это положение соответствует индоевропейскому состоянию в германском ареале (по Ж. Фурке). Отмеченные крестиками без скобок положения на масштабе показывают наличный в этот период состав зубных фонем. Далее масштаб сдвигается по этапам, каждый раз на одно деление большой линейки, и его отметки при этом показывают на наличный на данном этапе состав фонем. На масштабе отметки 1 и 6, выраженные крестиками без скобок, символизируют основные противопоставления, отметки 2 и 5, данные крестиками в скобках, символизируют второстепенные противопоставления. Это значит, что на каждом этапе в фонемный ряд, кроме фонем, оказывающихся на схеме над отметками 1 и 6, входит одна из фонем над отметками 2 и 5, чаще всего фонема с отметкой 5. Однако на некоторых этапах (4 и 5) следует, возможно, учитывать все четыре отметки. Это будет соответствовать тому фактическому положению, что, как полагают некоторые исследователи (например, М. В. Раевский), после верхненемецкого передвижения, а также в датском и исландском фонетическое пространство членится не на три, а на четыре фонемы.

Процесс моделирования имеет такой вид:

1) исходное состояние, индоевропейское состояние в германском ареале: t (th), dh, d;

2) сдвиг на одно деление вправо (первый такт), раннегерманское состояние, по Ж. Фурке: th, \bar{d} , d;

3) сдвиг дальше на одно деление вправо (второй такт), общегерманское состояние: \bar{r} , $\bar{\theta}$ или \bar{d} , t;

4) сдвиг дальше на одно деление вправо (третий такт), верхненемецкое передвижение и верхненемецкое состояние в динамике: $\bar{\theta}$, (d $\bar{\theta}$), t, t \bar{p} (ts, z);

5) сдвиг дальше на одно деление вправо (четвертый такт), так называемое датское передвижение и датское (а также исландское) состояние: d $\bar{\theta}$ > $\bar{\theta}$, d, t \bar{p} (th).

Эта модель до некоторой степени выясняет и лингвистический смысл отношения «золотого сечения», в данном случае приближенное значение $8/5$, о котором шла речь выше. Фонетическое пространство из восьми фонетических единиц (от одного t до другого t на большой линии) на разных этапах развития германских языков членится на три фонологические единицы, притом так, что фонетическое расстояние между коррелятами этих фонологических единиц на фонетической линии постоянно ($8 - 3 = 5$). По-видимому, это расстояние, приближающееся к отношению золотого сечения, в каком-то смысле является наилучшим. Можно полагать, что оно выражает оптимальные условия кодирования и восприятия звуков речи в данной фонетической системе. Ведь и отношение золотого сечения выражает наиболее гармоничные, и в этом смысле оптимальные, условия зрительного восприятия. Точно так же схемы листорасположения отвечают наиболее гармоничному строению организма растения.

Глава II

ОБОБЩЕНИЕ

§ 1. Синхронное описание современного состояния совпадает с первым этапом реконструкции

Сформулированное в заголовке положение является первым и, по-видимому, самым основным принципом. Синхронное описание проводится вне всяких исторических соображений. И вместе с тем, синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые и подвижные факты в систему этого языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Тем самым синхронное описа-

Процесс моделирования имеет такой вид:

1) исходное состояние, индоевропейское состояние в германском ареале: t (th), dh, d;

2) сдвиг на одно деление вправо (первый такт), раннегерманское состояние, по Ж. Фурке: th, \bar{d} , d;

3) сдвиг дальше на одно деление вправо (второй такт), общегерманское состояние: \bar{r} , $\bar{\theta}$ или \bar{d} , t;

4) сдвиг дальше на одно деление вправо (третий такт), верхненемецкое передвижение и верхненемецкое состояние в динамике: $\bar{\theta}$, (d $\bar{\theta}$), t, t \bar{p} (ts, z);

5) сдвиг дальше на одно деление вправо (четвертый такт), так называемое датское передвижение и датское (а также исландское) состояние: d $\bar{\theta}$ > $\bar{\theta}$, d, t \bar{p} (th).

Эта модель до некоторой степени выясняет и лингвистический смысл отношения «золотого сечения», в данном случае приближенное значение $8/5$, о котором шла речь выше. Фонетическое пространство из восьми фонетических единиц (от одного t до другого t на большой линии) на разных этапах развития германских языков членится на три фонологические единицы, притом так, что фонетическое расстояние между коррелятами этих фонологических единиц на фонетической линии постоянно ($8 - 3 = 5$). По-видимому, это расстояние, приближающееся к отношению золотого сечения, в каком-то смысле является наилучшим. Можно полагать, что оно выражает оптимальные условия кодирования и восприятия звуков речи в данной фонетической системе. Ведь и отношение золотого сечения выражает наиболее гармоничные, и в этом смысле оптимальные, условия зрительного восприятия. Точно так же схемы листорасположения отвечают наиболее гармоничному строению организма растения.

Глава II

ОБОБЩЕНИЕ

§ 1. Синхронное описание современного состояния совпадает с первым этапом реконструкции

Сформулированное в заголовке положение является первым и, по-видимому, самым основным принципом. Синхронное описание проводится вне всяких исторических соображений. И вместе с тем, синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые и подвижные факты в систему этого языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Тем самым синхронное описа-

ние, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции. Этот принцип утверждает единство синхронного описания и исторической реконструкции, единство современного и исторического.

В предыдущем изложении было показано, как этот общий принцип исподволь прокладывает себе путь по частным линиям. У Ф. де Соссюра, как об этом говорят хорошо известные разделы его «Курса общей лингвистики», единство современного и исторического отвергается. Разъединение современного и исторического возводится в принцип, противоположный названному. Но в конкретных исследованиях он рассматривает современное состояние как системное (а не хаотическое, чего требовал бы его общий принцип) преобразование прошлого состояния. Именно на этом основании он, исходя из современного распределения литовских акцентных парадигм, реконструирует их прошлую систему (1896 г., см. выше, гл. I, § 2). Однако идея вневременной, или всевременной, панхронической лингвистики, по-видимому, неосознанно преобладала в его построениях. Поэтому, как ни странно, на деле он был склонен отождествлять современные системные отношения с отношениями диахроническими, рассматривая, очевидно, синхронное и диахроническое как просто разные проявления одного и того же — панхронического. Так, открытый им в синхронной современной системе литовского языка закон соотношения слоговых интонаций и места ударения он интерпретировал одновременно и как диахронический закон и истолковал современное соотношение как иную сторону того же, что имело место в прошлом. То, что в прошлом могло наблюдаться как передвижение ударений, теперь наблюдается как их статическое соотношение, но за тем и другим скрывается одно и то же — всевременная, панхроническая или универсальная невозможность определенного расположения слоговой интонации и ударения в слове.

Последующие поколения лингвистов последовательно шли к тому, чтобы рассматривать современное и прошлое как разные временные этапы развития системы, а не как рядом соположенные виды одной и той же панхронической системы. В частности, «закон де Соссюра» стал поэтому толковаться как чисто синхронный закон соотношения ударений в производящих и произведенных словах, объединенных процессами словообразования, или просто в соотносительных словах (Е. Курилович, 1940 г., см. выше, § 6). Происхождение всей этой системы оказывается значительно более сложным, разнородным и во всяком случае не сводится к «передвижению ударений вправо». Реальность этого закона как действительного происшедшего в прошлом передвижения ударений стала подвергаться сомнению и вовсе отвергаться. На этом основании возникли иные, чем у де Соссюра, реконструкции литовской и далее балто-славянской системы акцентных парадигм (у Х. Станга 1957 г., В. М. Иллича-Свитыча и В. А. Дыбо

1962—1963 гг., см. выше, § 8). Точно такая же эволюция характерна и для понимания «закона Фортунатова», аналогичного «закону де Соссюра», но сформулированного на материале славянских языков. Сам Ф. Ф. Фортунатов понимал его как диахронический закон передвижения ударения «вправо», к концу слова, в зависимости от определенного соотношения слоговых интонаций на старом ударном и новом ударном слогах. Современные исследователи склонны понимать этот закон только как формулировку синхронного соотношения (Х. Станг, В. А. Дыбо). В этой эволюции идей вокруг «закона Фортунатова» отсутствует только срединное звено — панхроническое, вневременное соединение прошлого и настоящего, столь характерное для концепции де Соссюра и не свойственное взглядам Ф. Ф. Фортунатова и его школы.

Современные концепции порождающих грамматик и глубинных структур проходят в общем ту же эволюцию. В них отсутствует только то звено, которое было для Ф. Ф. Фортунатова исходным, а для Ф. де Соссюра одним из двух равно исходных — чисто диахронический анализ. Сначала в рамках этих концепций утверждалось принципиальное тождество синхронного и диахронического описаний; предполагалось, что одна и та же последовательность трансформаций позволяет описать синхронную систему и одновременно соответствует этапам ее исторического становления (М. Халле, 1962 г.¹; А. А. Зализняк, 1964 г.) Эти взгляды вполне сопоставимы с панхронической точкой зрения Ф. де Соссюра. Затем констатируются несовпадения синхронной и исторической последовательностей и противоречия, возникающие при попытках их объединения В. Зепс, 1967 г. (см. выше, § 9). Отсюда возникает стремление толковать трансформационную последовательность правил как чисто синхронное соотношение (ср. понимание законов Фортунатова и де Соссюра как синхронных соотношений), а для исторической последовательности этапов искать более сложные закономерности. Эти последние, по-видимому, нащупываются в концепциях «глубинных структур» (ч. II, гл. I, § 10).

Рассмотренная эволюция идей не оставляет сомнения в том, что проведенное современными методами описание синхронной системы является одновременно первым этапом исторической реконструкции. Вместе с тем в свете современных взглядов очевидно и то, что нельзя отождествлять этапы раскрытия современной системы в процессе ее системного описания с этапами исторического становления этой системы, что имело место в концепции Ф. де Соссюра и ранних концепциях порождающих грамматик и подкреплялось там панхроническим, вневременным принципом. Современная система какого-либо языка — это и не отдельная

¹ M. Halle *Phonology in generative grammar* «Word», vol. 18, № 1, 1962, стр. 54—72 (затрагивается русский материал).

от ряда его прошлых, так же независимых друг от друга состояний, система (как теоретически утверждалось в «Курсе» Ф. де Соссюра), и не просто иное проявление того же, что уже было в прошлом, что есть всегда (как это фактически утверждалось в конкретных исследованиях де Соссюра и ранних теориях порождающих грамматик на основе панхронического принципа). Это последний этап развития предыдущей системы. Синхронное описание современного этапа системы действительно вскрывает ее прошлое состояние, но лишь частично: реконструируется лишь то, что было актуальным (активным, продуктивным) на предыдущем этапе. Все синхронные соотношения в принципе вовсе не обязательно должны совпадать целиком с диахронными отношениями предыдущих этапов.

§. 2 Внутренняя реконструкция восстанавливает предшествующую систему, а не происхождение ее элементов

Для иллюстрации названного здесь принципа достаточно упомянуть известные работы противоположных друг другу ориентаций. Превосходное исследование Х. Станга о славянском и балтийском глаголе² построено скорее как антитеза этому принципу. Автор рассматривает по существу происхождение различных групп слов в глагольной лексике (а иногда и отдельных глаголов), каждая из которых характеризуется сверх всего прочего еще и отношениями к лексико-грамматическим и грамматическим категориям. Работа полна тонких и детально аргументированных выводов над тем, к какой индоевропейской форме (основе аориста, презенса, перфекта и т. д.) восходит тот или иной глагол из балтско-славянского лексического фонда. Она напоминает этимологические словари французской лингвистической школы, в которых этимология понимается и освещается как вся доступная реконструкции история слова³. Книга Х. Станга могла бы быть развернутым глагольным отделом такого балто-славянского словаря. Но грамматическая система как система в ней не реконструируется.

Примером противоположного способа исследования, тем самым отвечающего названному выше принципу, является работа К. Уоткинса об индоевропейском глаголе⁴. Здесь восстанавливается индоевропейская глагольная система в целом, хотя отдель-

² Chr. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1943.

³ См., например: A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Ed. 4. Paris, 1959; P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, t. 1, 1968, t. 2, 1970.

⁴ C. Watkins. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. «Indogermanische Grammatik», Bd. III/1. Heidelberg, 1969.

ные фрагменты имеют вариативный характер и реконструируются как совокупность вариантов.

Своеобразие этого подхода ярко проявляется в том обстоятельстве, что в то время как классы элементов системы реконструируются по их месту и функциям в системе достаточно однозначно, происхождение материальных элементов классов в принципе допускает многозначность решений и справедливо рассматривается как совершенно особый и зачастую второстепенный вопрос. Эта исследовательская установка как раз и отвечает тому объективному свойству языка, что система эволюционирует системно, а отдельные материальные элементы подвержены влиянию различных исторических случайностей.

С другой стороны, могут вполне четко реконструироваться целые совокупности материальных элементов, отношение которых к реконструируемой системе остается очерченным весьма многозначно, а зачастую и неопределенно. Примером такого класса может служить тематический конъюнктив. Л. Рену обнаружил так называемый «эвентуальный тематический класс» (*un éventuel thématique*), независимый от какой бы то ни было глагольной категории. От него в разных условиях ведут начало конъюнктивы на-а в Ригведе, частично презенсы типа *bhavati*. В каждом отдельном случае иногда невозможно решить, является ли данная форма этого класса конъюнктивом (презенса или аориста), инфинитивом или «смягченным индикативом». Как замечает К. Уоткинс, «мы имеем здесь дело с формальным классом, подразделение которого в соответствии с различными функциями еще не фиксировано»⁵.

С другой стороны, происхождение, или лучше сказать, возникновение элементов в системе часто является следствием заимствования из соседнего контактирующего с данным языком, и поэтому должно объясняться языковыми контактами, ареальными взаимодействиями и другими социолингвистическими факторами. Для внутренней реконструкции системы такие элементы могут иметь лишь то значение, что благодаря им обнаруживается вакуум, пустая ячейка в системе, требовавшая заполнения и заполненная в результате заимствования. В этой связи следует вспомнить, что Л. П. Якубинский дал в свое время превосходный опыт объяснения массовых заимствований в лексике диалекта, показав, что причина кроется в таком внутреннем развитии системы этого диалекта, которое создает в ней «лексический вакуум»⁶. В настоящее время хорошо известно также, что могут широко заимствоваться, или даже скорее становиться общими для целого ареала, отдельные звукоtypы, положение которых в фонемной системе каждого отдельного языка ареала будет особым. Примером может служить

⁵ C. Watkins. Указ. соч., стр. 64; L. Renou. A propos du Subjonctif védique. — BSL, t. 33. fasc. 1, 1932, стр. 5—31.

⁶ Л. Якубинский. Несколько замечаний о словарном заимствовании. «Язык и литература», т. I, вып. 1—2. Л., 1926.

звукотип [ə] (ср. русск. [ъ]), общий для значительной части балканского ареала; различные звукотипы, общие для генетически различных языков Индустана⁷ и др.

§ 3. Отсутствие резкого (дискретного) перехода от внутренней реконструкции к внешнему сравнению

Восхождение от наблюдаемых явлений к глубинной структуре в данном синхронном состоянии языка есть одновременно и углубление внутренней реконструкции (движение к архетипу) и выход за пределы данного диалекта к родственным диалектам (от данного языка к родственным языкам). Таким образом, утверждается единство синхронного описания и внутренней реконструкции и далее — внутренней реконструкции как обобщения данных во времени и внешнего сравнения как обобщения данных в пространстве. На первую часть этого триединого соотношения, на совпадение синхронного описания с начальным этапом внутренней реконструкции было указано в предыдущем разделе. Здесь будет рассмотрена вторая часть соотношения.

Всякая внутренняя реконструкция, по мере того как она отдалается от современного исследователю момента времени, постепенно переходит во внешнее сравнение, сначала — близкородственных диалектов одного языка, затем — генетически родственных языков. В той или иной частной форме этот принцип формулируется почти во всех современных направлениях. Выше уже было сказано о его применении в рамках порождающих грамматик, концепциях «глубинных структур», а также в терминах лингвистических моделей, например, у Р. Г. Пиотровского (ч. II, гл. I, § 9, 10, 11). Теперь необходимо указать на его связь вообще с исследованиями диалектных явлений, в частности, методами лингвистической географии⁸. В связи с этим возникает один общий вопрос, на котором здесь уместно остановиться: обладает ли каждый из диалектов одного языка собственной языковой системой и структурой или же система и структура каждого из них являются разновидностями, вариантами одного инварианта — общей системы и структуры данного языка в целом? Вопрос является дискуссионным. Отмечая, что в лингвистической литературе широко распространено мнение, согласно которому диалектные изоглоссы обычно совпадают с границами племен в родовом обществе и с границами феодальных земель в более позднее время, Ф. П. Филин

⁷ См. обширный материал в работе: Д. И. Эделман. К типологии индоевропейских гуттуральных. «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. 32, вып. 6, 1973.

⁸ Из новых работ см.: М. А. Бородина. Проблемы лингвистической географии. М., 1966, стр. 5—35; см. также обзор (с библиографией): М. А. Бородина, П. И. Рошка. Лингвистическое изучение романских языков (проблематика и составление атласов). «Общее и романское языкознание». М., 1972, стр. 27—36; М. М. Маковский. Германские ареальные параллели в свете этимологии. «Этимология, 1965». М., 1967, стр. 248—263.

на основе большого фактического материала восточнославянских языков приходит к более гибкой формулировке, по-видимому, более соответствующей реальности. «Такое понимание диалектных границ в общем соответствует представлению об иерархической структуре языка как совокупности четко выделяющихся диалектов (язык распадается на четко противопоставленные наречия, наречия в свою очередь — на поднаречия, поднаречия — на диалекты, диалекты на поддиалекты и говоры). Нет никакого сомнения в том, что племенные и феодальные членения населения оказывают воздействие на развитие диалектных явлений и их группировки. Однако современная историческая диалектология показывает, что в разных конкретно-исторических условиях это воздействие дает неодинаковые результаты, что представление об иерархическом соотношении диалектов и их четко выраженных границ наталкивается на непреодолимые трудности»⁹. В свете этих данных принцип лингвистического единства «пространства — времени» нужно рассматривать, подобно другим структурным принципам, лишь как схематизацию объективного существования диалектов в реальном историко-общественном процессе. С этой оговоркой принцип предполагает, по-видимому, что внутренние системы диалектов являются вариантами одной общей системы-инварианта. В наиболее отчетливой, хотя, может быть, слишком категорической, форме это положение было сформулировано на основе общих принципов Московской фонологической школы Р. И. Аванесовым еще в 1947 г.: «Точно так же как о составе фонем в пределах системы одного говора мы судим по сильному положению, так как именно в сильном положении различается максимальное количество фонем, о составе полифонем русского языка в целом мы должны судить по абсолютно сильному положению (т. е. по положению, которое является сильным применительно к любому говору русского языка), и притом с точки зрения говора, в котором различается максимальное количество фонем. Это значит, что если, напр., в системе русского литературного языка в слове *стол* мы констатируем фонему *о*, то применительно к русскому языку в целом со всеми его диалектами в том же слове мы должны констатировать полифонему *ѵ* (хотя во многих говорах реально будет наличествовать фонема *о*), так как в абсолютно сильном положении при максимальном фонеморазличении — в этом слове (или морфеме) звучит фонема *ѵ*: такое понимание означает, что перед нами неустойчивый, подвижной элемент общей фонетической системы русского языка *ѵ*, который реализуется в отдельных частных системах либо в фонеме *ѵ*, либо в фонеме *о*... Вот почему... построение общей фонетической системы русского языка значительно раздвигает рамки синхронии,

⁹ Ф. И. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 626. Ср. также: В. Н. Ярица. Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях. «Энгельс и языковедение». М., 1972, стр. 189—207.

смыкаясь по существу с историческим подходом к фактам языка: с точки зрения общей системы русского языка в словах *стол, нёс, сено* мы находим полифонемы *δ, е, ё*; но то же с другого конца утверждается и при историческом подходе, когда констатируется, что *о* в слове *стол* восходит к старому *о* под восходящим ударением, *о* в слове *н'ос* — к старому *е*, *е* в слове *сено* — к старому *ѣ* и т. д.»¹⁰.

Позднее были сделаны попытки более общего истолкования первой части указанного соотношения, т. е. взаимного соответствия ярусов разной глубины в пределах одной языковой системы и территориального распространения признаков и категорий каждого яруса¹¹. Затем были даны опыты общетеоретической формулировки и второй части этого соотношения, т. е. взаимного соответствия изменений во времени различиям в пространстве¹².

Здесь, как уже было сказано выше, мы говорим о тройном соотношении *«система языка в ее ярусах* (от поверхностного до внутренних разной степени глубины) — *территориальное распространение* (от говора, через диалекты, до языка) — *различия во времени* (от современного состояния к все более удаленным состояниям в прошлом)». Это соотношение конкретизирует более общий принцип лингвистического единства *«языковая система — пространство — время»* и подчеркивает градуальный характер соотношения трех частей. В таком виде этот принцип позволяет корректировать внутреннюю реконструкцию данными внешнего сравнения: на определенном этапе реконструкции, и чем далее от ее начала, тем больше, реконструируемая система должна проверяться показаниями родственных диалектов.

Не менее важно подчеркнуть, так как на это не обращалось достаточного внимания, что тот же принцип позволяет корректировать внешнее сравнение и сравнительно-исторический метод вообще данными внутренней реконструкции. Неоднократно указывалось, что реконструируемый праязык (в особенности это относится к индоевропейскому) под пером многих исследователей превращается в своего рода склад всех черт, общих в настоящее время для сосуществующих родственных языков. Как действительно унаследованное общее, так и результаты независимого параллельного развития каждого из языков механически перено-

¹⁰ Р. И. Аванесов. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка (1947), перепечатано в кн.: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, стр. 322—333.

¹¹ Так А. П. Евдошенко писал: «Изменение системы на уровне признака, ряда или элемента в рамках одного и того же языка позволяет говорить соответственно о наречии, диалекте и поддиалекте. Говоры одного и того же диалекта парадигматически не различаются» (А. П. Евдошенко. Проблема структуры языка. Кишинев, 1967, стр. 24).

¹² В. К. Журавлев. К проблеме балто-славянских языковых отношений. «Baltistica», IV (2), 1968, стр. 167—177; Ю. Н. Караулов. Языковое время и языковое пространство (о понятии хроногlossы). «Вестник МГУ», № 1, 1970, стр. 61—73.

сятся в общий праязык и рассматриваются как его неперенная принадлежность. Как известно, этот недостаток А. Мейе находил в «Компендиуме» К. Бругмана. Однако, несмотря на полную справедливость этой критики и на тонкость анализа, в каждом отдельном случае позволявшую избежать отмеченного недостатка, общие критерии, основываясь на которых можно было бы разграничивать унаследованное от сходных результатов параллельного развития, оставались неразработанными. В настоящее время, благодаря тому, что названный принцип все более осознается, критерии, по-видимому, делаются более ясными: непосредственное сравнение все более уступает место сравнению на уровне глубинной организации, и достоянием праязыка в общем случае признается лишь то, что соответствует глубинному архетипу каждого отдельного из сравниваемых языков плюс внесистемные реликты.

Однако сходное параллельное развитие родственных языков также не может быть случайным: оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе праязыка. Таким образом, из логически равноправных реконструкций системы праязыка, возникающих на основе сравнения архетипов, более приемлемой оказывается та, которая может обосновать динамические процессы переходов, или трансформаций, от общей системы к архетипам.

Вместе с тем принцип единства «языковая система — пространство — время» характеризует, по-видимому, и языковые союзы, независимо от генетически общего или необщего происхождения составляющих их языков, что может быть выражено в достаточно общей форме. Говоры одного диалекта различаются аллофонией и алломорфией или в предельном случае морфемными единицами при сохранении всех высших ступеней фонологической и грамматической иерархии, например, разным распределением морфем падежей при одной и той же системе падежей. Диалекты различаются частными фонологическими и грамматическими категориями, например, различным синкретизмом, или парадигматической нейтрализацией, некоторых фонем (см. указанную выше работу Р. И. Аванесова), различной синонимией и омонимией падежных флексий, различным синкретизмом падежей. Языки, — как все родственные, так и те из неродственных, которые входят в один языковой союз, — различаются разными общими грамматическими категориями, например, наличием и составом падежных систем.

Названные соответствия могут быть схематизированы так:

<i>В пространстве</i>	<i>В системе и структуре</i>	<i>Во времени</i>
Генетическая семья языков или языковой союз	Самые общие (мета-) грамматические категории	Наиболее удаленная эпоха, гипотетическая реконструкция
Языки	Общие грамматические категории	Удаленная эпоха, доказуемая реконструкция
Диалекты	Частные грамматические категории	Ближайшее прошлое и современность
Говоры	Морфемы и алломорфы	Актуальное, непосредственно наблюдаемое настоящее

При еще большей схематизации допустимо представлять эти отношения как лингвистическое дерево с вершиной на уровне «языковой союз», последовательно и все более ветвящееся с каждым идущим ниже ярусом.

Очевидно, что этот принцип подчеркивает общность языковой семьи, основанной на генетическом принципе, и языкового союза, основанного на принципе длительного соседства, сосуществования в пространстве и времени, различных по происхождению языков. Четким критерием отличия семьи от союза остаются закономерные фонетические соответствия и общность по происхождению грамматических морфем, что может характеризовать только генетическую семью. Однако по мере углубления реконструкции этот критерий утрачивает четкость, и поэтому в современных очень глубоких реконструкциях фактически говорят о едином явлении «семье-союзе», не вводя дальнейшей характеристики, — генетическая ли это семья или языковой союз. Необходимо отчетливо представлять себе, что при этом речь идет не о наблюдаемом явлении («таком союзе, который по данным наблюдения превратился бы в генетическую семью»), а о закономерной при глубинной реконструкции абстрактной категории, в которой различия между семьей и союзом уже не играют роли ¹³.

§ 4. Междialeктная (межъязыковая) синонимия и дополнительная дистрибуция

Вследствие принципа, сформулированного в предыдущем параграфе, единицы разных диалектов и языков на определенных этапах реконструкции должны рассматриваться как синонимичные или находящиеся в дополнительной дистрибуции. Таким образом, один принцип вытекает из другого.

Под единицами здесь понимаются и слова, как лексические единицы (лексемы), и словоформы, и части словоформ — корни и аффиксы. Но в зависимости от типа единиц принцип должен получать то более, то менее широкое истолкование.

Н. Я. Марр применял его очень широко. Он считал, что разные языки языкового союза (по его терминологии, «скрепляющиеся языки») обязательно обладают словами для обозначения одного и того же понятия и в рамках языкового союза эти слова ста-

¹³ См.: Н. С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме (1936). — ВЯ, 1958, 1, стр. 65—77; С. С. Uhlenbeck. The Indogermanic mother language and mother tribes complex. «American Anthropologist», v. 39, № 3, 1937, стр. 385—393; Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. — Доклад на IV Конгрессе антропологов. М., 1954 (роtaпpинт); Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на грузинском языке, резюме на русском); критические замечания о некоторых из этих работ см.: Э. А. Макаев. О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства «Энгельс и языкознание». М., 1972, стр. 290—309.

новятся синонимами. В таком виде эта идея сохраняет значение и при современном понимании «семьи — союза». Однако далее Н. Я. Марр в соответствии со своей теорией «скрещивания» полагал, что разные синонимичные слова или их корни линейно соединяются в одной единице. Например, если у коми-зырян имеется исконное слово (корень) *тш* 'земля', а у русских (соотв. славян) корень *зем-*, *zem* — с тем же значением, ср. русск. *земля*, то при взаимодействии коми-зырянского и русского языков в рамках языкового союза образуется слово *тш + zem > тшзем*, зырянск. 'земля'. Подобно этому, по Марру, элемент *-бор-*, имеющийся в отдельном виде в русск. *бор*, входит составной частью в латинск. *ar + bor* 'дерево', и т. п.¹⁴ (Отсюда, между прочим, вытекало и требование Н. Я. Марра при анализе вскрывать эти основные корнесловы «элементы»).

В применении к целым лексемам идея «синонимического сложения» не находит подтверждения (заметим, однако, что в исключительных случаях такое сложение, по-видимому, может иметь место). Но в применении к корням и аффиксам принцип «синонимического сложения» исторически подтверждается и широко используется в современных работах по реконструкции.

В истории различных языков этот принцип известен под частным названием контаминации. В древнегреческом языке имелись два различных по дистрибуции типа образования будущего времени *-sō* (*-σω*) в основах на смычный согласный при «односложных» корнях и *-eō* (*-εω*) в основах на плавный и в основах при «двусложных» корнях: *δείκνυμι δείξω*, но *ἐρέω > ἐρῶ*, *βαλῶ*, *πασέομαι*. Оба типа комбинируются путем простого суммирования в так называемом дорическом будущем: *πλέω *πλεσέμεθα > πλεσοίμεθα*¹⁵. Индоевропейские флексии 3 л. ед. ч. глагола *-t*, *-i* объясняются как первоначально конкурирующие и синонимичные элементы, а следовательно, и элементы взаимозаменяемые в определенных окружениях, *-t//i*. В дальнейшем один из этих элементов может сохраниться преимущественно в одной, а другой — в другой из диалектных зон (так *-i* сохраняется в балтийском ареале), что при реконструкции выглядит как синонимия суффиксов, принадлежащих разным диалектам. Но каковы те внутриязыковые условия, те окружения, которые создавали синонимию названных элементов? К. Уоткинс считает, что этим окружением было первоначально назывное предложение со значением непосредственного указания на происходящее или присутствующее перед говорящим. В предикате такого предложения имя могло отождествляться с глагольной формой 3 л. ед. ч. с нулевым окончанием: имя **nekwt* → глагол в 3 л. ед. ч. **nekwt-Ø*. В дальнейшем это вело

¹⁴ Сжатое авторское изложение всей теории см.: Н. Я. Марр. Язык. «Язык и история», I, Л., 1936, стр. 17—27.

¹⁵ P. Chantraine. Morphologie historique du grec. 2-e éd. Paris, 1967, § 298, стр. 252.

к переразложению основы в пользу окончания — *nekʷ-t, а выделившееся -t- становилось глагольным показателем 3 л. ед. ч. Элемент -i- имел первоначально, вероятно, значение знака-индекса, выполняя функцию непосредственного указания «здесь — сейчас». Поэтому -i- легко конкурировало с -t- в названных синтаксических условиях ¹⁶. На определенном этапе сосуществования таких форм могут появиться и формы, представляющие собой результат их «линейного синонимического сложения» в виде -t + -i > -ti. Следует заметить, что форма -t по сути дела в свою очередь также явилась формой «синонимического сложения», но вторым слагаемым выступает здесь «нуль», -t + ∅ > -t.

Нетрудно видеть, что в рассмотренном принципе реконструкции обобщаются, с одной стороны, идея Н. Я. Марра о «синонимическом сложении», но только ограниченная применением лишь к аффиксальным морфемам, с другой стороны, идея И. А. Бодуэна де Куртене о постоянном переразложении основ в пользу окончаний, в последнее время получившая системное развитие в работах Т. П. Ломтева ¹⁷.

Принцип межъязыкового синонимического отождествления использован Э. Бенвенистом в его реконструкции индоевропейского корня. Сопоставляемыми элементами здесь являются так называемые «основы» (в особом терминологическом значении у Э. Бенвениста):

О с н о в а I

*uér-g- (гр. Féry-ov)

*pér-k- (лит. peršù)

*sér-ų- (лат. seru)

О с н о в а II

*ur-ég- (гр. ῥέζω)

*pr-ék- (лат. pres-) [ср. лит. prėkė]

*sr-éu- (санскр. sráv-)

и т. д. ¹⁸

Аналогичную ситуацию применительно к аффиксам отмечает для абхазско-адыгских языков Г. А. Климов. В абхазском формантом каузатива является префикс г-, в адыгейском — ҕа-. Убыхский язык имеет оба форманта: d- (в начале слова убыхское d- соответствует абхазскому г-) и ҕа- со строго разграниченными сферами употребления. Таким образом, каузатив в этих языках реконструируется как древняя категория глагола, выражавшаяся первоначально разными префиксами в разных дистрибутивных условиях ¹⁹.

¹⁶ С. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion, стр. 49—54.

¹⁷ См.: И. А. Бодуэн де Куртене. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний (1902). Избранные труды по общему языкознанию. т. II. М., 1963, стр. 19—29; Т. П. Ломтев. Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка. «Энгельс и языкознание». М., 1972, особ. стр. 61—71.

¹⁸ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. Перев. с франц. М., 1955, стр. 181.

¹⁹ Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971, стр. 63—64.

Следует подчеркнуть, что во всех случаях, подобных только что приведенным, речь идет не о тождественных, а именно о синонимических элементах, тождественных в одном отношении (семантическом, функциональном), и различных в другом (фонемном составе или фonomорфологическом строении). Полностью тождественные межъязыковые или междиалектные соответствия указывают лишь на существование их праформы в общем языке (разумеется, в тех случаях, когда исключено заимствование) и для внутренней реконструкции сравнительно мало интересны. Частично тождественные соответствия, примеры которых были приведены выше, позволяют реконструировать как праформу, так и соответствующий ей дистрибутивный фрагмент системы, они продвигают реконструкцию на ступень глубже. Во всех таких случаях речь идет о каких-либо двух элементах, которые в реконструируемый период выступают в качестве частей одного целого, находясь в этом целом в дополнительной дистрибуции, а в более поздний наблюдаемый период оказываются разбросанными по разным местам какого-либо географического ареала. Таким образом, можно говорить о дополнительной дистрибуции в лингвогеографическом смысле. Приведенная выше (стр. 88 и 130) табличка основ представляет собой типичный пример матрицы с дополнительной дистрибуцией. Примерами вполне системной лингвогеографической дополнительной дистрибуции могут служить особые и многочисленные соотношения балтийских и славянских языков. На них суммарно указывал А. Мейе, говоря, что в балтийской и славянской языковых системах, особенно в глаголе, «в общем все сходно, в деталях все различно». Одна из нескольких приводимых им деталей заключается в том, что *i* в типе *minītū* долгое в славянском, *i* в типе *minī* краткое в балтийском²⁰. Ф. Ф. Фортунатов объяснял славянское долгое *i* сочетанием двух кратких *ii*, где первое (левое) *i* было перенесено из формы 1 л. ед. ч. презенса тематических основ на *-iā⁰n*, *-iā⁰* (в фортунатовской форме записи), а второе (правое) *i* из «общеиндоевропейского диалектного *i* в окончании таких основ в части форм»²¹. В балтийском одно краткое *i* представляет собой, по-видимому, древнейшую флексию 3 л. ед. ч. презенса раннего атематического спряжения²², а обобщение *i* совершается в обратном направлении, на форму 1 л. ед. ч.: **gulū* → *guliū*, ср. с лат. *fero*, *fers*, *fert*, *ferimus* и *facio*, *facis*, *facit*. Таким образом, в основе соотношения долгого славянского *i* и краткого балтийского *i* в форме 3 л. ед. ч. презенса лежат в ко-

²⁰ А. Meillet. Les dialectes indo-européens. Nouveau tirage. Paris, 1922, стр. 48.

²¹ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная морфология индоевропейских языков. Избранные труды, т. 2. М., 1957, стр. 276.

²² Которую К. Уоткинс реконструирует как **gh^wen-m* (i), **gh^wen-s*(i), **gh^wen-a*(i) (см.: С. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion, стр. 51; и здесь выше).

нечном счете, по-видимому, процессы конкуренции тематических и древнейших атематических форм спряжения с их соответственно конкурирующими синонимичными показателями 3 л. ед. ч. -t // -i (далее см. § 8—10).

В такой же лингвогеографической дополнительной дистрибуции находятся формы с показателем основы -s-: балтийский имеет сигматическое будущее, но не имеет сигматического аориста; славянский, напротив, знает сигматический аорист, но не знает сигматического будущего.

Особый интерес для общей теории реконструкции представляет двойное дополнительное распределение по ступеням корня такого типа, как на табл. 21.

Таблица 21

В славянском		В балтийском	
Презенс с редуцированной ступенью корня	Инфинитив и претерит с полной ступенью корня	Презенс с полной ступенью корня	Инфинитив и претерит с редуцированной ступенью корня
mlъzъ črъtъ	mlěsti črěsti	mélža (mélžia) keřta	milžo kiřto и т. п.

Двойным это распределение оказывается потому, что в каждой языковой системе, славянской или балтийской, взятой отдельно, корень глагола по своему звуковому виду находится в дополнительном распределении между презенсом и претеритом. С другой стороны, соотношение видов корня в славянской системе обратно таковому в балтийской системе, и в этом смысле в дополнительном распределении находятся системы в целом. Подробнее это явление будет рассмотрено ниже (§ 8—10).

Рассмотренные (в § 1—4) принципы являются методологическими принципами внутренней реконструкции. Вместе с тем последний из них принцип «система — пространство — время», или в иной форме, принцип лингвогеографического дополнительного распределения, оказывается уже достаточно конкретным для того, чтобы быть использованным в качестве рабочего приема реконструкции. С ним мы вступаем в область конкретных принципов внутренней реконструкции, которые позволяют дать к ним иллюстрации в виде более или менее цельных фрагментов языковых систем. Начиная с этого пункта, далее будет постепенно развернута на материале индоевропейских языков, главным образом славянских, балтийских и древнегреческого, совокупность иллюстраций, каждая из которых поясняет преимущественно один какой-либо принцип, а все вместе образуют относительно самостоятельный фрагмент внутренней реконструкции.

§ 5. Принцип «независимости состояний»

Когда лингвист, в соответствии со сформулированными выше общими положениями, начинает с описания современного состояния всей группы родственных диалектов, он оказывается перед морем материально тождественных разнодиалектных форм. Однако их функциональная характеристика может быть совершенно различной. Например, словоформы *жены*, *жене* имеются во всех русских говорах, но занимают в них разные места в парадигмах склонения:

I тип	II тип	III тип
у жены	у жене	у жены
к жене	к жене	к жены

Одна из этих парадигм может оказаться древнейшей, другие — преобразованными в более новое время. Если мы будем сразу исходить из материального отождествления словоформ, то должны будем признать тождественными словоформу *жене* в сочетании *к жене*, и словоформу *жене* в сочетании *у жене*. Если за исходную точку будет приниматься функциональное тождество, то мы должны будем признать тождественными словоформы *жене* и *жены*. И то и другое отождествление, очевидно, будет преждевременным и окажется помехой в дальнейшей реконструкции. Чтобы избежать какого бы то ни было предвзятого суждения относительно первичности одной и вторичности других парадигм, естественно сначала считать формы *жены*, *жене* независимыми друг от друга. Это требование обобщается в «принципе независимости состояний», который может быть сформулирован следующим образом.

Каждая из засвидетельствованных в диалектах или теоретически возможных форм должна рассматриваться при начале описания как независимая от материально тождественных или функционально (семантико-грамматически) сходных форм. Установление ее зависимостей как раз и будет следующим этапом реконструкции. Если выразиться точнее, каждая словоформа должна рассматриваться как функционально независимая от материально тождественных форм и как материально независимая от функционально тождественных форм.

Часто принцип независимости требуется применять не только к словоформам в целом, но и к их частям — корням и аффиксам. Разумеется, это возможно лишь там, где выделение этих элементов не вызывает сомнений. Таким образом, и в этих случаях сопоставление независимых целых словоформ фактически является предшествующим этапом (см. ниже § 6).

Рассмотрим применение этого принципа на цельном фрагменте балто-славянского материала. Объектом исследования здесь будут все словоформы глагола 'иметь — брать' в литовском (соответственно пра- или общеполтийском) и старославянском (соответственно пра- или общеславянском) языках. Современный литов-

ский имеет здесь три формы корня, *im-*, *em-*, *ēm-* (*ēm-*), и четыре типа окончаний, *-a*, *-i* (*a*) для презенса, *-ā* (*-o*), *-ē* (*-è*) для претерита. Окончание *-i(a)* требует особого примечания. В ряде диалектов (см. данные Ф. Шпехта, Френкеля), по-видимому, имелась форма 1-го л. *imīū*, которая заставляет предполагать возможность, если не наличие, форм 3-го л. *imīa*, *imī* (ср. *gūla* — *gūli* — *gūlia*). Форма *imīa* наиболее вероятна. Состав корней этого глагола можно несколько упростить, рассматривая, согласно общепринятой точке зрения, корень *ēm* (*ēm-*) как вариант корня с кратким гласным *em-*, видоизмененный в специфически литовской форме так называемого «претерита с продленным гласным». Разумеется, при полном описании реконструкции такое сведение *em-//ēm-* должно было бы наступить лишь на определенном дальнейшем этапе. Мы допускаем некоторое упрощение, принимая за основную форму *em-* с самого начала.

На этапе анализа обследуются все возможные сочетания. Для литовского языка с его диалектами в целом нехарактерно какое-либо «запрещение» сочетаний определенного вида корней с определенными типами окончаний. Поэтому из принципа независимости состояний в данном случае должно следовать, что теоретически допустимы и должны быть обследованы все возможные сочетания: *em + a*, *em + ia*, *em + o*, *im + ē*. . . и т. д. Затем для сопоставления с балтийскими данными так же должны быть представлены и обследованы сочетания различных типов корней с различными типами флексий для славянского. Для краткости изложения приводится сразу резюмирующая табл. 22 (прочерк означает отсутствие засвидетельствованной формы).

С первого взгляда возникает впечатление, что «все сочетается со всем» и нет ни одной строчки из приведенных восьми, которая так или иначе не была бы представлена либо в балтийском, либо в славянском ареале, либо в обоих. И это впечатление не ошибочно, оно как раз и соответствует тому объективному факту, что принцип известной независимости элементов и свободы их сцеплений широко действует в языке. Однако среди всевозможных сочетаний одни являются новообразованиями по аналогии или реликтами, другие же вполне системны. Задачей реконструкции становится на следующем этапе выявление системных сочетаний форм корня с формами аффиксов-окончаний.

На этапе синтеза выявленные сочетания систематизируются. Очевидно, что систематизация может проходить по разным признакам. Можно сгруппировать все сочетания, типичные для одного ареала, и противопоставить их всем сочетаниям, типичным для другого ареала. Это как раз и сделано в таблице и вообще обычно является предварительной группировкой. Но далее снова возникает большое разнообразие выбора возможных группировок: 1) по диалектам внутри ареала; либо 2) по форме корня внутри ареала, при этом, естественно, различие между диалектами окажется отодвинутым на второй план; либо 3) по форме

Таблица 22

Формы глагола со значением «иметь, брать» с точки зрения принципа независимости состояний

Балтийские				Славянские	
Презенсы					
1.	em-	-a	ema, jema ¹	—	—
2.	em-	-ia	—	*em le-	иметь през. гл. несов. в. имати
3.	im-	-a	ima	*jim-e- *jim-a-	иметь през. гл. сов. в. имати има аор. гл. несов. в. имати имаь през. гл. состояния имѣти
4.	im-	-ia	imia ²	—	—
Претериты					
5.	em-	-ā	—	*em-tъ >*jetъ	имѣть аор. гл. сов. в. имѣти
6.	em-	-ē	ēmē, jēmē	—	—
7.	im-	-ā	*imā- ³	—	—
8.	im-	-ē	imē ⁴	*imē-	имѣ аор. гл. состояния имѣти ⁵

Примечания: формы литовского литературного языка особо не оговариваются; ¹ в жемайтских диалектах (см. Zinkevičius, *Dialektologija*, § 235); в латыш. jemt; ² в диалектах литовского (см.: *Fraenkel, Etymol. Wörterbuch*, s. v. imti); ³ ота основа представлена в прусском imtai; ⁴ в диалектах литовского и в прусском umtēis; ⁵ также основа имперфекта глагола сов. вида в др.-чешск. veiměse.

аффикса, причем на второй план отойдут различия по диалекту и по форме корня; либо, наконец, 4) по семантическим и семантико-грамматическим категориям, таким, как «презенс» и «претерит» или «совершенный вид» и «несовершенный вид», причем окажутся на втором плане три предыдущие группировки.

Вопрос о том, какую группировку сделать первой, какую второй, третьей и т. д., — вопрос о последовательности группировок, решается каждым лингвистом-реконструктором применительно к своему материалу, и как правило, интуитивно. Но когда принцип независимости состояний сформулирован, под интуитивное решение может быть подведено вполне логическое обоснование. Должны быть составлены все возможные сочетания по линии одной группировки, затем по линии другой, третьей и т. д., — порядок выбора группировок при этом не играет роли, — а затем должны быть сравнены сочетания всех группировок и выявлена та группировка, в которой количество системных сочетаний наибольшее. Эта группировка и будет начальной при внутренней реконструкции. Очевидно, что такой полный перебор возможных сочетаний и их сравнение с реально засвидетельствованными превышает возможности одного человека и наилучшим образом может быть сделан

только машиной. Таким образом, принцип независимости состояний позволяет использовать электронно-вычислительную машину для целей внутренней реконструкции. Однако наш фрагмент из восьми строк невелик (ниже, стр. 248, 287, мы столкнемся со значительно большими массивами элементов), и мы вполне можем произвести сравнительную оценку его разбиений или группировок «ручным путем».

Начнем со следующего наблюдения. В пределах балтийского ареала нет таких случаев, чтобы формы, тождественные по материальному составу, противопоставлялись от диалекта к диалекту по семантико-грамматической категории или по функции. Напротив, постоянно встречаются такие случаи, когда формы, тождественные по функции в сопоставимых парадигмах разных диалектов, противопоставлены по материальному составу (*ēma*, *īma*, * *imā* в значении настоящего времени, *ēmē*, * *imā-*, *imē* в значении прошедшего). Попытаемся обобщить это явление. Исключим четвертую форму, которая обследованием на месте (Шакина, 1974) не найдена и, очевидно, представляла бы собой новейшее образование под влиянием тенденции иметь для переходных глаголов с претеритом на -ē (-ē) настоящее время на -ia. Исключим также восьмую форму, которая засвидетельствована лишь в древнепрусском языке и там сосуществует с синонимичной ей формой на -ē (-ē). После этого при одном взгляде на массив форм делается очевидным, что мы имеем дело с такими группировками (табл. 23).

Т а б л и ц а 23

Глагол со значением «иметь, брать»
в балтийском

Все возможные формы презенса	Все возможные формы претерита
I 1. <i>em-a</i> , <i>jem-a</i> 2. —	III 5. — 6. <i>ēm-ē</i> , <i>jēm-ē</i> (* <i>em-ē</i>)
II 3. <i>im-a</i> 4. —	IV 7. — 8. <i>im-ē</i> (* <i>im-ē</i>)

Содержательно это разбиение массива может быть описано следующим образом. В балтийском ареале для глагола «иметь, брать», существует тенденция обобщать корень для выражения этого лексического значения либо по исторически полной ступени *em-*, в жемайтских диалектах литовского и латышском, либо по

исторически редуцированной ступени *im-*, в аукштайтских диалектах литовского. Тем самым материал подсказывает, что первой в данном случае должна быть группировка по форме корня, она же соответствует разбиению массива по диалектам и одновременно по принципу лексического значения. Вторая группировка, по форме окончания, показывает, что в балтийском ареале для этого глагола существует тенденция обобщать презенс по окончанию *-a*, а претерит по окончанию *-ė* (*-ē*). Тем самым эта же вторая группировка соответствует объединению по семантико-грамматическим категориям презенса и претерита.

Одна из засвидетельствованных балтийских парадигм, а именно та, которая сохраняется в литовском литературном языке, является разнородной, не содержит никакого аналогичного обобщения и поэтому должна быть признана древнейшей: презенс *ima* — претерит *ėmė*. Таким образом, среди возможных современных сочетаний, представленных на вышеприведенной схеме, как древнейший этап реконструируется одно сочетание: II — III.

В славянском картина иная. Здесь группировки по форме корня показывают, что дело идет не о различном диалектном обобщении, а о разных семантико-грамматических категориях. Исторически полная ступень корня представлена в презенсе глагола несов. вида и аористе глагола состояния (формы 2 и 5); исторически редуцированная ступень — в презенсе глагола сов. вида, аористе глагола несов. вида и аористе и презенсе глагола состояния (формы 3, 8). В отличие от балтийских, славянские словоформы разбиваются не на две, а на три позиции, так как за корнем идет во второй позиции основообразующий аффикс, а в третьей — личное окончание, служащее в ряде случаев одновременно показателем категории времени. Поэтому группировки по форме корня могут быть уточнены, соответственно тому, заполнена ли и чем именно вторая позиция. Ее заполнение показателем *-e/o-* соответствует тематической основе, показателем *-a-*, *-ē-* (*-ĕ-*) или нулем (*jə-tʲ*) — атематической. Для сравнения с балтийским представим материал в табл. 24.

Сложение парадигм идет иным путем, чем в балтийском. Сочетание I—IV дает парадигму глагола несовершенного вида при инфинитиве *имати* (презенс тематический *имлеть*, аорист атематический *има*). Сочетание II—III дает парадигму глагола совершенного вида при инфинитиве *ѣти* (презенс тематический *иметь*, аорист атематический *ѣтъ*). Сочетание II—IV дает парадигму глагола состояния при инфинитиве *имѣти* (презенс атематический *имать*, аорист атематический *имѣ*). Последняя парадигма явно позднейшего сложения и выглядит изолированным фактом²³.

²³ Cp.: Ch. S. Stang. *Das slavische und baltische Verbum*. Oslo, 1943, стр. 22; A. Vaillant. *Grammaire comparée des langues slaves*. T. III. Le Verbe. Paris, 1966, стр. 452.

Таблица 24

Глагол со значением «иметь, брать»
в славянском

Все возможные формы презенса	Все возможные формы аориста
<p>I</p> <p>*em-je- (ѣмлетъ) тематич.</p>	<p>III</p> <p>*em- (*je-tъ, ѣтъ) атематич.</p>
<p>II</p> <p>*im-e- (имѣтъ) тематич. *im-a- (иматъ) атематич.</p>	<p>IV</p> <p>*im-a-(има) ате- матич. *im-ē- (имѣ) ате- матич.</p>

Из двух других сочетание II—III представлено, как мы видели выше, и в балтийском. Оно должно быть признано древнейшим. Таким образом мы получаем реконструкцию древнейшего балто-славянского прототипа для глагола «иметь»: презенс с корнем в редуцированной ступени im- — претерит-аорист в полной ступени em-, значение «недлительное» или «предельное», «определенное».

Для балтийского эта парадигма оказалась впоследствии нетипичной ни по значению, ни по форме. Со стороны значения ярко выраженный характер «предельности» действия привел к переосмыслению этого глагола как «брать», а соответствующее «непредельное» значение «иметь» в собственном смысле слова нашло иное лексическое выражение, ср. соврем. лит. turėti. Со стороны формы это единственный литовский глагол, который сохраняет такое соотношение ступеней корня — редуцированная в презенсе, полная в претерите, типичным для литовского (соотв. балтийского) является как раз обратное соотношение — полная ступень в презенсе, редуцированная в претерите (тип reĩka — rĩko), чем и были вызваны разнообразные отмеченные выше выравнивания по аналогии в диалектах литовского и в латышском. Можно сказать, что эта литовская парадигма — реликт славянского облика в балтийской системе.

Для славянского, напротив, эта парадигма оказалась на длительный период воплощением типичных тенденций в развитии глагольной системы и была дополнена параллельной парадигмой несовершенного вида. В этом славянском материале мы получаем также указания, пока еще неопределенные, на роль процесса тематизации глагольных основ в складывании глагольной системы в целом. Эти указания будут развиты ниже.

Отношение между балтийской совокупностью форм, с одной стороны, и славянской, — с другой, иное, чем в пределах каждого

ареала. Формы, тождественные по функции, противопоставлены по материальному оформлению. Последнее, однако, носит не случайный, а закономерный характер: в его основе опять проглядывает дополнительное распределение. О нем уже шла речь в конце предыдущего параграфа, но теперь оно предстает в более развернутом виде: кроме распределения ступеней корня, оно, по-видимому, охватывает и ближайший к корню, основообразующий аффикс, во всяком случае в ряде форм. Ниже мы остановимся на этом явлении подробнее.

Обобщим то из сказанного выше, что может быть применено к разному материалу и относится к методу вообще. Принцип независимости состояний требует сначала фиксировать как можно большее количество словоформ всех диалектов обследуемого ареала и в исходной точке рассматривать все формы как независимые друг от друга. Если словоформы допускают бесспорное разложение на элементы — корни и аффиксы, то последние также должны рассматриваться как независимые. Дальше этот принцип требует обследовать все теоретически возможные сочетания этих единиц друг с другом с парадигматической точки зрения. Необходимо описать все возможные сочетания корней с аффиксами в словоформы, и затем все возможные сочетания словоформ в парадигмы. На следующем этапе — этапе синтеза сочетания подбираются в группы, систематизируются, или классифицируются. Систематизация может проходить последовательно, на каждом этапе по одному какому-либо признаку; по одному диалекту, по одному значению, по одной форме корня, по одной форме основообразующего аффикса, по одной форме окончания и т. п. Эти группировки также рассматриваются как независимые одна от другой. Затем классификации совмещаются (например, все словоформы, сгруппированные по одному и тому же общему для них виду корня, разбиваются по характеру значения, или по форме основообразующего аффикса, и т. д.). В результате получаются различные группировки. Одни из них могут быть вовсе не представлены в реальном материале, «пустые» группировки (например, теоретически возможное соединение форм презенса *ema* и претерита *imė* не соответствует никакой реальной литовской парадигме ни в одном диалекте). Другие представлены нерегулярными, аналогически выравненными или реликтовыми случаями. Наконец, третьи засвидетельствованы в регулярных и устойчивых образованиях. Последние должны быть приняты как ядро реконструируемого состояния.

Подчеркнем еще раз, что ядро системной реконструкции должны составлять не просто такие образования, которые регулярно и устойчиво встречаются в обследуемом материале, одного этого признака недостаточно, но такие устойчивые сочетания, которые занимают регулярное место в системе, выявленной сначала на основе независимости состояний. Славянская парадигма *имать* — *имѣти* — *имѣти* и литовская *ima* — *ėmė* — *ĩmti* одинаково устой-

чивы и регулярно встречаются в древнейших текстах. Однако вторая из них занимает нерегулярное место в реконструируемой системе, тогда как первая воплощает самую суть этой системы. Только первая может быть принята за основу реконструируемого состояния.

Вспомогательные приемы, сокращающие путь обследования огромного количества сочетаний, заключаются в выявлении дополнительного распределения по одному или нескольким признакам. Благодаря принципу независимости состояний мы можем выявлять дополнительную дистрибуцию как в соотношении целых словоформ, образующих парадигму, так и спускаясь на морфемный уровень, в соотношениях корней и аффиксов. Наилучший случай упростить исследование представляется тогда, когда множество сочетаний удастся расположить в виде четырехклеточной матрицы, к которой уже можно применить определенные формальные способы обработки (ч. II, гл. I, § 3).

Мы стремились последовательно и в развернутом виде сформулировать исследовательский принцип, который в суммарной и не исключающей субъективных толкований форме фактически применяется в реконструкции. Так, Х. Станг писал: «Для меня очевидно, что для реконструкции первоначальной парадигмы необходимо соединять формы, которые не могут быть объяснены простым процессом аналогии. Поэтому я считаю парадигму лит. *ĩma : ėmė : ĩmti* древнейшей. В латышском обобщается вокализм -e- (из претерита), в прусском -i-»²⁴.

Последовательно выявляя на основе принципа независимости скрытое дополнительное распределение, мы реализуем и требование Х. Станга, и идею «оппозитивного отталкивания» Е. Куриловича (см. ч. II, гл. I, § 6).

§ 6. Принцип максимального расчленения каждой словоформы. Катализ, или позиционный анализ

Очевидно, что задачи, встающие на предыдущем этапе, уже не могут быть разрешены без тщательного анализа каждой отдельной словоформы и всех словоформ вместе. Инструментом анализа является понятие позиции.

Понятие позиции было введено выше на основе понятия матрицы (ч. II, I, § 3). Здесь продолжим и конкретизируем это рассуждение.

1) Письменную форму слова разбиваем по буквам, при этом каждая буква будет наблюдаемой конкретной позицией. Вид письменной формы при этом не имеет принципиального значения: ею может быть как та или иная транскрипция (в случае транскрипции предпочтительнее фономорфологическая), так и обычная орфографическая запись. Те случаи, когда запись оказывается бес-

²⁴ Chr. S. Stang, Das slavische und baltische Verbum, стр. 116.

смысленной с точки зрения ее разбиения (например, отделение мягкого знака в слове *моль*), могут суммироваться в виде дополнительных четких правил устранения двусмысленности; впрочем, в большинстве случаев на практике лингвисту вполне достаточна та точность, которой обладает обыкновенная орфографическая запись; однако сразу подчеркнем, что всякая матричная запись условна.

2) Одну письменную форму располагаем под другой и двигаем обе формы по горизонтали относительно друг друга до тех пор, пока совпадение между ними по количеству одинаковых конкретных позиций не окажется наибольшим; при этом конкретные позиции должны следовать одна за другой без перерыва и без вклинивания других позиций; например, для слов *пить* — *попить* указанное сопоставление выглядит так:

Таблица 25

а) Неприемлемый способ						б) Приемлемый способ					
п	и	т	ь	—	—	—	—	п	и	т	ь
п	о	п	и	т	ь	п	о	п	и	т	ь

3) Каждая колонка составленной таким образом матрицы будет абстрактной позицией; очевидно, что в каждой отдельно взятой строке матрицы (значит, в каждой реальной форме слова или в каждом отдельном слове (лексеме) как совокупности нескольких реальных форм) может быть одна или несколько пустых конкретных позиций; так, в слове *пить* — для приведенной матрицы (это условие существенно) — содержится две пустых конкретных позиции: — — п и т ь. Следует подчеркнуть, что конкретные позиции это и наблюдаемые конкретные позиции (буквы) и пустые конкретные позиции — не вполне наблюдаемые, которые, хотя и можно наблюдать, но лишь при сравнении ряда словоформ, т. е. не в отдельном.

А б с т р а к т н а я п о з и ц и я есть класс конкретных позиций. Что же касается конкретной позиции, то на первый взгляд кажется, что это — элементарное понятие. Однако это не так. Раз возможны конкретные позиции, не представленные никакой буквой, — пустые конкретные позиции, значит, конкретная позиция состоит из двух более элементарных явлений: места и его заполнения. При этом место может быть без заполнения, но заполнение не может быть без места, следовательно, в логическом смысле (не в историческом и материальном) заполнение (буква) детерминруется местом. Поэтому несколько разных букв (или даже буквосочетаний) могут быть сведены в один класс, если каждая из них занимает в своей словоформе одно и то же место, так в следующем примере *-ов*, *-у*:

Таблица 26

—	торг	ов	а	—	т	ь	торговать
—	торг	у	—	ј	у	—	торгую

Напротив, несколько одинаковых букв или буквосочетаний не могут быть сведены в один класс, если занимают разные позиции, например, y_1 , y_2 или a_1 , a_2 в следующих случаях:

Таблица 27

y_1	бег	ј	a_1	т	ь	убежать
y_1	бег	—	—	y_2	—	убегу
—	бег	a_2	ј	y_2	—	бегаю
—	бег	a_2	—	т	ь	бегать

Буквы (или буквосочетания), принадлежащие одной абстрактной позиции, никогда не могут быть одновременно употреблены в одной словоформе, т. е. оказаться в одной строке матрицы.

Буквы, принадлежащие разным абстрактным позициям, могут быть одновременно употреблены в одной словоформе, т. е. могут сойтись в одной строке матрицы. При этом они могут либо требовать заполнения разделяющих их позиций, либо, — что встречается значительно реже, — быть безразличными к тому, заполнены или незаполнены позиции между ними, т. е. могут занять соседние конкретные позиции. Первый случай представлен в форме (у)бежать, второй — в просторечной форме (у)бець (табл. 28).

Таблица 28

y_1	бег	ј	a_1	т	ь	—
y_1	бег	—	—	y_2	ь	
y_1	бег	—	—	т	ь	*убегть>*убекть>убечь

При определении позиций нередки ошибки, основанные на том, что начинают считать наблюдаемые конкретные позиции единственными наличными конкретными позициями слова и забывают, что в слове могут содержаться и пустые конкретные позиции. Иными словами, в этом случае слово недостаточно «растянуто» по позициям²⁵ (табл. 29).

²⁵ Этот случай подробно обсуждался в работах по «двуступенчатой фонологии».

Таблица 29

Неправильное разбиение на позиции, приводящее к предположению о том, что возможны формы * <i>днх</i> , * <i>дсх</i> , в действительности невозможные			Правильное разбиение на позиции, приводящее к фонетически возможной форме <i>днх</i>				
П ₁	П ₂	П ₃	П ₁	П ₂	П ₃	П ₄	П ₅
д	н	о	д	н	о	—	—
и	с	к	—	—	и	с	к

Между непосредственно наблюдаемыми конкретными позициями (буквами) и наблюдаемыми абстрактными позициями, представляющими собой классы конкретных позиций (но могущим быть сведенными и к одному признаку последних — к месту), лежат еще промежуточные ступени — конкретные позиции, представленные пустыми местами. Таких промежуточных ступеней может быть много, в зависимости от количества словоформ, взятых для составления матрицы, и чем больше словоформ взято для анализа, тем точнее разбиение на позиции. В приведенных примерах каждый раз было взято по небольшому количеству словоформ (соответственно строк матрицы), и поэтому точность разбиения на позиции там каждый раз можно оспаривать (например, можно уточнить количество *-а-* и их место в строке матриц для русских глаголов). Но желающий оспорить должен будет каждый раз приводить большее количество словоформ, т. е. дополнять матрицу и тем самым подтверждать общий принцип.

На основе сказанного выше и получается формальное определение позиции; позиция есть место, образованное пересечением колонок и строк матрицы при условии несвободного расположения тех и других и при условии их достаточно большого количества.

Приведем еще несколько примеров. В русском глаголе наблюдается элемент *-а-*: *подним-а-ть*, *бр-а-ть*, *страд-а-ть* и др. В глаголе *поднимать* он проходит во всех формах спряжения и потому должен быть отличаем от второго *-а-* в *братъ*, где он присутствует лишь в основе инфинитива. Сравнение показывает, что в общеславянском *-а₁-* принадлежало основе презенса в *ima-ть* (*iměti*) и аориста *ima-хъ* (*imati*), в то время как *-а₂-* было показателем времени, ср. аористы *бѣга*, *гъна*, *кова*. В армянском оба суффикса могут присутствовать в одном слове: **gorc-ea₁-c-a₂-* > *gorce-sau*²⁶. Что касается *-а-* в производных глаголах отыменных типа *страдать* или отглагольных типа *разбирать*, *работать*, то это иной, третий элемент. В силу различных соотношений с соответствующими словоформами его, может быть, следует в свою очередь разделить на два: *-а₃-* — *страд-а-ю* при старом *стражду*; *разбир-а-ю* при *беру*; *-а₄-* — *работ-аю* при *обработ-ыва-ю*. Таким

²⁶ Chr. S. Stang Das slavische und baltische Verbum, стр. 76.

образом, для данного фрагмента русской глагольной системы резюме позиционного анализа будет таково (табл. 30).

Таблица 30

0 Корень (с префиксом)	Позиция				
	1	2	3	4	5
подним- бр- разбир- страд- работ- обработ-	a ₁	a ₂	a ₃ a ₃	ыв	a ₄ a ₄

Развернутый позиционный анализ ориентирован на цели внутренней реконструкции. Для синхронного описания он может оказаться излишне детализированным. В таком случае выделенные элементы можно соединять, но обязательным условием соединения должно быть отсутствие в синхронном материале тех словоформ, на основе которых было произведено расчленение. В данном фрагменте *-a₂-* и *-a₃-* могут быть сведены в один аффикс.

Полный позиционный анализ современного русского глагольного слова, проведенный по нашему первоначальному плану Л. А. Чижовой, содержит тридцать четыре позиции ²⁷.

При большом количестве позиций целесообразно стремиться к их соединению на основе дополнительной дистрибуции — фонетической или морфемной (семантической). Например, аффиксы *-ив-*, *-ыв-*, находящиеся в определенных позициях русского глагольного слова, допускают объединение на основе фонетической дополнительной дистрибуции по отношению к позиции корня: *-ив-* — после гласного (*осваивать*), действительного или условного элемента *-j-* (*за-клей-ив-ать* > *заклеивать*; *заквас-j-ив-ать* > *заквашивать*; *выраст-j-ив-ать* > *выращивать*), сонантов (*заваривать*, *названивать*, *отчаливать*, при этом *откалывать*, *уламывать* и подобн. составляют исключение по особому правилу), после заднеязычных и шипящих (*замахивать*, *вздрагивать*, *вскакивать*, *стачивать*); *-ыв-* — во всех остальных случаях (*указывать*, *загадывать* и т. п.).

Примером объединения на основе морфемной (семантической) дополнительной дистрибуции могут служить аффиксы — указанное выше *-a₃-* и *-е-*, по крайней мере один из *-е-*, тождественный по

²⁷ См.: Л. А. Чижова. Морфемный анализ и классификация глагольных парадигм русского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1973; из более ранних работ см. интересное исследование: Е. Кржижкова. Морфемный анализ русского глагола. «Československa rusistika», № 4, 1964.

позиции и семантике этому *-а_з*: ср. *страдать, страдаю, страдал; зеленеть, зеленою, зеленел*. Производные глаголы с *-а_з* мотивированы существительными: *обедать, светать, пластать, козырять, восторгать* и т. д. Производные глаголы с *-е* мотивированы прилагательными или существительными, употребляющимися в функции эмоциональных определений: *леденеть, чернеть, синеть, плесневеть, плешиветь, русеть* (от *русский*), *звереть, сиротеть, столбенеть, сатанеть*²⁸. В отличие от академической «Грамматики» (1970 г.) глаголы группы *ветшать, дичать, крепчать, легчать, мельчать, тощать* и т. д. (§ 585) мы относим к типу на *-е(ть)*, после шипящих, а наблюдаемый аффикс *-а-* в них должен трактоваться в теоретической записи как морфофонемный вариант *-е-* после шипящих или смычных с условным элементом *-j-* (*дик-j-: дик-j-е-ть > дик-j-а-ть > дич-а-ть*). Таким образом, этот фрагмент русской глагольной системы в позиционном анализе имеет вид:

Таблица 31

Корень	1-я, 2-я позиции	3-я позиция	Пример
1) свет-, козыр'-, пласт-, обед-		а	светать, козырять
2) а) зелен-, рус-, звер'-, фонар'-		е	зеленеть, русеть
б) дик-, мелк-, тощ-, крепк-	j	е	(а-) дичать, мельчать

При позиционном анализе морфов в структуре русского глагола отчетливо прослеживаются общие семантические закономерности. Во-первых, заметно нарастание лексического в значении морфов по направлению к корню (ср. значение лица — числа во флексиях, значение вида, а также значение морфов *-ств-* и *-нич-* в системе глагола). Особое положение занимают морфы с функцией транспозиции имени в глагол. Они расположены между морфами, в семантике которых лексический элемент достаточно ярок (например, *-нич-*, *-ств-* и *-ыва-* с одной стороны и *-ов-*, *-а-* с другой в *плот-нич-а-ть, здрав-ств-ов-ать, образ-ов-ыва-ть, параллель-ов-ыва-ть* и т. д.), однако сочетание морфов этих трех соседних позиций в пределах одной словоформы невозможно. Во-вторых, значение морфа приобретает все большую многозначность в направлении от корня. Дело идет о многозначности типа синкретизма, которая сохраняется в синтагматическом окружении, в отличие от так называемых многозначных слов и суффиксов, теряющих многозначность в контексте словоформ (например, слово *ключ* имеет единственное значение в словосочетании *ключ от двери*,

²⁸ Ср. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. § 583—592, стр. 241 и сл.

суффикс *-н-* в парадигме глаголов *мигнуть*, *оглохнуть* также однозначен). Нарастание многозначности в значении морфов в направлении от корня можно проиллюстрировать соотношением морфов, оформляющих основу глагола (*-ов-*, *-е-*, *-а-* и др. в глаголах *веровать*, *темнеть*, *завтракать* и т. д.) и морфов, стоящих правее в структуре словоформы — суффиксов видо-временного значения (например, *-и-* в глаголах *умил-и-ть*, *утепл-и-ть* по сравнению с формами *умил-я-ть*, *утепл-я-ть*, *умил-и-л*, *умил-и-т*, *утепл-и-л*, *утепл-и-т*). Морфы, стоящие еще правее в структуре глагола, также характеризуются асимметрией в соотношении единиц плана выражения и плана содержания — морфы со значением числа — лица (*рису-ю*, *рисуе-шь*, *рисуе-м* и т. д.). Хорошо известна залоговая многозначность частицы *-ся*, занимающей крайнее место в структуре русской глагольной словоформы²⁹.

В изложенном понятии позиции и позиционного анализа обобщены категории катализа Л. Ельмслева и частично понятия морфологической записи порождения форм (ч. I, гл. I, § 4, 5, 9), а также учтены специальные исследования советских лингвистов о зависимости между местом морфа в словоформе и его категориальным значением. Первоначально эти исследования проводились на материале тюркских языков, так как в них в силу агглютинативного характера эта зависимость выступает особенно ясно. В частности, Н. А. Баскаков показал, что наиболее абстрактные грамматические значения выражаются в наиболее удаленных от корня аффиксах³⁰. За пределами словоформы — в сочетании словоформ вопрос рассматривался и в плане общей типологии³¹. Зависимость между удаленностью элемента синтагмы от ее центра и степенью абстрактности значения элемента показана на русском материале Ж. Веренком. На этой основе удалось, в частности, объяснить, почему при большой свободе порядка слов в русском языке невозможны синтагмы типа **мой этот дядя* (*этот мой дядя*), **второй каждый месяц* (*каждый второй месяц*), **шесть какие-нибудь недель* (*какие-нибудь шесть недель*)³².

²⁹ Ср.: Л. А. Чижова. Указ. соч., стр. 18; И. Г. Милославский. К вопросу о морфеме как значимой единице языка. «Филологические науки», 1969, № 2.

³⁰ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка М — Л, 1948, стр. 45; А. М. Щербак. О методике морфологического описания языка — ВЯ, 1963, № 5; Н. А. Баскаков. Порядок и иерархия аффиксов в основе слова в тюркских языках. «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М. — Л., 1965, стр. 121; Он же. Тюркские языки. Общие сведения и типологическая характеристика. «Языки народов СССР». Т. 2. М., 1966, стр. 31; И. И. Ревзин, Г. Д. Юлдашева. Грамматика порядков и ее использование. — ВЯ, 1969, № 1, стр. 42—56; К. А. Велиев. Формальное описание синтеза азербайджанского слова. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

³¹ Ср. также: Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. «Новое в лингвистике». Вып. 5. М., 1970, стр. 114—162.

³² Ch.-J. Veyrenc. Grammaire du russe. «Que sais-je? № 1278». Paris, 1968, стр. 55.

Выше были описаны «показания» к позиционному разложению. Кроме них, необходимо назвать и «противопоказания», естественно вытекающие из объективного устройства языка. Проиллюстрируем их на фонологическом материале.

Обращая внимание на то, что в ряде древних индоевропейских языков имеется максимальная начальная консонантная группа типа sTR, где Т обозначает любой глухой смычный, а R — любой сонант (включая u), Е. Курилович³³ предлагает рассматривать другие начальные группы как сокращения данной: sT-, -TR, s-R. Кроме этих четырех групп, которые можно назвать актуальными, поскольку в них воплощаются живые для периода реконструкции тенденции индоевропейских языков, в виде архаизмов существовали, особенно в большом количестве в греческом и индоиранском, остаточные начальные группы типа T₁T₂ (например, греч. πτ-, βδ-, φθ-, κτ-, χθ-), T₁T₂R, Ts и др., их следует назвать неактуальными. Используя понятие абстрактной, т. е. в данном случае фонологической, позиции, сказанное можно показать в табл. 32.

Таблица 32

Типы начальных консонантных групп в и.-е.	Фонологические позиции				
	1-я		2-я		3-я
Оптимальная группа (0)	s		T		R
Актуальные вариации (1)	s		T		—
	(2) —		T		R
	(3) s		—		R
Неактуальные вариации (4)	—	—	T ₁	T ₂	—
	(2a) —	—	T ₁	T ₂	R
	(5) T	s	—	—	—
	(1a) T ₁	s	T ₂		—
	(3a) T	s	—	—	R

Сочетания, стоящие в одной фонологической позиции, далее с фонологической точки зрения не разложимы, они представляют собой группофонемы. Е. Курилович доказывает их отличие от простых фонем следующими фактами: 1) сочетания ks, ps (ts отсутствовало) имеют в древнегреческой графике единые знаки ξ, ψ; 2) -ks, -ps в греческом в конце слова сохраняются, как и -s,

³³ J. Kurylowicz. Probleme der indogermanischen Lautlehre. II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962, стр. 110 сл. Ср. некоторые ранее высказанные сходные идеи в работе: E. Benveniste. Le problème du th-into-européen. — BSL, t. 38, fasc. 1, 1937, стр. 139—147.

в то время как -k, -p, -sk, -sp в этой позиции исчезают; 3) древнеиндийские грамматики описывают ks в сущности как единый звук-аффрикату; 4) процессы веляризации или палатализации играют роль в группе в целом.

Последняя из этих черт, предполагаемая рядом исследователей для праславянского языка в определенный период его развития, еще ранее послужила одним из главных оснований для установления силлабофона, или группофона, в праславянском. Силлабофоны праславянского языка оказываются особыми, фонологически неразложимыми единицами, противопоставляющимися по признаку бемольности — дизности целиком: $(CV)^1 \sim (CV)^n$ ³⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что в индоевропейском группофоны являются архаизмами, а в праславянском — своего рода неологизмами, так же сосуществующими с элементарными фонемами. Можно предположить, что группофоны возникают в тех точках фонологической системы, где изменения в данный момент идут активнее всего.

Возвращаясь к общетеоретическим вопросам, следует сказать, что представление фонетического слова в виде цепочки идеальных синтагматических позиций — общий структурный принцип разных направлений лингвистики. Но это лишь первая степень анализа. Дальше он направляется по двум различным путям. Путь структуральной лингвистики — безоговорочный принцип «максимального дополнения»: слово дополняется до максимального количества фонологических или морфологических позиций, парадигма как класс дополняется до максимального количества строчек в ней. Другой путь — принцип недискретности: идеальное слово не максимальный, а оптимальный вариант, во многих случаях соответствующий актуальному, живому синтагматическому членению; оно может быть меньшим по количеству позиций, чем максимально возможный идеальный вариант, в силу того что некоторые фонетические позиции при сведении их к идеальным фонологическим предстают как неразложимые, недискретные.

В заключение укажем некоторые следствия недискретного или оптимального, синтагматического анализа для парадигматики. Е. Курилович делает следующий вывод; в сочетаниях типа *pr-*

³⁴ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *l* и *y*. «Вестник МГУ», 1947, I, — перепечатано в кн.: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, стр. 278—299; F. V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty. «Slavia», 25, 4, 1956, стр. 450—451. — Ранее соответствующие идеи высказывались А. А. Шахматовым (1915 г.), Р. Якобсоном (1929 г.), Н. Ван-Вейком (1950 г.). Дальнейшее развитие см.: В. К. Журавлев. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. Автореф. докт. дисс., М., 1965; Он же. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Доклад на V Международном съезде славистов. Минск, 1963; В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, стр. 24 сл.; Ю. С. Степанов. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и внутренней реконструкции. — ВЯ, 1974, № 5.

или *srg-* (см. табл. 32) синтагматическая позиция элемента *p* отвечает его знаковой ценности в классах фонем (*Klassenwert*), напротив, в сочетаниях типа *pk'* или *pst* — синтагматическая позиция элемента *p* не отвечает его знаковой ценности, здесь у *p* вторичная фонологическая функция. Таким образом, Е. Курилович различает собственные, или первичные, функции языковых элементов, при которых их знаковая ценность в парадигматике и позиция в синтагматике находятся в соответствии, и вторичные функции языковых элементов, при которых такое соответствие не имеет места, и языковой элемент выступает в синтагматике в несобственной функции. Как известно, эта идея проведена Е. Куриловичем весьма последовательно при анализе значения слова, падежей и т. д. Этими замечаниями можно дополнить сказанное выше о понятии парадигмы (ч. I, гл. I, § 5).

§ 7. Иллюстрация принципа разложения.

Позиционный анализ литовского и древнегреческого слова

Выше (ч. II, гл. 1, § 7) мы коснулись позиционного анализа на литовских примерах. Продолжим иллюстрацию на более широком материале литовского глагольного слова. Литовский суффикс 3 л. претерита представим в отличие от орфографической формы (-*ė*) и от традиционной теоретической записи (-*ē*) в аналитическом виде как -*iaa*. Обоснование этой записи будет дано ниже. Весь ряд окончаний претерита приобретает благодаря этому следующий вид:

«Твердые» окончания		«Мягкие» окончания	
1. -au	(brid-au)	1. -iau	(sak-iau)
2. -ai	(drid-ai)	2. -iai	(sak-ėi)
3. -aa	(brid-o)	3. -iaa	(sak-e)
4. -aame	(brid-ome)	4. -iaame	(sak-ėme)
5. -aate	(brid-ote)	5. -iaate	(sak-ėte).

В такой записи делается очевидным соответствие окончаний претерита на -*o* и на -*ė* «твердым» и «мягким» окончаниям презенса: «твердые» -*u*, -*i*, -*a*, «мягкие» -*iu*, -*i*, -*ia*.

Затем разграничим три вида -*i̇*- (для приближения к орфографической записи в дальнейшем употребляется знак -*i*- в значении -*i̇*-). Одно из них, ближайшее к корню, характеризуется тем, что не вступает в чередования с другими элементами и не допускает вклинивания промежуточных элементов между ним и корнем, оно может рассматриваться как фонологический признак «мягкости» (палатализованности) последнего согласного корня, это -*i₀*: *pieš-i-*, *šauk-i-*, соответственно при *piešia piešti*, *šaukia šaukti* и т. п. Второе характеризуется тем, что отождествляется с флексией 3 л. ед. ч. и имеет чередования с суффиксом состояния -*ē*- (-*ė*), это -*i₁*: *gali galėti* 'мочь', *guli gulėti* 'лежать', *turi turėti* 'иметь'.

Все глаголы этого типа означают состояние. Третье отмечается в форме претерита и характеризуется чередованием с нулем в форме презенса, это $-i_2$: *mat-a-u* 'вижу', $*mat-i-a-u > ma\check{s}iau$ 'видел'. Три названные элемента фиксируются в трех отдельных позициях.

В позиции $-i_1$ могут быть помещены также чередующийся с ним в основе тех же глаголов суффикс $-\bar{e}$ и другой суффикс состояния $-a$, присутствующий в презенсе глаголов типа *žin-a-u*, *žin-a-i*, $*žin-a-a > žino$, и в претерите тех же глаголов $*žin-a_1-jo > žinojo$, обозначим его как $-a_1$. К гипотезе о его индоевропейском происхождении см. выше (ч. II, гл. I, § 7). В современном литовском это $-a$ краткое, но с исторической точки зрения оно было долгим, и это может быть отражено в теоретической записи, ориентированной на внутреннюю реконструкцию как $-\bar{a}_1$. От этого элемента необходимо отличать $-\bar{a}_2$ (в современном литовском также краткое), которое встречается только в основах претерита: *dirb-a-u*, *dirb-a-i*, $*dirb-a-a > dirbo$. Наконец, $-a_3$ соответствует флексии 3 л. как презенса, так и претерита: *dirb-u*, *dirb-i*, *dirb-a_3*; *dirb-a_2-u*, *dirb-a_2-i*, $*dirb-a_2-a_3$. С исторической точки зрения оно также является долгим и может быть записано как $-\bar{a}_3$.

Системные отношения указанных элементов требуют и в наблюдаемом $-\bar{e}$ различать не менее трех абстрактных элементов. Имеется $-\bar{e}_1$, занимающее ту же позицию, что $-i_1$ и $-\bar{a}_1$, ср. *turi tur-ē-jo*, $*žin-\bar{a}_1 žin-\bar{a}_1-jo$. Имеется $-\bar{e}_2$, представляющее собой сочетание $i_0 + a_2 + a_3$: $*šauk-i-a-a > šauké$. Имеется $-\bar{e}_3$, представляющее собой сочетание $i_2 + a_2 + a_3$: $*mati-a-a > matė$. Сказанное может быть резюмировано в табл. 33.

Обсудим некоторые результаты проведенного анализа. Прежде всего очевидно, что выделяемые таким образом абстрактные элементы имеют те или иные исторические прототипы. Часть исторических соответствий будет рассмотрена ниже. Далее может ставиться вопрос о дальнейшем расчленении или, напротив, отождествлении выделенных элементов. Так, напрашивается отождествление $-j$ в третьей позиции с $-i_2$ в той же позиции. С другой стороны, $-\bar{e}_1$ можно представлять как $-\bar{a}_1$ после $-i_0$, т. е. $-\bar{e}_1 = -i_0 + -\bar{a}_1$. В некоторых случаях один наблюдаемый элемент может быть отнесен к одной из двух позиций или к двум сразу, таково $-a$ в формах презенса *gan-a-u*, *mat-a-u*. Очевидно, что передвижение элемента из одной позиции в другую равносильно его разному историческому отождествлению. Если названный элемент будет отнесен во вторую позицию, то тем самым он будет отождествлен с суффиксом, засвидетельствованным в формах *žin-a-u*, $*žinā > žino$ и, следовательно, возведен к последнему гласному основы индоевропейского корневого аориста, ср. греч. $\acute{\epsilon}\text{-}\gamma\omega\text{-}\nu$. При помещении его в четвертую позицию он отождествляется с показателем балтийского претерита $-\bar{a}$ и далее с тождественным славянским показателем аориста, ср. *žьda židetъ*, *бьга beretъ*. Однако характерной чертой балтийского $-\bar{a}$ и, в частности,

Таблица 33

№ позиции							Пример
	0 Корень	1	2	3	4	5	
a)	šauk	i ₀				a ₃	šaukia 'кричит', 'зовет'
	pieš	i ₀				a ₃	piešia 'рисует', 'пишет'
	šauk	i ₀			a ₂	a ₃	šaukė 'кричал', 'звал'
	pieš	i ₀			a ₂	a ₃	piešė 'рисовал', 'писал'
b)	gul		i ₁				guli 'лежит'
	tur		i ₁				turi 'имеет'
	gul		ē ₁	j	a ₂	a ₃	gulėjo 'лежал'
	tur		ē ₁	j	a ₂	a ₃	turėjo 'имел'
c)	žin		a ₁			a ₃	žino 'знает'
	bij		a ₁			a ₃	bijo 'боится'
	žin		a ₁	j	a ₂	a ₃	žinojo 'знал'
	bij		a ₁	j	a ₂	a ₃	bijojo 'боялся'
d)	gan		a ₁	или	a ₂	a ₃	gano 'гоняет'
	mat		a ₁	или	a ₂	a ₃	mato 'видит'
	gan			i ₂	a ₂	a ₃	ganė 'гонял'
	mat			i ₂	a ₂	a ₃	matė 'видел'
e)	dirb					a ₃	dirba 'работает'
	dirb					a ₂	dirbo 'работал'

литовского, глагольного слова оказывается то, что многие из его аффиксальных элементов в принципе требуют отождествления не с одним, а двумя историческими прототипами. Наиболее ярко эта особенность вырисовывается при анализе \bar{e} -. На основании синхронного анализа мы считаем необходимым постулировать два источника балтийского претеритального \bar{e} -. 1) индоевропейский аффикс \bar{e} - со значением состояния, присутствующий в греческих аористах на $-\eta$ и латинском habēo и под., 2) развитие групп $-jaa$, в свою очередь различного происхождения, на балтийской почве. Дадим краткий комментарий к этому утверждению.

Развитие группы $-iā > \bar{e}$ в флексии существительных признают почти все исследователи, допуская при этом и переходы существительных из одной морфологической группы в другую ^{34a}.

^{34a} См., в частности: Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, стр. 147; J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968, стр. 191; ср. H. Pedersen. $Ijā > ē$ en lituanien. «Prace lingwistyczne ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay». Cracoviae, 1921.

Что касается аналогичного развития в глагольной флексии -jā, то его принимают лишь немногие. Одним из первых выдвинул это положение А. Шлейхер³⁵. Позднее в очень определенной форме высказался на эту тему А. Вайан: «Основа славянского имперфекта на -ā- должна быть более ранней, чем основа литовского претерита на -ē-, которая легко объясняется присоединением -ā- к -j- основы настоящего, поскольку лит. -ē- — не что иное, как смягченная форма -o-, подобная слав. -ě- при -a-. В болгарском (pišeh) и уже в старославянском Супрасльской рукописи (prijemljaše, besēdujaše вместо priīmaaše, besēdovaaše) вскрывается такое же возведение имперфекта к основе настоящего: чередование гласных в корне слов. pišō, pišaaxū, откуда pišati, при литовском piešiū, piešiaū, piēšti, доказывает, что слав. piša- более древняя форма, чем лит. piešē»³⁶. В последнее время В. И. Иллич-Свитыч вернулся непосредственно к гипотезе А. Шлейхера³⁷.

Фонетически развитие флексии -jā в глаголах с исходом корня на смычный можно представить следующим образом. I этап: 1 л. -tjau, 2 л. -tjai, 3 л. -tjaa, II этап: 1 л. -tjau, 2 л. -tiei > -tei (в такой позиции -i- в аукштайтских диалектах выпадает)³⁸, 3 л. -tjē. III этап: 1 л. -čiau, 2 л. -tei, 3 л. -tē, форма 3 л. возникает под влиянием двух линий мощных аналогических воздействий: с одной стороны, аналогии по форме 2 л. той же парадигмы, где уже исчезло -i-; с другой стороны, аналогии по древнему суффиксу претерита -ē-. Морфологически такое развитие должно было иметь место там, где этот ряд флексий соответствует непереходному значению глагола, первоначально наиболее вероятно, по крайней мере, в следующих трех типах: а) в глаголах на -yti при огласовке корня -o- (совр. -a-) характерной для индоевропейского перфекта: laiko laikē laikyti, braižo braižē braižyti, dąigo dąigē dąigyti и т. п.; б) в глаголах типа griaudžia griaudė griauti 'греть' (о грое), griaudžia griaudė griauti 'тосковать по ком-л.', plaũkia plaũkė plaũkti 'плыть'; в) в глаголах, означающих звуки, типа klỹkia klỹkė klỹkti, baũbia baũbė baũbti, ziřzia ziřzė ziřzti и т. п. (далее см. ниже § 8).

* * *

Проиллюстрируем позиционный анализ на материале древнегреческого слова с преимущественным вниманием к его вокализму. Чтобы ввести понятие позиции в греческий материал, возьмем

³⁵ А. Schleicher. Handbuch der litauischen Sprache. I. Prag, 1856, стр. 225.

³⁶ А. Vaillant. L'imparfait slave et les prétérits en -ē- et en -ā-. — BSL, t. 40, fasc. 1, 1939, стр. 7 (в приведенной цитате сохраняем в примерах латинскую графику автора).

³⁷ В. И. Иллич-Свитыч. Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение. «Вопросы славянского языкознания», V, М., 1961, стр. 113.

³⁸ К. Būga. Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminačiai. «K. Būga. Rinktiniai raštai», III. t. Vilnius, 1961, стр. 87—88.

форму сильного аориста от глагола ἄγω ἤγαγον и расчленим ее так: ἤγ-αγ-ον. Мы получим три позиции: одну центральную — корневую и по одной справа и слева от нее. Это конкретные, или наблюдаемые, позиции, в большинстве случаев совпадающие с морфом. Для введения абстрактной, или представляемой, позиции в данном случае необходимо каждую крайнюю позицию разбить на две (сразу нумеруем их: корневую — цифрой ноль, остальные 1, 2... и т. д., со знаком +, если они идут вправо от корня, и со знаком —, если они идут влево, табл. 34).

Таблица 34

—2	—1	0 корень	+1	+2
ε	αγ	άγ	ο	ν

В позиции —1 стоит аористное удвоение, в позиции —2 слоговое приращение, аугмент, которое, сливаясь с удвоением, дает ἤγ на наблюдаемом уровне; в позиции +1 находится тематический гласный, в позиции +2 — окончание. В этом случае наблюдаемое ἤγ- первого слога трактуется как слияние ε + α = η, так же как в некоторых «отклоняющихся от нормы» глаголах, напр. в εἴχον < *ἔ- εχ-ον. Но можно трактовать это наблюдаемое ἤγ- и иначе, а именно как удлинение α → η, так же как в «целиком правильных», глаголах, напр., ἤρξα ἄρχω. При такой трактовке все явление (для соотношения форм αγ- → ηγ-) будет ограничено рамками позиции —1, а позиция —2 окажется незанятой. Самая возможность двух разных трактовок, дающих одинаковые результаты на наблюдаемом уровне, — существенная особенность греческого (как и литовского) слова, и к ней мы еще вернемся ниже.

Таким образом, введено понятие абстрактной синтагматической позиции в древнегреческом слове. Весьма примечательно, что каждая позиция может быть названа каким-либо термином, обозначающим соответствующее явление в грамматике древнегреческого языка. Так, позиция № 0 — «корень», позиция № —1 — «удвоение», позиция № —2 (в данном примере) — «слоговое приращение» и т. д. Поскольку, как мы только что видели, позиция № —1 может быть названа сразу и «позиция удвоения» (если мы трактуем ἤγ- как ε + άγ) и «позиция временного приращения» заключающегося в удлинении (если мы трактуем ἤγ- как ἄγ- → ἤγ-), то это значит, что количество введенных в данном случае абстрактных позиций недостаточно: они не должны совмещаться. Поэтому данный пример — лишь частный случай. Всего для полного анализа греческого слова необходимо минимум девять абстрактных позиций. Резюмируем основной принцип анализа в виде табл. 35.

Таблица 35
Схема анализа древнегреческого слова

«Левые флексии»				
№ позиции	—4	—3	—2	—1
Морфологическое явление	Красис (артикуль, предлог)	Слоговое приращение	Временное приращение	Удвоение презентное и перфектное
Фонетическое явление	Слияние	Растяжение или слияние (в глаголах, начинающихся на ε, α)	Удлиннение	Чередование
Пример	ο + ο = οο, ο + ε = ου, ε + ε = ει и т. д.; προ - εβαλλον > > προεβαλλον.	ε → ει или ε + ε = ει и т. д.; εθιζω — εἰθιζον.	ε → η, ο → ω, α → η, ι → ι, υ → υ; υβριζω → → υβριζον.	презентное ι: γι - γνομαι, τι - θημι; перфектное ε: γε - γονα, λε - λοιπα.

Обсудим теперь те общие отношения и правила, которые являются с помощью позиционного анализа.

Самой существенной чертой оказывается симметрия одномерных позиций, что как раз и позволяет естественным образом упростить анализ благодаря тому, что симметричные позиции справа и слева от корня объединяются в рамках лишь одного из трех фонетических явлений: а) «слияния» (для позиций № + 4 и — 4), б) «растяжения» (для позиций № + 3 и — 3), в) «удлиннения» (для позиций № + 2 и — 2).

Поскольку эти термины не всегда, особенно в учебниках, употребляются однозначно³⁹, они нуждаются в уточнении. Мы будем понимать под удлиннением количественное приращение гласного без изменения тембра, и под растяжением количественное приращение гласного с изменением тембра (например, ε → η — удлиннение; ε → ει — растяжение).

Однако сразу же требуется дальнейшее уточнение относительно того, как понимать «изменение тембра». Известно, что греческие диалекты существенно различались в этом отношении. Мы

³⁹ Ср.: С. И. Соболевский. Древнегреческий язык. М., 1948, где однотипные случаи называются то одним, то другим термином. Так, ε → ει в τιθεις из * τιθενς называется удлиннением (§ 832 и указатель), а то же явление в χαρις из * χαριενς — растяжением (§ 316 и указ.). С другой стороны, ε → η в * ποιμεν > ποιμήν называется растяжением (§ 155 и указ.), а аналогичное явление в ο → ω: σοφός — σοφώτερος — удлиннением (§ 347).

«Правые флексии»				
0	+1	+2	+3	+4
Корень (односложный, трех- буквенный)	Основа I — II (в смысле Бен- вениста) или «двусложный корень»	Актуальная основа	Актуальная основа	Флексия
Аблаут	Чередование	Удлинение	Растяжение	Слияние
ε//ο, η//ω: λεγω//λόγος, τίθημι// //θωμός.	ει//οι//ι; η//ω//ο: λείπω//λελοιπῃ// //έλιπον.	ε → η, ο → ω, и т. д. как в колонке — 2: τιμάω → τιμήσω.	ε → ει, ο → ω, ο → ου; *χρίντες > > χρίεις, *γίγαντες > > γίγας.	ο + ο = ου, ο + ε = ου, ε + ε = ει, ε + α = η, ε + ο = ου и т. д.: *λύεσσο > *λύεο > > λύου.

ставим вопрос лишь для ионийско-аттического диалекта классической поры, и, вслед за большинством исследователей, принимаем, что графемы ει и ου на месте соответственно ε и ο означают долгие закрытые ε, ο, стремящиеся к дифтонгу, тогда как η, ω означают долгие открытые. Поскольку в классическую эпоху соответствующие краткие ε, ο в ионийско-аттическом были краткими закрытыми, то, вообще говоря, выражение «изменение тембра» может быть равно отнесено и к изменению ε → η, и к изменению ε → ει. Мы будем понимать его только во втором смысле, т. е. как ε → ει, ο → ου. Вопрос об α решается с этой точки зрения несколько неожиданно. В самом деле, если под «изменением тембра» мы понимаем не что иное, как «долготу и закрытость с тенденцией к дифтонгизации» (Мейе — Вандриес), то эта характеристика должна быть в ионийско-аттическом отнесена к переходу $\tilde{\alpha} \rightarrow \tilde{\alpha}\tilde{\alpha} \rightarrow \bar{\alpha}$, тогда как переход $\tilde{\alpha} \rightarrow \eta$ будет рассматриваться как простое удлинение, аналогичное ο → ω. Мы получаем следующую картину:

У д л и н е н и е

ε → η

ο → ω

$\tilde{\alpha} \rightarrow \eta$ ($\bar{\alpha}$ после ε, ρ, ι)

$\tilde{\imath} \rightarrow \bar{\imath}$

$\tilde{\upsilon} \rightarrow \bar{\upsilon}$

Р а с т я ж е н и е

ε → ει

ο → ου

$\tilde{\alpha} \rightarrow \bar{\alpha}$

Трактовка $\tilde{\alpha} \rightarrow \tilde{\alpha}$ как растяжения, аналогичного соответствующим изменениям ϵ, \omicron , подтверждается тем, что, например, в именных основах на $-\upsilon\tau$ при сигматическом образовании им. п. ед. числа $\tilde{\alpha}$ обращается в $\tilde{\alpha}$ независимо от наличия или отсутствия перед ним ϵ, ρ, ι : $*\pi\alpha\nu\tau\epsilon > \pi\tilde{\alpha}\varsigma$, $*\gamma\acute{\iota}\gamma\alpha\nu\tau\epsilon > \gamma\acute{\iota}\gamma\tilde{\alpha}\varsigma$, что совершенно аналогично отношению $*\chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\nu\tau\epsilon > \chi\alpha\rho\acute{\iota}\varsigma$. (Сказанное не позволяет различить, однако, истинных (исконных) дифтонгов, как, например, в $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ при $\lambda\acute{\iota}\pi\omega$ от долгих закрытых $\epsilon(-\epsilon\iota)$ как в $\chi\alpha\rho\acute{\iota}\varsigma$. Это существенное различие будет сделано ниже на основании понятия позиции.)

Позиции естественно располагаются в порядке их «актуальности», в том смысле, что самые крайние позиции (№ +4 и -4) заключают в себе целиком живые для греческого языка той поры позиционные комбинации звуков речи. Позиции, более близкие к центру (№ +3 и -3), фонетически несколько менее «живы», менее «актуальны», они содержат элементы нормативной условности, перехода к неактуальным, «морфологическим», или «историческим» (для языка той эпохи), чередованиям. Такое промежуточное, условно-нормативное, место занимают в отношении «левых флексий» приращения некоторые глаголы первого спряжения, начинающиеся с гласного, например, $\epsilon\theta\acute{\iota}\zeta\omega$ имеет в имперфекте $\epsilon'\theta\acute{\iota}\zeta\omega$ вместо $*\epsilon\theta\acute{\iota}\zeta\omega$; $\epsilon\rho\acute{\alpha}\omega$ в той же форме $\epsilon\acute{\rho}\omega\omega$ вместо $*\epsilon\rho\acute{\alpha}\omega$ и т. п.⁴⁰ В отношении «правых флексий» столь же промежуточное место занимают прилагательные с основой на $-\upsilon\tau-$, у которых в одних случаях им. п. ед. числа образуется сигматически и при этом $-\upsilon\tau$ выпадает, а последний гласный основы изменяется по правилам растяжения — $*\chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\nu\tau\epsilon > \chi\alpha\rho\acute{\iota}\varsigma$, в других случаях им. п. ед. числа образуется не сигматически, и тогда гласный изменяется по правилам удлинения — $*\epsilon\chi\omicron\nu\tau > \epsilon\chi\acute{\omega}\nu$. Во всех таких случаях колебаний мы, несомненно, имеем дело с переходом от одной исторической системы словоизменения, более ранней, к другой, более поздней. Самые же колебания — свидетельство того, что системы сосуществуют в одной эпохе, в одной синхронии.

Соответственно с тем, трактуется ли данное фонетическое явление как «удлинение», в позиции № -2, +2, или как «растяжение», в позиции № -3, +3, ему приписывается большая или меньшая актуальность по отношению к языку классического периода. Из данного анализа «автоматически» следует, что явления типа $*\pi\alpha\nu\tau\epsilon > \pi\tilde{\alpha}\varsigma$ составляют более поздний и более актуальный пласт, чем $*\epsilon\kappa\acute{\alpha}\theta\alpha\rho\alpha > \epsilon\kappa\acute{\alpha}\theta\eta\rho\alpha$, $*\epsilon\acute{\phi}\alpha\nu\alpha > \epsilon\acute{\phi}\eta\nu\alpha$ и т. п., и эта последовательность совпадает со всеми данными по относительной хронологии, полученными в различных системах описания⁴¹.

⁴⁰ См. списки в кн.: С. И. Соболевский. Древнегреческий язык, § 802 и сл., стр. 185 сл.

⁴¹ М. Lejeune. *Traité de phonétique grecque*. 2-ème éd. revue et corrigée. Paris, 1955, § 203—204, стр. 191; М. S. Ruijpers. *Esquisse d'une histoire du vocalisme grec*. «Word», vol. 12, № 1, 1956, стр. 69—71; С. J. Ruijgh. *Observations sur la «métathèse de quantité»*. «Lingua», vol. 21, 1968, стр. 396.

Очень важно заметить, что когда мы трактуем какое-либо явление двумя различными способами, передвигая его из одной позиции в другую (подобно тому, как раньше мы поступили с аористом ἡγαγον, трактуя его то как 1) *ε-αγ-αγ-ον, то как 2) *ἄγαγον → ἡγαγον), то мы тем самым неизбежно приписываем такому явлению разную относительную хронологию. В данном случае первая интерпретация означает, что мы сближаем ἡγαγον с формами типа εἶθιζον, εἶθισα, т.е. в той или иной степени неправильными (в отношении приращения), в данном случае поздними: ε приращения и ε корня слились в историческую эпоху, после выпадения F или σ/, ср. гомеровское εἶπον, а при второй интерпретации мы сближаем ее с формами типа ἦχα (перфект того же глагола), ἐλπίζω ἡλπίζον и т. п., т.е. трактуем эту форму в отношении приращения как гораздо более раннюю, подчиняющуюся правилам удлинения, характерным для греческого доисторической эпохи ⁴².

В этой связи отчетливо разграничиваются также и два понятия «актуальной основы». Одна из них, соответствующая позиции № +3 или —3, объединяет одну и ту же парадигму, а если включает звуковые изменения, то последние имеют место в пределах одной парадигмы. Эта актуальная основа должна была ощущаться греками классической поры как «то же самое» во всех своих вариациях. Ср.:

Для позиции № +3

N. πίτος γίγας

G. πίτος γίγαντος

D. πίτοι γίγαντι

и т. д. и т. д.

Для позиции № —3
имперфект

ἔλρον εἶθιζον

ἔλρες εἶθιζες

ἔλρε εἶθιζε

и т. д. и т. д.

Актуальная основа, соответствующая позиции № +2 и —2, должна была представляться живому языковому сознанию греков как нечто гораздо менее «актуальное», так как эта основа выделяется как общее из совершенно разных парадигм, а звуковые соответствия в этих позициях, если они есть, соотносят, хотя и закономерно, но все же разные парадигмы. Ср.:

Для позиции № +2

τιμάω наст.: τιμήσω будущ.

τιμάω наст.: ἐτίμησα аорист

и т. д.

Для позиции № —2

ἄγω наст.: ἦγον имперф.

ἄγω наст.: ἦχα перф.

и т. д.

Из сказанного ясно также, что один и тот же графический элемент должен при анализе греческого слова пониматься по-разному, если он занимает места в разных абстрактных позициях, напр.,

⁴² A. Meillet et J. Vendryes. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. 4-éd. e Paris, 1966, стр. 318.

ει в форме λείπω — есть дифтонг, отражающий древние исторические чередования, и этому соответствует его положение в позиции № +1, а ει в форме χαρίεις есть долгое закрытое ε дифтонгического характера, отражающее фонетическое, позиционное изменение ε, чему соответствует его положение в позиции +3.

Позиции № +1 и —1 соответствуют неактуальной основе, а звуковые чередования, если они обнаруживаются в этих позициях, представляют собой для языка той поры чередования исторические и в значительной мере непродуктивные. Неактуальную основу в этой связи будем называть «основой I—II», понимая под этим греческое соответствие индоевропейской основе, определяемой по формуле Бенвениста: основа I — «полная ступень корня + нулевая ступень суффикса», основа II — «нулевая ступень корня + полная ступень суффикса». В греческом эти основы иллюстрируются парами: (I) $\mu\epsilon\rho + g = \text{F}\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$: (II) $\mu\epsilon + e\eta = \text{I}\acute{\epsilon}\zeta\omega$; (I) $\gamma\epsilon\eta + a_1 = \gamma\epsilon\nu\epsilon - (\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\tau\omega\rho)$: (II) $\gamma\eta + e\alpha_1 = \gamma\upsilon\eta - (\gamma\upsilon\acute{\eta}\rho\iota\omicron\varsigma)$ и т. п. ⁴³ В греческом сюда принадлежит также непродуктивный, но довольно распространенный тип глагольного словоизменения λείπω (наст.) — λέλοιπα (перфект) — ἔλιπον (аорист), и нерегулярные типы именного словообразования: ὁ τένων 'сухожилие' — ὁ τόνος 'веревка; тон' — τᾱτός < *τῆτός, 'растяжимый, тягучий'.

Чередование ε/ο или η/ω, аблаут в узком смысле слова, характеризует простые трехбуквенные корни в их как глагольно-именном, так и именно-именном противопоставлении: λέγω — (ὁ) λόγος; ἀνά-θη-μα; 'приношение' — (ο) θωμός 'куча' и т. д., т. е., с точки зрения предложенной схемы, лишь те корни, которые размещаются в пределах одной (центральной) позиции. Некоторые трудные и спорные случаи такого способа представления основ I—II и аблаута обсуждаются ниже.

Сказанное можно обобщить в следующей таблице, которая дает несколько иллюстраций предложенного способа анализа, т. е. размещения конкретных греческих слов в девяти позициях. Оговорим предварительно два случая, которые иначе могут показаться непонятными. Первое: последний гласный элемент основы, например, ο — глагола λύ-ω и др. (как и первый гласный элемент основы, ср. вышеприведенное ἡγάγον) двусмыслен с точки зрения анализа, потому что может рассматриваться и как гласный корня, и как гласный, заканчивающий основу. Эта двусмысленность разрешается во многих случаях рассмотрением самого материала чередований. Так, ὤ/ο, чередующиеся в λύω, относятся к «удлинениям», и должны помещаться в позиции № +2; ει, ω в основах глаголов на -μι — «слияния» (в инфинитиве аориста θείναι < *θῆ-εῖναι; δοῦναι < *δῶ-εῖναι — позиция № +4, в перфекте ἔημι ἀφ-εῖ-χα), а η, ω — гласные корня (позиция № 0). В отдельных случаях, при одинаковости материала, принять решение помогает относительное место в слове: так, в аористе ἔβην η- — гласный корня, чере-

⁴³ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование, стр. 181—183.

Таблица 36

Примеры анализа стандартных случаев

	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4
	Красис	Слоговое приращение	Временное приращение	Удвоение ¹	Корень	Основа I—II	Актуальная основа	Актуальная основа	Флексия
ῥῶω (наст.)					λω	→ ῥ			ω
ῥέλωκα (перф.)				λε	λω	→ ῥ		κ	α
ῥήγων (аор. II)		ε		αγ	αγ			ο	ν
ῥήγων (то же, иначе)			ῥ ← αγ	αγ				ο	ν
ῥηῖσα (аор.)			ῥ ← αῖτι		αῖτι		ᾱ	σ	α
προῤῃλλων (имперф.)	προ	ε			βωλλ			ο	ν
ᾠψαῖκα (перф.)	ᾠπ	ε			ε ²			κ	α
(τά) ῥένη (им. пад. мн. ч.)					ῥεν	ε		(σ)	α

Примечания: 1. Практически в эту позицию включаем все соответствующим образом произведенные основы, т. е. также и аористные удвоение типа -αγ-αγ и т. п. для позиции -1 и то, что можно назвать «актуальными производными основами» для позиции +1, например βαλλω < *βαλ-ι-ω; при требовании большей строгости каждую из этих позиций можно разбить на несколько. 2. См. ниже τίθεμεν в следующей таблице, относительно корня это случай, конечно, не стандартный.

дующийся с ᾱ, ср. опатив ῥαίην, может быть трактован и как «растяжение» актуальной основы, содержащей на последнем месте основной краткий ᾱ (βαίω < *g^wm-i-ō), подобно случаю ῥώ(ω), или, может быть, как видоизменение основы I—II, содержащей нулевую ступень корня (об этом см. ниже). Но аорист ἐχάρην должен трактоваться иначе: η здесь суффикс и безусловно относится к позиции +2. Второе замечание касается того, что многие абстрактные позиции для большинства слов окажутся, естественно, незанятыми (табл. 36).

В заключение обсудим некоторые трудные и дискуссионные вопросы анализа древнегреческого слова.

Сложный вопрос составляет трактовка нулевой и редуцированной ступеней корня, которые на греческой почве предстают как еще морфологически значимые чередования с полными ступенями. В соответствии с предложенной схемой представляется логичным не включать в центральную, нулевую, позицию корней с нулевой или редуцированной ступенью, но только корни с основным видом чередования (аблаут в узком смысле слова) ϵ/ω или η/ω . В самом деле, корень в нулевой или редуцированной ступени всегда требует справа или слева от себя симметрично уравнивающе-го его элемента в полной ступени, и поэтому выходит за рамки позиции № 0, в позиции № +1 или -1. Это соотношение проходит настолько четко в глагольных формах с удвоением или временным приращением, что можно сформулировать общий принцип их строения: «или первый слог (морфема) в слабой фонетической форме + второй слог (морфема) в сильной фонетической форме, или первый слог (морфема) в сильной фонетической форме + + второй слог (морфема) в слабой фонетической форме», по ритмической формуле $(\cup/-)/(-/\cup)$. Эта закономерность, очевидно, является на греческой почве фонетическим аналогом более раннего и.-е. соотношения, определяемого упомянутой выше формулой Э. Бенвениста: «корень в полной ступени + суффикс в редуцированной ступени (основа I)» или «корень в редуцированной ступени + суффикс в полной ступени (основа II)». Таким образом, соотношение Бенвениста мы трактуем как синхронную фонетическую ритмическую закономерность строения греческой глагольной словоформы. Удвоение с -i- в греческом является фонетическим соответствием слабой фонетической ступени и присутствует перед сильной фонетической ступенью корня, в то время как удвоение с -e- предстает как обратное первому в ритмико-фонетическом смысле и развивается перед слабой ступенью корня. Кроме того, по крайней мере в некоторых случаях, несомненна и непосредственная связь с и.-е. соотношением ступеней в основе, ср. ῥῥῶκκῃ при ῥῥῶκω ῥῥῶξα , др.-инд. аор. agripāt к agrāyati 'приводит в движение', где -i- — и.-е. ϵ , греч. α^{44} . В греческих глаголах на -μι, как показывает сравнение с др.-инд. мн. ч. dadhmās , datthā , dādhati , при развитии форм с удвоением ожидалось бы формы $*\text{tīḥmēn}$ $*\text{tīḥṣe}$ $*\text{tīḥati}$ и подобные им. Реально засвидетельствованные формы tīḥmēn и т. п. с фонетической стороны объясняются указанным ритмическим соотношением (о семантическом развитии см. ниже).

Не менее четко это соотношение проходит в двусложных корнях атематического спряжения: в настоящем времени гласный первого слога в ступени -e-, гласный второго слога в нулевой (редуцированной) ступени; в аористе гласный первого слога в нулевой (редуцированной) ступени, гласный второго — в ступени -e-

⁴⁴ E. Schwyzler. Griechische Grammatik, I Bd. München, 1968, стр. 648.

(представленный на греческой почве долгим гласным), ср., ἔγω-ν, κλέ-το, ἔδρα-ν⁴⁵.

Более частный вопрос в связи с этим заключается в том, имеется ли в греческом «последовательное соединение двух нулевых ступеней» (в корне или в основе I—II). И. М. Тронский считал это возможным, приводя в качестве примера γί-γν-ο-μαι⁴⁶. При такой трактовке доисторический прототип греческих -γί- и -γν-, индоевропейские нулевые (редуцированные) ступени, пришлось бы проецировать в исторический греческий, что предполагало бы статическое понимание корня⁴⁷. Поэтому соотношение Бенвениста мы и трактуем не как правило соотношения с т у п е н е й корня и других элементов основы, а как ф о н е т и ч е с к о е соотношение этих элементов. Иными словами, сочетания -γν-, -γν- на греческой почве являются неразложимыми сочетаниями, второе — подобно корню πει-, а первое является лишь частью нового фонетического сочетания -γν-ο-, и это последнее соотносится с -γί- на основании названного выше принципа (∪/—): γί-γν-ο-. Тематизация формы и является проявлением этого фонетического принципа.

В связи с вышесказанным уточняется и понятие аблаута. В рамках данной схемы анализа, т. е. на данном этапе анализа, под аблаутом следует понимать лишь те чередования, которые в своем анализе не требуют выхода за пределы центральной позиции — трехбуквенного корня. Такими чередованиями окажутся лишь ε/ο и отдельно η/ω. Так, (τὸ) γέν-ο-ς (род. п. γέν-ε-ος 'рождение, род') и (ὁ) γόν-ο-ς (род. п. γόν-ου 'рождение; семя') займут своими корнями одну центральную позицию. При этом ο слова τὸ γένος, чередующееся с ε, займет скорее всего позицию № +1, а ο флексии слова ὁ γόνος — позицию флексии № +4. Напротив, γί-γν-ο-μαι 'рождаюсь' займет позиции № 0 и —1 со стертой границей между ними. Точно так же λείπω ἔλιπον займут позиции № 0 и +1 со стертой границей; λέλοιπα займет позиции № —1, 0, +1; τίθημι займет позиции № —1 и 0 с четкой границей, но формы этого глагола, содержащие краткое ε, т. е. ступень редукции, должны будут занять соответственно те же позиции, что и формы λείπω ἔλιπον.

Трехбуквенный суффикс, содержащий три ступени, приходится трактовать как соответствующие корни, например, известный ряд πάτερ — зв. п., πατήρ — им. п., ἀπάτωρ — зв. п., ἀπάτωρ — им. п., πατράσιν — дат. п. мн. ч. При этом чередование ε/ο должно рассматриваться как всякое чередование позиции № 0, напр., как

⁴⁵ A. Meillet et J. Vendryes. Traité de grammaire comparée des langues classiques, § 276, стр. 180.

⁴⁶ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 20—21.

⁴⁷ Ср. убедительные критические замечания против такого понимания корня: Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 277.

Таблица 37
Опыт анализа нестандартных случаев

Пример	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4
τὸ γένος				γεν	ο//s			ς
γίγνομαι			γι — γν	ο*	← → ο			μαι
λείπω				λειπ				ω
ἔλιπον	ε̇			λιπ		ο		ν
τίθημι			τι	θη				ι
τίθεμεν			τι	θε				μεν
θετός < *θετός				θε	τ			ος

* Примечание: ο помещается в колонку +1 или +3, смотря по тому, трактуем ли мы его как элемент чередования ε//ο или как гласный флексии.

γεν-/γον-, λεγ-/λογ-, а η/ω должно трактоваться как «удлинение», характерное уже для актуальной основы (позиция № +2). Описанные отношения и с этой стороны побуждают, по-видимому, к тому, чтобы трактовать для греческого как собственно аблаут только чередования ε/ο и η/ω, не являющиеся продленными ступенями ε/ο, а все остальные явления квалифицировать иначе и относить к иным позициям анализа.

Из сказанного ясно, что центральная зона древнегреческого слова требует дальнейшего анализа. Объектом более углубленного анализа будут прежде всего нестандартные случаи, характерные в основном для корневой зоны глагола и образующие особую грамматическую подсистему или даже несколько подсистем. Общий принцип анализа по-прежнему заключается в том, что всякий раз, как какая-либо позиция оказывается с двойным наименованием, она должна быть разбита на две, имеющие каждая только по одному наименованию. При этом позиции должны быть выделены и названы таким образом, чтобы можно было распределить по ним греческое слово с учетом только его актуальной морфонологии, не обращаясь к его истории. Вместе с тем это означает, что первоначальное установление самих позиций должно — и тем более — опираться на диахронию и историю греческого языка. Например, если для позиции № 0 мы имеем по сути дела двойное наименование «аблаут ε/ο», а с учетом нулевой (соотв. редуцированной) ступени, и тройное наименование, то эта позиция должна быть разбита на три: а) корень на ступени-ε-, б) корень на ступени -ο-, в) корень на ступени нуля (редукции) в сочетании

с уравнивающим элементом. Если для позиции № — 1 мы имеем двойное наименование — «презентное удвоение с -i-» — «перфектное удвоение с -ε-», то эта позиция должна быть разбита на две: а) позиция презентного удвоения с -i-, б) позиция перфектного удвоения с -ε-. Относительно удвоения можно поставить еще вопрос, не следует ли выделить третью, особую позицию для аористного удвоения типа ἀγαγεῖν и, может быть, еще одну для так называемого «аттического удвоения». Но, по-видимому, такого удвоения позиций в данном случае не требуется, если принять во внимание работу В. Винтера, который показал, что «аттическое удвоение» может быть возведено к обычному перфектному удвоению, но только с учетом начального ларингального корня по типу АС — е — АС, где А — ларингал (ср. ἀκήρα), и что аористное удвоение имеет то же происхождение, что и перфектное⁴⁸. Кроме того, греческий имеет целый ряд перфектов того же типа, в которых, однако, наличие ларингальных не установлено: ὀλωλα, ὄρωρα, ἐλήλυθα, ὄδωδα, ὄπωπα, ἐδεδώς, и где заведомо ясно действие аналогии. Тип ἀγαγεῖν с таким же удвоением, но без продления гласного корня, составляет лишь один полюс этого ряда, на другом полюсе которого находятся формы с «аттическим удвоением»: 1) ἀκήρα — 2) ὄρωρα, ἄρηρα (ἄραρεν) — 3) ἀγαγεῖν. Действие аналогии в этом ряду очевидно и по наличию явно позднейшей формы перфекта ἀγήροχα рядом с аористом ἤγαγον ἀγαγεῖν. Таким образом, все три типа непрезентного удвоения — обычное перфектное, аористное и «аттическое» — могут анализироваться в одной позиции нашей схемы (№ 3 в табл. 38).

В ряду «справых флексий» при продолжении анализа может быть введена новая позиция (№ + 4 после нового № + 3) для всех аффиксов глагольного словообразования, стоящих между неактуальной основой I—II и актуальной основой, оканчивающейся на гласный. В эту позицию попадает, например, -i- в ῥέζω < *ῥεγ-i-ω, βαίνω < *βαν-i-ω. Ее можно ввести и для стандартных случаев: -σх- как в ἡβάσχω, и для отыменных глаголов на -αῖω, -ίζω, как ὀνομάζω, на -αω-, -εω-, -οω, как στρατηγιάω, ἀρρωνέω и подобных.

Эта новая позиция побуждает в силу регулярной до сих пор симметрии вести соответствующую позицию и для «флексий слева», которая заняла бы место между позицией удвоения с -ε- и позицией «временного приращения». Трудно окончательно решить, чем ее следовало бы заполнить, но, может быть, туда нужно было бы отнести 1) ᾱ- — в таких случаях, как ἀμελέω 'быть беззаботным' рядом с μέλω 'заботить, заботиться'; ἀμέρτω 'отнимать' рядом с μερίζω 'делить, делиться'; 2) так называемое «протетическое глагольное ε-», как в перфекте ἐκτίσθαι ἐκτίμαι рядом с формами, содержащими обычное удвоение, ср. будущее κεκτίσμαι (и ἐκτίσμαι), конъюнктив перфекта κέκτωμαι, 3) по-видимому,

⁴⁸ W. Winter. On the origin of the samprasaraṇa reduplication in Sanskrit. «Language», vol. 26, № 3, 1950.

Таблица 38

Продолжение анализа нестандартных случаев (глагол) ¹

№ позиции	Морфологическое явление	1	2	3	4	5	6	7
—7	Приставка и красис							
—6	Слоговое приращение							
—5	Временное приращение					ε		
—4	Приставка α, протетическое и перфектное ε							
—3	Удвоения (перфектное, аористное, аттическое)		μα	αγ	ακ		λα	
—2	Презентное удвоение	ι						
—1	Корень со ступенью ο, чередующейся с ε и ϑ ²						λοικ	
0	Корень со ступенью ε или ο без чередования ³	στυ		αγ	ακ	κτα ↑		φιλ
+1	Корень с нулем или редукцией (ι, υ, α < $\frac{η}{η}$)		μα			↓		
+2	Неактуальная основа I					↓		
+3	Неактуальная основа II					↓		
+4	Словообразовательная основа				ο	↓		η
+5	Актуальная основа			ε ↑		η ↓		
+6	Актуальная основа			ε ↓				
+7	Флексия	μι	μεν	εν	α	σθαι	α	μι

Примечания: 1. По техническим причинам таблица дана по вертикали. Проанализированные глаголы следующие: 1) ἵσταναι; 2) μέμαρεν; 3) ἀγαγεῖν; 4) ἀκλήκω; 5) ἐκτλήσθαι; 6) λέλοσκα; 7) φίλημι. 2. Знаком ϑ обозначен «нуль» огласовки, под чередованиями понимаются чередования в парадигме того же глагола. 3. Имеются в виду чередования в парадигме того же глагола.

всякое обычное $\acute{\epsilon}$ - на месте перфектного удвоения в глаголах, начинающихся с группы согласных $\acute{\epsilon}\sigma\theta\omicron\rho\alpha$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\lambda\mu\alpha\iota$ и т. п., которое функционально является переходным случаем от обычного перфектного удвоения к временному приращению. Это переходное $\acute{\epsilon}$ - может быть, по-видимому, исторически трактовано как действительно часть нормального перфектного удвоения, оставшаяся после потери начального согласного или двух начальных согласных (согласно и точке зрения В. Винтера). Мы приходим, следовательно, к тому, что начальное $\acute{\epsilon}$ - — аугмент, фонетически одно и то же, должно трактоваться по крайней мере двумя различными способами, соответственно тому, помещаем ли мы его в абстрактную позицию № —4 или № —6, а может быть, еще и третьим способом, как скрытое («латентное», если воспользоваться терминологией Л. Ельмслева) $\acute{\epsilon}$ -; вызывающее удлинение начального гласного в позиции № —5. Таким образом, центральная зона глагольного слова для углубленного анализа нестандартных случаев разбивается на девять позиций (от —4 до +4, табл. 38).

Из проведенного синтагматического анализа вытекают и некоторые парадигматические следствия. Если симметрия фонетических и морфологических явлений столь хорошо проходит во всех позициях, ее следует ожидать и между позициями № +1, 2 и —1, 2. Это заставляет попытаться установить связь между чередованиями $\iota/\acute{\epsilon}$ в презентном и перфектном удвоении. Действительно, в целом ряде случаев мы находим закономерные соотношения форм, принадлежащих в классическом греческом к разным парадигмам, ср. презент $\acute{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$ и перфект $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\mu\epsilon\nu$. На фоне указанной симметрии такие соотношения форм представляют большую формальную регулярность: они построены по указанному выше фонетическому ритмическому принципу. Благодаря ему в парадигме глагола $\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\mu\iota$, аттич. $\acute{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$ 'ставлю', одного из четырех так называемых «больших глаголов» на $\mu\iota$, имеется д о п о л н и т е л ь н о е распределение: с одной стороны, по ступени огласовки корня между ед. числом и мн. числом отдельно в презенте и перфекте; с другой стороны, по ступени огласовки корня и по характеру удвоения между ед. числом презенса и мн. числом перфекта. Ниже формы, образующие второе дополнительное распределение, взяты в рамки. Их соединение в рамках одной парадигмы составляет первый этап реконструкции:

Презент		Перфект	
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
$\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\iota$	$\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu$	$\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha$	$\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu$
$\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\varsigma$	$\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\tau\epsilon$	$\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha\varsigma$	$\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\alpha}\tau\epsilon$
$\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\tau\iota$	$\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$	$\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\epsilon$	$\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\alpha}\alpha\sigma\iota\nu$

То же в трех остальных глаголах этого класса, но только место перфекта в этом соотношении у них занимает парадигма аориста

(соответственно удвоение отсутствует, например, δι-δω-μι ἐ-δο-μεν). Неполные парадигмы такого же строения у других глаголов на -μι: в презенсе у διδῶμι, οἶνῶμι, κίχρῶμι, πίμπρῶμι, πίπλῶμι, τίτρῶμι (формы перфекта отсутствуют), в перфекте τέθνηκα, мн. ч. τέθναμεν; δέδια, мн. ч. δέδιμεν (формы презенса производные разного типа). Таким образом, далее может быть реконструирована следующая претеритопрезентная парадигма без удвоения и приращения:

Ед. ч.	Мн. ч.
*στᾶ-μι	*στᾶ-μέν
*στᾶ-ς	*στᾶ-τέ
*στᾶ-τί	*στᾶ-σίν.

Как показывает уже отмеченное выше сравнение с др.-инд. мн. ч. dadhmás, datthá, dádhati в греческом при развитии удвоения ожидалось бы формы *τιῶμεν *τιῶθε *τιῶατι и подобн., так что -ε-, -ο-, -α-, во второй морфеме форм мн. ч. презенса объясняется, по-видимому, аналогией с мн. ч. аориста ⁴⁹. Таким образом, формы мн. ч. презенса являются в исторических парадигмах этих глаголов позднейшим подстроением. Напротив, в аористе и перфекте очевидно подстроены являются формы ед. ч. с -х-. Эти косвенные данные говорят в пользу исконного характера ед. ч. презенса и мн. ч. перфекта (за исключением удвоения) и аориста этих глаголов.

Наша концепция внутренней реконструкции требует, чтобы каждый этап реконструкции хотя бы в какой-то степени подтверждался засвидетельствованными фактами. Данная реконструкция парадигмы без удвоения подтверждается существованием формально полностью аналогичной парадигмы глагола φᾶμί, аттич. φημί 'говорю':

φᾶμί	φᾶμέν
φᾶς ⁵⁰	φᾶτέ
φᾶτί	φᾶσίν.

С точки зрения семантики мы также находим здесь ожидаемые соответствия: ἐφαῖν (ἐφην) φάναи имеют в раннегреческом значение как имперфекта, так и аориста, а медиум ἐφατο сохраняет значение аориста и позднее уже после образования активного сигматического аориста ἐφηρα (подробнее см. ниже, § 10; ср. табл. 24).

⁴⁹ E. Schwyzler. Griechische Grammatik, Bd. I, стр. 686. Реконструкцию «семантической истории» удвоения см.: V. Pisani. Sul raddoppiamento indoeuropeo. «Reale Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti». Serie VI, II, 1928, резюме: «Indogermanisches Jahrbuch», Bd. XII, 1928, стр. 27—28.

⁵⁰ По поводу возможных вариаций в реконструкции ударения и окончания этой формы см.: F. Stolz. Zur griechischen und lateinischen Sprachgeschichte I. Zur Bildung der 2. und 3. Sg. Präs. Akt. von φημί. «Indogermanische Forschungen». Bd. 14, 1903, стр. 15—20.

§ 8. Иллюстрация принципа «независимости состояний»
на большом массиве словоформ литовского языка.
Этап анализа

Литовский и древнегреческий унаследовали от индоевропейского состояния большую свободу в соединении глагольных словоформ в парадигмы в самых разных сочетаниях. Благодаря такой свободе каждая отдельно взятая словоформа в этих языках выглядит как довольно независимая от других, и весь материал становится естественной иллюстрацией принципа независимости состояний. Причины этой особенности лежат, таким образом, не столько в строении словоформы (хотя и оно играет роль), сколько в строении парадигм.

Относительная свобода соединения в парадигму заметна и в славянских языках, в особенности в различном соотношении форм настоящего с инфинитивом. Русск. *стану* соотносено с *стать* в парадигму глагола совершенного вида, а *стою* с *стоять* в парадигму глагола состояния. В польском *stanę*, тождественное русскому *стану*, соотносится с инфинитивом *stańać*, а *stać*, тождественное русскому *стать*, образует парадигму глагола состояния при *stoję*. В балтийском ареале свобода сочетания значительно больше, даже в пределах одного языка. Так, в литовском тождественные (с синхронной точки зрения) формы *žin-a-u*, *tik-a-u* относятся первая к презенсу, а вторая к претериту. То же характерно для большого количества форм на *-au*, *-ai*, *-o*, которые распределяются между системой презенса при инфинитиве на *-yti* и системой претерита при инфинитиве на *-ti* после согласного. Ср. также *žino žinójo žinóti* 'знать' и *pažįsta (pa)žino pažinti* 'узнать, познакомиться', где тождественны форма презенса из первой парадигмы и форма претерита из второй. По этим причинам в литовской глагольной системе много омонимичных или паронимичных форм: *miřko* претерит в парадигме *miřkti mirkstù* 'мокнуть' и *miřko* презенс в парадигме *mirkųti miřkë* 'мочить', *rimaũ* претерит к *rimi*ti 'утихать, оставаться на одном месте', и *gýmau* презенс к *gýmoti* 'покойно сидеть или стоять, облокотившись или опершись', и т. п. Сведение отдельных словоформ в парадигму и лексему часто остается в современном литовском языке фактом нормы и нормирования и в некоторых случаях может не ощущаться действительным языковым сознанием людей, не прошедших обучения норме. Так, *mókau* и *iřmókau* могут восприниматься как формы одной лексемы, хотя в норме относятся к двум разным парадигмам — *mókau* презенс при *mókyti* 'обучать, выучивать' и *iřmókau* претерит при *iřmókti iřmókstu* 'выучиться'. Напротив, *iřmókstu* — *iřmókau*, отнесенные в нормативных словарях к одному глаголу *iřmókti*, живому языковому сознанию могут представляться различными: *iřmókstu* как начинательная 'начинаю учить', а *iřmókau* как лишенная всякого оттенка начинательности и потому относящаяся к иной лексеме.

Поскольку нам придется демонстрировать принцип независимости словоформ на довольно большом материале «вручную», мы примем некоторые предварительные ограничения. Они не меняют существа принципа и не потребовались бы при машинной обработке. Ограничения заключаются в том, что мы заранее сгруппируем словоформы в некоторые основные классы.

Здесь следует сказать несколько слов о глагольных классификациях вообще. В индоевропеистике установилась традиция выделять глагольные классы по основам презенса, которые отличаются наибольшим разнообразием форм и значений. Другие основы (аориста, перфекта, инфинитива) значительно менее разнообразны, так что, например, одна форма аориста может сочетаться в парадигмах с разными формами презенса. Таким образом, классификации индоевропейцев исходят из двух принципов — независимости форм («независимость состояний») и доминанции формы презенса в парадигме. В славистике в силу объективных особенностей славянской глагольной системы постепенно выработалась традиция классифицировать глаголы по двум признакам одновременно — основе настоящего и основе прошедшего. Это означало в сущности отказ от принципа независимости форм и замену его принципом зависимости форм. Этот принцип был в последнее время еще усилен, благодаря тому, что в классификации все более стали учитываться глубинные морфологические особенности словоформ и была выдвинута идея о возможности «предсказывать» и «порождать» ряд словоформ на основе одной исходной.

В литуанистике нет еще классификационной традиции. Укажем несколько подходов к этой задаче. Й. Казлаускас устанавливал две основные группы: I группа — основа инфинитива равна глагольному корню; 1 класс — вокализм корня всех трех основных форм (презенса, претерита, инфинитива) единый, с подразделением на подклассы в зависимости от строения основы презенса; 2 класс — вокализм корня в презенсе иной, чем в форме претерита; II группа — основа инфинитива суффиксальная⁵¹. В этой классификации нет принципа независимости форм, здесь как бы предполагается единство парадигмы в каждом классе и задача классификации сводится к выявлению формы выражения этого единства. Иной тип классификации представлен в работах Й. Яблонского. В своей «Грамматике литовского языка» 1901 г. он выделял классы на основе настоящего времени, а различное образование форм прошедшего времени играло при этом подсобную роль при выделении подклассов внутри классов⁵². В «Грамматике» 1922 г. Й. Яблонский основывался уже на независимости форм презенса и форм претерита, выделяя классы на основе различного сочетания тех и других форм⁵³. В академической «Грамматике литовского

⁵¹ J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968, стр. 338.

⁵² J. Jablonskis. Lietuviškos kalbos gramatika. «J. Jablonskis. Rinktiniai raštai», I. Vilnius, 1957, стр. 128—135.

⁵³ Там же, стр. 260—269.

языка» принята в основном последняя классификация Й. Яблонского, и она усовершенствована введением семантического критерия. Фактически это означает учет четырех независимых признаков — формы презенса, формы претерита, формы инфинитива, семантики класса⁵⁴. Но эти признаки эксплицитно не указаны. Мы будем основываться на классификации Й. Яблонского и академической «Грамматики».

В современном литовском языке мы выделяем два основных глагольных класса, четко противопоставленных друг другу по четырем признакам: I класс — 1) корень типа TAT-, TET-, TIT-, TIR- с кратким гласным, видоизмененный в презенсе наличием или носового инфикса или суффикса -sta или и того и другого одновременно, 2) окончание презенса -a, 3) окончание претерита -o, 4) значение эффективно непереходное; II класс — 1) корень типа TER(T)- с дифтонгом или долгим гласным, 2) окончание презенса -ia, 3) окончание претерита -ė, 4) значение эффективно переходное. До более подробного разбора категории переходности, который будет дан ниже, здесь укажем предварительно, что под эффективно переходным значением понимаем такие случаи, когда прямое дополнение выражает объект действия, реально подвергающийся изменению под влиянием этого действия, например, 'рыть землю', под неэффективно переходным — такие случаи, когда прямое дополнение выражает не объект, а результат действия: 'рыть яму', 'петь песню', 'писать письмо', 'родить ребенка'; в индоевропейских языках такое прямое дополнение, в отличие от первого типа, может не выражаться «на поверхностном уровне»; эффективно непереходными будут те глаголы, которые не могут иметь даже такого неэффективного прямого дополнения как 'пробыть ночь'.

Называя эти два класса основными, мы имеем в виду, что благодаря четкости их признаков они воплощают основную тенденцию литовской глагольной системы. Вместе с тем с точки зрения количества охватываемых ими лексических единиц они представляют собой лишь полярные точки системы, между которыми имеется большое число промежуточных случаев. По значительности охвата лексики и широте семантики «основными» могут считаться именно последние. Для их систематического описания мы представим их как классы, отклоняющиеся от того или иного основного класса либо по одному первому признаку, либо по одному второму, третьему и т. д.; либо по двум, по трем признакам одновременно. Показать это и значит продемонстрировать принцип независимости признаков, или «независимости состояний», довольно широко действующий в литовской глагольной

⁵⁴ Lietuvių kalbos gramatika, II, Vilnius, 1971, стр. 218—238. Далее отсылки на этот труд даются в форме «АГ II, 3» и т. п., где римская цифра соответствует слову skyrius 'раздел', а арабская слову poskyris 'подраздел' в этой книге; нами рассматриваются здесь только pirminiai veiksmažodžiai 'первичные (непроизводные) глаголы'.

системе. Основные классы пронумеруем как I, 1 и II, 1, а отклоняющиеся классы будем нумеровать в указанном выше порядке как I, 2; I, 3; I, 4 и т. д.; II, 2; II, 3; II, 4 и т. д.

Основной класс I, 1 представлен такими глаголами, как:

с инфиксом	anka	ako	akti	‘слепнуть’
	genda	gedo	gesti	‘портиться’
	punta	puto	pusti	‘пухнуть’
	šlampa	šlapo	šlapti	‘промокать’
	byra	biro	birti	‘сыпаться’
	baļa	balo	balti	‘побелеть’
с суффиксом	alksta	alko	alkti	‘хотеть есть’
	brangsta	brango	brangti	‘дорожать’
	dingsta	dingo	dingti	‘пропасть’
	linksta	linko	linkti	‘гнутья’
	tvinsta	tvino	tvinti	‘разливаться (о реке)’
с инфиксом и суффиксом	-sta mažta	mažo	mažti	‘уменьшаться’
	gesta	geso	gesti	‘гаснуть’
	gyžta	gižo	gižti	‘прокисать’
	dūžta	dužo	dužti	‘разбиваться’

и др., где носовой инфикс представлен продлением гласного в презенсе. В целом весь класс I, 1 соответствует нескольким группам академической «Грамматики» (АГ I, 4, 5, 6; кроме случаев *sprogsta sprogo sprogti* ‘взрываться’, см. ниже). Его единство основано на том, что различные показатели презенса находятся в дополнительном морфофонемном распределении: инфикс в корнях типа TET-, TIT-; суффикс в корнях типа TERT-, TIRT-; инфикс и суффикс в трехбуквенных корнях с исходом на шипящий и свистящий TES-, TIS-. Корни типа TIR- (реже TER-) дают свободное варьирование, которое регламентируется лишь нормой: ср. литерат. *kūla, būra* и диал. *kilsta, birsta* (в том или ином глаголе представлены во всех диалектах). Можно предполагать, что в отдельных глаголах носовой инфикс сохраняется перед смычным наряду с суффиксом непосредственно в форме сонанта: *klingžda* (< *klingž-st-a*?) *kligždo kligžti* ‘терять силу, слабеть’, *kļengžda kļegždo kļegžti* с тем же значением. Сохранение -d-, ассимилятивного из -t-, в форме претерита объясняется, по-видимому, тем, что элемент -st- уже не ощущался как суффикс презенса. Таким образом, доминанция здесь исходит от инфикса и подавляет суффикс.

Последняя подгруппа в составе этого класса, сочетающая инфикс и суффикс, является более или менее устойчивой в литературном языке, но в говорах дает значительное варьирование. Нередко в одном и том же говоре употребляются параллельные формы как без суффикса -st-, с одним носовым инфиксом, так и с суффиксом и носовым инфиксом одновременно, ср. диал.

duñs 'duñsa' // duñst, duñsta 'dūsta'; tiñž 'tinža' // tiñžt, tiñžta 'tūžta' и т. д. (южножемайские говоры, Кяльме, Шаукенай и др.). В некоторых случаях замечается переход из инфиксального типа в суффиксальный, напр. trūška < *triñška triško trikšti, ср. trūkšta trūško trūkšti и т. д. Особенность данной группы заключается еще и в том, что она чаще всего связана с более глубокими нарушениями регулярности чередований с точки зрения плана выражения, что было вызвано, по всей вероятности, связью носового инфикса со слабой огласовкой корня. Ср. напр., dvūsta dvīso dvīsti 'начать вонять', и dvēsia dvēše dvēsti 'околевать'; įgrūsta įgrīso įgrīsti 'надоесть' и grēsia, grēsė grēsti 'грозить'; tūžta tižo tižti 'размякать' и tēžta tēžo tēžti в том же значении, наряду с регулярными vūsta vīso, vīsti и veisti; mūšta mīšo mīšti и miēšti и т. п. Нередко наряду с глаголами, имеющими долгий корневой гласный, в том же самом или близком значении употребляются глаголы с кратким корневым гласным. Соответственно корневому гласному, различается их формообразование, ср. напр., glūsta: glūdo glūsti 'прислоняться', gluñda glūdo glūsti с тем же значением и glaūsti; skýsta skýdo skýsti, skiñda skido skīsti 'становиться жидким' и skīesti 'разбавлять'; trūksta trūko trūkti 'нехватать; обрываться', truñka trūko trūkti 'длиться' и trāukti 'тянуть' и т. д. (см. ниже класс I, 2).

Отмеченные здесь колебания демонстрируют объективно действующий принцип независимости состояний. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что вариации и колебания охватывают лишь наиболее новую часть этого класса, связанную с распространением суффикса -st⁵⁵. Большинство глаголов этого класса имеют регулярные коррелятивные пары в основном переходном классе, соотносящиеся по типу byra biro birti 'сыпаться' — beria bėrė berti 'сыпать'.

К л а с с I, 2 отличается от основного одним признаком — долготой корня во всех формах. В отличие от долготы, восходящей к исторически полной ступени корня (тип berti bėrė), это долгота иного типа, которая в основном классе представлена в форме презенса как модификация инфикса. К этому классу мы относим глаголы (выделяя их из группы АГ I, 5):

grįžta	grįžo	grįžti	'возвращаться'
nyksta	nyko	nykti	'пропадать; хиреть'
pyksta	pyko	pykti	'злиться'
vyksta	vyko	vykti	'отправляться; происходить'
vysta	vyso	vysti	'вянуть'
liūsta	liūdo	liūsti	'загрустить'
lūžta	lūžo	lūžti	'ломаться, ломиться'

⁵⁵ N. van Wijk. Der Ursprung der litauettischen Präsensklasse mit Formans -sta-. «Archivum Philologicum», IV. Kaunas, 1933, стр. 57—63; J. Kuryłowicz. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, стр. 50 сл.

Сюда же можно отнести тип *sprogsta sprogo sprogti*. Глаголы этого класса имеют пары в основном переходном классе, но соотношение их менее регулярно, чем в предыдущем классе, например, *pykti — naikinti*, *pykti — peikti*, а иногда пар не находится или же они представляют собой суффиксальные образования: *vykti — vykdyti*, *sprogti — sprogdinti*.

К л а с с I, 3, отличающийся от основного по одному второму признаку — окончанием претерита -ė вместо -o, представлен только двумя глаголами:

<i>miršta</i>	<i>mirė</i>	<i>mirti</i>	‘умирать’
<i>gimsta</i>	<i>gimė</i>	<i>gimti</i>	‘рождаться’

Однако живая диалектная форма презенса *gema* говорит о том, что второй глагол — недавнее аналогическое образование по первому.

К л а с с I, 4 представлен инфиксальными глаголами, но отличается от основного класса по семантическому признаку. Здесь инфикация не соответствует вполне определенно «переходу в состояние», имеются глаголы движения и неэффективно переходные. Другие его примеры можно найти по тому же семантическому признаку среди инфиксальных глаголов (АГ I, 4):

<i>kanka</i>	<i>kako</i>	<i>kakti</i>	‘отправляться в путь; ехать’
<i>randa</i>	<i>rado</i>	<i>rasti</i>	‘находить’
<i>krinka</i>	<i>kriko</i>	<i>krikti</i>	‘рассыпаться в стороны’
<i>limpa</i>	<i>lipo</i>	<i>lipti</i>	‘липнуть’
<i>čiumpa</i>	<i>čiupo</i>	<i>čiupti</i>	‘схватить’

К л а с с I, 5 отличается от основного двумя признаками — отсутствием инфикса и суффикса и семантикой и от предшествующего в классификации одним признаком — отсутствием инфикса. Семантика этого класса неэффективно переходная. Отдельные глаголы, избегая слишком дробных подразделений, мы относим сюда, хотя они просто непереходные глаголы типа *lipti* ‘лезть’, ср. отличающийся от него только наличием инфикса *lipti* ‘липнуть’ в предыдущем классе:

<i>bruка</i>	<i>bruко</i>	<i>brukti</i>	‘совать’
<i>kniša</i>	<i>knišo</i>	<i>kništi</i>	‘рыть’
<i>lipa</i>	<i>lipo</i>	<i>lipti</i>	‘лезть’
<i>lupa</i>	<i>lupo</i>	<i>lupti</i>	‘лупить’
<i>riša</i>	<i>rišo</i>	<i>rišti</i>	‘вязать’
<i>rita</i>	<i>rito</i>	<i>risti</i>	‘катить’
<i>suka</i>	<i>suko</i>	<i>sukti</i>	‘поворачивать’

Этот класс в нашей классификации в основном соответствует первой группе академической «Грамматики» (АГ I, 1), но мы исключаем глаголы с долгим гласным и дифтонгом в корне *bėgti*, *ągti*, которые представляются во многом аномальным типом и историческое системное истолкование которых остается пред-

метом дискуссии⁵⁶. По той же причине из следующего класса исключаем глагол *ėda ėdė ėsti* 'есть' (о животных).

К л а с с I, 6 отличается от предыдущего одним признаком — окончанием претерита -ė вместо -o и соответственно от основного первого класса двумя признаками, названным формальным и семантикой (ср. АГ II, 1):

dega	degė	degti	'гореть; жечь'
kepa	kepė	kepti	'жариться; жарить, печь'
beda	bedė	besti	'вонзать; выкапывать (картофель)'
plaka	plakė	plakti	'драть, бить; биться (о сердце)'
lesa	lesė	lesti	'клевать'
laka	lakė	lakti	'лакать'
mezga	mezgė	megzti	'вязать'

Оба последние класса дают значительные колебания по диалектам. Восточно- и средне-аукштайтские и восточно-дзукские говоры имеют тенденцию при основе презенса -a с кратким корневым гласным обобщать претерит по форме -ė: *lipė* 'lipo', *lupė* 'lupo', *rišė* 'rišo', *ritė* 'rito', *sukė* 'suko' и т. д., благодаря чему в этих говорах класс I, 5 переходит в следующий за ним, I, 6, по нашей классификации. Напротив, в ряде мест жемайтских говоров отмечаются формы претерита на -o вместо литературных на -ė благодаря чему I, 6 класс частично переходит в I, 5: *baro* 'barė', *kalo* 'kalė', *malo* 'malė', *mušo* 'mušė'⁵⁷. Если же отнести сюда и изменения парадигмы по фонетическим причинам, вследствие отвердения -l- и -g-, причем фонетическим причинам, очевидно, не препятствуют семантические, то такой же переход, захватывающий однако только -le- и -ge— основы, характеризует и ряд восточно-аукштайтских говоров: *kalo* 'kalė' и др.⁵⁸

Пройдем теперь классификацию литовских глаголов от второго полюса, от основного к л а с с а II, 1. Этот класс включает такие глаголы, как:

baigia	baigė	baigti	'кончать'
braukia	braukė	braukti	'вычеркивать'
dengia	dengė	dengti	'покрывать'
grobia	grobė	grobti	'хватать'
keičia	keitė	keisti	'менять'
lenkia	lenkė	lenkti	'гнуть'
merkia	merkė	merkti	'мочить'

⁵⁶ Ср. по этому поводу пять различных точек зрения: *J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1958, стр. 305—308; A. Vaillant. Le parfait into-européen en baltique. — BSL, т. 57, fasc. 1, 1962, стр. 55; O. Szemerényi. Syncope in Greek and the nature of Indo-European accent. Naples, 1964, стр. 193; Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, стр. 123, 334; C. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969, § 8, стр. 31.*

⁵⁷ *Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, § 653, стр. 355.*

⁵⁸ *Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, § 652, стр. 355.*

и др. (ср. АГ III, 1, мы не относим сюда глагол с корневым гласным -a- *aria arė arti* 'пахать', во многом представляющийся аномальным). Подавляющее большинство глаголов этого класса имеют эффективно переходное значение. Отдельные исключения, типа *dulkia, lietus dulkia* 'дождь моросит', должны быть подвергнуты специальному обсуждению. В силу общего принципа независимости форм, характерного для литовского, можно предположить, что отнесение таких случаев к этому классу неадекватно. Очень многие глаголы этого класса имеют параллель в глаголах первого основного класса I, 1, благодаря чему существуют характерно литовские оппозиции типа:

1) <i>lenkia</i>	<i>lenké</i>	<i>lenkti</i>	'гнуть'
<i>linksta</i>	<i>linko</i>	<i>linkti</i>	'гнуться'
2) <i>keičia</i>	<i>keitė</i>	<i>keisti</i>	'менять'
<i>kinta</i>	<i>kito</i>	<i>kisti</i>	'меняться'

которые подробно будут рассмотрены ниже.

К л а с с II, 2 представлен такими глаголами, как:

<i>beria</i>	<i>bėrė</i>	<i>berti</i>	'сыпать'
<i>geria</i>	<i>gėrė</i>	<i>gerti</i>	'пить'
<i>kelia</i>	<i>kėlė</i>	<i>kelti</i>	'поднимать'
<i>karia</i>	<i>korė</i>	<i>karti</i>	'вешать'
<i>lemia</i>	<i>lėmė</i>	<i>lemti</i>	'решать'
<i>skelia</i>	<i>skėlė</i>	<i>skelti</i>	'колоть'
<i>žeria</i>	<i>žėrė</i>	<i>žerti</i>	'сыпать, выгребать'

Этот класс отличается от предыдущего по одному признаку — форме корня. В то время как в основном классе единая форма корня с долгим гласным или дифтонгом обобщена на все формы парадигмы, презенс, претерит и инфинитив, здесь это обобщение носит функциональный характер, но по фонетическому виду различно. Во всех глаголах этого класса в инфинитиве имеется дифтонг на ступени -e- (-er-, -el-, -em-, en-), в форме претерита в силу разложения дифтонга между двумя соседними слогами возникает его функциональное замещение с долгим гласным -ė- и согласным -r-, -l-, -m-, -n-, отходящим к следующему слогу: *berti* — *bė-rė* и т. п. В форме презенса возникает иное функциональное замещение в виде полудолгого -ė- и др. Этот класс нашей классификации в основном совпадает с группой АГ III, 2, но мы исключаем из него глаголы с корневыми гласными -i-, -u-, составляющие следующий класс. В этих глаголах корень инфинитива соотносится с корнем претерита по принципу заместительного удлинения — дифтонг с полной ступенью в инфинитиве при разложении в претерите передает свою долготу гласной части. Поскольку фонологически долгими в современном литовском являются в ряду -e- — только -ė- (но не -ē-), постольку изменение тембра гласного (-e- в дифтонге, -ė- при его разложении) не может рассматриваться как чисто историческое, мертвое чередование.

С корнем презенса корень инфинитива соотносится по чисто фонетическому принципу — сочетание *-e-gia* в презенсе трактуется как полностью тождественное такому же, хотя и таутосиллабическому, сочетанию в инфинитиве; *-eg-* в инфинитиве по отношению к *-eg-* в презенсе выступает не как дифтонг, а как простое сочетание гласного с согласным. Таким образом, все дело здесь в двойном статусе инфинитива по отношению к презенсу и претериту. Нейтрализуя их различия, инфинитив служит соединению разнородных форм в одной парадигме⁵⁹. Презенс здесь не может иметь акутовой интонации, даже когда ее имеет претерит (например, *vėmė vėšia*). Поскольку в этой группе инфинитив равно закономерно связан и с презенсом и с претеритом, постольку здесь колебания интонации корня в инфинитиве, а вследствие этого и в претерите особенно велики: ср. *bėrti, pėrti, svėrti, žėrti* в средне- и восточноаукштайтских говорах при соответствующих циркумфлексх в литературном языке⁶⁰. Глаголы этого класса так же, как и предыдущего, образуют оппозиции с глаголами основного непереходного класса *beria bėrė bėrti* — *byra biro birti* и подобные.

К л а с с II, 3 представлен глаголами:

<i>gilia</i>	<i>gylė</i>	<i>gilti</i>	‘жалить’
<i>giria</i>	<i>gyrė</i>	<i>girti</i>	‘хвалить’
<i>iria</i>	<i>yrė</i>	<i>irti</i>	‘грести’
<i>skiria</i>	<i>skyrė</i>	<i>skirti</i>	‘отделять; назначать’
<i>spiria</i>	<i>spyrė</i>	<i>spirti</i>	‘подпирать; настаивать’
<i>tiria</i>	<i>tyrė</i>	<i>tirti</i>	‘исследовать’
<i>buria</i>	<i>būrė</i>	<i>burti</i>	‘1. бросать жребий, гадать; 2. объедать’
<i>dumia</i>	<i>dūmė</i>	<i>dumti</i>	‘дуть; нестись’
<i>duria</i>	<i>dūrė</i>	<i>durti</i>	‘колоть, вонзать’
<i>kulia</i>	<i>kūlė</i>	<i>kulti</i>	‘молотить, колотить’
<i>kuria</i>	<i>kūrė</i>	<i>kurti</i>	‘разводить (огонь); создавать’
<i>stumia</i>	<i>stūmė</i>	<i>stumti</i>	‘толкать’

От основного переходного класса этот класс отличается одним признаком — формой корня. Соотношение корней инфинитива, претерита и презенса такое же, как в предыдущем классе. Но общая форма корня *TIR-* вместо *TER-* (исторически редуцированная ступень вместо исторически полной) не типична для глаголов с эффективно переходным значением. Отдельные глаголы (*gilti*, имеющий дублет в *gelti*; *irti*) в силу их семантики вызывают сомнения в том, что семантика класса в целом хорошо определена. Этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения. Глаголы этого класса не имеют соотносительных пар в основном непереходном классе (по типу *bėrti* — *birti*).

⁵⁹ Ср.: J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, стр. 353.

⁶⁰ Lietuvių kalbos gramatika, II, стр. 234.

К л а с с II, 4 состоит из глаголов:

gina	gyné	ginti	‘защищать’
mina	myné	minti	‘мять’
pina	pyné	pinti	‘плести’
skina	skyné	skinti	‘рвать, щипать, прорубать’
tina	tyné	tinti	‘отбивать косу, точить’
trina	tryhé	trinti	‘тереть’
pila	pylé	pilti	‘лить, наливать’

Класс исчерпывается приведенными глаголами (ср. АГ II, 2). Вслед за И. Яблонским сюда же можно отнести и несколько более аномальное *ima ėme iĩti* ‘брать; начинать’. Семантика класса эффективно переходная. От основного II, 1 класса данный отличается двумя признаками — окончанием -а вместо -ia в презенсе и формой корня. Соотношение корня инфинитива с корнем претерита и презенса тождественно соотношению в предыдущем классе. В отдельных случаях презенс этих глаголов получает окончание -ia: *pilia* (Биржай, Утяна и др.), в других случаях изменяет форму корня: *trena tryné trinti* (Паграмантис), и тогда отходит к классу *perka pirko pirkti* (см. ниже). В латышском принадлежат к типу *suka suko* (I, 4).

К л а с с II, 5 представлен такими глаголами как:

drebia	drėbė	drėbti	‘шлепнуть, лупить’
dreskia	drėskė	drėksti	‘драть, царапать’
gresia	grėsė	grėsti	‘грозить; отучать’
plecia	plėtė	plėsti	‘распространять’
slegia	slėgė	slėgti	‘давить’
pučia	pūtė	pūsti	‘пучить; дуть’
tupia	tūpė	tūpti	‘присесть, приземлиться’

и др. (ср. АГ III, 3). От основного переходного класса этот класс отличается двумя признаками — формой корня и семантикой. В отличие от двух предыдущих классов здесь корень инфинитива и претерита не связан живыми фонетическими или фонетико-фонологическими отношениями, гласные этих корней соотносятся просто как разные фонемы, и следовательно, это соотношение носит характер исторических чередований. От основного переходного класса II, 1 этот класс отличается тем, что долгота гласного корня обобщена не на весь парадигматический ряд, а только на претерит и инфинитив. В диалектах отмечаются и случаи полной унификации долгого вокализма, благодаря чему этот класс там сливается с первым, например, *grėsia grėsė grėsti* (Вилкавишкис), *kvėria kvėrė kvėpti* (Биржай, Саламестис, Сведасай, Скопишкис, Утяна), *slėgia slėgė slėgti* (Биржай, Дусетос, Вилкавишкис, Куршенай, Шакина), *tūpia tūpė tūpti* (Биржай, Даукшай, Шакина). Семантика класса — неэффективно переходная. Своей семантикой он близок к классам I, 4 и I, 5.

К л а с с II, 6 в нашей классификации ⁶¹ объединяет два типа глаголов:

а) sėja	sėjo	sėti	‘сеять’
spėja	spėjo	spėti	‘успевать; предполагать’
joja	jojo	joti	‘ехать верхом; выгонять’
kloja	klojo	kloti	‘стелить’
loja	lojo	loti	‘лаять’
glieja	gliejo	glieti	‘замазывать’
lieja	liejo	lieti	‘лить, проливать’
liėja	liėjo	liėti	‘лить, делать отливку’
guja	gujo	guiti	‘гнать’
zuja	zujo	zuiti	‘сновать’
б) bliauna	bliovė	bliauti	‘блеять’
džiauna	džiovē	džiauti	‘сушить’
griauna	griovė	griauti	‘валить’
kauna	kovė	kauti	‘разить врага’
krauna	krovė	krauti	‘складывать, грузить’
liauna	liovė	liauti	‘переставать’
spiauna	spiovė	spiauti	‘плевать’
šauna	šovė	šauti	‘стрелять ; мчаться’

Обе подгруппы включают и другие глаголы (см. соответственно АГ I, 3 и II, 3). Мы объединяем их на том основании, что они на «поверхностном уровне» в разной форме выражают одну и ту же «глубинную структуру». Презенсы с носовым инфиксом в подгруппе «б» заместили презенсы вида bliauja, džiauja, griauja, krauja и т. д., которые еще и в настоящее время встречаются в западноаукштайтских говорах и которые еще Й. Яблонский считал нормативными ⁶². С другой стороны, в ряде восточноаукштайтских говоров встречаются вместо griēja, glieja, šlieja и т. д. формы griena, gliena, šliena и т. д. ⁶³. Таким образом, по типу презенса обе подгруппы могут рассматриваться как один класс с позднейшим вариативным замещением в части говоров. Что касается претерита, то в подгруппе на -jo обращает на себя внимание полное отсутствие в аукштайтских диалектах каких-либо форм на *-jė после гласного. Для литовского языка с его большой вариативностью словоформ такое положение с точки зрения морфологии совершенно не типично и заставляет предполагать, что мы имеем здесь дело с фонетическим обобщением. Сравним обобщение претерита -lė > -lo после отвердения -l- в восточноаукштайтских говорах. С другой стороны, и вторая подгруппа имеет варианты претерита на -o: kavo ‘kovė’, šavo ‘šovė’ (Швенчонис, Рокишкис, Кяльме) ⁶⁴. Обе подгруппы имеют одно и то же неэффективно

⁶¹ Ср. указание академической «Грамматики» на возможность отнести к типу sėja sėjo sėti глагол gaunagavo gauti («Lietuvių kalbos gramatika», стр. 222).

⁶² Lietuvių kalbos gramatika, II, стр. 231.

⁶³ Там же, стр. 222.

⁶⁴ Lietuvių kalbos gramatika, II, стр. 231.

переходное значение. Сказанное заставляет считать «глубинной структурой» претерита всего этого класса безразличную в залоговом отношении флексию, семантике которой отвечает ее широко вариативная форма: -iaa (-jo) // -iē (-ė). В таком виде эту флексию можно считать реконструкцией достаточно древнего этапа, после которого развитие пошло двумя различными путями. В основах с исходом на гласный (типа *joti*) был обобщен вариант -iaa > -jo, в основах с исходом на смычный — вариант -iaa > -ė (тип *mašiau matei matė*, см. выше § 7). Группа *bliauna* занимает до сих пор промежуточное положение и соответственно «глубинную структуру» ее претерита можно представлять как вариации первоначальной формы **bliaujaa* с дальнейшим развитием либо **bliaujaa* > **bliaučė* > *bliovė*, либо **bliaujaa* > **bliaūaa* > *bliovo*.

Относительно первой из них следует еще заметить, что в некоторых местах имеется презенс с кратким гласным: *grėja grėjo grieti* (Шатес), *gėja rėjo rieti* (Дусетос, Крятинга, Лаукува, Тиркшляй, Ужпалай), *lėja lėjo lieti* (Валькининкай, Дусетос, Крятинга, Куляй, Кабяляй, Лаукува, Родуня, Тиркшляй), *šlėja šlėjo šliėti* (Варена, Дусетос, Ужпалай). Такой тип вариаций сближает этот класс со следующим.

Последний класс в нашей классификации следует рассматривать как принадлежащий одновременно двум основным рядам, обозначим его I, 7 — II, 7 (ср. АГ I, 2) ⁶⁵:

<i>kemša</i>	<i>kimšo</i>	<i>kimšti</i>	‘запихивать’
<i>kerpa</i>	<i>kirpo</i>	<i>kirpti</i>	‘резать (ножницами), кроить’
<i>kerta</i>	<i>kirto</i>	<i>kirsti</i>	‘рубить’
<i>kremta</i>	<i>krimto</i>	<i>krimsti</i>	‘грызть’
<i>lenda</i>	<i>lindo</i>	<i>lįsti</i>	‘лезть’
<i>lieka</i>	<i>liko</i>	<i>likti</i>	‘оставаться’
<i>perka</i>	<i>pirko</i>	<i>pirkti</i>	‘покупать’
<i>perša</i>	<i>piršo</i>	<i>piršti</i>	‘сватать; навязывать’
<i>renka</i>	<i>rinko</i>	<i>rinkti</i>	‘собирать’
<i>serga</i>	<i>sirgo</i>	<i>sirgti</i>	‘болеть, хворать’
<i>slenka</i>	<i>slinko</i>	<i>slinkti</i>	‘двигаться, ползти’
<i>telpa</i>	<i>tilpo</i>	<i>tilpti</i>	‘вмещаться’
<i>trenka</i>	<i>trinko</i>	<i>trinkti</i>	‘мыть голову’
<i>velka</i>	<i>vilko</i>	<i>vilkti</i>	‘тащить, волочить’
<i>vėja</i>	<i>vijo</i>	<i>výti</i>	‘1. скручивать, 2. гнать’

В глаголах этого класса совмещается презенс с исторически полной ступенью вокализма и претерит с исторически редуцированной ступенью, по первой черге этот класс сближается с основным переходным классом, по второй — с основным непереходным.

⁶⁵ Ниже приводятся все глаголы этого типа, зафиксированные в «Словаре современного литовского языка» (*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1954).

Семантика класса также смешанная, имеются как эффе́ктивно переходные, так и эффе́ктивно непереходные глаголы. В диалектах сюда же относятся еще

dela	dilo	dilti	‘ясти́раться, истачива́ться’
dresa	drišo	dristi	‘сметь, осмелива́ться’
svela	svilo	svilti	‘пригора́ть’

презенсы которых в литературном языке имеют формы соответственно *dyla*, *drīsta*, *svyla*. Сходные чередования ступеней корня имеют и некоторые глаголы с претеритом на -ē: *gema gimē gimti* ‘рожа́ть’, *gena ginē ginti* ‘гна́ть’, *mena minē minti* ‘пони́мать’, *verda virē virti* ‘1. кипяти́ть, вари́ть; 2. кипяти́ться, вари́ться’. Класс в целом незначительно размывается по диалектам, либо в сторону обобщения редуцированного вокализма на формы презенса, либо — реже — за счет обобщения презенса с полной ступенью на другие классы глаголов, например, *'breda bridō brīsti* (Кря́тинга, Ку́лай и др.) при литературном *brenda bridō brīsti* ‘идти бродом’⁶⁶. Глагол со значением ‘доить’ дает наиболее типичную картину колебаний по принципу независимости состояний: 1) современная полностью обобщенная парадигма литературного языка *mélzia mēlžē mēlžti* 2) недавняя литературная *mēlzia milžo milžti*, 3) старая парадигма *melža milžo milžti*, 4) полностью обобщенная диалектная *milža milžo milžti* (Кя́льме, Шау́кенай). Третья из приведенных парадигм, наиболее старая, целиком соответствует основному типу. Несмотря на отмеченные колебания, класс в целом очень устойчив во всех диалектах литовского и в латышском.

9. Иллюстрация этапа синтеза.

Установление зависимостей расчлененных (катализи́рованных) словоформ

Проведенная классификация продемонстрировала принцип независимости форм и позволяет выделить несколько отправных точек для дальнейшей реконструкции. Каждая такая точка представляет собой определенный глагольный класс, отличающийся наибольшим количеством признаков от основных продуктивных классов (I, 1 и II, 1) и, следовательно, не претерпевший полной унификации черт по продуктивному образцу. Любой из этих классов содержит в себе естественное объединение тех элементов (корней, флексий, словоформ и значений), которые мы предположили в начале описания независимыми, тем самым каждый класс несет и определенную модель соединения, которая и должна послужить моделью синтеза для следующего шага реконструкции. В данном случае (что бывает не всегда) классы засвидетель-

⁶⁶ См. Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, § 597, стр. 338; K. Morkūnas. Apie esamojo laiko formas *kerpu/kirpu*. «Baltistica», III (2). 1967, стр. 171 — 173.

ствованы в непосредственно наблюдаемом состоянии литовского языка и поэтому принцип объединения элементов не требуется постулировать, его нужно лишь выбрать, соответственно тому, какой класс мы берем за основу реконструкции. Для дальнейшего описания, целью которого является здесь лишь ограниченная реконструкция вдоль одной из линий глагольной системы, мы выбираем последний класс. В нем реализуются две непродуктивные и, следовательно, достаточно архаичные черты балтийской глагольной системы — в плане выражения сочетание полной ступени корня в презенсе с редуцированной ступенью корня в претерите, а в плане содержания (в грамматической семантике) неразграниченность переходных и непереходных значений, т. е. объединение глаголов как одной, так и другой категории в одном классе.

Продолжим описание выделенного класса глаголов с точки зрения внутренней системы литовского языка. Для его положения в системе характерно то, что такое же соотношение ступеней корня *TeRT-* // *TiRT-*, которое здесь сведено в парадигму одного глагола (1), в других случаях оказывается распределенным между двумя глаголами, образующими коррелятивную пару «переходно-каузативный // непереходный» (2), а в случаях третьего типа представлено в двух глаголах, связанных чисто лексической близостью значений (3). Существование этих трех групп явлений свидетельствует о том, что принцип независимости действует еще и в ином аспекте, чем тот, о котором шла речь выше: определенное соотношение взаимосвязанных корней оказывается независимым не только от одного определенного типа парадигм, но и от парадигм вообще и может характеризовать лексические пары или даже лексические дублеты. Рассмотрим подробнее материал, относящийся ко второй группе случаев из указанных выше.

Ниже приводятся соотносительные глаголы, на первом месте указывается глагол с эффективно переходным и каузативным значением, на втором — глагол с эффективно непереходным значением и значением перехода в состояние, индексами указаны классы по данной выше классификации:

а) II, 1 — I, 1:

daužti	dužti	‘бить’, ‘разбиваться’
gniaužti	gniužti	‘сжимать’, ‘сжиматься; гнутья’
gręžti	grižti	‘сверлить; вертеть’, ‘вернуться’
iežti	ižti	‘лущить’, ‘лущиться; трескаться’
jaukti	(su) jukti	‘валить в кучу’, ‘перемешаться’
keisti	kisti	‘менять’, ‘меняться’
kreikti	krikti	‘сыпать’, ‘рассыпаться’
lenkti	linkti	‘гнуть’, ‘гнуться’
merkti	mirkti	‘мочить’, ‘мокнуть’
miešti	mišti	‘смешивать’, ‘смешиваться’
skersti	skirsti	‘рубить, колоть’, ‘трескаться’
skleisti	sklisti	‘распространять’, ‘распространяться’

smaukti	smukti	‘напяливать’, ‘сползать, оседать’
smeigti	smigti	‘вонзать’, ‘вонзаться’
šviesti	švisti	‘светить; просвещать’, ‘светать’
1. teikti,	tikti	1. ‘придавать’, 2. ‘снабжать’, ‘доста-
2. tiekti		ваться’
telžti	tilžti	‘мочить’, ‘размокать’
veisti	visti	‘плодить, разводить’, ‘плодиться’
versti	virsti	‘заставлять, превращать’, ‘превращаться’
žiebtį	žibti	‘засветить’, ‘вспыхнуть’
б) II, 1 — I, 2:		
diegti	dygti	‘сажать; колоть’, ‘всходить (о растении)’
kreipti	krypti	‘направлять; искривлять’, ‘искривляться’
laužti	lūžti	‘ломать’, ‘ломиться’
peikti	pykti	‘порицать, хулить’, ‘злиться’
в) II, 2 — I, 1:		
berti	birti	‘сыпать’, ‘сыпаться’
kelti	kilti	‘поднимать’, ‘подниматься’
skelti	skilti	‘колоть’, ‘трескаться’
sverti	svirti	‘взвешивать, весить’, ‘склоняться’]
žerti	žirti	‘сыпать; грести’, ‘сыпаться; рябить’
г) II, 5 — I, 1:		
drėbti	dribti	‘шлепнуть, лепить, валить’, ‘валиться’
drėksti	drikti	‘драть, царапать’, ‘рваться’
krėsti	kristi	‘трясти’, ‘падать’
kvėpti	kvipti	‘вдыхать, вдувать’, ‘издать запах’
д) II, 5 — I, 2:		
plėsti	plyšti	‘рвать, лущить’, ‘рваться’
skiesti	skysti	‘разбавлять’, ‘разжижаться’
trėkšti	trykšti	‘плющить’, ‘хлестать (о струе)’
е) II, 6 — I, 1:		
lieti	lyti	‘лить’, ‘литься’
sieti	syti	‘связывать’, ‘быть связанным’
šlieti	šlyti	‘прислонять’, ‘прислоняться’
ж) I, 6 — I, 1:		
megzti	migzti	‘вязать’, ‘путаться’
regzti	rigzti	‘вязать, плести’, ‘путаться’

Явления третьего из отмеченных вначале типов соотношений представлены значительным количеством отдельных глагольных пар, в которых соотношение не вполне регулярно, оно нарушено либо в семантическом, либо в формальном плане, ср.: *tviñkti* *tviñksta* *tviñko* ‘нарывать, набухать’, *tvinti* *tvinsta* *tvino* ‘разливаться, выходить из берегов’ при *tveñkti* *tveñkia* *tveñké* ‘прудить’; *ši̇pti* *ši̇mpra* *ši̇ro* ‘притупляться’ при *šėpti* *šėmpra* *šėro* ‘обращать бородой, волосами’; *gilti* ‘жалить’ при *gélti* 1. ‘жалить’,

2. 'болеть, нить'; *nirti* 'погружаться; вывихиваться' при *nerti* 'нырять' и т. п. В некоторых случаях соотносительные глаголы засвидетельствованы в разных диалектах или в разных балтийских языках, например, лит. *svilti* 'пригорать' — лат. *svel'u svelt* 'подпалить', и под.

Из приведенного материала видно, что при соотносительных корнях корень с исторически полной ступенью *TeR(T)*- имеет значение презенса или активного действия, переходящего на объект или каузирующего действие в этом объекте, корень с исторически редуцированной ступенью *TiR(T)*- имеет значение претерита или неактивного и непереходного действия, замыкающегося в субъекте. Это современное состояние является указанием для реконструкции. Мы, следовательно, должны постулировать такое предшествующее состояние, при котором отмеченные соотношения составляли определенную систему в рамках глагольного словоизменения и содержали в себе внутренний источник развития, породивший современную систему.

§ 10. Гипотеза о предшествующем состоянии и ее проверка внешним сравнением

Для объяснения системы, выявленной в итоге предшествующего этапа, мы выдвигаем следующую гипотезу.

Противопоставление глаголов по категории переходности — непереходности в литовском (соотв. общепалтийском) является аналогом противопоставления глаголов по категории несовершенного — совершенного вида в славянских (соотв. общеславянском) языках. Та и другая системы противопоставлений возникают из одной и той же предшествующей системы. Одним из звеньев последней (может быть, центральным звеном) были отношения, вытекающие из тематизации ранее атематических глагольных парадигм. Именно это звено стоит в центре данной линии реконструкции. С ней совместимо также допущение, что некоторые парные тематические парадигмы существовали исконно.

Согласно современным представлениям, в процессе тематизации атематических основ происходит разделение первоначально единой парадигмы с чередованием ступеней огласовки корня между ед. и мн. числом на две парадигмы, в одной из которых обобщается полная ступень ед. числа и накоренное ударение (так назыв. «баритонная» парадигма), в другой — редуцированная ступень корня и флексивное ударение (так назыв. «окситонная» парадигма). Схематично, из парадигмы с вторичными окончаниями

$\text{léik}^w = m$	$\text{lik}^w = m\acute{e}$
$\text{léik}^w = s$	$\text{lik}^w = \acute{t}\acute{e}$
$\text{léik}^w = t$	$\text{lik}^w = \acute{e}nt$

ВОЗНИКАЮТ:

1) léik ^w = om	2) lik ^w = óm
léik ^w = es	lik ^w = és
léik ^w = et	lik ^w = ét
léik ^w = ome	lik ^w = óme
léik ^w = ete	lik ^w = éte
léik ^w = ont	lik ^w = ónt ⁶⁷

(ср. греч. имперфект ἔλειπον,
прич. λείπων)

(ср. греч. аорист ἔλιπον,
прич. λιλών, ударение в
греч. соответствует здесь
первоначальному лишь в
причастии)

Процесс тематизации является позднеобщиндоевропейским и в основном протекает отдельно в каждом из языков, но при этом в параллельных формах.

При тематизации парадигм с вторичными окончаниями возникают два ряда форм, лежащих в сфере категории прошедшего времени. В греческом они противопоставляются как имперфект и аорист, а в общеславянском отождествляются в одном типе корневого тематического аориста. Вследствие этого названный славянский тип аориста может иметь формы как с полной, так и с нулевой (редуцированной) ступенью корня: ст.-сл. — оумлькъ 'я умолк', исъхъ 'иссох', оу-съпь 'уснул', против — оу-топь 'утоп, утонул'⁶⁸.

При тематизации парадигм с первичными окончаниями возникает лишь один ряд грамматических форм, лежащий в сфере категории настоящего. Но эти презенсы могут иметь чередующиеся аблаутные формы с полной и нулевой (редуцированной) ступенью. Формы с полной ступенью, по-видимому, преобладали, они соответствовали наиболее распространенному исконно тематическому типу с корнем ТЕТ- (санскр. váhati; русск. вед-у, вез-у; лит. ved-ù, vež-ù). Формы с нулевой ступенью оказывались грамматически не использованными и в некоторых случаях послужили основой [новых лексических классов глаголов. Установленным примером является санскритский так называемый VI класс tudāmi⁶⁹.

Именно такое положение мы находим в литовском языке: корень презенса с нулевой ступенью никогда не соединяется в одну парадигму с корнем претерита в полной ступени, за единственным и нетипичным для литовского случаем ìma ėme iĩti (см. выше § 5), и это грамматически неиспользованное противопоставление послужило основой оформления словообразователь-

⁶⁷ Ср.: C. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion, стр. 24—26, 59.

⁶⁸ А. Мейе. Общеславянский язык. Перев. с франц., М., 1951, § 266, стр. 200.

⁶⁹ L. Renou. Le type védique tudāti. «Mélanges J. Vendryes». Paris, 1925, стр. 309—316.

ного глагольного класса (тип. *kūlti*, *skilti*, *bīrti*, *kīsti*), который в дальнейшем развился в один противочлен основной корреляции (*bīrti*, *kīsti* — *beīrti*, *keīsti*). Корни, не допускающие в силу своего строения аблаутных соотношений, остались в этом отдельном классе: *dirba*, *žinda*, *kniša* *kiša*, *lipa*, *rita*, *bruka*, *lupa*, *muša*, *skuta*, *suka*, *gula* и др.⁷⁰ От периода его формирования остались также дублеты с одним и тем же диатезным значением: *skēlti* 'колоть', *skilti* 'высекать огонь'; *kālti* 'ковать', *kūlti* 'молотить'⁷¹, сюда же *gilti* 'жалить', *gēlti* 'жалить, болеть'. Однако, несмотря на наличие таких дублетов, в целом для балтийского, как и для древнеиндийского (ср. класс *tudāmi*) характерно, то, что оформляющийся класс связан с редуцированной огласовкой корня. Наличные соответствия отдельных древнейших форм целиком отвечают ожидаемому по реконструкции. Так, корень **melg-* является древнейшим примером тематизации в этом классе еще в общий и.-е. период⁷². Поэтому лит. *mélža* *milžo* с эффективно переходным значением 'доить' (современная аналогически выровненная парадигма *mélžia* *mélžė*) соответствует латыш. *mēlzu*, или *miļstu* *miļzu*(ā) *miļst* с эффективно непереходным значением 'набухать, нарывать'; ср. др.-рус. *мълзу* *мълсти* 'пахтать масло' и др.-рус., ст.-слав. *мълж* *млѣсти* 'доить'; лит. *skilti* *skēlti* при *skola* 'долг' соответствует готск. претерито-презенсу *skola*.

Славянский вначале идет в общем по тому же пути, что и балтийский, с той лишь существенной разницей, что чаще, чем балтийский, тематизирует корни презенса с нулевой ступенью, соединяя их в парадигму с аористами с полной ступенью и продленной ступенью (сигматическими). Ср.:

лит. <i>mélža</i> <i>milžo</i>	ст. слав., рус. <i>млѣзѣ</i> <i>млѣсти</i>
лит. <i>breda</i> <i>brido</i>	чешск. <i>břdu</i> <i>břísti</i>
лит. <i>kerta</i> <i>kirto</i>	ст. слав., рус. <i>ѣръѣ</i> <i>ѣрѣсти</i>
лат. <i>šk'ietu</i> <i>šk'itu</i>	ст. слав., рус. <i>ѣѣ</i> <i>ѣисти</i>
лит. <i>velka</i> <i>vilko</i>	праслав. * <i>vľkq</i> * <i>vel</i> (k) <i>ti</i> ⁷³ .

В силу этого и возникает в случае наличия тождественных по происхождению корней отмеченная выше двойная дополнительная дистрибуция балто-славянских форм (§ 4). Славянский сохранил и следы дублетов тематизации, однако в отличие от балтийского они относятся не к двум лексически различным глаголам, а к парадигме одного глагола, например *дирж*//*държ*, *жидж*//*жѣдж*⁷⁴. В обоих ареалах имеется известное число и одинаково тематизированных форм презенса типа: слав. *ženq-* лит. *genù*, в соответствии

⁷⁰ Chr. S. Stang. *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, стр. 333.

⁷¹ Chr. S. Stang. *Vergleichende Grammatik...*, стр. 356; C. Watkins. *Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion*, стр. 32.

⁷² A. Meillet. *Les formes verbales de l'i.-e. *melg-'traire'*. — MSL, t. XVII, fasc. 1, 1911, стр. 60—64.

⁷³ Chr. S. Stang. *Vergleichende Grammatik...*, стр. 332.

⁷⁴ Ср. A. Meillet. *Общеславянский язык*, § 222, стр. 175.

находятся при разном типе претерита корни претерита: *gъпахъ*, *gîné*.

Отсутствие в балтийском тематизированных форм презенса с нулевой ступенью (при соотносительной форме претерита с полной ступенью) объясняется параллельно идущим процессом формирования целого класса глаголов с такой формой презенса и становлением корреляции переходности — непереходности. В славянском формирование видовой корреляции непосредственно не препятствовало такому оформлению презенса. Следует, впрочем, заметить, что в первичных глаголах полная ступень корня презенса тяготеет к несовершенному виду, тогда как нулевая — к совершенному виду или несовершенному «предельному» («определенному», по терминологии А. Мейе). В рамках настоящей книги мы не имеем возможности шире показать параллелизм видовой корреляции в славянских языках и переходно-непереходной корреляции в балтийских (см. однако о глаголе 'иметь' ч. II, гл. II, § 5).

Приведенные выше данные — лексические дублеты с разной формой корня и, с другой стороны, тождественные формы корня при разном диатезном значении свидетельствуют о периоде колебаний и вариативности, предшествующем оформлению основной корреляции. Наличие этого периода вытекает и из чисто теоретических соображений. В самом деле, при тематизации двух парадигм (с первичными и вторичными окончаниями) при двух аблаутных формах корня в каждой (одна в ед. ч., другая во мн. ч.) должны получаться по две формы презенса и по две формы претерита:

- 1) презенс *lik^w-ō
- 2) » *léik^w-ō
- 3) претерит *lik^w-ōm
- 4) » *léik^w-om

С учетом принципа независимости состояний из этого могут быть сформированы шесть типов парадигм: 1) однородная парадигма *lik^wō *lik^wom, ср. греч. формы презенса с носовым инфиксом при простой форме корня в аористе: λαμβάνω λαβεῖν, λαυβάνω λαθειν, λαγχάνω λαχεῖν, и вторичное обобщение на «двухсложные» корни: θυγάτηρ θανεῖν; лит. также презенс с инфиксом *bir-n-ù (> byrù) bir-au; слав. -vъгъго vъгъгъ; 2) однородная парадигма *leik^wō *leik^wom, ср. греч. λείπω ἔλειπον; лит. ber-i-ù *ber-i-au (> bėriau); для слав., по-видимому, нетипично, ср. vlěko vlěxъ, но аорист здесь сигматический и обобщение корня вместо vlěko позднейшее ⁷⁵, напротив sędъ sędъ имеет корневой аорист, восходящий к имперфекту, но зато продленную ступень корня, так же bēg-, ēd- (см. сноску 56); 3) разнородная парадигма *lik^wō leik^wom, в греч. обычно в таком случае презенс с удвоением γί-γιν-ο-μαι ἐ-γεν-ο-μην; лит. (нетипичное) im-ù *em-i-au

⁷⁵ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. III, § 434, стр. 164.

(> *émiau*), слав. *jīm-ŏ jem-tъ*, но аорист при этой ступени корня здесь атематический; 4) разнородная парадигма **leik^wō* **lik^wom*, ср. греч. *λείπω ἔλιπον, δέρομαι ἔδραμον*; лит. (общебалтийск.) *liek-u lik-au, perk-u pirk-au*, слав. *žen-ŏ gъn-a-xъ*; 5) парадигма с вариациями презенса **lik^wō* // **leik^wō* *lik^wom*, ср. греч. будущее вр. *ἔξω/σχήσω* (при презенсе *ἔχω*), аорист *ἔ-σχ-ον*; общебалт.: лат. *miļ-st-u* // лит. *melž-u*, претерит лит. *miļž-au* (лат. *milz-u*); ср. соврем. лит. диал. *vija* // *veja*, претерит *vijo*; ст.-слав. *държ* // *держ*, аор. *дърахъ*; *жъж* // *жегж*, аор. *жахъ* (2 и 3 л. ед. ч. *жеже*, *жьже*); 6) парадигма с вариациями претерита **leik^wō* **leik^wom* // **lik^wom*, ср. греч. *πείθωμαι*, аор. *ἔπεισα* (< *ἔ-πειθ-σα*) // *ἔ-πιθ-ό-μην*; *τρέφομαι*, аор. *ἔτρεψα* (< *ἔ-τρεφ-σα*) // *ἔ-траф-он*, (здесь обращает на себя внимание тот факт, что в греческом аорист с нулевой ступенью корня тяготеет к медиальному спряжению и значению, как это характерно и для балтийских глаголов с нулевой (редуцированной) ступенью корня, а с точки зрения значения также и для древнеиндийского класса *tudāmi*); в лит. только при новых выравниваниях типа *melža melžē* // *milžo, glieja gliejo* // *glinē*, для слав. также нетипично.

Рассматривая соотносительные по ступеням корня парадигмы в балтийском и славянском с примером конкретных пяти глаголов, Х. Станг справедливо отмечает, что одни из форм парадигмы — в балтийском претерит с редуцированной ступенью, а в славянском презенс с редуцированной ступенью, — были, по-видимому, построены к другим формам «по существующему образцу», но вопроса об образовании класса он не ставит⁷⁶. Наша точка зрения отличается от точки зрения Х. Станга тем, что, не отрицая подстройки каких-либо форм в данных парадигмах, мы ставим вопрос о происхождении к л а с с а таких парадигм в целом, т. е. о происхождении модели, наличие которой предполагает, не учитывая ее, и Х. Станг. Мы полагаем, что модель эта возникала в процессе тематизации не в виде отдельных форм (презенса или претерита), а сразу в виде рядов уже соотносительных форм, в виде парадигм. Возможные шесть типов таких парадигм и даны в приведенном выше перечне. В каждой из трех языковых систем, греческой, балтийской, славянской становятся более регулярными одни какие-либо типы.

Итак, мы полагаем, что в позднеобщеевропейский период тематизации атематических парадигм (процесс, продолжавшийся уже отдельно в балто-славянский период) для балто-славянского были характерны парадигмы с вариативными формами корня (1) *TeR(T)-* // *TiR(T)-* в презенсе — *TiR(T)-* // *TeR(T)-* в претерите, балтийский делает регулярным соотношение *TeRT-* и окончание *-a* в презенсе — *TiRT-* и окончание *-ā* в претерите (*perka pirkō*),

⁷⁶ Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum, стр. 109; *On же. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, стр. 332—333.

в в следующий затем период развивает на этой основе полные коррелятивные ряды:

- (2) $TeR(T)-(i)a$ в презенсе — $TeR(T)-\bar{e}$ в претерите
 (3) $TiR(T)-a$ » — $TiR(T)-\bar{a}$ »

из которых первый имеет эффективно переходное и каузативное значение, а второй эффективно непереходное и каузиванное (соответственно значение перехода в какое-либо состояние).

Переход от первого этапа ко второму можно представлять себе как разделение первоначально единой парадигмы (1) на две противопоставленные (2) и (3). Этот этап отдельно был предметом реконструкции в работе И. Казлаускаса, который представлял его по следующей схеме:

$$*verta : *virto \left\{ \begin{array}{l} \longrightarrow \text{переходный} \quad ve\check{c}ia \quad ve\check{t}e \quad ve\check{s}ti \\ \longrightarrow \text{непереходный} \quad vi\check{s}ta \quad vi\check{r}to \quad vi\check{s}ti \end{array} \right. ^{77}$$

В последующий затем период корреляция распространяется на типы корней, которые с индоевропейской точки зрения не допускают аблаутных чередований. Здесь наиболее типичны такие литовские соотношения, как $pl\check{e}sti \quad ply\check{s}ti, tr\check{e}k\check{s}ti \quad tryk\check{s}ti$ (отмеченные выше как II, 5 — I, 2, см. § 9), а также $lau\check{z}ti \quad l\check{u}zti, diegti \quad dygti$ с долгими \check{u}, \check{i} вторичного происхождения. На этом этапе, по-видимому, частично рассасывается и некогда единый лексический класс, составляющий аналог др.-инд. $tud\check{a}mi$, ср. $megzti \quad migzti, regzti \quad rigzti$.

На последнем этапе, в ближайший к нам и продолжающийся еще и теперь период, корреляция развивается уже по суффиксальным, т. е. вторичным типам. Однако основы некоторых из них могли возникнуть еще в очень ранний период. Таким ранним образованием является, по-видимому, корреляция с суффиксами $-en-a \sim -in-a$. Оба они представляют типично балтийские аблаутные формы одного и того же индоевропейского суффикса ⁷⁸. Суффикс в полной форме $-ena$ является чаще после корня в редуцированной ступени, суффикс $-ina$ — после корня в полной ступени или ступени $-o-$. Таким образом, здесь можно проследить определенный ритмический закон, выражающийся в формуле $\cup \mid - \parallel - \mid \cup$, который весьма напоминает аналогичное соотношение основ I и II в древнегреческом (в смысле «фонетического правила Бенвениста», см. § 7) и указывает на дополнительное фонетическое распределение основ этих литовских глаголов. Поскольку редуцированная ступень корня связана с эффективно непереходным значением, а полная с эффективно переходным и каузативным,

⁷⁷ J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, стр. 363; ср. также: Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, стр. 395.

⁷⁸ См.: Ф. Ф. Фортунатов. Критический разбор сочинения профессора Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», ч. I. Варшава, 1891; ч. II, Варшава, 1895 («Русский филологический вестник»).

постольку здесь с помощью суффиксации главным образом лишь модифицируется основная корреляция. Ср.:

gesti	gadinti	mirti	marinti
kepti	kepinti	nerti	narinti
lesti	lesinti	prasti	pratinti
lipti	laipinti	tilpti	talpinti и т. д.
misti	maitinti		

Глагол на -ina выступает в приведенных примерах как заместитель бессуффиксального глагола с каузативным значением, образование которого путем аблаута корня по типу *mirk̃ti merkti* по тем или иным причинам невозможно. Главнейшие из этих причин заключаются либо в фонетической невозможности аблаута — в корне типа *TeT-*, либо в том, что сильная аблаутная форма по какой-либо исторической случайности уже оказалась «запятой» непереходным значением — *nerti*, либо, наконец, в том, что парная форма имелась издревле — *marinti*. Глагол на -ena выступает или как близкий синоним к основному глаголу с неэффективно переходным или непереходным значением — *birenti* к *birti* в корреляции *birti berti*, или как заместитель такого глагола, по каким-либо причинам отсутствующего. Ср.:

<i>berti</i>	<i>birti, birenti</i>
<i>graužti</i>	<i>gruženti</i>
—	<i>delsti, delsentī</i>
—	<i>dulk̃ti, dulkenti</i>
—	<i>kulti, kalti, kalenti</i>
<i>kurti</i>	<i>kūrenti</i>

Оппозиции с суффиксом -ena менее регулярны, чем с его аблаутным вариантом. Его непереходное значение в живом языковом сознании неотчетливо, как это видно из того, что нередко оно подкрепляется возвратной частицей, ср. *krosnis kūrena malkomis* 'печь топится дровами' и более новое *krosnis kūrenasi malkomis*. Имеются однако и такие отдельные случаи, когда вся сила оппозиции приходится в основном на противопоставление суффиксов *vaidina* 'представляет' ~ *vaidenasi* 'представляется' (о привидении); *gyvėnti* 'жить' ~ *gývinti, gaivinti* 'оживлять'.

Кроме указанных более или менее регулярных оппозиций те же суффиксы дают много дублетов почти без всякой разницы в значении типа *barškėnti* // *bárškindi*, и, кроме того, — это их вторая функция — участвуют в отыменном словообразовании.

Далее корреляция широко развивается в каузативных образованиях с суффиксами -dy-, -din-, -y-, где соотношения глагольных пар принимают часто нерегулярный характер. Ср.

<i>grįžti</i>	<i>gražinti</i>
<i>įvykti</i>	<i>įvykdyti</i>

kilti	kildinti (при старом kelti)
patekti	pataikyti
(su)skilti	suskaldyti (при perskalti)
sprogti	susprogdinti
temti	temdyti
tūpti	tūpyti
žūti	žudyti

И, наконец, появляются многочисленные уже теперь образования с возвратной частицей от каузативных глаголов:

ištempti	išsitempti
ištęsti	išsitęsti
išplėtoti	išsiplėtoti

и под.

Приведенная классификация показывает, по-видимому, хотя и лишь в самых общих чертах, относительную хронологию развития категории переходности — непереходности в балтийских языках.

Применительно к древнейшему фрагменту реконструируемой системы остается хотя бы в некоторой степени затронуть семантические вопросы. Вопросы эти таковы: 1) каким образом семантическая категория презенса с полной ступенью корня и соответствующего ему претерита с полной ступенью корня была преобразована в категорию эффективной переходности, а противопоставленная ей семантическая категория претерита с редуцированной ступенью соответственно в категорию эффективной непереходности?, 2) какую роль играла в этих преобразованиях категория числа, поскольку в первичной атематической парадигме полная ступень корня была представлена в формах единственного числа, а редуцированная — в формах множественного?

Ответы на эти вопросы, несомненно, взаимосвязаны. В самом деле, тематизация форм презенса с полной ступенью корня тождественна обобщению форм единственного числа, и напротив — тематизация форм с редуцированной ступенью тождественна обобщению форм множественного числа. Несомненно, что образование регулярного балтийского класса парадигм типа TeRT- в презенсе — TiRT- в претерите стоит в тесной связи с утратой различий в числе между 3 лицом ед. и мн. числа. Однако эта проблема выходит за рамки настоящей работы.

Остановимся на первом из названных вопросов — на собственно семантической стороне реконструкции. Суть проблемы заключается в том, каким образом в недрах парадигмы (1) TeRT- — TiRT- могло сложиться такое семантическое отношение, чтобы форма презенса с полной ступенью корня отличала эффективно переходный и каузирующий процесс 'я поднимаю', а форма претерита с редуцированной ступенью переход в каузированное состояние в прошлом 'я поднимался, я поднялся'. В рамках

данной работы этот вопрос может быть лишь поставлен. Несомненно, для его полного разрешения необходимо подробно осветить несколько семантических процессов: а) значение исходных атематических форм, в частности значение корневого аориста; б) параллелизм балтийской корреляции переходности — непереходности со славянской корреляцией глагольных видов; в) семантику суффиксальных показателей -а, -ā, -ē в балто-славянской глагольной системе. Кратко остановимся на этих вопросах.

Говоря о семантике суффиксальных показателей в балто-славянской глагольной системе, необходимо подчеркнуть определяющий факт: в преобразованиях индоевропейских аористов и имперфектов в балто-славянском имеет место на непрерывное фонетическое развитие, а различные замещения морфологического характера ⁷⁹.

В рассматриваемых нами глагольных классах (тип *perka pirko* и тип *lupa lupro, suka suko* и т. д., сопоставимый с др.-инд. классом *tydāmi*) мы находим в балтийском претерит с суффиксом -ā, который заместил собой индоевропейские тематические и тематизированные аористы (и частично аористы на другие гласные — -ē, -ō, -a) и которому в славянском соответствуют два типа — аористы на -е (*ide*) и аористы на -а (*žido žyda*). Это первичное -ā можно рассматривать либо как «чисто претеритальное -ā», отличное от другого -ā-, имеющего ярко выраженное непереходное значение, как это делает Х. Станг в своей работе о славянском и балтийском глаголе (1942 г.), либо считать их тождественными и рассматривать оба -ā- как более раннюю и более позднюю фазы в развитии одного и того же форманта, как это делает Х. Станг в «Сравнительной грамматике» (1966 г.). Принципиально это не меняет дела. Важно лишь то, что в данных классах глаголов показатель претерита имеет нерасчлененное переходно-непереходное значение. Поскольку в отношении к индоевропейскому это балтийское -ā₁ соответствует корневым аористам, главным образом корневым тематическим, а также отчасти атематическим на -ē, -ō, -a, то следует обратить внимание на значение всех этих форм. Вопрос был предметом специального рассмотрения в ряде статей и обобщающей работе Г. Келльна. Основываясь на этих данных, можно утверждать, что в славянском корневые атематические аористы на -тъ и аористы на -е, т. е. те, которые прежде всего стоят в соответствии с балтийским типом на -ā₁, имели непереходное или неэффективно переходное значение ⁸⁰, что вполне согласуется со значением рассматриваемых балтийских классов.

⁷⁹ Ср.: Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. «Избранные труды», т. 2. М., 1957, стр. 123.

⁸⁰ Н. Келльн. Oppositions of Voice in Greek, Slavic, and Baltic. («Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filosofske Meddelelser». 43, 4). København, 1969, стр. 22, 27—28, et passim.

Таким образом, в рассматриваемых классах балтийских глаголов мы имеем специфическую группу с нерасчлененным категориальным значением переходности — непереходности, чему отвечает смешанная форма парадигмы с аблаутными чередованиями в корне и «внезаголовым» (*diathesenlose*) показателем претерита. Эти черты и послужили внутренним источником саморазвития корреляции переходности — непереходности.

Вопрос о параллелизме этой корреляции славянской корреляции глагольных видов может быть здесь затронут лишь в самой общей форме. Для этого мы лишь поставим в связь подробно рассмотренные в предыдущих параграфах балтийские факты с известными славянскими явлениями. В отношении формы славянский в ряде системных случаев имеет тенденцию соотносить вокализм корней следующим образом:

совершенный вид е о ъ
несовершенный вид ѣ а і у

(Погребеть погрети ~ погрѣбають погрѣбати, и подобн.)⁸¹. Что касается семантики видов, то полностью противопоставление совершенного и несовершенного видов развивается лишь в тематическом и тематизируемом спряжении, тогда как в атематическом ему соответствует в общем лишь семантическая «определенность», или «предельность», и семантическая «неопределенность», или «непредельность», глагола⁸².

Сравнение со славянским показывает, что сущностью семантических противопоставлений внутри первичной парадигмы TeRT-a—TiRT-ā (тип *reġka piġko*) было противопоставление не по переходности — непереходности, а по категории предельности — неопредельности действия. Эта общая прабалтославянская система развивается далее по двум направлениям: в славянском неопредельность переосмысливается как несовершенный вид, предельность как совершенный вид, в балтийском неопредельность переосмысливается как активный процесс, предельность — как его завершение названным состоянием. Теперь делается ясным, что подлинным семантическим содержанием балтийской (соотв. литовской) корреляции так называемой переходности — непереходности (тип *keičia keitė keisti* в его противопоставлении типу *kiūta kito kisti*) является не переходность или непереходность глагола, а каузирующий нечто процесс, противопоставленный каузируванному им состоянию. Переходность лишь сопровождает значение каузативности в первом ряду, а непереходность значение каузированного состояния во втором ряду. Аналога этому специфически балтийскому семантическому противопоставлению, по-видимому, нет в других индоевропейских языках. Ближе всего стоят к этому греческие

⁸¹ А. Мейе. Общеславянский язык, § 323, стр. 241.

⁸² А. Мейе. Общеславянский язык, § 264, стр. 199; А. Meillet et J. Vendryes. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. 4éd. nouveau tirage revu. Paris, 1966, § 274—275, стр. 178.

парадигмы типа ἵστανμι (аттич. ἵστημι) 'я ставлю' — ἕσταν (аттич. ἕστην) 'я стал'. Форма претерита здесь представляет собой корневой атематический аорист и отражает наиболее древнее состояние. Корневые аористы (как атематические, так и тематические) в греческом близки по значению к перфекту⁸³.

Более настоятельно, чем, по-видимому, делалось до сих пор, следует подчеркнуть, что процесс тематизации по чисто формальным причинам, автоматически, порождает два сопутствующих процесса, один формальный: парадигма с полной ступенью корня противопоставляется и соотносится с парадигмой с редуцированной ступенью корня; другой семантический: одна парадигма тяготеет к значению длящегося процесса (соответственно активности, каузативности, фактитивности), другая — к значению недлящегося действия (соответственно, состояния, внутреннего изменения в субъекте, результата). Типы и формы этого соотношения в разных языковых системах различны.

В греческом (при наличии соотносительных форм корня) первая парадигма включается в систему презенса, вторая — в систему аориста. Если при этом сохраняются формы с нейтрализацией различий между первой и второй парадигмами, то на фоне развивающейся тематизации они становятся двусмысленными и в течение некоторого периода могут служить основой осознания двух названных парадигм как единой парадигмы претерито-презенса. По-видимому, так было в древнегреческом, где нейтрализация проходила в формах 1, 2 лица мн. ч.: (ē)-φάμεν, *θέμεν (презент τί-θεμεν, аорист ἔ-θεμεν), *δομεν (соотв. δι-δομεν, ἔ-δομεν), *εἰμεν (соотв. ἴ-εμεν, ἔ-εμεν > εἶμεν), *στάμεν (презент ἴ-στάμεν, аорист ἔ-στάμεν, обобщенный по ед. ч. вместо прежнего *ἔ-στάμεν, перфект ἔ-στάμεν). Однако в греческом этот класс парадигм не должен был быть долговечным в силу системных причин, так как греческий язык проводит отчетливое различие между системой презенса и системой аориста и, кроме того, перфект получил в исторический период полное развитие.

С точки зрения семантики данная реконструкция требует, чтобы формы одной и той же парадигмы тяготели к разным заложенным, точнее «диатезным» значениям: формы с полной ступенью корня (на греч. почве это формы ед. ч., — позднее ядро парадигмы презенса) — к одному значению, формы с редуцированной ступенью корня (на греческой почве это формы мн. ч., позднее ядро парадигмы аориста и данного типа перфекта) — к другому значению. Следы этого этапа, действительно, имеются: формы аориста с удвоением, архаического типа, имеют, рядом с формами аориста без удвоения и аориста медиального от тех же корней, фактитивное значение: πειθεῖν 'уговорить' при πίθειν 'поверить'; гомер. δέδαεῖν δέδαε 'он учил' при δέδαοθαι 'расспраши-

⁸³ Ср. аналогичный вывод, полученный с иных исходных позиций в указанной работе Х. Келльна, стр. 4—14; ср.: И. А. Перельмутер. О первоначальной функции индоевропейского перфекта. — ВЯ, 1967, № 1.

вать, разузнавать'; $\kappa\alpha\tau\alpha\rho\epsilon\iota\nu$ 'обнаружить, показать' при $\pi\alpha\rho\epsilon\iota\mu\iota$ $\pi\alpha\rho\epsilon\iota\nu\alpha\iota$ 'присутствовать, оказаться'; $\epsilon\kappa\lambda\epsilon\lambda\alpha\theta\omicron\nu$ 'заставил забыть' при $\epsilon\lambda\alpha\theta\omicron\nu$ 'забыл'; $\lambda\epsilon\lambda\acute{\alpha}\chi\eta\tau\epsilon$, $-\omega\sigma\iota\nu$ 'чтобы дали в удел' при $\epsilon\lambda\alpha\chi\omicron\nu$ 'получил в удел'⁸⁴. Позже этот процесс шире развивается при сигматических аористах, противопоставленных корневым и медиальным от тех же корней. Особого объяснения требует то, почему активное (соотв. фактивное) значение оказалось связанным со слабой огласовкой корня. По-видимому, объяснение может быть дано при детальном сопоставлении с балтийским материалом ниже. Наконец, имеется еще одна общая формальная черта, характерная как для реконструируемой греческой парадигмы (§ 7), так и для исторически производных от нее парадигм — при атематическом спряжении наличие постоянного исхода основы на гласный (-α-, -ε- или -ο-). Здесь лежит, по-видимому, их самое общее обоснование и тем самым отправная точка для более глубокой реконструкции — параллелизм с начальным процессом тематизации ранее атематических основ. На такую связь указывает и одна деталь, а именно то, что аористы с удвоением на -ε- могут быть в греческом только тематическими.

В заключение можно поставить вопрос о более глубокой реконструкции. Для этого необходимо было бы прежде всего проследить все парадигматические связи, в которые вступают в индоевропейских языках, в особенности в балтийских, славянских и древнегреческом, корневые аористы. Сейчас обратим внимание лишь на одну такую связь — с презенсами на -ne/o-. Эта связь отмечается как для балтийских (см. выше класс I, 1 нашей классификации), так и для славянских⁸⁵, для германских и для древнегреческого.

Близкие к балтийским отношения обнаруживаются в одном фрагменте глагольной системы готского языка, где противопоставление объектного глагола действия с винительным или дательным падежом непереходному глаголу состояния «приобретало нередко оттенок значения близкий к противопоставлению действительный залог — страдательный залог»: переходный глагол с корнем на ступени -a- и суффиксом -ja- — непереходный глагол с корнем в нулевой ступени и суффиксом -na-, *fulljan*, *fullnan* (от *fulls* 'полный'); *lagjan* 'класть', *ligan* 'лежать' и т. п.⁸⁶

В греческом сюда следует отнести глаголы на -νω-, -ανω

⁸⁴ E. Schwyzler. Griechische Grammatik, Bd. I, стр. 686. О слитности двух значений корня *leik^w* 'оставлять' и 'оставаться' см.: A. Senn. Zu den litauischen Zahlwörtern für 11—19. «Studi Baltici», vol. V (1935—1936), стр. 73; ср. также замечания A. Meïe (MSL, XV, 1908—1909, стр. 254 и сл.).

⁸⁵ Из новых работ см.: P. Tedesco. Slavic ne-Presents from Older je-Presents. «Language», 24, 4, 1948, стр. 348—349, 364; H. Kolln. Oppositions of Voice..., стр. 28.

⁸⁶ М. М. Гукман. Готский язык. М., 1959, стр. 130; в широкой перспективе: Она же. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964, стр. 71—74, 87—101. Ср. также: J. Vendryes. A propos du lituanien *žinau* «je sais». «Studi Baltici», vol. V (1935—1936), стр. 62—68.

и на -*va* (𐎧𐎡). Последние все, по-видимому, были первоначально депонентными «*media tantum*», обычно имели корень в редуцированной ступени и означали длящееся действие или состояние:

𐎧𐎡𐎧𐎡𐎠 *‘борюсь, спорю’*

𐎧𐎡𐎧𐎡𐎠 *‘поворачиваюсь’*

𐎧𐎡𐎧𐎡𐎠 *‘могу’*

𐎧𐎡𐎧𐎡𐎠 *‘приближаю’*

𐎧𐎡𐎧𐎡𐎠 *‘разрушаю’*

𐎧𐎡𐎧𐎡𐎠 *‘тянусь, достигаю’*

По происхождению они атематические с тенденцией к тематизации⁸⁷. Б. Розенкранц поставил их в соответствие хеттским глаголам на -*anna*, где *hi* присоединено к суффиксу⁸⁸. Показательны и отдельные сопоставления из литовского класса I, 6: ср. лит. *dega dego* 1. ‘гореть’, 2. ‘жечь’ и греч. *δέδῃα* ‘гореть, пылать’ при *δαίω* ‘зажигать’, указывающее на чередование основ *deə₂-w-//də₂-w*. Греческий глагол *δέδῃα* входит в гомеровском языке в особую группу «*perfecta tantum*» — *πέποιθα*, *ἔλωλα* и др.⁸⁹

Таким образом, несомненно, что «аористные» корни древнегреческого и типологически соответствующие им балтийские претериты на -*ā* и славянские аористы на -*e* и на -*a* как класс отвечают хеттскому *hi*-спряжению.

Более проблематично прямое соответствие «непредельных» корней древнегреческого и соответствующих балто-славянских презенсов с полной ступенью как класса хеттскому *mi*-спряжению. Однако отдельные сопоставления, по-видимому, надежны.

Известная симметрия этих двух рядов соответствий послужила основой для дальнейших реконструкций по этой линии. Первоначально идея была высказана Х. Педерсеном, который указал, что атематическое спряжение может восходить к переходному спряжению на -*m(i)*, -*s(i)*, -*t(i)*, -(*e*)*nt(i)*, а тематическое (в особенности как оно представлено в греческом), перфект и хеттское *hi*-спряжение — к непереходному спряжению на -*a//ō*, -*tha//e(i)*, -*e//e(i)*, -*ḡ*. Далее Х. Педерсен предположил, что это более древнее различие спряжений стоит в связи с противопоставлением эргативного и абсолютного падежей, а также разделением глаголов на активный и стативный классы. В той или иной форме эта идея развивалась в дальнейшем⁹⁰. Таковы в настоящее время самые дальние реконструкции по этой линии.

⁸⁷ E. Schwyzler. Griechische Grammatik, Bd. I, стр. 693.

⁸⁸ B. Rosenkranz. Die hethitische *hi*-Konjugation. «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. II, H. 3, 1953, стр. 342.

⁸⁹ И. А. Перельмутер. Проблемы общеевропейского и греческого перфекта. Автореф. канд. дисс. Л., 1968, стр. 4.

⁹⁰ H. P. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäische Sprachen. Kopenhagen, 1938, стр. 80—86; B. Rosenkranz. Die hethitische *hi*-Konjugation und das indogermanische Perfekt. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Bd. 75, H. 3/4, 1958; ср. далее: В. В. Иванов. О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов. «О соотношении синхронного

В приведенном фрагменте реконструкции мы оставили в стороне глаголы состояния с флексией 3 л. презенса -i претеритом на -ėjo, типа *gùli gulėjo*, и соответствующие им явления в славянском, в частности вопрос о славянском имперфекте. Их реконструкция сначала должна составить отдельную линию, которая лишь потом может быть сопоставлена с предыдущей. Названная группа глаголов образует в литовском особый пласт. По типу акцентуации они резко противопоставлены классу *reĩka riĩko*, в последнем ударение в презенсе всегда оттягивается на приставку, ср. *pũperka*, в первом — остается на корне, ср. *negāli, negùli, netũri*, также *raĩauĩkia* (лишь новейшая норма допускает *netũri, raĩaukia*)⁹¹. В морфологическом отношении это глаголы с разными основами — основа на *i-* в презенсе, основа на *-ėj-* в претерите. В семантическом отношении это единственный в литовском класс (не считая сходных с ними глаголов с двумя основами типа *kabo kabojo* 'висеть' и глаголов на *-uoti* и подобных), имеющий отчетливое значение 'пребывание в каком-либо состоянии'. Реконструкция их предыстории, по-видимому, должна, исходя из установленных соответствий со славянскими имперфектами⁹², показать затем их связи на предшествующем этапе с рассмотренными выше явлениями, далее с санскритским классом на *-ya* (так называемый IV класс)⁹³ и, наконец, с вариантом древнейшей индоевропейской атематической флексии 3 л. ед. ч. *-i*⁹⁴.

Н. Ван Вейк убедительно показал, что «трансформация (индо европейского и прабалтийского. — Ю. С.) перфекта в презенсы на *-i* могла иметь место лишь при посредстве атематического презенса»⁹⁵. В группу глаголов, происходящих из перфекта, он относил *stóvmi stóviu, dėviu dėvéti, vėmi* (возникшее рядом с *vėdė*), *liekmĩ liekũ likti*, и менее уверенно *mėgmĩ mėgstu, sėsti* — 3 Sg., *móku* и некоторые другие.

анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 130—143; *Он же*. Indo-European verb: two series of forms. «X-ème Congrès International des linguistes. Résumés des communications». Bucarest, 28 août — 2 sept. 1967, стр. 157—8; В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. «Вопросы славянского языкознания», вып. 5. М., 1961, стр. 5—67; С. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion, стр. 66; в иной перспективе — от неиндоевропейских языков приходит к той же реконструкции: Г. А. Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, стр. 180, 227 и др.

⁹¹ См.: Ю. С. Степанов. Ударение и метатония в литовском глаголе. «Baltistica». I Priedas. Vilnius, 1972, стр. 179—180.

⁹² Ср.: А. Vaillant. L' imparfait slave et les prétérīts en *-ě-* et en *-ā-*. — BSL, t. 40, fasc. 1, 1939, стр. 5—30.

⁹³ W. P. Schmid. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum. Wiesbaden, 1963, стр. 79—86; ср. пед. на указ. кн.: J. Kazlauskas. «Baltistica». I (1), 1965 стр. 85—88.

⁹⁴ С. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion, стр. 49—54 (и здесь, § 4).

⁹⁵ N. Van Wijk. Le problème des prétérito-présents slaves et baltiques. «Studi Baltici», vol. III (1933), стр. 134—139.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Глава I

ОБЗОР МЕТОДОВ

§ 1. Множество и алгебраический метод

В полном и формализованном виде алгебраический метод, или теоретико-множественный метод, относится в настоящее время к математической лингвистике и частично затрагивается ниже. В этом разделе мы остановимся на общелингвистических основах лишь элементарного алгебраического метода. Эти основы заключаются в общем в составлении матриц наблюдаемых непосредственно (т. е. в орфографической записи) или теоретически препарированных (катализованных) словоформ и в операциях с такими матрицами.

Часть этих вопросов уже была затронута применительно к задачам исторической реконструкции (см. ч. II, гл. I, § 2 и 3). Здесь мы продолжим рассмотрение, не повторяя уже данного там определения матрицы и позиции.

Матрицы — практически необходимые лингвисту средства записи языковых явлений и языковых структур. Именно поэтому они должны быть осознаваемы и теоретически: всякая форма записи есть часть содержания записи. В этом разделе основное внимание уделяется матрицам как средствам записи лингвистических классификаций.

Рассмотрим наиболее общий случай — избыточную матрицу. Избыточная матрица определяется как таковая по контрасту с оптимальной матрицей. Напомним, что оптимальной матрицей мы называем матрицу, полностью отвечающую логарифмической формуле соотношения колонок и строк (количество строк должно равняться числу два в степени, равной количеству колонок, или наоборот). Пример оптимальной матрицы дают русские падежи (табл. 39).

Приведенная здесь матрица русских падежей действительно является оптимальной в том смысле, что наиболее полные описания русского языка определяют количество падежей, действительно, цифрой 8, и три минимально необходимые для различения

Таблица 39

Оптимальная матрица русских падежей, описанных
по трем признакам

Множество элементов (падежей)	Множество признаков		
	1	2	3
И	—	—	—
В	+	—	—
Т	+	+	—
Д	—	+	—
P ₁	+	—	+
P ₂	—	—	+
П ₁	—	+	+
П ₂	+	+	+

признака реально существуют в виде трех основных синтаксических функций падежей. (Содержательное заполнение матрицы по этим трем признакам см. здесь § 3). Однако это довольно редкий случай. Гораздо чаще лингвистам приходится иметь дело с матрицами, где число признаков превышает то, которое минимально необходимо для различения элементов описываемого множества. Такие матрицы мы будем называть *избыточными*. Особая распространенность таких случаев объясняется избыточностью кода естественных языков, что, по-видимому, составляет одну из принципиальных особенностей их устройства. (Естественно, что если избыточным оказывается количество элементов, которое требуется описать, то какие-либо из них оказываются неразличенными, и матрица не выполняет своего назначения. Такие, неполные, матрицы мы не рассматриваем.) Рассмотрим несколько интересных случаев избыточных матриц.

Во многих случаях, если описание вылилось в форму избыточной матрицы, это может оказаться признаком того, что описание или доведено до возможного предела, или зашло в тупик, и нужно попытаться иначе осмыслить полученную картину. Рассмотрим два таких случая, в предположении, разумеется, что они возникли не из-за небрежной работы лингвиста, а представляют объективное положение дел в языке. Пусть мы имеем матрицу такого типа, как в табл. 40, что будет нашим первым случаем (в которой пустые клетки соответствуют минусам). Эта матрица избыточная и квадратная (т. е. в ней число строк равно числу колонок) — плохой случай для лингвиста. Попытаемся осмыслить картину одним из двух способов. В качестве первого способа преобразуем эту матрицу так, как, в табл. 41.

Таблица 40

	p	q	r	s
a	+		+	
b		+	+	
c	+			+
d		+		+

Таблица 41

	p	q
r	a	b
s	c	d

Мы имеем здесь класс из четырех элементов a, b, c, d, например наклонений, и такое же количество признаков p, q, r, s, которыми мы можем описать первый класс: $a=pr$, $b=qr$ и т. д. Так как количество новых элементов-признаков не меньше количества элементов a, b, c, d, то это значит, что в данной системе описания оно доведено до предела и мы впадаем в тавтологию. Описание удастся продвинуть дальше лишь в том случае, если, — уже в более широкой системе, — нам удастся установить, что r и q, r и s, или, по крайней мере, одна из этих пар, являются вариациями какого-либо иного — одного признака. Например, q то же самое, что p в отрицательной форме, а s — то же самое, что r в отрицательной форме. Пример — французский артикль:

Таблица 42

	p	q(= -p)
r	1. un c'est un pain 'это булочка'	2. le le pain est trop grand 'булочка слишком велика'
s(= -r)	3. du c'est du pain 'это хлеб'	4. le le pain fait grossir 'хлеб заставляет толстеть'

Сначала мы осознаем элементы p, q, r, s как различные и тогда описание оказывается законченным в данной системе. Так действительно произошло в традиционном описании французского артикля: все указанные четыре формы получили различные — четыре наименования: 1 — неопределенный артикль, 2 — определенный индивидуализирующий, или выделяющий, 3 —

«частичный» артикль, 4 — определенный обобщающий. Потребовалось осознать признаки *q* и *s* как отрицательные формы соответственно признаков *p* и *r*, чтобы прийти к более простому и более общему пониманию артикля (*p* и *-p* интерпретируются как возможность — невозможность выбирать предметы из данного множества; *r* и *-r* как возможность — невозможность считать предметы). Это позволило ввести признаки *p* и *r* в иную, более широкую систему¹.

Второй случай. Подсчитаем количество элементов, которое можно различить посредством четырех признаков. Согласно формуле $\log_2 m = k$, оно равно $m = 2^k = 16$. Из этих шестнадцати возможностей реализовано лишь четыре: *a*, *b*, *c*, *d*. Их можно сравнить с двенадцатью нереализованными. В общем случае можно попытаться обнаружить, что объединяет реализованные возможности в единый класс и отличает их, как класс осуществившихся языковых явлений, от нереализованных. Таким путем мы, возможно, также получим выход к дальнейшим обобщениям. Рассмотренные в исторической части (ч. II, гл. I, § 3) примеры — акцентные парадигмы литовского языка и ряды индоевропейских гуттуральных соответствуют двум различным ситуациям из числа тех, которые могут представиться в рамках этого второго случая.

Рассмотрим теперь на матрицах отношения рефлексивности, транзитивности и симметричности. Отношения эти особенно важны для лингвиста потому, что они входят в более сложные отношения эквивалентности, которые приходится устанавливать при самых разных исследовательских операциях (примеры чего приводятся на стр. 47, 207 и др.). Матрица, пригодная для рассмотрения этих отношений, должна содержать равное число отметок по обеим осям, быть «квадратной», т. е. соответствовать такому случаю, когда количество элементов в каждом из двух сравниваемых множеств одинаково. С лингвистической точки зрения такая матрица будет избыточной в указанном выше смысле, но избыточность ее незначительна, так как множества равны по количеству элементов. Рассмотрим эти три случая отношений, приведя сначала словесное, а затем матричное определение каждого типа. (Следует заметить, что в следующих трех матрицах,

¹ Такое описание французского артикля см.: Ю. С. Степанов. Структура французского языка. М., 1966, стр. 59. На этой основе интересный опыт такого рода см. в работе: В. Е. Щетинкин. Взаимодействие лексических и грамматических значений в артиклевых формах французского существительного. «Актуальные проблемы лексикологии». Изд. НГУ. Новосибирск, 1969 (ротапринт). — Автор сводит грамматический признак «считаемости» — «несчитаемости» к еще более общему признаку «дискретность» — «недискретность», покрывающему понятие расчлененности уже не только в грамматике, но и в лексике; см. далее. В. Е. Щетинкин. Структура категории числа во французском языке. «Филологические науки», № 5, 1972, стр. 73—80.

рис. 8, 9, 10, в отличие от всех других матриц в этой книге, колонки и строки символизируются линиями, а отделяются друг от друга пробелами, тогда как во всех других матрицах здесь, наоборот, колонки и строки символизируются пробелами, а отделяются линиями. Мы сделали это исключение для трех матриц потому, что требуется представить множество точек, а точку удобнее символизировать пересечением линий).

Рефлексивность. Словесное определение: отношение называется рефлексивным, если любой элемент рассматриваемой совокупности находится в этом отношении к самому себе. Определение на матрице: отношение будет рефлексивным, если оно представлено всеми точками (или клетками) матрицы, расположенными на ее главной диагонали (рис. 8).

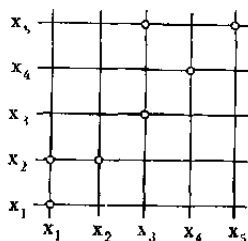

Рис. 8. Отношения рефлексивности на матрице (1)

Изображение этого отношения знакомо всем по таблицам шахматных турниров: оно представлено там как раз зачерненными, ненужными клетками, так как ни один игрок не играет сам с собой.

Транзитивность. Словесное определение: отношение называется транзитивным, если всякий раз как элемент a находится в этом отношении к элементу b , а b — к c , a находится в том же отношении к c . Определение на матрице: отношение будет транзитивным, если оно представлено набором таких точек, что всякий раз как какие-либо две из них являются противоположными вершинами прямоугольника, третья вершина которого лежит на главной диагонали матрицы, четвертая вершина этого прямоугольника также входит в этот набор точек (рис. 9).

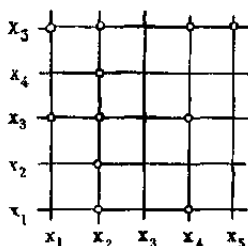

Рис. 9. Отношения транзитивности на матрице (2)

Симметричность. Словесное определение: отношение называется симметричным, если всякий раз, как какие-либо два элемента находятся в этом отношении, те же элементы, но взятые в обратном порядке, также находятся в этом отношении. Определение на матрице: отношение будет симметричным, если оно представлено таким набором точек (или клеток) матрицы, для которого главная диагональ является осью симметрии.

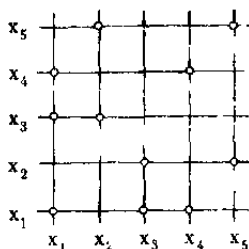

Рис. 10. Отношения симметричности на матрице (3)

Перечисленные здесь отношения и типы матриц имеют большое значение при описании разных языковых явлений, в частности отношений множеств (см. ч. I, § 5) и дистрибуции (см. ниже, § 2). Лингвистически одним из самых главных свойств матрицы оказывается ее симметричность или, напротив, отсутствие в ней симметричности. На этом свойстве остановимся подробнее.

Лингвистическая симметрия существенно отличается от математической симметрии вообще, и в частности на матрицах. Для математической симметрии неважно качественное различие объектов (или классов объектов), находящихся в отношении симметрии друг к другу. Это свойство как раз хорошо иллюстрируется матрицей 3: в ней класс точек, лежащих вверх от главной диагонали, и класс точек, лежащих вниз от главной диагонали, отличаются друг от друга только расположением на плоскости, — координатами, причем это различие в свою очередь может быть сведено лишь к различию в порядке чтения координат. Так, точка x_5 , x_2 лежит вверх от главной диагонали, точка x_2 , x_5 лежит симметрично ей вниз от главной диагонали, но с некоторой точки зрения, а именно с точки зрения своего относительного положения внутри класса точек (класс вверх от диагонали и класс вниз от диагонали) это одна и та же точка.

Естественно, что такой случай симметрии для лингвистики, изучающей качественно отличные друг от друга объекты, будет как раз сравнительно мало важным, он появляется там, где качественными различиями между объектами можно пренебречь, иными словами, когда рассматриваются какие-либо два тождественных класса объектов (примером такого рода будут два класса аллофонов, относящихся к одной фонеме, при определении фоне-

мы). Гораздо существеннее для лингвистики такой случай симметрии, когда качественными различиями нельзя пренебречь, а следовательно, один класс, симметричный другому, будет несводим к нему. Общим случаем математической симметрии будет симметрия совпадения, тогда как общим случаем лингвистической симметрии будет симметрия контраста. Пусть перед нами простая матрица дистрибуции каких-либо элементов, где плюсы и минусы означают соответственно наличие и отсутствие каких-либо дистрибутивных признаков, и пусть ось симметрии проходит по вертикали. Тогда различие математической и лингвистической симметрий очень наглядно:

Таблица 43

Симметрия математического типа	Симметрия лингвистического типа
+	+
—	—
+	—
—	+

Если выделить элементарное отношение симметрии, а им будет отношение пары объектов, взятых один из одного класса, другой из другого, то это элементарное отношение характеризуется для математической симметрии совпадением знаков (или совпадением точки с точкой, пустого места с пустым местом), а для лингвистической симметрии контрастом знаков. Примерами может служить каждая горизонтальная строчка из предыдущей таблицы. Лингвист легко узнает в этом элементарном отношении основу привативной оппозиции. Рассмотренные выше матрицы литовских ударений (ч. II, гл. I, § 3) иллюстрирует контрастную лингвистическую симметрию в развернутом виде.

Из сказанного видно, что понятие симметричности классов лингвистических единиц может быть строго определено посредством матриц. Таким образом целая группа лингвистических задач может быть сведена к чисто математическим. Кроме названных, упомянем еще несколько лингвистических задач, которые могут быть поставлены как задачи математические этого типа:

— Единственно ли каждое разбиение матрицы на основе симметрии (единственна ли ось симметрии, ср. схему выше)?

— Если не единственна, то при каких условиях расположения плюсов и минусов в матрице?

— Сколько может быть симметричных разбиений при условии неединственности разбиений?

— При каких условиях матрица не допускает симметричного разбиения? Всегда ли четное количество плюсов и минусов может быть распределено симметрично в лингвистической матрице?

Некоторые из этих задач являются логической основой тех языковых явлений, которые подробно рассматривались выше (ч. II, гл. I, § 3; гл. II, § 4—6).

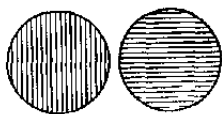
Наиболее полное развитие теоретико-множественный метод получил в работах С. Маркуса. Однако при рассмотрении с лингвистической точки зрения оказывается, что в основе этого метода в его современном развитии лежит уже не элементарная категория множества, а соотношение нескольких элементарных категорий, таких, как «множество», «оппозиция» и «дистрибуция». Поэтому работы С. Маркуса должны быть в нашей системе отнесены к разделу «Обобщение» (см. гл. II, § 1).

§ 2. Дистрибуция и дистрибутивный метод

Термин дистрибуция возник в американской лингвистической школе, впервые, вероятно, он применен М. Сводешом (1934 г.)². В настоящее время под дистрибуцией понимается совокупность окружений, в которых данная единица встречается в речи, или совокупность «совместных встречаемостей» данной единицы с одноименными единицами. В этом смысле говорят о фонемной дистрибуции, морфной дистрибуции, дистрибуции слов и т. д. Под дистрибутивной структурой понимается классификация языковых единиц, последовательно устанавливаемая на основе их размещения относительно друг друга в потоке речи, т. е. в конечном счете на основе их полной дистрибуции.

С точки зрения логического порядка — логической последовательности описания системы языка, выявление дистрибутивной структуры предшествует выявлению всех других структур — оппозитивной, функтивной, имплективной (генеративной). Поэтому понятие дистрибуции должно быть охарактеризовано прежде понятий оппозиции, функции, импликации.

Дистрибуция одного элемента может находиться в различном отношении к дистрибуции другого одноименного элемента (например, одной фонемы по отношению к другой). Обычно устанавливают три или четыре типа отношений между двумя дистрибуциями, не вполне точно называемых также «дистрибуциями»:

{ Рис. 11.

1. Взаимодополнение дистрибуций или дополнительная дистрибуция.

² M. Swadesh. The phonemic principle. «Languages», 10, 1934, стр. 117 сл.

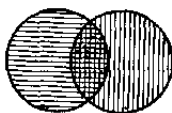

Рис. 12.

2. Пересечение дистрибуций или контрастная дистрибуция.

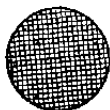

Рис. 13.

3. Эквивалентность дистрибуций или дистрибуция свободного варьирования.

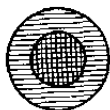

Рис. 14.

4. Включение дистрибуций или дистрибуция частичной эквивалентности.

Указанные отношения можно проиллюстрировать на примере фонемной дистрибуции. В дополнительной дистрибуции находятся варианты одной фонемы (аллофоны): каждый из них встречается лишь в тех позициях, в которых не встречается другой, но вместе с тем первая совокупность позиций и вторая отождествляются на том или ином основании (которое выходит за рамки данной дистрибуции, им может быть либо значение, либо снова дистрибуция, но уже более широкая, или дистрибуция высших языковых единиц — морфов и т. д.); например, русск. ударные [a], [ä], [ã] соответственно в *арка*, *пятка*, *пять*. В контрастной дистрибуции находятся варианты (аллофоны) разных фонем. например, русск. [o] и [a]: *ток* и *так*, *том* и *там*, *Сônia* и *Сãня* и т. п. — совпадающие части дистрибуций (на схеме часть, образованная пересечением двух кругов); *он*, *вон*, *кино* и т. д., с одной стороны, и *Аня*, *ванна*, *стена* и т. д., с другой стороны, — несовпадающие части дистрибуций. В дистрибуции свободного варьирования находятся свободные варианты одной и той же фонемы, например, два варианта русского [щ] — [щ'] «долгое мягкое» в московском произношении и в литературной норме, с одной стороны, и [шч]

в ленинградском произношении, с другой; их дистрибуции полностью совпадают. В дистрибуции частичной эквивалентности находятся, например, русское [г] взрывное, на схеме ему будет соответствовать большой круг, и русское [γ] фрикативное, которому на схеме будет соответствовать меньший круг, потому что в норме русской речи оно может быть свободным вариантом взрывного [г] лишь в части окружений последнего — в словах *Богa, благо* и производных от них.

Лингвисты, работавшие с категорией дистрибуции, в том виде как она была описана выше, интуитивно ощущали богатство и одновременно сложность этой категории и стремились выявить ее логические основания. Эта работа протекала по разным направлениям и не все их в настоящее время можно признать удачно выбранными. Правда, нужно иметь в виду, что мы судим при этом об удаче или неудаче с высоты накопленного коллективного опыта, и та или иная оценка не может умалять заслуг тех, кто первоначально ставил эти вопросы.

Вероятно, первым, кто попытался разделить разные аспекты дистрибуции, был Ч. Хоккет (1955 г.). Он ввел разделение под характерным заголовком — «Contrast: Existence versus Importance», предлагая таким образом различать, с одной стороны, сам факт противопоставленности, или контраста, фонем (contrast), а с другой стороны, количество минимальных пар слов, различающихся этим противопоставлением (importance 'важность', или functional load 'функциональная нагрузка'). Поскольку сама фонема в американской дескриптивной школе определялась через дистрибуцию, постольку понятие «контраст» в конечном счете теоретически могло бы быть, по-видимому, возведено к понятию дистрибуции. Но фактически в рассуждениях Ч. Хоккета в этой связи под названием «контраста» речь идет просто об оппозиции отдельных фонем, совершенно в том виде, как об этом могли бы говорить и представители Пражской школы³. Приводимые там же примеры это отчетливо показывают: «контраст» (= оппозиция) между фонемами [p] и [b] в английском тождествен контрасту между [ʃ] и [ʒ], но первым различается огромное количество пар английских слов, а вторым лишь самое большее четыре пары слов: *meshes ~ measures* и еще несколько; функциональная нагрузка контраста будет большой в первом случае и очень маленькой во втором. Однако намеченное таким образом и, казалось бы, достаточно ясное различие тут же смазывается. Это происходит из-за того, что Ч. Хоккет в силу, — а лучше сказать «в угоду», — исключительной ориентации на речь и на текст под «количеством пар слов» понимает «частотность данных слов в речи». Между тем, очевидно, между двумя последними явлениями нет необходимой зависимости: количество противопоставленных пар слов может

³ Ch. F. Hockett. A manual of phonology. Baltimore, 1955 («Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics.» Memoir 11 of the «International Journal of American Linguistics»), стр. 212 сл.

быть достаточно велико, но все слова при этом могут иметь очень малую частотность в речи, и обратно. Ср., например, русск. *курй* — *Кюри*; слово *кюри* имеет относительно высокую частотность в специальных сферах общения (это собственное имя физика и название физической единицы измерения), и вместе с тем противопоставление мягкого и твердого [к'] ~ [к] в русском языке, как и вообще аналогичные противопоставления у русских заднеязычных, различает лишь несколько минимальных пар русских слов. Смешав в своем определении «функциональной нагрузки» два аспекта — парадигматический (количество минимальных пар) и речевой (частотность в речи), Ч. Хоккет создал дополнительные трудности. Его заключительное определение, в котором он прибег к помощи понятия энтропии, не прояснило существа дела.

Иным путем пошел Т. П. Ломтев. После нескольких в общем столь же малоуспешных попыток (например, 1967 г.), в последней, посмертно опубликованной работе (1972 г.), он пришел к более действенным различениям, последовательно исходя только из парадигматического аспекта языка, описываемого на основе теории множеств. Таким образом, в этой работе Т. П. Ломтев сразу оставляет в стороне частотность фонем, и уже этим существенно проясняет вопрос. Далее выявляются три различные категории различения: 1) наиболее абстрактная (и не вполне явно вводимая автором) категория — потенциальные различительные возможности данной фонологической системы; они заключаются в совокупности дифференциальных признаков, релевантных для данной системы («твердость», «звонкость», «смычность» и т. д.); возможности могут и не быть реализованными, например, противопоставление смычного и фрикативного [г] ~ [γ] в русской системе не использовано; 2) более конкретная категория — различительные возможности, реализованные в какой-либо действительно существующей в данной системе паре фонем; каждая такая пара, по Т. П. Ломтеву, называется «поляризационной парой»; по его данным, в русском языке возможны 666 пар согласных фонем, поляризованных различными способами: [б] ~ [б'], [б] ~ [п] и т. д.; 3) наиболее конкретная категория — «функциональная нагрузка», под нею понимается реальное наличие минимальных пар слов, различаемых «поляризационной парой фонем»; существуют такие пары фонем, которые вовсе не имеют функциональной нагрузки, например, русск. [ж'] ~ [ш']⁴.

Т. П. Ломтев, по-видимому, создавал, что понятие «дифференциальной, или различительной, мощности» является одной из логических основ дистрибуции: «Каждая фонема в данной позиции имеет столько значений различительной функции, сколько возможно фонем в этой позиции... Существует, следовательно,

⁴ Т. П. Ломтев. Фонология современного русского языка. М., 1972, стр. 162—163; более ранняя работа — *Он же*. Дифференциальная мощность и функциональная нагрузка фонем. «Проблемы современной лингвистики». Изд. МГУ, 1968.

зависимость между количеством значений различительной функции одной согласной фонемы и количеством согласных фонем, равновероятных в данной позиции»⁵. При этом он, по-видимому, полагал, что введенные им различения (указанные нами выше) способны отразить эту зависимость: «До сих пор мы исходили из предположения, что любая фонема равновероятна в любом месте линейной последовательности или цепи фонем. В действительности такой ситуации не бывает... Вычисление реальной различительной мощности отдельных фонем и их общего множества требует введения более конкретных данных в предложенные формулы»⁶. Вслед за этим в книге и дано приведенное выше определение «поляризационных пар». В действительности однако данные реальной дистрибуции этими категориями не представлены.

К наилучшим результатам привел третий путь — путь так называемого «общего исчисления фонемной дистрибуции», первоначально предложенный Ф. Харари и Х. Пейпером (1957 г.) и в дальнейшем развитый рядом исследователей⁷. При этом подходе действуют следующим образом. Исходными данными служит список фонем обследуемого языка {a, b, c, d...} (исходное множество P). Вводится элементарное отношение дистрибуции «следует непосредственно за...» (отношение R). На этих основаниях устанавливается полная абстрактная система возможностей двухфонемных сочетаний (clusters), она, очевидно, будет заключаться в том, что любая фонема может следовать за любой другой и предшествовать любой другой, включая самое себя: aa, ab, ac..., bb, bc, bd..., ...ba, ca, da... и т. д. Иными словами, строится квадрат множества $P \times P$. Графически это может быть представлено в форме квадратной матрицы, у которой исходное множество фонем P выписано как по вертикали, так и по горизонтали. Такой квадрат является эталоном, с которым соотносят реальную дистрибуцию. Последняя, очевидно, не покрывает всех абстрактных возможностей сочетания фонем и заключается в том, что только некоторые сочетания действительно встречаются. Они отмечаются в квадрате знаками плюс на пересечении соответствующих строк и колонок. Дальше устанавливаются отношения каждой фонемы — через посредство ее отношения (R) в последовательностях из двух фонем — ко всему множеству фонем P. Эти отношения сводятся к четырем основным отношениям: 1. полнота, 2. симметрия, 3. рефлексивность, 4. транзитивность, с их отрицательными проти-

⁵ Т. П. Ломтев. Фонология..., стр. 160.

⁶ Там же, стр. 161

⁷ F. Nagy and H. Paper. Toward a general calculus of phonemic distribution. «Language», 33, 2, 1957, стр. 143 сл.; русск. перев. в сб. «Математическая лингвистика». М., 1964; K. Buzássyová. An attempt at a calculus of distribution of the phonological system of Slovak. «Prague Studies in Mathematical Linguistics», 1. Prague, 1966, стр. 51 сл.; P. P. Мдивани. Замечание к модели общего исчисления дистрибуции фонем. — ВЯ, № 3, 1968, стр. 124—125.

воцленами. Покажем это на примере выявления лишь одного отношения — симметричности.

Предварительно (и не только для выявления симметричности, а для всех отношений) устанавливаются следующие понятия: αx — так называемое «альфа-поле», подмножество элементов, т. е. фонем, принадлежащих к исходному множеству P и способных выступать в качестве первого члена в последовательностях из двух фонем, если фонема x — второй член в этих последовательностях;

βx — так называемое «бета-поле», подмножество элементов, т. е. фонем, принадлежащих к исходному множеству P и способных выступать в качестве второго члена в последовательностях фонем, если x — первый член;

τx — множество, представляющее собой теоретико-множественное объединение (теоретико-множественную сумму) альфа-поля и бета-поля — так называемое «тау-поле»: $\tau x = \alpha x \cup \beta x$. Аналогично определяется пересечение (теоретико-множественное произведение) альфа-поля и бета-поля, что определяет множество всех последовательностей, принадлежащих к обоим полям: $\alpha x \cap \beta x$. После этого приступают к выявлению отношения симметрии. Фонема x считается симметричной с фонемой y , если встречаются как последовательность xy , так и последовательность yx . Степень симметрии (S) определяется как отношение числа фонем, с которыми симметрична фонема x , к числу фонем в исходном множестве P , по формуле

$$Sx = \frac{n |\alpha x \cap \beta x|}{nP}.$$

Аналогично определяется «внутренняя симметрия» (S_i) — отношение числа фонем, с которыми симметрична фонема x , к числу — уже не всех фонем в P , — а лишь к фонемам, образующим тау-поле (см. выше):

$$S_i x = \frac{n |\alpha x \cap \beta x|}{n\tau x}.$$

Таким образом делается очевидным, что подлинным логическим основанием дистрибуции являются отношения 1. полноты, 2. симметрии, 3. рефлексивности, 4. транзитивности, представленные в той или иной степени их проявления. Последнюю черту — степень, или квантификацию, отношения нужно особенно подчеркнуть. Именно за ней обнаруживается глубинное свойство дистрибуции, не замеченное лингвистами и не отраженное в категориях и графических схемах дистрибуции, приведенных в начале этого параграфа. Лингвистическим аналогом степени, или квантификации, отношения (полноты, симметрии, рефлексивности, транзитивности) является категория мощности дистрибуции, или м о щ н о с т и

дистрибутивного класса. Остановимся на этом явлении подробнее.

Под этим названием мы понимаем количество единиц, сочетающихся с данной единицей, однако количество не в абсолютном исчислении, а лишь в относительном, определяемом словами «равно», «больше, чем...», «меньше, чем...», «значительно больше, чем...», «значительно меньше, чем...» по отношению к другим дистрибутивным классам. Понятие «мощности дистрибутивного класса» проиллюстрируем кратким очерком из словобразования.

Рассмотрим класс слов, образованных путем основосложения, в каком-либо из индоевропейских языков, например, в русском и французском, таких как русск. *электростанция*, *электропередача*, *радиостанция*, *радиопередача*, франц. *assurance-auto* 'автомобильная страховка', *voyage-auto* 'автопутешествие' и подобные. Каждая из основ — «левая» или «правая» представляет собой частный случай сочетаемости соотносительной основы. Вся совокупность «левых» основ образует дистрибутивный класс «правых» основ, и обратно (в этом разряде слов).

Если один из этих двух дистрибутивных классов быстро увеличивается в объеме, а связанный с ним дистрибутивный класс основ быстро уменьшается в объеме, то в морфологии это влечет за собой появление нового грамматического класса: так называемые «аналитические прилагательные» в современном русском языке (*гор-*, *гос-*, *проф-*, *электро-*, *авто-*, *теле-* и т. д.); «аналитические прилагательные» (*monstre-*, *nature-*, *limite-*, *sport-*, *pilote-* : *meeting-monstre*, *cas-limite*, *établissement-pilote*) и даже «аналитические аффиксы» (*clé*: *question-clé*) в современном французском. Остановимся подробнее на «аналитических прилагательных». В русском языке таковы: *гор-* — городской, *обл-* — областной, *гос-* — государственный, *парт-* — партийный, *пром-* — промышленный, *рев-* — революционный, *сель-* — (или *сельхоз-*) — сельскохозяйственный, *сов-* — советский, *хоз-* — хозяйственный, *проф-* — профсоюзный и т. д. Можно утверждать, что этот класс слов переживает своеобразный процесс грамматикализации потому, что количество элементов, могущих присоединяться к ним «справа», резко увеличивается, а сам класс несколько сокращается. В силу этого данный класс отчетливо выделяется из более широкого, но менее грамматикализованного класса *электро-*, *лесо-*, *водо-*, *пено-* (пенопласт), *стекло-* и т. д., содержащего больше единиц (у последних есть и другие отличия, например соединительная гласная *о*)⁸.

Для сложных слов французского языка типа *bateau-mouche* обследование показало, что если выделить среди всех сочетаний такого типа те, в которых один элемент интуитивно представляется нам резко отличным от всей массы компонентов таких слов,

⁸ См.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 110—134.

особым образом грамматикализированным (подобно русскому *проф-, парт-, гос-* и т. д.), то с выделенным классом будет сочетаться (только не «справа», как в русском, а «слева» в соответствии с правилами французской грамматики) много, более 6—7 единиц⁹.

Числовой индекс указывает, сколько разных первых компонентов встретилось при данном втором компоненте.

Таблица 44

Второй компонент	Индекс	Второй компонент	Индекс	Второй компонент	Индекс
-auto(mobile)	34	-mode	12	-main	7
-radio	30	-nord	12	-paille	7
-monstre	27	-record	12	-tempête	7
-type	27	-soleil	12	-gamin, -e	7
-maison	25	-vedette	12	-or	7
-fantôme	23	-canaille	11	-poste	7
-modèle	22	-mère	11	-vache	7
-maître	20	-peuple	11	-boeuf	6
-standard	20	-témoin	11	-citron	6
-chic	19	-miniature	10	-colère	6
-limite	19	-minute	10	-étalon	6
-nature	19	-sud	10	-femme	6
-pilote	19	-vacances	10	-artiste	6
-sport	19	-antichar	9	-citerne	6
-clé	17	-dimanche	9	-club	6
-éclair	17	-moteur	9	-couture	6
-choc	16	-chef	8	-étudiante	6
-miracle	16	-cochon, -ne	8	-fleuve	6
-réclame	16	-enfant	8	-gigogne	6
-télé(vision)	16	-farce	8	-jouet	6
-frontière	15	-papillon	8	-lit	6
-maîtresse	15	-poche	8	-marron	6
-ciné(ma)	14	-service	8	-papier	6
-fantaisie	14	-amateur	7	-photo(graphe)	6
-surprise	14	-chouette	7	-pompier	6
-ami	13	-cuir	7	-régence	6
-école	12	-cuisine	7		

Группа с индексом 6 ощущается как переходная к аналитическим прилагательным. Индекс больше 6 соответствует группе аналитических прилагательных. Приведем несколько примеров:

⁹ По нашему плану эту работу любезно согласилась выполнить И. В. Барышева в связи с основной темой своей диссертации, см.: И. В. Барышева. Активные сопряженные процессы при образовании сложных слов и словосочетаний в современном французском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

monstre (27) — (грандиозный, огромный)	bal, bouquet, concert, culot, diner, effet, bosse
maison (25) — (фирменный, высшего качества, сильный)	champagne, fabrication, gâteau, coup de poing
fantôme (23) — (несуществующий, неуловимый, мнимый)	cabinet, concession, gouvernement, pays, syndicat
standard (20) — (стандартный, нормальный, обычный и даже невыразительный, т. е. стандартный в переносном смысле)	condition, dimension, écart, échange, film, format, sourire
limite (19) — (крайний)	âge, cas, charge, date, vitesse
nature (19) — (натуральный, без примесей, очень похожий, как в природе)	alcool, café, fraise, grandeur, portrait
pilote (19) — (ведущий, экспериментальный)	classe, usine, coloris
sport (19) — (спортивный)	centre, costume, conduite
clé (17) — (ключевой, главный)	position, branche, problème, question, témoin

В синтаксисе: та же динамика ведет к увеличению совместной встречаемости и созданию особых устойчивых единиц («особых номинаций») разговорной речи: «ходить на до шестнадцати» (тип кинофильмов); «над нами живет» (сосед); «два до Филей» (билеты на транспорте); «два на 17.00» (билеты в кино) ¹⁰.

В лексике и семантике — наиболее общественно осознаваемых сферах языка — функция $V \rightarrow C$ характеризует два диахронных состояния развития одного слова. Здесь классы V и C — это слово и его окружение, но проявляется их отношение в семантике отдельного, т. е. в самом слове. Особенно ярко видна эта динамика на стилистически окрашенных словах: если стихийное изменение идет в направлении $C_1 > C_2$, т. е. сфера употребления (= совместной встречаемости) данного слова c_1 сужается, то его стилистическая окраска густеет и этот процесс проходит для современников незаметно, а следовательно, не вызывает социальной реакции (русс. *уведомить*; *насаждать* — в сторону официально-книжной окраски; *писание* — в сторону уничижительной); если изменение идет в направлении $C_1 < C_2$, т. е. имеет место процесс нейтрализации ранее стилистически окрашенной

¹⁰ Е. А. Земская. Русская разговорная речь (проспект). Институт русского языка АН СССР. М., 1969 (роталпринт).

лексики, то этот процесс вызывает социальный протест и противодействие (ощущение «порчи языка», ср. русск. *координаты* — адрес; *накачка*; *левый*)¹¹ и, следовательно, здесь вступает в силу иной фактор — социальное языковое законодательство.

В случаях последнего типа процесс может дойти до конца (т. е., например, привести к полной нейтрализации специфической окраски) лишь при непрекращающемся воздействии более сильного социального фактора (ср. экспрессивное вульгарно-латинское *testa* 'черепок' > франц. *tête* 'голова', и т. п. и общую проблему происхождения «народного слоя» романской лексики); в противном случае возникает тенденция к возврату таких слов (и других единиц) к исходной точке¹².

Из краткого иллюстративного очерка видно, что, когда в понятие дистрибуции введен признак «мощности дистрибутивного класса» и соотносительные дистрибутивные классы, помимо их собственно дистрибутивных отношений, начинают характеризоваться также и отношением «больше, чем...», «меньше, чем...», то в недрах дистрибуции обнаруживаются еще и иные логические отношения. Из приведенных выше примеров следует, что эти отношения аналогичны отношениям предсказуемости — один дистрибутивный класс основ позволяет предсказать другой дистрибутивный класс, появление в речи элемента из одного класса позволяет предсказать наличие в его непосредственном соседстве элемента другого класса. Однако эти отношения не обратимы: если один класс (или его элемент) предсказывает другой класс (или его элемент), — как правило элемент из класса «аналитических прилагательных» предсказывает наличие какого-либо элемента из класса соотносительных основ, — то обратное не верно. Необратимость этих отношений заставляет считать, что в них скрыты еще более общие отношения типа импликаций. Благодаря этому понятие «мощности дистрибутивного класса» становится связующим звеном между категорией дистрибуции, с одной стороны, и категориями «функции» в смысле Ельмслева, «импликации» и «оппозиции», с другой. Таким образом намечается основа для синтеза (см. ниже «Обобщение», § 1 и 3).

§ 3. Оппозиция и оппозитивный метод

Термин и понятие оппозиция был выработан в Пражской лингвистической школе. Уже в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929 г.) идет речь о «фонематических парах, различающихся между собой согласно одному и тому же принципу, который может мыслиться отвлеченно от каждой пары». Неко-

¹¹ «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование». Т. I. Лексика. М., 1968, стр. 133.

¹² Например, в русском языке формы мн. числа муж. рода на ударное -& пережили период экспансии в 70—80-х годах XIX в. и затем период замедленного распространения.

торое время спустя это явление получает постоянное наименование оппозиции (1931 г.)¹³. Н. С. Трубецкой дал исчерпывающую разработку категории оппозиции применительно к фонологии и заложил основы общего лингвистического учения об оппозициях. В работах других ученых, в особенности Пражского кружка, категория оппозиции была применена к исследованию грамматики, хотя в этой области разногласия были и остаются гораздо более значительными, чем в фонологии¹⁴.

Общая «логическая классификация смыслоразличительных оппозиций» Н. С. Трубецкого является сложной, или составной, классификацией, в ней фонемный состав языка разбивается по трем разным основаниям:

I. Классификация оппозиций по их отношению к системе оппозиций в целом: многомерные и одномерные; изолированные и пропорциональные оппозиции;

II. Классификация оппозиций по отношению между членами оппозиции: привативные; ступенчатые (градуальные); равнозначные (эквиполентные) оппозиции;

III. Классификация оппозиций по объему их смыслоразличительной силы или действенности в различных позициях: постоянные оппозиции и нейтрализуемые оппозиции¹⁵.

Отношения между тремя разделами классификаций в рамках целого были не вполне выяснены самим Н. С. Трубецким. Так, с одной стороны, он полагал, что вторая классификация (II) строится безотносительно к системе фонем в целом и что основанием для классификации выступают в этом случае логические отношения между двумя членами оппозиции; с другой же стороны, его система давала основания утверждать, что «привативными, ступенчатыми и эквиполентными оппозициями могут быть только двусторонние оппозиции», или одномерные¹⁶, и тем самым вторая классификация могла быть поставлена в связь с первой (I). Кроме того, Н. С. Трубецкой показал, что нейтрализоваться могут только одномерные оппозиции, и тем самым третья классификация (III) была соотнесена с первой (I). Вообще, огромное значение именно совокупной трехчастной классификации не было ни достаточно выявлено самим автором, ни по достоинству оценено последующими исследователями. Они развивали обычно лишь одну из частей, главным образом вторую (II).

Р. О. Якобсон, которого привлекала идея построения оппозитивной грамматики, был склонен, по-видимому, имплицитно

¹³ *Projet de terminologie phonologique standardisée.* — TCLP, 4, 1931, стр. 311.

¹⁴ *И. Важек.* Лингвистический словарь Пражской школы. Перев. с франц. и др. М., 1964, стр. 141; обзор проблемы и оригинальную концепцию см.: *Т. В. Булыгина.* Грамматические оппозиции (к постановке вопроса). «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 175—231.

¹⁵ *Н. С. Трубецкой.* Основы фонологии (1939). М., 1960, стр. 73 и сл.

¹⁶ См., например: *А. А. Реформатский.* Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» (послесловие к назв. книге), стр. 337.

считать основной классификацию II, потому что она давала возможность установить естественные аналогии с классификацией понятий в логике и тем самым перейти от анализа одноплановых единиц языка, фонем, к анализу двухплановых, значимых единиц, морфем. Он писал: «...любая система гласных построена, вообще говоря, по дихотомическому принципу; она может быть сведена к ограниченному числу бинарных оппозиций. В логике различаются два типа оппозиций. Первый тип — это оппозиции *противоречащих* (контрадикторных) членов, то есть отношения между наличием и отсутствием одного и того же элемента. Например, долгие гласные противопоставляются гласным без долготы. Второй тип — это оппозиции *противоположных* (контрарных) членов, то есть отношения между двумя элементами, которые принадлежат к одному и тому же роду и максимально различаются между собой или которые характеризуются специальным признаком, имеющим разные степени и обладают соответственно максимумом или минимумом этого признака. Например, высокие гласные противопоставлены низким гласным»¹⁷. В двух типах Р. Якобсона нетрудно угадать — в первом привативные оппозиции, во втором — градуальные оппозиции Н. С. Трубецкого. Однако, как уже было сказано выше, отношения контрадикторности и контрарности в логике вполне раскрываются не на системе из двух понятий (примером чего оперировал Р. Якобсон), а на системе из четырех суждений. Это обстоятельство очень существенно, благодаря ему становится ясно, что подлинное основание этих категорий лежит не в отношениях пары элементов, а в отношениях множества элементов, хотя и множества специфического — четырехчленного. Сюда относится все, сказанное выше в § 5 первой части. Таким образом, несмотря на то, что Р. Якобсон своей аналогией с категориями контрарности и контрадикторности обосновывал по видимости лишь классификацию II в системе Н. С. Трубецкого (опозиции привативные, градуальные, эквивалентные), фактически обоснование уводило к классификации I, основанной на категории множества (опозиции по отношению к системе фонем

¹⁷ R. Jakobson. Observations sur le classement phonologique des consonnes. «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences». Ghent, 1938, стр. 35, цит. по: И. Вахек. Лингвистический словарь Пражской школы, стр. 141. — Существенно новых работ по логическим основаниям лингвистической дихотомии с тех пор не появилось; в нескольких статьях рассматриваются главным образом новые способы символической записи этих отношений, см.: G. Ungeheuer. Das logistische Fundament binärer Phonemklassifikationen. «Studia linguistica», 13, 2, 1959; J. W. F. Mulder. Some operations with sets in language. «Foundations of Language», 1, 1, 1965; ср. более содержательные работы: А. А. Реформатский. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 106—122 (критика); И. И. Резвин. Некоторые замечания в связи с дихотомической теорией в фонологии. — ВЯ, 1970, № 3 (развитие нескольких положений).

в целом — одномерные, многомерные и т. д.). Из-за того, что эта неясность не была во-время замечена и устранена, в дальнейшем возникли внутренние противоречия в грамматическом описании, построенном на этой основе: они сказались уже в известном «Опыте общего учения о падежах» Р. Якобсона, написанном очень близко по времени к цитированным выше строкам (1936 г.). Главное противоречие заключается в том, что общее значение падежа определяется без соотнесения последнего с системой падежей в целом, лишь путем установления признаков в парных оппозициях (именительного с родительным, родительного с винительным и т. д.). (Подробнее на этом вопросе мы остановимся ниже). Этого оказалось так же недостаточно, как если бы в фонемном описании ограничивались лишь классификацией II (оппозиции привативные, градуальные, эквиполетные), не замечая, что ее основания частично лежат за ее пределами — в классификациях I и III.

Ранние критики Р. Якобсона не прошли мимо вопроса о логических основаниях. Например, Ж. Кантино (1955 г.) утверждал, впрочем, не упоминая имени Р. Якобсона, что логический квадрат с его отношениями контрарности, контрадикторности, субконтрарности и подчинения, ничего не дает и даже обедняет «отношения Трубецкого»¹⁸. С таким утверждением, — это ясно уже из вышесказанного, нельзя полностью согласиться. К тому же Ж. Кантино сам не свободен от односторонности: он исходит из неявного положения, что логический квадрат обосновывает лишь классификацию II в системе Н. С. Трубецкого, а это положение, как было сказано выше, неверно. Упомянутая работа Ж. Кантино интересна не критикой, а своим положительным содержанием, на котором мы несколько ниже остановимся подробнее. Упомянем еще один, новейший опыт критики, представленный М. И. Стеблиным-Каменским совместно с Г. В. Воронковой. Авторы пишут: «Положительный и отрицательный члены дихотомической пары — это совсем не то же самое, что маркированный и немаркированный члены оппозиции у Трубецкого («Основы фонологии», стр. 90). У него — это только члены одномерной, нейтрализуемой и логически привативной оппозиции, т. е. такой оппозиции, в которой, благодаря ее нейтрализации в известных случаях, то, что различает члены оппозиции, рельефно выступает на фоне того, что общее для них. Другими словами, у Трубецкого маркированность и немаркированность — это нечто вполне реальное (но, конечно, только функционально реальное, а не физически), а вовсе не нечто, произвольно приписываемое членам оппозиции для удобства описания»¹⁹.

Мы не будем сейчас повторять свои ранее высказанные соображения по вопросу о нейтрализации²⁰, у нас и у авторов ци-

¹⁸ J. Cantineau. Le classement logique des oppositions. «Word», 11, 1, 1955, стр. 2.

¹⁹ Г. В. Воронкова, М. И. Стеблин-Каменский. Фонема — пучок ДП? — ВЯ, 1970, № 6, стр. 21.

²⁰ См.: Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 28—29.

тируемой статьи они совпадают. Но отрыв логических оснований (дихотомия) от того, основанием чего они являются (маркированность), вряд ли возможен. Логические категории дихотомии, контрарности, контрадикторности определяют в о з м о ж н о е, в частности возможность трактовать любой из двух членов, определенного вида оппозиции как маркированный. Лингвистические основания оппозиций определяют д е й с т в и т е л ь н о с т ь, действительно реализованное в системе языка. Когда из двух членов оппозиции лишь определенно один может быть трактован как маркированный, — а не либо один, либо другой по выбору лингвиста, — то этим определяется лишь то, что из двух логических возможностей (которые формулируются в терминах дихотомии) реализовалась только одна. Но одна реализованная возможность от этого вовсе не перестала быть фактом, покоящимся на логическом основании дихотомии, контрарности, контрадикторности.

Обращает на себя внимание в указанной статье (см. цитированное место) и то, что идет речь о неких оппозициях, которые одновременно являются «и одномерными, и привативными, и нейтрализуемыми». Между тем, как было настоятельно подчеркнуто выше, в системе Н. С. Трубецкого — это три различные классификации, и их совмещение требует аргументации (ср. стр. 244).

Вернемся теперь к упомянутой уже работе Ж. Кантино. Как и Р. Якобсон, Ж. Кантино выбирает в качестве основания своего анализа лишь классификацию II и, с точки зрения отношений между двумя членами парной оппозиции, устанавливает следующие соответствия (порядок перечисления наш, ср. схемы § 2).

1. Отношения в н е п о л о ж е н н о с т и (*exteriorité*) (ср. рис. 11), относительно которых Ж. Кантино полагает, что они покрывают некоторое количество эквиолентных оппозиций Н. С. Трубецкого, и что последние таким образом, вопреки мнению Н. С. Трубецкого, не образуют единства. К данному типу, по Ж. Кантино, относятся лишь такие эквиолентные оппозиции, в которых члены не имеют ни одного общего признака: например, $p \sim a$, но не $p \sim t$. Со своей стороны, мы подчеркиваем аналогию отношения внеположенности между оппозициями с отношением взаимодополнительности между дистрибуциями, что отчетливо видно на схемах.

2. Отношения п е р е с е ч е н и я (ср. рис. 12), которые, по мнению Ж. Кантино, охватывают значительную часть эквиолентных оппозиций Н. С. Трубецкого. Подчеркнем аналогию с отношением пересечения дистрибуций, или контрастной дистрибуции.

3. Отношения т о ж д е с т в а (ср. рис. 13), которые Ж. Кантино иллюстрирует арабским примером, где два «удаленные друг от друга звука являются реализацией одной фонемы». Обратим внимание на аналогию с отношениями эквивалентности дистрибуций, указывающими на свободное варьирование.

4. Отношения включения (ср. рис. 14), под которые Ж. Кантино подводит все привативные оппозиции Н. С. Трубецкого, отмечая, что «и градуальные оппозиции могут быть сведены к отношениям включения». В качестве примера он рассматривает в этом месте систему гласных диалекта узбекского языка района Ташкента. В системе шесть гласных: $i - e - \text{æ} - u - o - a$. Пусть L (для i) — его переднее положение, A (для i) — его минимальная открытость. Тогда $i \equiv L + A$; $e \equiv L + (A + M)$, т. е. $e \equiv i + M$ и т. д. Мы подчеркнем аналогию отношений включения между оппозициями и отношениями частичной эквивалентности между дистрибуциями.

Из проделанного сопоставления следует, что отношения между дистрибуциями и отношения между оппозициями покоятся на одних и тех же логических основаниях. Это, разумеется, не означает, что существует полное попарное соответствие между оппозициями и дистрибуциями, характеризующимися одним и тем же отношением. Но это означает, что между оппозициями и дистрибуциями может быть установлено соответствие и дает благоприятный прогноз для возможного синтеза категорий. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже (гл. II, § 2).

Остановимся теперь более подробно на вопросе о порядке выявления и приписывания дифференциальных признаков в системе оппозиций.

Как уже было отмечено выше, при попытках переноса категорий оппозиций в сферу грамматики, начиная с работы Р. Якобсона о русских падежах, возникли существенные противоречия. Противоречия были вызваны как раз способом выявления и приписывания дифференциальных признаков. Критерий системности требует, чтобы дифференциальные признаки каждого элемента системы устанавливались по отношению к системе в целом, а между тем в опыте Р. Якобсона они устанавливались лишь попарным сравнением падежей, а система в целом затем как бы «суммировалась» из парных сопоставлений. Работа Р. Якобсона настолько широко известна, что здесь достаточно будет ограничиться напоминанием лишь ее заключительной схемы, на которой хорошо видна отмеченная особенность ²¹:

(И ~ В)	(PI ~ PII)
}	}
(I ~ Д)	(PII ~ PIII)

Рис. 15.

²¹ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. — TCLP, 1936.

Начиная с указанной работы Р. Якобсона, все время, хотя и без достаточной аргументации, сохранялся тот же самый теоретический тезис, предполагавшийся действительно основным и исходным. Ср. в одной из последних работ: «Структурное описание категории падежа в основном касалось уточнения числа семантических признаков, выступающих в этой категории, и выявления инвариантных дискретных элементов, как правило бинарных; комбинируя эти элементы, можно получить все значения различных падежей, возможные в данном языке. Эта точка зрения нашла выражение в известных работах Л. Ельмслева, Р. Якобсона... [и др. Автор перечисляет несколько опытов описания русских, румынских, французских падежных отношений]»²². Задача заключается, следовательно, в том, чтобы показать, что этот способ не основной, или, во всяком случае, не единственно основной. Грубо говоря, очерченный выше подход аналогичен тому, чтобы рассматривать оппозиции лишь в русле классификации II Н. С. Трубецкого (по отношению между членами оппозиции), оставляя без внимания то, в высшей степени существенное положение, что оппозиции должны быть также — и прежде всего — классифицированы по отношению к системе в целом (ср. классификацию I Н. С. Трубецкого) и, кроме того, по различительной силе (ср. классификацию III Н. С. Трубецкого).

Проиллюстрируем сказанное двумя краткими очерками — о классификации падежей и о классификации фоном. Для этого сначала вернемся к матрице русских падежей, классифицированных по трем признакам (см. табл. 39). Она представляет как раз тот случай, где то или иное расположение — фиксированный порядок — колонок и строк не диктуется сколько-нибудь очевидно объективным устройством языка, и лингвисту приходится исследовать преимущества того, а не иного расположения, им же самим установленного на свой страх и риск. В этих случаях он сам приписывает колонке и строке большую или меньшую важность, соответственно отводя ей место ближе или дальше от начала матрицы. Это соответствующее важности место называется «весом» строки или колонки. Таким образом, здесь перед нами матрицы с установленным весом колонок и строк.

Представим себе, что лингвист приписал наибольшую важность, наибольший вес признаку № 1. Сейчас неважно, каково реальное содержание этого признака, к реальному содержанию признаков мы перейдем ниже. Здесь нам важно лишь то, что по признаку № 1 русские падежи распределяются таким образом: в одну группу попадают все падежи, у которых этот признак имеет значение «минус»: И, Д, Р₂, П₁; в другую группу — все падежи, у которых этот признак имеет значение «плюс»: В, Т, Р₁, П₂. Представим себе теперь, что лингвист счел важнейшим не признак № 1, а признак № 3 (см. ту же матрицу), и его поместил

²² С. Маркус. Теоретико-множественные модели языков. Перев. с англ. М., 1970, стр. 208.

на первое место, ближе всего к началу матрицы. В таком случае падежи распределяются на две иные группы: в одной окажутся И, В, Т, Д (у них признак № 3 принимает значение —), а в другой Р₁, Р₂, П₁, П₂ (у них этот признак принимает значение +).

Если теперь обратиться к реальному содержанию признаков, то оказывается, что признак № 3 соответствует признаку «объемности» в указанной классификации русских падежей Р. Якобсона. Значит, если мы придаем наибольший вес признаку № 3, то считаем важнейшей, наиболее крупной и исходной, — группировку русских падежей именно по признаку «объемности», а два остальных разбиения (у Р. Якобсона им соответствуют признаки «направленности» и «периферийности») производим уже внутри первого основного деления падежей на «объемные» и «необъемные». Если мы придадим наибольший вес признаку № 1 или признаку № 2, то, соответственно, исходными основными группировками окажутся те, которые в предыдущем случае были вторичными.

Общий вопрос об оппозициях и, в частности, вопрос о матрицах с установленным весом — а мы уже видели, что они не игра с символами, что за ними стоит объективная реальность языка — в свою очередь ставят лингвиста перед еще более общими проблемами: какова иерархия признаков в объективной системе; каков оптимальный порядок описания (расположение признаков согласно их весу); единственно или неединственно данное расположение для решения той или иной задачи (проблема единственности или неединственности описаний) и другими.

В системе Р. Якобсона, как в грамматических, так и в фонологических работах, включая «дихотомическую фонологию», разработанную совместно с Г. Фантом и М. Халле, вопрос об иерархии признаков не ставился. Он лишь на короткое время возник в работе «Детский язык, афазия и общие звуковые законы» (1941 г.), но в последующих исследованиях уже никогда не возобновлялся²³. Очень четко, — что вообще характерно для работ этого лингвиста, — вопрос об иерархии признаков был поставлен В. Брендалем (1936 г.). Определяя категорию иерархии применительно к фонемам, он понимал под этим «системные различия ранга или плана между гласными [фонемами] различной сложности: от самых абстрактных типов, определяемых простейшим способом, до более конкретных или комплексных типов, определяемых большим количеством элементов. (Эта концепция диаметрально противоположна той, которая, начиная с Белла, господствует в классической фонетике: согласно ей всякий [речевой] звук носит в равной степени комплексный характер, что, быть может, и приемлемо с чисто артикуляторной точки зрения)»²⁴.

²³ См. об этом: И. И. Ревзин. Некоторые замечания в связи с дихотомической теорией в фонологии, стр. 63.

²⁴ V. Brøndal. La structure des systèmes vocaliques. — TCLP, 6, 1936; иное перспективное развитие иерархического подхода см.: Т. Милевский. Исследования по структурной топологии. М., 1963, стр. 8.

В. Брендалъ (как значительно позже Якобсон — Фант — Халле) вводил четыре универсальных и элементарных артикуляторных признака — «задний» (back, B), «передний» (front, F), «высокий» (high, H), «низкий» (low, L) и через их комбинации определял все гласные фонемы, распределяя их на пять групп. В первую группу им были отнесены односоставные, и следовательно, в соответствии с принципом иерархии, самые абстрактные, фонемы: [ε] = F, [a] = B, [υ] = H, [α] = L. Во вторую группу входили двусоставные и, следовательно, более «конкретные» фонемы (напр., [φ] = FB, [a] = HL), в третью — трехсоставные и еще более «конкретные» (напр., [ε] = HLF), в четвертую — четырехсоставная и самая «конкретная» русск. [ы] = FBHL. Так называемый «нейтральный» гласный [ə] был охарактеризован через отсутствие положительных признаков и составил нулевую группу. Положение В. Брендаля о «нулевой» фонеме [ə] в высшей степени примечательно: через тридцать лет оно легло в основу «порождающей фонологии» (см. «Историч. принцип» гл. I, § 9).

Отойдём теперь от исторических предшественников и рассмотрим вопрос в требуемой более общей форме. Материалом для этого послужит фрагмент русской фонемной системы:

Таблица 45

п	п'
б	б'

Будем комбинировать эти четыре единицы в оппозиции различными способами. 1-й с п о с о б: $n \sim n'$; $b \sim b'$; тогда вся система может быть изображена так: $(n \sim n') \sim (b \sim b')$, т. е. n противопоставлено n' , а вся эта оппозиция в целом противопоставлена соответствующей подсистеме оппозиций со стороны b . Знак \sim дублирует знак скобки и первый мы убираем, только что приведенной записи эквивалентна запись: $(nn') (bb')$ или что то же $(bb') (nn')$. В этой системе отношения между фонемами представлены как симметричные, т. е. nn' то же самое, что $n'n$, $(nn') (bb')$ все равно, что $(bb') (nn')$ и т. д. (обратим внимание на аналогию с симметричностью парных отношений в формализованной дистрибуции, § 2 этой части). 2-й с п о с о б: внесем в систему описания направление, или иерархию отношений, исходя из того, что нам известно о русских фонемах, а именно, что при нейтрализации не признак твердости нейтрализуется в пользу мягкости, а наоборот — признак мягкости и, следовательно, в иерархии признаков твердость главнее, чем мягкость. Отношения перестанут быть симметричными и должны быть записаны теперь иначе: $n (n')$; $b (b')$. В силу той же логики несимметричность следует предположить и между признаками звонкости и глухости. Здесь главным будет глухость, так как при нейтрализации звон-

кость нейтрализуется в пользу глухости (например, в конце слова). С учетом этого та запись, которая при первом способе выглядела так: $(nn')(bb')$ или, что то же самое $(bb')(nn')$, теперь примет вид: $(n(n'))(b(b'))$, или, что то же самое: $(n(n'(b(b'))))$. В этой записи отражено сразу несколько различных оппозиций, запишем их по одной, идя от n :

1. $n \sim (n'(b(b')))$;
2. $n \sim (b(b'))$;
3. $n \sim b'$.

С точки зрения системы языка, здесь столько разных n , сколько разных систем противопоставлений. Возьмем запись 1 из вышеприведенных и дорисуем скобки до полных кругов; тогда скобочная запись превратится в схему (рис. 16).

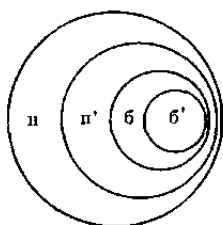

Рис. 16.

Схема хорошо символизирует тот факт, что, когда мы противопоставляем n с b' , то речь идет совсем не о том объеме признаков n , а следовательно, не о том «понятии n », не о той языковой категории n , которые имеются в виду, когда n противопоставляется b или n' . В каждом случае из объема признаков n берется только то из большого круга, что на схеме лежит под соответствующим меньшим кругом, символизирующим n' , или b , b' , а двух одинаковых кругов на схеме нет. В свою очередь это можно представить в такой системе записи:

1. $n \sim (n'(b(b')))) = n \sim n'$ (здесь n^1);
2. $n(n') \sim (b(b')) = n \sim b$ (здесь n^2);
3. $n(n'(b)) \sim b' = n \sim b'$ (здесь n^3);

но остается еще самый большой круг — n , противопоставленное всему классу, включая самого себя: $n \sim (n(n'(b(b'))))$, здесь n^0 . По объему и составу признаков:

$$\begin{aligned} n^0 &= U \\ n^1 &= U + a \\ n^2 &= U + a + b \\ n^3 &= U + a + b + c. \end{aligned}$$

Если бы мы ограничивались парными сопоставлениями фонем, то n^0 , n^1 , n^2 , n^3 выглядели бы тождественными, все признаки —

равно дифференциальными. Приведенное сопоставление показывает иное: n^0 имеет в качестве дифференциальных признаков лишь U , а все остальные признаки (a , b , c), которые могут входить в содержание этой фонемы n^0 , будут в ее составе лишь интегральными, ничего не дифференцирующими. Соответственно так же обстоит дело для n^1 , n^2 , n^3 . Попарное сопоставление маскирует этот факт, заставляя считать все признаки фонемы дифференциальными и данными раз и навсегда в неизменном для данной системы составе в силу исходного определения. Поэтому для приближения к реальности в рамках такой системы потребовались дополнительные категории, которые и были введены в виде понятий «архифонемы» и «нейтрализации». Они позволяют выявить то, что выше было установлено в качестве n^0 , n^1 , n^2 , n^3 . Но в данном рассуждении эти единицы выявляются с самого начала лишь в силу последовательно проведенного основного принципа: если система оппозитивна, т. е. представляет собой систему оппозиций, то в ней столько элементов, сколько оппозиций различного типа, классифицированных по отношению к системе в целом; не система суммируется из элементов (или их парных оппозиций), а элементы вычлениаются из системы путем ее последовательного анализа.

Итак, русское n , взятое в отношении к классу русских губных смычных в целом (n^0), — это совсем не то же самое, что n , взятое в отношении к части или элементу того же класса, например, в отношении к губным смычным звонким мягким (n^3), два n не тождественны, потому что они взяты в разных отношениях. Их нетождественность замаскирована тем, что оба n реализуются в виде одного и того же материального звукотипа n , в силу этого их нетождественность предстает как тождество. Какой лингвистической реальности соответствует это теоретическое положение? Стоят ли за разными n (n^0 , n^1 , n^2 , n^3) какие-либо различные факты русского языка, которые допускали бы выявление различий между собой иным путем и тем самым служили бы независимым подтверждением введенного теоретического различия? Такие факты существуют, и к их рассмотрению мы сейчас переходим.

Сравним следующее наблюдение Р. И. Аванесова: «Изучая ряды фонетических (т. е. позиционно обусловленных) чередований соотносительных по глухости—звонкости и твердости—мягкости сильных фонем со слабыми, нельзя не отметить, что возглавляющие эти ряды сильные фонемы нередко образуют нефонетические (т. е. позиционно необусловленные) чередования по твердости—мягкости, служащие для образования слов с одной и той же морфемой (обычно корнем), но в разных своих вариантах, для целей словообразования и словоизменения. Ср. *хвалю* [хвал'ý], *хваля* [хвал'á], *похвальба* [п'хвал'бá] и *хвалу* /хвалу́/, *хвала* /хвалá/; *бел* [б'ел] и *бель* [б'ёл'], *жар* [жар] и *жарь* [жар']. Такого рода нефонетические чередования по глухости—звонкости отсутствуют: слова и формы, включающие в свой состав самостоятельную (т. е. фонетически не обусловленную) глухость

и звонкость согласного, в семантическом отношении ни в какой степени не сближаются (ср. [платá] и [пладá], [парóкъ] и [парóгъ], [касá] и [казá], [плат"á] и [плад"á] и т. д.)²⁵. Это наблюдение фонолога подсказывает, в каком направлении следует искать и другие факты. Они, очевидно, должны обнаружиться в лексической и грамматической системе языка в виде существования паронимических пар (о термине см. ч. I, § 7). Причем, в силу иерархичности фонематических оппозиций, отмеченных в нашем исходном рассуждении, паронимы должны образовывать различные ряды или группы, соответственно иерархии фонемных отношений в их форме. Должно быть 1) сравнительно много паронимических пар, различающихся оппозицией фонем по твердости — мягкости, 2) меньше паронимических пар, различающихся оппозицией по глухости — звонкости, 3) еще меньше паронимических пар, различающихся оппозициями по способу и месту (например, *п* — *к*, *б* — *в* и т. п.). Это фактическое положение дел и соответствовало бы тому теоретическому положению, что *п*³ (губной, смычный, глухой, твердый или мягкий) вступает в многомерные оппозиции и реализует много различительных признаков, *п*² (губной, смычный, глухой, твердый) вступает в менее многомерные оппозиции и реализует меньше различительных признаков, *п*¹ (губной, смычный, глухой) вступает в еще менее многомерные оппозиции и реализует еще меньше различительных признаков, и, наконец, *п*⁰ (губной, смычный) воплощает последнюю ступень этого ряда — вступает либо в предельно малые многомерные (или, быть может, одномерные, оппозиции, — сейчас этого вопроса специально не исследуем) и реализует лишь общие признаки всего класса — губность и смычность. Названные выше пункты 1 и 2 в их соотношении (количество паронимических пар, противопоставленных по признакам твердости — мягкости и глухости — звонкости) освещены в приведенном наблюдении Р. И. Аванесова. Остановимся теперь лишь на соотношении пунктов 2 и 3, показав, что паронимические пары, противопоставленные по признаку глухости — звонкости все же имеются, хотя, как и следовало ожидать, лишь в небольшом количестве, а пары, противопоставленные по способу и вовсе единичны. Ср. следующие паронимические группы:

1) современ.: *калоша* — *галоша*; *отрепье* — *отребье*; *околодок* — *околодок*; *просфора* — *просвира*; *гекзаметр* — *гексаметр*; *этак* — *эдак*; *дрязга* — *тряска*; *дряблый* — *тряпка*; *дробить* — *трепать*; *дрожать* — *трясти*(сь) и др.;

2) современ., древнерусск. и общеслав.: *колокол* — *глагол* (*глагол* — заимств. из церковнослав, вместо русск. **голозол*²⁶);

²⁵ См.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд. МГУ. М., 1956, стр. 182.

²⁶ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева М., т. I, 1964, стр. 409 (далее: Фасмер, том и стр. этого издания).

плевать — блевать²⁷; прыскать — брызгать (Преобр., стр. 140; следует заметить также паронимию суффиксов -ск-, -зг-); прыгнуть — брыкнуть; плющ — блощ (Преобр., I, 83; Фасмер, I, 179); плутать — блудить (Преобр., II, 78);

3) слав. и балтийск.: голубь — слав. kълрѣ — лит. gulbis (Фасмер, I, 433), дрозд — древнепрussk. trezde — лит. strazdas и др.

В последнее время подобные пары привлекают большое внимание лингвистов. В. В. Колесов, В. В. Мартынов, В. Кипарский предлагают для таких явлений объяснение через неиндоевропейский субстрат, и это, по-видимому, удачное решение для одной группы случаев, в особенности балтийских, типа латышск. рура — бура — боб²⁸, однако для основной группы русских, а также для большей части общеславянских случаев мы предлагаем объяснение через паронимию.

4) Продолжая дальше ту же линию поисков, мы должны будем обнаружить и паронимические пары, а может быть, и целые группы, основанные на нейтрализации согласных по способу, далее по месту и еще далее сонантов, но пропорция таких групп в пределах одного современного индоевропейского языка (если исключить звукоподражания типа бряк — плюх) должна быть, в силу древности указанных оппозиций, невелика, и возрастает при сравнении лексики родственных языков. До некоторой степени мы, по-видимому, и обнаруживаем это уже при поверхностных наблюдениях. Ср. паронимию по месту: соврем. русск. разг. брызгать — дрызгать (Даль, I, 497); брылять — дрылять (Даль, I, 133); грохнуть — брякнуть; паронимию по сонантам: трамвай — транвай; комфорка — конфорка; брез (рассвет) — блеск; тусклый — тускнет, ср. литовск. tuknus — tuklus (тучный); брод, бред — блуд (Преобр., I, 45). Паронимия суффиксов, содержащих г, л резко возрастает при ретроспективной точке зрения, при обращении к индоевропейскому состоянию обнаруживаются дублиеты на -го-, -лю- у прилагательных, имена деятелей на -tel-, -tor- и названия орудий на -tro-, -tlo- и -dhro-, dhlo-. «При любом употреблении в системе имени л способно заменять г»²⁹.

²⁷ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1910—1914; дополн. «Труды Института русск. яз. АН СССР», т. I, М., 1949, стр. 28, 71 (далее: Преображенский, том и стр. по фотоофсетной репродукции 1956 г.).

²⁸ В. В. Колесов. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости/звонкости. «Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы», вып. I, 1963; В. В. Мартынов. О правомерности соотнесения праслав. хуѣгъ — лит. gudgūs. «Славянское языкознание. Сборник статей в честь С. Б. Бернштейна». М., 1971; V. Kiparsky. Neue Aussichten der baltisch / slawischen Etymologie. «VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Resumé přednášek, příspěvků a sdělení». Praha, 1968, стр. 35; этому же вопросу посвящена и другая статья В. Кипарского («Scando-slavica», XIV, 1968).

²⁹ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. Перев. с франц. М., 1955, стр. 65.

Приведенные факты позволяют обнаружить и историческое основание этих своеобразных синхронных отношений. Оно заключается, очевидно, в последовательном расщеплении фонологических оппозиций в ходе эволюции языка. При ретроспективном взгляде — от современного состояния в прошлое — тот же процесс предстает в указанном только что виде: обнаруживаются паронимические пары, противопоставленные все более старыми фонемными признаками, но соответственно во все меньшем количестве, чем пары, противопоставленные более новыми фонемными признаками.

Данные исторической фонологии позволяют представить этот процесс со стороны фонемной системы. Прочитируем в этой связи мнение Вал. В. Иванова (правда, здесь идет речь об оппозициях не смычных, а фрикативных фонем в истории русского языка конца X — начала XI вв., но принципиально это не меняет существа дела): «Если учесть то, что говорилось выше о своеобразии оппозиций согласных и о полифонемах, то некоторые из рассматриваемых оппозиций возможно свести к одной с логической полифонемой в качестве второго члена. Так, оппозиции $e \sim c$ и $e \sim c'$ могут быть сведены к оппозиции $e \sim C_2$ с полифонемой C_2 , ибо твердость — мягкость c здесь нерелевантна, и точно так же оппозиции $e \sim z$ и $e \sim z'$ могут быть сведены к $e \sim Z_2$. Вместе с тем, несмотря на различие общего основания у оппозиций $e \sim C_2$ и $e \sim Z_2$, их возможно свести вновь к одной оппозиции в связи с тем, что у этих оппозиций нерелевантна не только твердость — мягкость, но и глухость — звонкость. Таким образом, можно полагать, что оппозиция $e \sim C_3$ покрывает все четыре оппозиции e со свистящими и отражает соотношения первой фонемы c, z, c', z' »³⁰. Связь процитированного места со сказанным нами выше станет окончательно ясной, если иметь в виду то, что Вал. В. Иванов понимает под «полифонемой». Описывая систему фонем древнерусского языка конца X — начала XI вв., он указывает: «... в области гласных не было такого положения, чтобы один и тот же дифференциальный признак противопоставлял при одном и том же общем основании не две фонемы друг другу, а группу фонем какой-либо фонеме. В области согласных это оказывалось возможным потому, что часть конститутивных признаков этих фонем не выступала в качестве дифференциальных.

Именно поэтому в области согласных обнаруживаются упомянутые выше (в контексте книги В. В. Иванова. — Ю. С.) факты, когда совокупность общих признаков членов оппозиции и их дифференциального признака вполне определяет оппозицию, но одновременно не дает точной идентификации каждой фонемы, входящей в данную оппозицию.

³⁰ Вал. В. Иванов. Историческая фонология русского языка. М., 1968, стр. 133.

В связи с этим выше был сделан вывод, что для идентификации членов подобной оппозиции необходимо учитывать те признаки, которые в данной оппозиции не выступают в качестве дифференциальных, но которые могут оказаться такими в других оппозициях, и было введено логическое понятие полифонемы, дающее возможность установить реальные соотношения согласных фонем, но не отражающее действительных их манифестаций в древнерусском языке»³¹.

Вернемся теперь к падежам и рассмотрим в заключение те же вопросы на примере двусторонних, значимых единиц языка, с семантической точки зрения. Ограничимся лишь фрагментом русской системы падежей. При этом выберем такой фрагмент, который мог бы быть уподоблен — на основе пусть чисто внешнего изоморфизма для начала — фрагменту русской фонемной системы, уже рассмотренному выше (*п, п', б, б'*), это позволяет сократить путь анализа (табл. 46).

Таблица 46

И	В
Р	Д

Таким же путем, какой был пройден выше (и изложение которого поэтому опускаем), приходим к заключительной формуле:

$I(V(P(D)))$,

которая символизирует уже не попарные, как в системе Р. Якобсона противопоставления падежей, а противопоставления И и отчасти В всей системе (всему данному фрагменту). В соответствующем случае с фонемами *п*⁰ символизирует «полифонему», или такую фонему, которая в форме *п* реализует лишь признак, противопоставляющий ее классу в целом: *п*⁰ — это «губной смычный», но при том «не мягкий, не звонкий и — поскольку в класс входит и просто *п* — не глухой». (Таково же положение *С₃* в соответствующем фрагменте фонем древнерусского языка, по Вал. В. Иванову). Аналогично этому И в нашей системе является падежом, который реализует лишь семантический признак, противопоставляющий его классу в целом — то есть «не падеж прямого объекта (не В); не падеж принадлежности (не Р), не падеж косвенного объекта (не Д) и — поскольку И как падеж субъекта также входит в класс — то и не падеж субъекта». Какие же реальные факты русского языка могут соответствовать этому И — «именительному падежу», который воплощает названный специфический признак, но делает это в форме «обычного» именительного падежа? Таким случаем будет так называемый «именительный падеж темы». «Именительный темы» является необходимой частью высказывания,

³¹ Вал. В. Иванов. Указ. соч., стр. 131. Детальное определение полифонемы см. на стр. 35 этой книги.

Но при этом не принадлежит к синтаксическому построению его ядра, выносится за его рамки и дублируется в ядре местоимением в любом падеже:

- А брат, — он и в ус не дует (= И),
А брат, — его и не видели (= В),
А брат, — его дело сторона (= Р),
А брат, — ему и горя мало (= Д).

Из заключительной формулы $I(B(P(D)))$ вытекает далее, что противопоставление $I \sim B$ может нейтрализоваться в пользу I . Соответствующие этому факты действительно находим в системе древнерусского языка и современных северо-восточных говорах в виде употребления именительного падежа имен женского рода на -а (-я) в значении винительного при инфинитиве долженствования: *вода пить, трава косить* и под.³² То, что в большинстве таких случаев существительное предшествует инфинитиву, заставляет видеть в них древнейший провозвестник «именительного темпа». Современное состояние проблемы несомненно свидетельствует, что здесь мы имеем дело не с синонимией падежных форм I и B , а с явлением нейтрализации в определенной синтаксической позиции — первоначально при зависимом инфинитиве со значением долженствования: *та земля очистити* = 'та земля должна быть очищена'³³. Мы полагаем, что в таком виде это — явление общерусское. Что касается его особой сохранности в северо-восточных диалектах (отмечаемой многими исследователями и, в частности, В. И. Борковским на вновь открытом материале новгородских грамот), то, на наш взгляд, это явление вторичное, до известной степени историческая случайность, обусловленная контаминацией инфинитивного оборота и оборота со страдательным причастием, несогласованным со своим подлежащим: *страховка не выдано* или *страховку не выдано; корова не пасено*. Последний оборот — действительно лишь северо-восточное явление, возможно субстратного происхождения, так как его полные аналоги имеются в соседнем литовском языке, ср. *kelias žirnio nubarstyta* букв. 'дорога горохом усыпана'; *čia paukščių tupėta* букв. 'здесь птиц сидено' = 'здесь птицы сидели'³⁴.

Таким путем на основе того теоретического положения, что совокупность дифференциальных признаков, «значимость», эле-

³² См. обзор вопроса: Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 476—491; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 454—458.

³³ См.: Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 490.

³⁴ О положении этих конструкций в системе литовского языка. см.: J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968, стр. 304; И. Казлаускас. Историческая грамматика литовского языка. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1967, стр. 26.

мента выявляется посредством его противопоставлений не только попарно другим элементам, но и их множеству как целому, и на основе реальных языковых фактов, обнаруживаемых с этой исходной точки, мы приходим к выводу о том, что иерархия оппозиций находится в определенном соответствии с их историческим происхождением. Иерархия оппозиций и дифференциальных признаков в синхронной системе отражает последовательность их появления в диахронии (далее см. стр. 256).

В начале этого параграфа было показано, что имеются столь же определенные соотношения между категориями оппозиции и дистрибуции.

Два эти вывода послужат основанием для дальнейшего синтеза категорий (см. ниже гл. II).

§ 4. Функция и функивный метод

Понятие «функции» в лингвистическом смысле зародилось в недрах Копенгагенской лингвистической школы. Как и соответствующее центральное понятие Пражской школы — «оппозиция», оно первоначально не имело устойчивого обозначения. Уже в первой крупной работе Л. Ельмслева «Принципы всеобщей грамматики» (1928 г.) идет речь о «грамматических функциях» (*fonctions grammaticales*) приблизительно в том смысле, в каком позже этот ельмслевский термин станет широко известен. Но ограничительное определение — «грамматический» свидетельствует о том, что в это время понятие еще не достигло необходимой общности. Действительно, вслед за тем, в целой серии очерков начала 30-х годов, в том же смысле Л. Ельмслев употребляет термины «форма» (*forme*), «отношение» (*relation*), «соотношение» (*rapport*), «зависимость» (*dépendance*) и некоторые более частные, наряду с общим — «функцией» (*fonction*). Позднее Х. Ульдалль датировал появление общего понятия «функции» 1935 г., — годом, когда первый вариант копенгагенской структурной теории, называвшийся «фонематикой», сменяется окончательным вариантом — «глоссематикой». Однако лишь в «Прологонемах к теории языка» (датское издание «Omkring sprogteoriens grundlæggelse», 1943) оно получает у Л. Ельмслева окончательное общее определение (см. ниже). Подробную историю термина и его сопоставление с соответствующими категориями логики можно найти в работе Б. Сиртсема и некоторых других ³⁵.

Параллельно системе Л. Ельмслева и Х. Ульдалля развивались концепция и система понятий В. Брендаля, во многом су-

³⁵ B. Sierstema. A study of glossematics. Critical survey of its fundamental concepts. The Hague, 1955; cp : S. Johansen. Glossematics and Logistics. «Acta linguistica», 6, 1, 1950; A. Nehring. Die Glossematik. «Die Sprache», 5, 1959; В. П. Мурам. Глоссематическая теория «Основные направления структурализма», стр. 127—176; о новейших работах Ю. К. Лекомцева и др. см. ниже.

щественно огличные. В издании, сыгравшем значительную роль в Западной Европе и мало известном у нас, — во «Французской энциклопедии», В. Брендаль уже в 1937 г. конспективно и четко определил все основные точки соприкосновения лингвистики с формальной логикой. В системе этих определений развивалось и его собственное понимание «функции»³⁶.

Однако мировую известность суждено было сыграть не брендалевскому, а ельмслевовскому варианту понятия «функции», которое мы и разберем более подробно. В «Прологоменах» это понятие определяется следующим образом: «Зависимость, отвечающую условиям анализа (в системе Л. Ельмслева. — Ю. С.) мы назовем функцией. Так, мы скажем, что существует функция между классом и его сегментами (цепью и ее частями, или парадигмой и ее членами) и между сегментами (частями или членами). Члены (terminals) функции мы назовем функцивами, понимая под функцивом объект, имеющий функцию к другим объектам»³⁷. Далее вводятся три типа функции: «Под постоянной мы понимаем функцив, присутствие которого является необходимым условием для присутствия функцива, к которому он имеет функцию... На основании этого мы можем определить взаимозависимость (interdependence) как функцию между двумя постоянными, детерминацию (determination) как функцию между постоянной и переменной и констелляцию (constellation) как функцию между двумя переменными»³⁸. Несколько ниже автор подразделяет каждую из трех функций на два варианта со специфическими названиями для каждого соответственно тому, относится ли функция к сфере парадигматики («системы») или синтагматики («текста»).

Примеры функций в их ельмслевовском понимании широко известны, и мы ограничимся лишь кратким напоминанием. Например, поскольку возможны слоги, состоящие только из гласного, но невозможны слоги, состоящие только из согласного, иными словами, поскольку для слога наличие гласного необходимо, а наличие согласного нет, постольку в слоге имеется детерминация между «постоянной» (гласной) и «переменной» (согласной). Этот простейший пример, который неоднократно приводил и сам датский автор, обнаруживает вместе с тем и все основные противоречия в понимании функции по Ельмслеву.

Л. Ельмслев указывал, что в своем толковании функции он сознательно останавливается на полпути между логико-математическим и этимологическим значением этого термина. В логико-

³⁶ V. Brøndal. Langage et logique. Définitions préalables. «Encyclopédie française». T. 1. «L'outillage mental. Pensée. Langage. Mathématique». Paris, 1937, раздел 1, стр. 48. — В этой же «Энциклопедии» была помещена знаменательная статья А. Мейе «Структура лингвистических фактов», содержащая одно из первых употреблений термина «структура» вообще и в заголовке лингвистической работы, в частности.

³⁷ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. Перев. с англ. Ю. К. Лекомцева. «Новое в лингвистике», I. М., 1960, стр. 292.

³⁸ Там же, стр. 294.

математическом значении термина его не удовлетворяло то, что функция понимается и как зависимость между двумя объектами и как самый объект, когда говорится, например, что одна величина «является функцией» другой. Действительно, такое двоякое понимание мы находим и в новейших определениях. Ср., с одной стороны, «функция — некоторое правило, закон или операция или соответствие» между элементами, причем такое соответствие выражается в виде формулы $y = f(x)$, где « $f()$ » является самим законом, дающим возможность устанавливать названное соответствие между элементами», а с другой стороны, приводимый пример: «плотность гелия (температура, давление)», где «плотность гелия», очевидно, понимается как «объект, или элемент»³⁹. Задачей Л. Ельмслева, как он ее ставил, было так определить функцию, чтобы она никогда не понималась как «объект, или элемент», вступающий в функцию. Этому полностью соответствовал ельмслебовский тезис о приоритете отношений над «объектами», об определяющей роли в языке отношений, а не материальных сущностей. Поставленную задачу Л. Ельмслев, как он полагал, и выполнил таким образом, что теоретически постулировал «функцию» как чистое отношение, а для объекта, или элемента, вступающего в функцию, ввел особое понятие «фunktива». Фunktивы определяются через функцию и существуют только как «конечные точки» (terminals) функции.

В действительности, однако, целиком независимое от «фunktива» определение функции оказалось невозможным. Это отмечали уже ранние критики⁴⁰. Сам автор наряду с абстрактным термином «функции» неоднократно использует более конкретные термины «зависимости» (dependencies, afhaengigheder), «связующие линии» (linking lines, forbindelsesliniernes). Позднее Х. Ульдалль показал, что при определенных предварительных ограничениях «функция» может быть логически строго выражена через свойства «фunktивов»⁴¹.

Второе противоречие заключалось в понятиях «переменный», «постоянный» в применении к лингвистическим данным. Очевидно, что, когда речь идет о функциях, то «переменный» нельзя понимать как «такой, который меняется, оставаясь самим собой». Например, говоря о согласном как переменном элементе слога, нельзя понимать под этим вариации одного и того же звука («свободные вариации») в разном произношении. «Переменный» означает, очевидно, «любой из некоторого множества», в данном примере — «любой элемент из категории согласных». Но так же очевидно, что противоположный член этой функции — гласный тоже может

³⁹ Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, ст. «Функция».

⁴⁰ См., например: B. Stiersema. A study of glossematics, стр. 100.

⁴¹ H. J. Uldall. On equivalent relations. — TCLC, 5 («Recherches structurales»), 1949 — Автор вводит здесь новую (стрелочную) систему нотации «фunktив» и устанавливает ее отношение к нотации Л. Ельмслева посредством булевой алгебры, выполняющей роль «языка-посредника».

быть «любим из некоторого множества». Вся разница между ними лишь в том, что первый, «переменный», может быть «любим из некоторого множества» или вообще отсутствовать, тогда как второй, «постоянный» может быть только «любим из некоторого множества». Становится ясным, что, для того чтобы термины «переменный» и «постоянный» сохранили отчетливый смысл и отличие друг от друга под ними нужно понимать не «элементы множества, избираемые по отдельности», а «множества в целом». Тогда в данном примере под «постоянным» следует понимать «множество гласных как целое», собственно «категорию гласных», которая в слове всегда представлена, а под «переменным» — «множество согласных» или «категорию согласных», которая может в целом вообще отсутствовать. Иными словами, понятие «функции», взятое точно по Ельмслеву, может сохранить отчетливый логический смысл, только если мыслить его в отношении «множеств (языковых элементов) как целых», или «категорий». В большинстве случаев Л. Ельмслев применял его именно так, однако далеко не всегда: у него совсем не редки случаи, когда «функции» мыслятся как отношение между языковыми элементами, или членами множеств, и таким образом понятие «функции» в целом оказывается противоречивым. Дальше будет показано, что у ельмслевовского понятия «функции» в применении ко множествам (отношения между множествами) и у того же понятия в применении к элементам (отношения между элементами) — два совершенно различных логических основания. Лишь одно из понятий «функции» может быть сохранено в непротиворечивой теории, но не оба одновременно (ср. стр. 274).

Названное противоречие может быть выявлено еще в ином виде. Если «функция» берется как отношение между классами языковых элементов, понимаемыми как целое, то очевидно, что «функция» может существовать как в парадигматике (по терминологии Л. Ельмслева, в «системе» или в «корреляции»), так и в синтагматике («тексте», «процессе» или «реляции»). Если же «функция» мыслится в виде отношения и между классами и между элементами, то очевидно, что она может существовать лишь в «тексте», синтагматике, потому что парадигматика по определению есть совокупность между классами в их соотношениях, и рассуждение о соотношении отдельных элементов вообще не относится к сфере парадигматики. Таким образом, в действительности существуют четыре типа отношений, которые необходимо рассматривать при критическом обзоре понятия «функции» (табл. 47).

Л. Ельмслев полагал, что его понятие «функции» настолько общо, что покрывает все четыре типа отношений. В действительности оно оказывается конгломератом разнородных отношений, покоящихся на различных основаниях. Нужно пожертвовать какой-либо частью этого конгломерата, чтобы сохранить оставшуюся часть как единство, свободное от внутренних противоречий. Выше было показано, что можно понимать «функции» Л. Ельмслева: 1) либо как отношения между классами, взятыми

Таблица 47

	Отноше- ния между классами	Отноше- ния между элемен- тами («инди- видами»)
В парадигматике		
В синтагматике		

как целое, тогда они применимы к парадигматике и синтагматике одновременно (остается вопросом, не существуют ли и при этом сужении какие-либо неявные логические ограничения); 2) либо как отношения в синтагматике, тогда их можно понимать равно как отношения между классами или между элементами («индивидами») (при этом некоторые дополнительные логические ограничения второстепенного порядка заведомо должны быть сделаны, но на них мы сейчас не останавливаемся). Необходимость пожертвовать всеобщностью ради сохранения логической непротиворечивости ощущалась уже Х. Ульдаллем. В названной работе 1949 г. («Об эквивалентных отношениях») он говорит лишь о «селекции», «комбинации», «солидарности», т. е. о зависимостях, которые Л. Ельмслев относил к «реляции» (синтагматике), но не оговаривает этого специально. Х. Ульдалль также различал свойства «быть постоянной/переменной» и «наличествовать/отсутствовать», которые Л. Ельмслев в определении «функции» неразрывно соединял. Основным в анализе Х. Ульдалля является свойство «наличествовать/отсутствовать» и таким образом его рассуждение относится главным образом к отношениям между «индивидами» в синтагматике.

Противоречивость логических оснований при различных пониманиях «функции» — третье противоречие — была вполне вскрыта лишь в последнее время, когда теория Л. Ельмслева была проанализирована не по-элементно, а в общем контексте требований, предъявляемых к строгой логико-математической теории. В этой связи следует отметить работу Х. Пребенсена (1967 г.) и диссертацию Ю. К. Лекомцева (1971 г.)⁴². Оба автора ставят своей целью проверить способ определения основных теоретических понятий у Л. Ельмслева, и их выводы — в интересующем нас отношении —

⁴² H. Prebensen. La théorie glossematique est-elle une théorie? «Langages», 6 («La glossématique. L'héritage de Hjelmslev au Danemark. Ed. par Knud Togeby»). 1967, стр. 12—25; Ю. К. Лекомцев. Введение в формальный язык лингвистики (Система различения и синтаксис). Докт. дисс. М., 1971 (рукопись); ср.: Он же. Глоссематическая теория лингвистических оппозиций и теория различения в семантике и дескриптивной лингвистике. «Уч. Зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 236 («Труды по знаковым системам», IV), 1969, стр. 434—459.

в общем совпадают. Ю. К. Лекомцев исходит из положения о различии между теоретическими и операционными (или процедурными) понятиями. Если, например, лингвист, в данном случае Л. Ельмслев, утверждает, что «исследователь делит объект исследования на взаимозависимые части», то только понятия объект, часть, зависимость принадлежат лингвистической теории, но не понятие операции исследователя. В соответствии с этим те понятия Л. Ельмслева, которые определяются через процедуру, должны считаться неопределяемыми. Так, если, например, у Л. Ельмслева вводится, казалось бы, определение «класс есть объект, подверженный делению», то это равносильно лишь утверждению «дано понятие класса». Неопределяемыми оказываются с этой точки зрения понятия «класса», «функции» и некоторые другие. Автор приходит к выводу, что «набор неопределяемых понятий в системе Л. Ельмслева не имеет четких границ» (Дисс., стр. 52).

Х. Пребенсен подверг основные ельмслевские понятия более детальному логическому анализу. В соответствии с общепринятыми взглядами, он исходит из различия «теории» и ее «языка», или «метаязыка». Аксиоматическое или дедуктивное изложение теории предполагает прежде всего выбор такого «языка». «Язык», или «исчисление», состоит из знаков и правил употребления этих знаков. «Синтаксис языка» включает в себе правила введения базовых знаков и образования выражений из знаков. Базовые знаки — это логические константы: бинарные связки — конъюнкция, дизъюнкция, импликация, эквивалентность, и унарные связки — отрицание; логические переменные: индивидуальные переменные, обозначающие «индивидов» (в логическом смысле, т. е. объекты наинизшего типа) и предикатные переменные, обозначающие качества индивидов (одноместные предикаты). Синтаксис включает, наконец, правила преобразований. Кроме выбора «языка», аксиоматическое, или дедуктивное, изложение теории предполагает выбор неопределяемых описательных констант, или «предикатных дескриптивных знаков». Их свойства фиксируются содержательными аксиомами, которые добавляются к базовым логическим аксиомам и соответствуют содержательным понятиям излагаемой теории — в данном случае языковедческим понятиям. Х. Пребенсен показал, что, — вопреки утверждениям самого Л. Ельмслева о том, что дедуктивное изложение его теории не включает в себя никаких содержательных аксиом (ср. стр. 275—276 русского перевода), — основное понятие «анализа» не является ни логической константой, ни логической переменной. Оно представляет собой либо «дескриптивный знак», введенный на основании содержательной аксиомы, либо саму эту содержательную аксиому. В любом случае — это плохо введенное понятие, у него нет логических связей, которые поддавались бы строгому определению, с другими понятиями. Понятие «анализа» тем самым перестает существовать. Поэтому термин «функция», которая определяется у Л. Ельмслева как «зависимость, удовлетворяющая ус-

ловиям анализа», становится просто синонимом термина «зависимость». Далее, поскольку понятие «анализа» входит и в определение «класса» — «класс есть объект, подвергающийся анализу», то оно должно быть устранено и из этого определения. Таким образом «класс» оказывается синонимом «индивид» (в логическом смысле). Отсюда следуют решающие выводы. «Класс» входит в определение синтагматики, или «текста», как класса классов, связанных отношением «реляции» — «и... и», которое до сих пор кажется логической конъюнкцией⁴³. Но поскольку «класс» оказывается синонимом термина «индивид», то и определение перестает быть строгим: пропозициональные связки (конъюнкция, дизъюнкция) не могут связывать индивидуальные имена или индивидуальные переменные. Глоссематический термин «класс» оказывается не тождественным логическому термину «класс». В определении синтагматики (или «реляции») «класс» у Л. Ельмслева является не чем иным, как синонимом термина «сегмент», а «отношение «классов»» — синонимом «быть частью...». В понятии «иерархии» благодаря этому выявляется логическая ошибка: «иерархия» определяется как «класс (1) классов (2)», но «класс» (1), действительно, употреблено в логическом смысле термина, тогда как «класс» (2) — в глоссематическом смысле, в значении «индивид», «сегмент».

Здесь нужно сделать одно примечание к справедливым рассуждениям Х. Пребенсена. Без специального разбора он полагает (об этом сказано в сноске 21 на стр. 18 его работы), что существует полный логический параллелизм между глоссематическим определением «текста» («процесса», «реляции», синтагматики) и «системы» («корреляции», парадигматики). Однако это вряд ли так: иерархия как «класс (1) классов (2)» в системе, основанная на отношениях дизъюнкции («или... или») с некоторой точки зрения не содержит понятия «класс» (2) в смысле «сегмент», а именно — в том случае, если парадигматика не считается вторичной по отношению к синтагматике, в определении которой термин «класс» оказывается двусмысленным («класс» (2) = «сегмент»). Вопрос о парадигматике должен был бы быть рассмотрен отдельно.

Наконец, имеется и еще одно существенное противоречие, отмеченное Х. Пребенсеном: Л. Ельмслев употребляет понятия «конъюнкция» (отношение «и... и») и «сосуществование» как синонимы, между тем, конъюнкция является пропозициональной связкой, то есть логической константой, а «сосуществование» — двухместным предикатом («имеет место сосуществование между *x* и *y*» или «*x* сосуществует с *y*»), т. е. «дескриптивной константой».

Из приведенного логического разбора сделаем свои выводы.

1. Изложение теории у Л. Ельмслева не является строго дедуктивным, оно вообще не является строгим и содержит внутрен-

⁴³ В русском издании «Прологомен» — в заключительном словаре терминов, на стр. 383, по-видимому, опечатка: «корреляция — функция *и* — *и*; реляция — функция *или* — *или*», ср. обратное на стр. 297.

ние противоречия. Правда, следует подчеркнуть, что этим не умаляется значение теории Л. Ельмслева как семиотической системы ⁴⁴.

2. Противоречия в определении понятия «функции» таковы, что как единое понятие, каковым оно было по мысли Л. Ельмслева, его следует считать несуществующим.

3. Понятие «функции» распадается на несколько частных и независимых друг от друга понятий:

а) понятие «функции» как отношения классов разного объема в парадигматике;

б) понятие «функции» как отношения целого и части целого (его сегмента) или двух частей (сегментов) в синтагматике;

в) понятие «функции» как сосуществования классов, или категорий («Если в языке существует категория А, то существует и категория В»).

Понятие «а», очевидно, имеет основанием теоретико-множественные отношения, и вопрос о возможности свести их к каким-либо другим типам отношений, в частности «функции» в общепринятом понимании, выходит из сферы лингвистики в математическую логику; он будет затронут нами лишь частично (см. ниже, гл. II, § 1). Понятие «в», как это сразу видно, имеет основой импликацию, притом в особой ее разновидности, связанной с понятием лингвистических универсалий; этот вопрос специально мы здесь рассматривать не будем (он затрагивался нами частично в § 2). Лишь понятие «б» имеет право сохранить за собой название «функции».

В применении к синтагматике оно, очевидно, сводится либо к импликации (отношение «если ... то...»), либо к конъюнкции (отношение «и... и...»), либо к дизъюнкции (отношение «или... или...»): детерминация оказывается импликацией, интердепенденция (взаимозависимость) — конъюнкцией, селекция — дизъюнкцией. Правда, взгляд на пропорциональные связки — конъюнкцию, дизъюнкцию, импликацию (и отрицание) как на функции не является в логике общепринятым. Однако их понимание как пропозициональных функций, которые, будучи применены к высказываниям, дают значения «истинно» или «ложно», имеется, и с лингвистической точки зрения оно может быть распространено на лингвистические единицы, причем значения «истинно» и «ложно» могут быть истолкованы соответственно как «существует», «не существует». Более того, такое распространение находит опору и в самой логике, ср.: «Логическая функция может рассматриваться и как операция, которая заключается в следующем: один логический объект, примененный к другому или нескольким логическим объектам, обуславливает возникновение нового определенного ло-

⁴⁴ Современная семиотика изучает системы с нечеткими явлениями знака в частности формализованные системы с противоречиями в определениях, как специфическую и важную разновидность знаковых систем.

гического объекта) (далее у автора следует пример как раз с пропорциональными связками)⁴⁵.

Таким образом, из понятия «функции» Копенгагенской школы мы выделяем только один его аспект, который имеет право называться этим термином, и то лишь для того, чтобы, выделив, охарактеризовать его как частный случай и подвести под более общее и общепринятое в логике понимание функции. Выделенное понятие должно быть синтезировано с понятием дистрибуции (см. ч. I, § 4 и ч. III, гл. II, § 3).

Выше мы уже обращали внимание на то, что целый ряд теоретических понятий получил у Л. Ельмслева сразу слишком большое логическое обобщение. Л. Ельмслев как бы миновал срединное, более конкретное звено. Между тем, как показывает обзор исследований, нередко именно срединная, достаточно обобщенная и вместе с тем еще достаточно конкретная и связанная с материалом ступень в развитии теоретического понятия оказывается наиболее плодотворной. К разбору одного такого понятия сейчас необходимо вернуться. Как уже говорилось (ч. II, гл. I, § 5), разрабатывая теорию абстрактной аналитической записи слов и словоформ, «катализа», Л. Ельмслев не уделял достаточного внимания парадигматическим следствиям каталитической записи. Иными словами, он в своих конкретных работах игнорировал принцип структурной взаимосвязи между синтагматикой и парадигматикой, согласно которому всякий расчлененный анализ синтагм требует более глубокого анализа соответствующих им парадигм, и обратно, развитие теории парадигм должно подкрепляться развитием синтагматического анализа.

Устранение этих существенных пробелов в лингвистической теории могло, в силу названного общего принципа зависимости между синтагматикой и парадигматикой, пойти двумя путями: по линии углубления понятия «парадигмы» и по линии углубления понятия «каталитической записи, катализа». Так в действительности и произошло.

В исследованиях по линии «парадигмы» первым после теории Л. Ельмслева значительным опытом была работа Ж. Кантино о значимых оппозициях⁴⁶. Рассматривая среди прочего и тот же материал, которого касается Л. Ельмслев, — категорию множественного числа в немецком языке, Ж. Кантино обнаруживает в ней шесть рядов пропорциональных оппозиций:

1) корреляция с показателем -en(-n): Frau : Frauen — Blume : Blumen = Mensch : Menschen и т. д.;

2) корреляция с показателем -er: Geist : Geister = Leib : Leiber = Bild : Bilder и т. д.;

3) корреляция с показателем -e: Tag : Tage = Jahr : Jahre = Trübsal : Trübsale и т. д.;

⁴⁵ Н. И. Кондаков. Логический словарь, стр. 580; ср.: Ю. Гаснев. Функция. «Философская энциклопедия», т. 5. М., 1970, стр. 420.

⁴⁶ J. Cantineau. Les oppositions significatives. — CFS, t. 10, 1952.

4) пропорциональный ряд, вторые члены которого характеризуются изменением гласного в конце и суффиксом -er: Mann : Männer = Band : Bänder = Gott : Götter и т. д.;

5) пропорциональный ряд, вторые члены которого характеризуются изменением гласного в корне и суффиксом -e: Hand : Hände = Nass : Nässe = Sohn : Söhne и т. д.;

6) пропорциональный ряд, вторые члены которого характеризуются только изменением гласного: Mutter : Mütter = Tochter : Töchter = Garten : Gärten = Vogel : Vögel = Bruder : Brüder и т. д.;

7) определенное число слов на -e, -el, -er, -en, -ein, которые имеют одну и ту же форму в обоих числах.

Ж. Кантино делает вывод, что в данном случае (а это достаточно общий случай) грамматическая категория формируется за счет серии пропорциональных оппозиций, часть из которых привативна и образует большое число корреляций, а другая часть эквивалентна; в совокупности обе части находятся в совершенной или почти совершенной дополнительной дистрибуции.

Работа Ж. Кантино была существенным шагом к обобщению понятий функции в смысле Л. Ельмслева, дистрибуции и оппозиции (о дальнейшем обобщении см. ниже гл. II, § 2 и 3).

Дальнейшие уточнения по этой линии содержатся в работе М. М. Гухман о структуре парадигм в связи с понятием грамматической категории⁴⁷. Как Ж. Кантино и другие авторы, М. М. Гухман отмечает сложное соотношение грамматической категории и словоформ: очень редко словоформа или однородная совокупность словоформ является реализацией одной грамматической категории. Чаще либо словоформа характеризуется сразу несколькими показателями, из которых каждый закреплен за отдельной категорией (нем. Wäldern, где -er — показатель множественного числа, а -n — дательного падежа); либо словоформа имеет один показатель, простой (Tag-e) или комплексный (Gäst-e, где показатель e и умлаут), выполняющий сразу несколько функций (служащий показателем нескольких категорий — число, падеж). Автор делает следующий вывод: «В качестве посредствующего звена между тем классом единиц, которые мы обозначили как грамматические категории, и представленными в языковом материале словоформами, вводится понятие категоремы, т. е. схемы или модели, включающей некую лексическую основу и категориальный показатель одной грамматической категории; это позволяет вычленив из словоформы, в большинстве случаев являющейся сложным целым, однозначную грамматическую единицу или схему»⁴⁸. Нетрудно видеть, что вычленяемая из словоформы грамматическая единица, или схема, будет каталитической записью этой словоформы, точнее основной

⁴⁷ М. М. Гухман. Грамматическая категория и структура парадигм. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968, стр. 117—174.

⁴⁸ Там же, стр. 125.

частью этой записи. Соответственно степени обобщения схемы, далее в этой работе выделяются и парадигмы разных степеней ⁴⁹.

Вопрос о дальнейшем развитии идей по этой линии мы переносим в обсуждение «Постулатов» (см. Заключение, § 2) и ниже (гл. II, § 3).

Значительно более интенсивные исследования пошли по другой линии — по линии усовершенствования каталитической записи, а следовательно, синтагматического разложения словоформы. Причина этого заключалась в том, что на первый план в последние годы выдвинулись порождающие грамматики, в которых развернутое и абстрактное синтагматическое представление словоформ играет основную роль. Если говорить о том же материале, который затрагивался в упомянутых выше работах (рассмотрение одного и того же языкового материала с точки зрения разных методов всегда очень интересно), т. е. о множественном числе в немецком языке, то он был специально затронут в ряде работ. В одной из них предлагается рассматривать умлаут как «фонологический признак» (feature) в смысле Хомского — Халле и соответственно ввести в развернутую запись словоформы элемент \pm umlaut ⁵⁰. В другой, более гибкой системе, примененной к исторической реконструкции, предлагается различать продуктивный умлаут (типа $a \rightarrow \text{æ}$) в некоторых диалектах немецкого языка и морфологический умлаут. Для описания последнего признается необходимым указывать на абстрактном уровне обуславливающее окружение, такое как показатель множественного числа -er ⁵¹.

Значительные результаты были достигнуты на балто-славянском материале. Наиболее четко общий принцип сформулирован в работе Т. В. Булыгиной: «Возможен гораздо более простой (чем традиционный. — Ю. С.) способ описания морфологической структуры литовского глагола, при котором реальные глагольные словоформы рассматриваются как актуализация некоторых идеальных (условных) форм. В этом случае оказывается, что морфологическую структуру разных лично-временных форм можно представить как однотипную, а ее конкретные видоизменения при реализации — как регулярные преобразования, определяемые

⁴⁹ М. М. Гухман. Указ. соч., стр. 161. — Заметим, однако, что даже в этой работе (разделы IV—VI) возникает ряд трудностей, рассмотрение которых выходит за рамки нашего вопроса. Подход к их разрешению намечается в последующей работе: М. М. Гухман. О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 164—165, а также в кн.: В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 72—74.

⁵⁰ A. M. Zwicky, Jr. Umlaut and Noun Plurals in German. «Studia Linguistica», 6, 1967, стр. 35—45. Подробнее о записи по Хомскому — Халле см. здесь, ч. II, гл. I, § 9.

⁵¹ P. Kiparsky. Linguistic Universals and Linguistic Change. «Universals in Linguistic Theory». Ed. by E. Bach and R. T. Harms. N. Y., etc., 1968, p. 157

правилами достаточно общего характера. Речь идет при этом о едином наборе личных окончаний для «всех времен и спряжений», о стандартном выражении конкретных временных значений... и о возможности синтезировать любую глагольную форму при условии заданности лишь одного из альтернантов основы (называемого исходным и помещаемого в «словаре основ») ⁵².

Таким образом, история функтивного метода по этой линии переходит в историю метода порождающих грамматик и «глубинных структур».

§ 5. Репрезентация и репрезентативный (элементарный семиотический) метод

Понятие «репрезентации» эксплицитно или имплицитно присутствует во всех современных теориях, признающих либо категорию «знака» как двусторонней сущности, либо различие уровней наблюдения и представления в системе языка, либо категорию «глубинных и поверхностных структур» (в разных наименованиях). В таком случае отношение между той стороной знака, которая скрыта от непосредственного наблюдения («означаемое», «смысл», «глубинная структура» и т. п.), и той стороной знака, которая дана в непосредственном наблюдении, и называется репрезентацией. В смысле репрезентации употребляются иногда также термины «семиологическая функция», «знаковая функция» (Л. Ельмслев; авторы «Общего языкознания», т. I—III. М., 1970—1973, и др.). Отношение репрезентации таким образом легко указать, но очень трудно дать ему определение. Трудность связана с самым существом проблемы знака. Действительно, дать более или менее строгое определение термину «репрезентация» значит в конечном счете дать последовательное решение проблемы знака, а это далеко не выполненная задача. Мы ограничимся лишь указанием нескольких, хотя и противоречащих друг другу, но наиболее последовательных, — каждая в своем роде, — точек зрения.

Ч. Моррис дал общее определение знака с бихевиористской точки зрения (1946 г.): «Знак. В общем: что-либо, что направ-

⁵² Т. В. Булыгина. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме). «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 51. Из работ на русском материале см.: R. Jakobson. Russian conjugation. «Word», 4, 1948; М. Халле. О правилах русского спряжения. «American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. I. Linguistic Contributions». The Hague, 1963, стр. 113—132; Т. М. Лайтнер. О циклических правилах в русском спряжении. — ВЯ, 2, 1965, стр. 45—54; (см. также: Th. M. Lightner. On the phonology of the Old Church Slavonic Conjugation. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 10, 1966, стр. 1—

D. S. Worth. Zero Alternations in Derivation. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 11, 1968, стр. 110—123.

ляет поведение, в отношении чего-либо, что в данный момент не является стимулом. Более строго: Если А есть подготавливающий стимул, который в отсутствие стимулов-объектов, вызывающих ответные реакции определенного поведенческого класса (behavior-family), вызывает в некотором организме предрасположение к ответным реакциям этого поведенческого класса, то А есть знак. Всякое нечто, отвечающее этим условиям, есть знак; остается нерешенным, имеются ли знаки, которые не отвечают этим условиям»⁵³. В этом определении отчетливо видна фундаментальная трудность, с которой столкнулся Ч. Моррис, желая дать определение знака — феномена человеческого на естественнонаучной основе: в мире человека стимул как знак далеко не всегда сопровождается реакцией в отличие от того, что имеет место в мире физической причинности. В последнем причина вызывает следствие, в первом, в мире человека, между причиной как знаковым воздействием и следствием как реакцией организма лежит осознанное состояние организма; знаковый стимул и реакция опосредованы волей. Ч. Моррис попытался обойти эту трудность, введя промежуточные между стимулом и реакцией термины — «предрасположение организма» и «класс поведения, поведенческий класс» (behavior-family). Однако определить эти термины в свою очередь на бихевиористской основе оказалось невозможным. Знак в концепции Ч. Морриса остается понятием не до конца определенным.

Бихевиористское обоснование проблемы знака было и в то время не единственно возможным. Ш. Балли пытался дать совершенно иное, но столь же общее, обоснование (1939 г.). Он вводил с этой целью различие между «фактом» и «актом». «Факт» — то, что вытекает из причины, «акт» — то, что вытекает из намерения. «Знак, — по Ш. Балли, — опирается не на «факты», а на «акты»⁵⁴. В определении Ш. Балли угадывалось более глубокое различие — между физической причинностью и сознательной волевой деятельностью, проблема знака как человеческого феномена ставилась тем самым на прочную основу.

Определение Ч. Морриса, идущее в русле американской традиции и представляющее собой стремление нащупать естественнонаучные основания проблемы знака, и определение Ш. Балли, опирающееся на глубокие европейские философские традиции и ставящее проблему знака по существу в философских терминах, являлись двумя равно перспективными путями и требовали синтеза. Со своей стороны, мы представили опыт такого синтеза, который здесь лишь кратко резюмируем. В первом русле идей (в част-

⁵³ Ch. Morris. Signs, language and behavior (1946). «Ch. Morris. Writings on the general theory of signs» Mouton, The Hague — Paris, 1971, стр. 366.

⁵⁴ Ch. Bally. Qu'est-ce qu'un signe? (1939). «A Geneva School Reader in Linguistics, ed by R. Godel». Indiana University Press. Bloomington and London, 1969, стр. 87—100.

ности, от Ч. Морриса) конечным обоснованием проблемы знака является теперь принцип теории информации — знак определяется в терминах различий между категориями «материи», «энергии», «информации» и с учетом изучения семиозиса в животной и растительной среде. Во втором русле идей (в частности, от Ш. Балли) конечным обоснованием проблемы знака является в настоящее время философский принцип детерминизма в его современной формулировке⁵⁵.

Вернемся к отношению репрезентации в узко лингвистическом смысле термина. Из сказанного выше ясно, что мы не можем здесь давать логического определения этому отношению и рассматриваем его как первичное и неопределяемое. Важно лишь указать типы или виды языковой репрезентации. Это можно сделать на примере основной знаковой единицы языка — слова.

1. Фонетическое слово является материальным носителем языкового знака (англ. sign vehicle).

2. Фонетическое слово является знаком своего смысла, сигнификата, фонетическое слово — это «означающее», в то время как смысл, или сигнификат, — это «означаемое», то есть фонетическое слово, «означающее», репрезентирует сигнификат, «означаемое».

3. Фонетическое слово вместе со своим смыслом или сигнификатом, т. е. «означающее» вместе со своим «означаемым», языковой знак в целом, является знаком внеязыкового предмета, денотата, или референта; языковой знак (как целостное единство «означаемого» и «означающего») репрезентирует референт, внеязыковую действительность.

4. Слово — языковой знак, определенный в пункте 3-м, является знаком какого-либо нового предмета, обозначаемого в процессе речи; слово — языковой знак (со своим постоянным референтом или денотатом) репрезентирует новый предмет действительности; в рамках отношений этого последнего, 4-го типа, возникает специфический вид репрезентации — метафора.

Отношения репрезентации 1-го типа очевидно не могут рассматриваться в рамках лингвистики. Отношения репрезентации 3-го и 4-го типов для освещения их в полной системе требуют привлечения других отношений (дистрибуции и функции) и поэтому рассматриваются ниже (см. гл. II, § 4).

Лишь отношение 2-го типа может быть рассмотрено как простейшее лингвистическое отношение репрезентации. Под него подводятся все отношения абстрактных языковых единиц (иногда, в русле американской традиции, называемых «эмическими») — фонемы, морфемы, схемы (словосочетания и предложения) к соот-

⁵⁵ См. Ю. С. Степанов Семиотика, М., 1971, стр. 109—110; Он же. Принцип детерминизма в современном языкознании, «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 110—127.

ветствующим конкретным, или наблюдаемым единицам (иногда называемым в русле той же традиции «этическими»), — аллофонам, алломорфам, словосочетаниям, предложениям. Последние репрезентируют первые: аллофоны репрезентируют фонему, алломорфы репрезентируют морфему, конкретные словосочетания репрезентируют структурную схему словосочетания, конкретные предложения репрезентируют структурную схему предложения. В этом перечне должно фигурировать и слово, рассматриваемое со стороны своих общих, категориальных признаков и структурной схемы своих построений — «абстрактное слово», которое репрезентируется конкретными словоформами и лексико-семантическими вариантами (отдельными своими значениями в речи). Общая схема отношений репрезентации этого типа такова:

Абстрактные единицы		Конкретные единицы
Структурная схема предложения	репрезентируется в	Предложение
Структурная схема словосочетания	репрезентируется в	Словосочетание
Абстрактное слово	репрезентируется в	Слово
Морфема	репрезентируется в	(Алло)морфы
Фонема	репрезентируется в	(Алло)фоны

В современной лингвистике имеются теории, в которых указанное отношение репрезентации в более или менее «чистом» виде выбирается в качестве главного основания метода. Такова так называемая «стратификационная грамматика» С. Лэма (S. Lamb) и его последователей, получившая известное распространение в США. Описание соответствующего ей метода мы здесь опускаем⁵⁶. Более полную характеристику современного семиотического (или семиологического) метода, покоящегося, как уже было сказано, на более сложных основаниях, нежели элементарная репрезентация, см. ниже (гл. II, § 4).

⁵⁶ Его хорошее описание можно найти в книге: Ph. W. Davis, *Modern Theories of Language*. Englewood Cliffs. New Jersey, 1973, стр. 301—336.

ОБОБЩЕНИЕ

§ 1. Дистрибуция может быть совмещена с оппозицией. Основания теоретико-множественного метода

В начальных частях этого и следующих параграфов нам придется иметь дело с некоторыми, а именно двумя математико-лингвистическими теориями, которые представляют собой абстрактное обобщение и синтез логико-лингвистических понятий, рассмотренных в предыдущем разделе книги. В этой связи необходимо напомнить о соотношении этих двух основных теорий. «Математическая лингвистика, — пишет С. Маркус, — изучает два основных типа моделей: порождающие и аналитические. Упрощая ситуацию, можно сказать, что для порождающей модели исходным пунктом является некоторая грамматика, а исследуемым объектом — язык, порождаемый этой грамматикой. В аналитической модели — наоборот: здесь исходным материалом служит язык, т. е. некоторая совокупность предложений, а цель исследования заключается в том, чтобы выявить структуру этих предложений, их составные элементы, а также отношения между этими элементами»¹. Аналитические модели в логической последовательности описания предшествуют порождающим (генеративным) моделям, хорошо соответствуют предмету исследований дескриптивной лингвистики (т. е. исследований, основанных на выявлении дистрибуции) и в этом смысле стоят ближе к материалу языка и повседневной работе лингвиста-практика.

Под словом «совмещение» (совмещение дистрибуции и оппозиции) мы понимаем, во-первых, то, что лингвист-теоретик может с пользой синтезировать информацию, извлеченную из описания дистрибуций, с одной стороны, и описания оппозиций, с другой, но не только это, а еще, во-вторых, и то, что такая совокупная информация может быть в свою очередь представлена в лингвистически и математико-лингвистически точной форме, а, следовательно, при необходимости и формализована. Основанием этой дальнейшей формализации опять-таки выступают категории дистрибуции и оппозиции, предварительно сами соответствующим образом формализованные.

Вполне определенные отношения между единицами парадигм и единицами синтагм, — отношения, выраженные в терминах оппозиций для парадигм и контраста для синтагм, — констатировались уже давно. В другом месте мы отмечали соотношения такого рода: а) привативная оппозиция в парадигматике соответствует слабому (недостаточному) контрасту в синтагматике, и такие

¹ С. Маркус. Теоретико-множественные модели языков. Перев. с англ. М., 1970, стр. 10.

элементы, которые составляют привативную оппозицию, в синтагматике как правило не могут соседствовать; б) эквиполентная оппозиция соответствует достаточно сильному контрасту, такие элементы могут соседствовать в речевой цепи; в) дизъюнктивная оппозиция соответствует самому сильному контрасту, такие элементы являются основой синтагматических сцеплений (например, $n + a$, вообще согласный + гласный)². Но теперь речь пойдет о соответствующих отношениях не отдельных конкретных элементов, а о соотношениях множеств элементов. Что множества в парадигматике (опозиции и множества оппозиций) находятся в определенных соответствиях с множествами в синтагматике (дистрибуциями), это видно уже из нашего сопоставления схем дистрибуций и оппозиций (ч. III, гл. I, § 2 и 3). Сейчас рассмотрим их подробнее.

Вначале остановимся вкратце на наиболее полном опыте совмещения и формализации категорий дистрибуции и оппозиции, изложенном в ряде работ С. Маркуса. Здесь мы используем его названную выше книгу и главным образом более раннюю работу (1963 г.), в которой специально выделен интересующий нас аспект³. С. Маркус, в частности, показал следующее.

1. Оппозиция есть отношение между множествами; например, в частном случае, парадигматические оппозиции фонем есть отношения между множествами дифференциальных признаков фонем (положение, конечно, известно и ранее, но у С. Маркуса оно помещается в контекст формализованной теории).

2. Отношения между парадигматическими оппозициями в свою очередь могут быть трактованы как оппозиции. Благодаря этому выявляются, в частности, основания различных классификаций Н. С. Трубецкого: классификация II (опозиции привативные, градуальные, эквиполентные с уточнением: эквиполентные или дизъюнктивные) имеет основанием инвариант отношения пропорциональности; классификация I (точнее, ее часть — оппозиции многомерные и одномерные по отношению к системе оппозиций в целом) имеет основанием инвариант отношения гомогенности. Для нас сейчас не важно точное логико-математическое содержание терминов «пропорциональность» и «гомогенность», важно лишь их различие⁴.

² Ю. С. Степанов. Синтез лингвистических направлений как лингвистическая задача. «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов». М., 1967, стр. 52.

³ С. Маркус. Логический аспект лингвистических оппозиций. «Проблемы структурной лингвистики. 1963». М., 1963, стр. 47—75.

⁴ Об их содержании см.: С. Маркус. Логический аспект лингвистических оппозиций, стр. 54—59; — замечание автора на стр. 61 о том, что Н. С. Трубецкой «рассматривал только типы оппозиций, инвариантные по отношению к пропорциональности», кажется непонятным и противоречащим утверждению о том, что многомерные оппозиции находятся в отношении гомогенности.

3. Отношения между дистрибуциями также могут быть трактованы как оппозиции. На эту возможность мы указывали выше в иной связи (см. гл. I, § 3). С. Маркус дал полную формализацию этих отношений, что суммарно может быть указано в следующем виде: 1) два языковых элемента a и b (например, слова, фонемы) находятся в дополнительном распределении, если соответствующие множества контекстов, в которых употребляются a и b — $e(a)$ и $e(b)$ находятся в дизъюнктивной оппозиции (то же самое, что отношения «внеположенности», по Ж. Кантино, см. рис. 11); 2) два элемента находятся не в отношении дополнительного распределения, а в контрастном распределении, если соответствующие множества контекстов пересекаются (см. рис. 12); контрастные распределения могут быть в свою очередь разного рода — тождественные, дефективные и эквиполентные: распределения тождественны, если соответствующие множества контекстов находятся в нулевой оппозиции (ср. рис. 13); распределения дефективны, как говорят, «дефективны в пользу a » или «дефективны в пользу b », если соответствующие множества контекстов образуют привативную оппозицию и находятся в отношении «включения»: $e(a) \subset e(b)$ или $e(b) \subset e(a)$ (ср. рис. 14); если оппозиция между $e(a)$ и $e(b)$ эквиполентна, то a и b находятся в эквиполентном распределении ⁵.

4. «Мы видим, — заключает С. Маркус, — что три лингвистических понятия из числа наиболее важных — ряды пропорциональных оппозиций, цепочки гомогенных оппозиций и классы дистрибуции — все восходят к одной и той же логической процедуре: разложению множества на классы R -эквивалентности ⁶. Эти понятия имеют различное лингвистическое содержание, что проявляется в различном выборе исходного множества и в выборе отношения R . Но как только мы абстрагируемся от природы множеств и отношения R , эти три понятия становятся неразличимы. Эта тождественность структуры отражает часть того, что некоторые лингвисты называют инвариантной структурой языков» ⁷.

На основании понятия эквивалентности в дистрибутивных классах и в парадигматических оппозициях С. Маркус определил категории частей речи, рода, падежа, чему посвящена значительная часть упомянутой книги «Теоретико-множественные модели языков».

⁵ См.: С. Маркус. Логический аспект лингвистических оппозиций, стр. 65; *Он же*. Теоретико-множественные модели языка, стр. 20.

⁶ Отношение эквивалентности R разъясняется так: из множества M выделяются подмножества со следующими свойствами: 1) каждый элемент M входит в одно из этих подмножеств и только в одно; 2) если x и y входят в одно и то же подмножество, то xRy ; 3) если x и y входят в разные подмножества, то x не находится в отношении R к y («Логический аспект...», стр. 62).

⁷ С. Маркус. Логический аспект..., стр. 64.

Таблица 48

Сочетаемость русских губных и зубных фонем (по М. В. Панову)

	п	п'	б	б'	ф	ф'	в	в'	м	м'	т	т'	д	д'	с	с'	з	з'
п	+				+		+		+		+				+	+		
п'		+			+		+		+									
б			+				+		+				+	+			+	+
б'				+			+		+									
т	+				+		+		+		+							
т'	+	+			+	+	+	+	+	+		+						
д			+				+		+				+					
д'			+	+			+	+	+	+				+				
ф	+				+		+		+		+	+			+	+		
ф'		+			+		+		+									
в			+				+		+				+	+			+	+
в'				+			+		+									
с	+				+		+		+		+				+			
с'	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+				+		
з			+				+		+				+				+	
з'			+	+			+	+	+	+			+	+				+

Перейдем теперь к лингвистическому материалу и вернемся к вопросу о том, имеется ли определенное содержательное соотношение между множествами фонем в парадигматике (оппозициями) и множествами тех же фонем в синтагматике (дистрибуциями). Другой формой того же общего вопроса будет вопрос о том, имеет ли какое-либо значение последовательность приписывания дифференциальных признаков языковому элементу.

Мы обратимся к классу согласных губных и зубных фонем русского языка, а исходным материалом послужат таблицы 48

	ц	н	н'	л	л'	ш	ш'	ж	ж'	ч	р	р'	ј	к	к'	г	г'	х	х'	‡
п	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+			+			+	+	+
п'													+							+
б		+	+	+	+			+	+		+	+				+	+			
б'													+							
т		+		+							+	+		+	+			+	+	+
т'		+	+	+	+								+	+	+			+	+	+
д		+		+							+	+					+	+		
д'		+	+	+	+								+				+	+		
ф	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+		+	+			+	+	+
ф'													+							+
в		+	+	+	+			+	+		+	+					+	+		
в'													+							
с	+	+		+							+	+		+	+			+	+	+
с'	+	+	+	+	+								+	+	+			+	+	+
з		+		+							+	+					+	+		
з'		+	+	+	+								+				+	+		

и 49: 1) таблица дистрибуции этих фонем (по М. В. Панову)⁸ и 2) таблица, иллюстрирующая различные возможности в порядке приписывания дифференциальных признаков; 3) третья, заключительная таблица воспроизводит те же данные в цифрах. (Читатель, не желающий проверять подробности выкладок, может сразу прочесть заключительный текст со стр. 256).

⁸ М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 99.

Таблица 49

Таблица, иллюстрирующая различные возможности порядка приписывания дифференциальных признаков

Класс согласных губных и зубных фонем русского языка (с п' ф з д з' ф' п д' б б' т' в с' т' в') разбивается различными способами, соответствующими различным порядкам приписывания дифференциальных признаков.

I этап

1) по месту	$\frac{п\ п'\ б\ б'\ ф\ ф'\ в\ в'}{т\ т'\ д\ д'\ с\ с'\ з\ з'}$	$\left\{ \begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 3 \end{array} \right.$	(см продолж № II этапа)
2) по способу	$\frac{п\ п'\ б\ б'\ т\ т'\ д\ д'}{\phi\ \phi'\ в\ в'\ с\ с'\ з\ з'}$	$\left\{ \begin{array}{l} 4 \\ 5 \\ 6 \end{array} \right.$	"
4) по мягкости	$\frac{п\ б\ \phi\ в\ т\ д\ с\ з}{п'\ б'\ \phi'\ в'\ т'\ д'\ с'\ з'}$	$\left\{ \begin{array}{l} 7 \\ 8 \\ 9 \end{array} \right.$	"
4) по глухости	$\frac{п\ \phi\ т\ с\ п'\ \phi'\ т'\ с'}{б\ в\ д\ з\ б'\ в'\ д'\ з'}$	$\left\{ \begin{array}{l} 10 \\ 11 \\ 12 \end{array} \right.$	"

II этап

1) по способу	$\frac{(п\ п'\ б\ б')\ (\phi\ \phi'\ в\ в')}{(т\ т'\ д\ д')\ (с\ с'\ с\ с')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 1) \text{ по мягкости} \\ 2) \text{ по глухости} \end{array} \right.$
2) по мягкости	$\frac{(п'\ б'\ \phi'\ в')\ (п\ б\ \phi\ в)}{(т'\ д'\ с'\ з')\ (т\ д\ с\ з)}$	$\left\{ \begin{array}{l} 3) \text{ по способу} \\ 4) \text{ по глухости} \end{array} \right.$
3) по глухости	$\frac{(п\ п'\ \phi\ \phi')\ (\phi\ б'\ в\ в')}{(т\ т'\ с\ с')\ (д\ д'\ з\ з')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 5) \text{ по способу} \\ 6) \text{ по мягкости} \end{array} \right.$
4) по месту	$\frac{(п\ п'\ б\ б')\ (т\ т'\ д\ д')}{(\phi\ \phi'\ в\ в')\ (с\ с'\ з\ з')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 7) \text{ по мягкости} \\ 8) \text{ по глухости} \end{array} \right.$
5) по мягкости	$\frac{(п\ б\ т\ д)\ (п'\ б'\ т'\ д')}{(\phi\ в\ с\ з)\ (\phi'\ в'\ с'\ з')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 9) \text{ по месту} \\ 10) \text{ по глухости} \end{array} \right.$
6) по глухости	$\frac{(п\ п'\ т\ т')\ (\phi\ б'\ д\ д')}{(\phi\ \phi'\ с\ с')\ (в\ в'\ з\ з')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 11) \text{ по месту} \\ 12) \text{ по мягкости} \end{array} \right.$
7) по месту	$\frac{(п\ б\ \phi\ в)\ (т\ д\ с\ з)}{(п'\ б'\ \phi'\ в')\ (т'\ д'\ с'\ з')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 13) \text{ по способу} \\ 14) \text{ по глухости} \end{array} \right.$
8) по способу	$\frac{(п\ б\ т\ д)\ (\phi\ в\ с\ з)}{(п'\ б'\ т'\ д')\ (\phi'\ в'\ с'\ з')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 15) \text{ по месту} \\ 16) \text{ по глухости} \end{array} \right.$
9) по глухости	$\frac{(п\ \phi\ т\ с)\ (б\ в\ д\ з)}{(п'\ \phi'\ т'\ с')\ (б'\ в'\ д'\ з')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 17) \text{ по месту} \\ 18) \text{ по способу} \end{array} \right.$

Таблица 49 (продолжение)

II этап

10) по месту	$\frac{(\text{п } \text{ф } \text{п}' \text{ф}')}{(\text{б } \text{в } \text{б}' \text{в}')} \quad \frac{(\text{т } \text{с } \text{т}' \text{с}')}{(\text{д } \text{з } \text{д}' \text{з}')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 19) \text{ по способу} \\ 20) \text{ по мягкости} \end{array} \right.$
11) по способу	$\frac{(\text{п } \text{т } \text{п}' \text{т}')}{(\text{б } \text{д } \text{б}' \text{д}')} \quad \frac{(\text{ф } \text{с } \text{ф}' \text{с}')}{(\text{в } \text{з } \text{в}' \text{з}')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 21) \text{ по месту} \\ 22) \text{ по мягкости} \end{array} \right.$
12) по мягкости	$\frac{(\text{п } \text{ф } \text{т } \text{с})}{(\text{б } \text{в } \text{д } \text{з})} \quad \frac{(\text{п}' \text{ф}' \text{т}' \text{с}')}{(\text{б}' \text{в}' \text{д}' \text{з}')}$	$\left\{ \begin{array}{l} 23) \text{ по месту} \\ 24) \text{ по способу} \end{array} \right.$

III этап

1) по мягкости	$\frac{(\text{п } \text{б})}{(\text{т } \text{д})} \mid \frac{(\text{п}' \text{б}')}{(\text{т}' \text{д}')} \mid \frac{(\text{ф } \text{в})}{(\text{с } \text{з})} \mid \frac{(\text{ф}' \text{в}')}{(\text{с}' \text{з}')}$	1) по глухости
2) по глухости	$\frac{(\text{п } \text{п}')}{(\text{т } \text{т}')} \mid \frac{(\text{б } \text{б}')}{(\text{д } \text{д}')} \mid \frac{(\text{ф } \text{ф}')}{(\text{с } \text{с}')} \mid \frac{(\text{в } \text{в}')}{(\text{з } \text{з}')}$	2) по мягкости
3) по способу	$\frac{(\text{п}' \text{б}')}{(\text{т}' \text{д}')} \mid \frac{(\text{ф}' \text{в}')}{(\text{с}' \text{з}')}$ $\frac{(\text{п } \text{б})}{(\text{т } \text{д})} \mid \frac{(\text{ф } \text{в})}{(\text{с } \text{з})}$	3) по глухости
4) по глухости	$\frac{(\text{п}' \text{ф}')}{(\text{т}' \text{с}')} \mid \frac{(\text{б}' \text{в}')}{(\text{д}' \text{з}')}$ $\frac{(\text{п } \text{ф})}{(\text{т } \text{с})} \mid \frac{(\text{б } \text{в})}{(\text{д } \text{з})}$	4) по способу
5) по способу	$\frac{(\text{п } \text{п}')}{(\text{т } \text{т}')} \mid \frac{(\text{ф } \text{ф}')}{(\text{с } \text{с}')} \mid \frac{(\text{б } \text{б}')}{(\text{д } \text{д}')} \mid \frac{(\text{в } \text{в}')}{(\text{з } \text{з}')}$	5) по мягкости
6) по мягкости	$\frac{(\text{п } \text{ф})}{(\text{т } \text{с})} \mid \frac{(\text{п}' \text{ф}')}{(\text{т}' \text{с}')} \mid \frac{(\text{б } \text{в})}{(\text{д } \text{з})} \mid \frac{(\text{б}' \text{в}')}{(\text{д}' \text{з}')}$	6) по способу

7) по мягкости	$\frac{(\text{п } \text{б})}{(\text{ф } \text{в})} \mid \frac{(\text{п}' \text{б}')}{(\text{ф}' \text{в}')} \mid \frac{(\text{т } \text{д})}{(\text{с } \text{з})} \mid \frac{(\text{т}' \text{д}')} {(\text{с}' \text{з}')}$	7) по глухости
8) по глухости	$\frac{(\text{п } \text{п}')}{(\text{ф } \text{ф}')} \mid \frac{(\text{б } \text{б}')}{(\text{в } \text{в}')} \mid \frac{(\text{т } \text{т}')} {(\text{с } \text{с}')} \mid \frac{(\text{д } \text{д}')} {(\text{з } \text{з}')}$	8) по мягкости
9) по месту	$\frac{(\text{п } \text{б})}{(\text{ф } \text{в})} \mid \frac{(\text{т } \text{д})}{(\text{с } \text{з})} \mid \frac{(\text{п}' \text{б}')}{(\text{ф}' \text{в}')} \mid \frac{(\text{т}' \text{д}')} {(\text{с}' \text{з}')}$	9) по глухости
10) по глухости	$\frac{(\text{п } \text{т})}{(\text{ф } \text{с})} \mid \frac{(\text{б } \text{д})}{(\text{в } \text{з})} \mid \frac{(\text{п}' \text{т}')} {(\text{ф}' \text{с}')} \mid \frac{(\text{б}' \text{д}')} {(\text{в}' \text{з}')}$	10) по месту
11) по месту	$\frac{(\text{п } \text{п}')}{(\text{ф } \text{ф}')} \mid \frac{(\text{т } \text{т}')} {(\text{с } \text{с}')} \mid \frac{(\text{б } \text{б}')}{(\text{в } \text{в}')} \mid \frac{(\text{д } \text{д}')} {(\text{з } \text{з}')}$	11) по мягкости

III этап

12) по мягкости	$\frac{(п\ т)}{(ф\ с)}$	$\frac{(п' \ т')}{(ф' \ с')}$	$\frac{(б\ д)}{(в\ з)}$	$\frac{(б' \ д')}{(в' \ з')}$	12) по месту
13) по способу	$\frac{(п\ б)}{(п' \ б')}$	$\frac{(ф\ в)}{(ф' \ в')}$	$\frac{(т\ д)}{(т' \ д')}$	$\frac{(с\ з)}{(с' \ з')}$	13) по глухости
14) по глухости	$\frac{(п\ ф)}{(п' \ ф')}$	$\frac{(б\ в)}{(б' \ в')}$	$\frac{(т\ с)}{(т' \ с')}$	$\frac{(д\ з)}{(д' \ з')}$	14) по способу
15) по месту	$\frac{(п\ б)}{(п' \ б')}$	$\frac{(т\ д)}{(т' \ д')}$	$\frac{(ф\ в)}{(ф' \ в')}$	$\frac{(с\ з)}{(с' \ з')}$	15) по глухости
16) по глухости	$\frac{(п\ т)}{(п' \ т')}$	$\frac{(б\ д)}{(б' \ д')}$	$\frac{(ф\ с)}{(ф' \ с')}$	$\frac{(в\ з)}{(в' \ з')}$	16) по месту
17) по месту	$\frac{(п\ ф)}{(п' \ ф')}$	$\frac{(т\ с)}{(т' \ с')}$	$\frac{(б\ в)}{(б' \ в')}$	$\frac{(д\ з)}{(д' \ з')}$	17) по способу
18) по способу	$\frac{(п\ т)}{(ф' \ с')}$	$\frac{(ф\ с)}{(п' \ т')}$	$\frac{(б\ д)}{(в' \ з')}$	$\frac{(в\ з)}{(б' \ д')}$	18) по месту

19) по способу	$\frac{(п\ п')}{(б\ б')}$	$\frac{(ф\ ф')}{(в\ в')}$	$\frac{(т\ т')}{(д\ д')}$	$\frac{(с\ с')}{(з\ з')}$	19) по мягкости
20) по мягкости	$\frac{(п\ ф)}{(б\ в)}$	$\frac{(п' \ ф')}{(б' \ в')}$	$\frac{(т\ с)}{(д\ з)}$	$\frac{(т' \ с')}{(д' \ з')}$	20) по способу
21) по месту	$\frac{(п\ п')}{(б\ б')}$	$\frac{(т\ т')}{(д\ д')}$	$\frac{(ф\ ф')}{(в\ в')}$	$\frac{(с\ с')}{(з\ з')}$	21) по мягкости
22) по мягкости	$\frac{(п\ т)}{(б\ д)}$	$\frac{(п' \ т')}{(б' \ д')}$	$\frac{(ф\ с)}{(в\ з)}$	$\frac{(ф' \ с')}{(в' \ з')}$	22) по месту
23) по месту	$\frac{(п\ ф)}{(б\ в)}$	$\frac{(т\ с)}{(д\ з)}$	$\frac{(п' \ ф')}{(б' \ в')}$	$\frac{(т' \ с')}{(д' \ з')}$	23) по способу
24) по способу	$\frac{(п\ т)}{(б\ д)}$	$\frac{(ф\ с)}{(в\ з)}$	$\frac{(п' \ т')}{(б' \ д')}$	$\frac{(ф' \ с')}{(в' \ з')}$	24) по месту

С точки зрения «ортодоксальной» структурной лингвистики, исходящей из постулатов Ф. де Соссюра (о чем подробнее см. ниже), все 24 порядка одинаковы, и предпочтение может быть отдано любому из них, поскольку в конце разбиений при любом пути будут получены одни и те же фонемы. Мы же сразу исходим из противоположного положения — из того, что эти порядки неодинаковы и исследователь должен обнаружить их внутреннее различие, чем и определится выбор лишь одного порядка.

Для сравнения порядков мы и используем дистрибуцию. Оценку дистрибуции (что является чисто абстрактной операцией сравнения клеточек в таблице) легче уяснить в наглядной форме, мысленно представляя себе таблицу сочетаемости (см. табл. 48), разрезанной на горизонтальные полосы — строчки. Мы ставим себе задачу на каждом этапе разбиения множества строчек оценивать попарно соотношение получающихся при этом подмножеств через сравнение полосок. Начнем с 1-го способа I этапа. На этом этапе мы разделили согласные по признаку места, так что в одно множество попали согласные губные, а в другое зубные. Сложим теперь все полосы первого множества и отдельно все полосы второго множества (практически, поскольку сравнение производится без помощи электронной машины, целесообразно укладывать строчки в каком-либо определенном порядке, например в том, в каком написаны фонемы в табл. 49 раскладки под способом № 1). У нас получаются две полосы, которые мы будем оценивать именно как пару целых полос (не дробя их на те строчки, из которых они сложены). Для этого мы будем смотреть на вертикальные столбики (которых 38) и сравнивать 1-й столбик в одной полосе (под буквой *n*) с 1-м столбиком в другой, 2-й столбик (под буквой *n'*) со вторым и т. д. Если знаки и пустые места в 1-м столбике одной полосы расположены точно так же, как и в 1-м столбике второй полосы, то мы считаем это совпадением; если столбики содержат только пустые клетки («нули»), это можно оценивать или как совпадение, или как неопределенность, мы во всяком случае будем подсчитывать пустые столбики особо; если столбики не совпадают хотя бы по одной клетке, мы будем считать это контрастом. При такой сравнительной оценке дистрибуций для 1-го способа I этапа мы получим:

совпадений	пустых	контрастных
11	0	27

Точно так же поступим для остальных порядков I этапа.

На II этапе сохраним тот же принцип сравнения: сравниваются дистрибуции только той пары классов, которая является непосредственным результатом данного, только что произведенного, разбиения. Например, для способа 1-го II этапа получают следующие разбиения (горизонтальная черта показывает разбиения, произведенные на предыдущем, здесь I этапе, а скобки — разбиения данного, II этапа, только что произведенные):

$$\frac{(п\ п'\ б\ б')}{(т\ т'\ д\ д')} \quad \frac{(ф\ ф'\ в\ в')}{(с\ с'\ з\ з')}$$

Дистрибутивной оценке попарно подлежат классы, разделенные только скобками, т. е. здесь класс $(nn'bb')$ в отношении к классу $(ff'vv')$ — одна оценка, и $(mm'dd')$ в отношении к $(cc'zz')$ — вторая оценка. Оценку производим тем же способом, что и на I этапе, но только сравниваемые полосы теперь будут уже. Результаты оценки записываем для удобства на том же месте, где сравниваемые классы:

$$\frac{38-0-0}{26-5-7},$$

т. е. в первом соотношении было совпадений 38, пустых столбиков — 0, контрастных — 0. Дальше в записи сохраняется всюду тот же порядок: первое число — совпадающие, второе число после тире — пустые, третье число после другого тире — контрастные.

Все числовые данные приведены в заключительной табл. 50. Таким образом, мы получаем возможность подметить различия в порядке разбиений и оценить их соотносительно друг с другом.

Чтобы упростить сравнение такого множества чисел, можно ввести более крупную меру. Для этого каждое число, указывающее количество пустых клеток, — оно стоит в середине каждой записи, — приплюсовуем к числу совпадений, стоящему в записи слева. Число контрастных столбцов останется в прежнем виде. Каждая запись примет более простой вид, например, $38-0-0$ примет вид $38-0$; $26-5-7$ примет вид $31-7$, и т. д. На II этапе деления вместо записи

$$1) \frac{38-0-0}{26-5-7} \text{ будем иметь } 1) \frac{38-0}{31-7}.$$

Сравнивать такие строчки чисел уже легче. Для некоторых целей сравнение можно облегчить еще и другим обобщением каждой записи. В последней записи вычтем из большего числа верхнего ряда меньшее число нижнего: $38-7 = 31$, то же число 31 получится, если вычтем из большего числа нижнего ряда меньшее число верхнего $31-0 = 31$. Это число нужно как-то назвать, назовем его «диагональным числом», поскольку оно получается при вычитании как бы по диагонали. Диагональное число показывает отношение числа совпадающих столбиков одной пары подмножеств к числу контрастных столбиков другой пары подмножеств, причем и одна и другая пары представляют результат деления на одном и том же этапе. Таким образом диагональное число является показателем контрастности деления и симметрии деления — т. е. тех именно двух качеств, которые особенно важны при оценке дистрибуции (см. стр. 202). Контрастное деление множества бывает одновременно и симметричным, ср. два следующих примера:

$$1) \frac{37-0-1}{1-0-37}$$

диагональное число 0 ($37-37 = 0$, $1-1 = 0$), деление контрастное и обладает зеркальной симметрией;

$$2) \frac{19-0-19}{19-0-19}$$

диагональное число 0 ($19-19 = 0$), деление контрастное, поскольку 19 совпадений в первой паре соответствуют 19 же контрастам во второй паре, и одновременно это деление симметрично. Малое диагональное число указывает на контрастность деления, которая всегда сопровождается тем или иным видом симметрии. Большое диагональное число (в наших дистрибуциях порядка 30—38, так как 38 — общее число столбцов в таблице), указывает на симметрию деления, которая, однако, не обязательно будет одновременно и контрастом. Ср.:

$$1) \frac{1-36-1}{2-35-1}$$

диагональное число 36 ($37-1 = 36$), деление симметрично и не-контрастно;

$$2) \frac{5-0-33}{8-2-28}$$

диагональное число 23 ($28-5 = 23$; $33-10 = 23$), деление довольно симметрично и слабо контрастно. Диагональные числа близкие к $\frac{1}{2}$ от 38, приблизительно в диапазоне 10—30, указывают на то, что деление множеств в данном отношении не обладает никакими показательными дистрибутивными качествами. Обычно такие соотношения дистрибуций являются случайными соотношениями классов лингвистических элементов. (Подобно тому, как рентгенолог читает рентгенограммы, лингвист должен уметь читать числовые характеристики дистрибуций).

Табл. 50 представляет числовые характеристики тех дистрибуций, т. е. тех разбиений, которые представлены в предыдущей (с табл. 49 и нужно сообразоваться при чтении этой). Диагональное число указано при линейке, символизирующей данное разделение. По данным табл. 50 выберем один из 24 возможных путей.

На I этапе выбираем 3-й способ. По численным данным он самый контрастный и, как следствие, самый симметричный способ разбиения.

На II этапе следует выбрать один из способов, predeterminedных предыдущим этапом. Таких способов три — № 7, 8, 9. Между прочим, разбиения на втором этапе позволили бы сделать выбор по числовым данным, даже если бы мы не знали данных предыдущего этапа. В самом деле, здесь разбиения № 7, 8 и 9 обладают самыми маленькими диагональными числами, которые к тому же находятся в самом симметричном соотношении друг с другом — 2 : 4 : 6. При всех других способах соотношение не

Таблица 50

Таблица, иллюстрирующая неодинаковость возможностей различных порядков приписывания дифференциальных признаков

В цифрах выражается то, что в предыдущей таблице выражено содержательно. Первое число каждой строки — количество столбцов, совпадающих в обеих половинах данного разбиения; второе число — количество пустых столбцов данного разбиения; третье число — количество контрастных столбцов; против линейки — «диагональное число».

I этап		II этап		I этап		II этап	
		1) $\frac{38-0-0}{26-5-7}$	31			7) $\frac{18-6-14}{7-9-22}$	2
1) 11-0-27	2) $\frac{1-0-37}{15-5-18}$		17	3) 0-0-38	8) $\frac{17-6-15}{10-9-19}$		4
	3) $\frac{11-0-27}{11-5-22}$		11		9) $\frac{8-6-24}{9-9-20}$		6
	4) $\frac{10-0-28}{11-0-27}$		17		10) $\frac{8-10-20}{6-17-15}$		3
2) 30-0-8	5) $\frac{1-0-37}{1-0-37}$		36	4) 11-0-27	11) $\frac{24-10-20}{17-17-4}$		30
	6) $\frac{11-0-27}{11-0-27}$		16		12) $\frac{1-0-37}{0-0-38}$		37
III этап							
1) $\frac{1-0-37}{14-10-14}$	$\frac{1-0-37}{17-5-16}$			7) $\frac{1-0-37}{1-0-37}$	$\frac{14-10-14}{17-5-16}$		
2) $\frac{11-0-27}{11-10-17}$	$\frac{11-0-27}{11-5-22}$			8) $\frac{11-0-27}{11-0-27}$	$\frac{11-10-17}{13-5-20}$		
3) $\frac{6-32-0}{18-17-3}$	$\frac{32-6-0}{24-9-5}$			9) $\frac{20-6-12}{25-6-7}$	$\frac{11-14-13}{6-9-23}$		
4) $\frac{3-30-5}{11-9-18}$	$\frac{10-6-22}{12-12-14}$			10) $\frac{8-6-24}{8-6-24}$	$\frac{10-13-15}{12-9-17}$		
5) $\frac{28-10-0}{21-13-4}$	$\frac{21-17-0}{15-17-6}$			11) $\frac{9-10-19}{12-10-16}$	$\frac{7-17-14}{7-17-14}$		
6) $\frac{1-10-27}{4-13-21}$	$\frac{0-17-21}{9-19-10}$			12) $\frac{4-10-24}{1-10-27}$	$\frac{0-17-21}{0-17-21}$		

Таблица 50 (окончание)

13) $\frac{32-6-0}{7-31-0} \Big \frac{18-16-4}{24-9-5}$	19) $\frac{28-10-0}{21-17-0} \Big \frac{21-13-4}{15-17-6}$
14) $\frac{8-6-24}{3-31-4} \Big \frac{7-16-15}{9-9-10}$	20) $\frac{1-10-27}{0-17-21} \Big \frac{14-13-11}{9-19-10}$
15) $\frac{18-6-14}{7-14-17} \Big \frac{21-6-11}{7-9-22}$	21) $\frac{9-10-19}{7-17-14} \Big \frac{12-10-16}{7-17-14}$
16) $\frac{8-6-24}{10-13-15} \Big \frac{8-6-24}{10-9-19}$	22) $\frac{4-10-24}{0-17-21} \Big \frac{1-10-27}{0-17-21}$
17) $\frac{14-15-9}{6-16-16} \Big \frac{10-21-7}{4-22-12}$	23) $\frac{14-15-9}{10-21-7} \Big \frac{6-16-16}{4-22-12}$
18) $\frac{21-15-2}{19-16-3} \Big \frac{16-21-1}{14-22-2}$	24) $\frac{21-15-2}{16-21-1} \Big \frac{19-6-3}{14-22-2}$

IV этап

Для сравнения выборочно к разбивке № 18 оцениваем разбивку № 12

12) $\frac{(п) (т)}{14-15-9} \Big \frac{(п') (т')}{6-19-13} \Big \frac{(б) (д)}{10-21-7} \Big \frac{(б') (д')}{4-24-10}$
$\frac{(ф) (с)}{16-15-7} \Big \frac{(ф') (с')}{5-16-17} \Big \frac{(в) (з)}{11-21-6} \Big \frac{(в') (з')}{4-22-12}$
18) $\frac{(п) (т)}{14-15-9} \Big \frac{(ф) (с)}{16-15-7} \Big \frac{(б) (д)}{10-21-7} \Big \frac{(в) (з)}{11-21-6}$
$\frac{(ф') (с')}{5-16-17} \Big \frac{(п') (т')}{6-19-13} \Big \frac{(в') (з')}{4-22-12} \Big \frac{(б') (д')}{4-24-10}$

идет ни в какое сравнение с этим: в № 1, № 2, № 3—31 : 17 : 11; в № 4, № 5, № 6 — 17 : 36 : 16; в № 10, № 11, № 12 — 3 : 30 : 37. Таким образом, разбиения II этапа подтверждают правильность выбора, сделанного на I этапе. Но какое из разбиений II этапа предпочесть — № 7, 8 или 9? Предпочитаем разбиение № 9, так как оно при хорошем контрасте между обеими парами разбиений (между горизонтальными строчками чисел) обладает и самой лучшей контрастностью внутри каждой пары (число контрастных столбиков в каждой строчке самое большое и в данных двух строчках и по сравнению с таковым в способах № 7 и 8).

На III этапе следует выбрать один из способов, предпретендентов предыдущим этапом. После выбора 9-го способа возможен выбор только между 17-м и 18-м способами. Способ № 18 по числовым показателям, вне всякого сомнения, наилучший. Диагональные числа находятся в самом симметричном соотношении 33 : 35. Способ № 18 является наилучшим и среди всех 24 способов III этапа вне зависимости от предыдущего этапа (чем подтверждается правильность выбора на предыдущем этапе). В самом деле, хотя к способу № 18 по симметрии диагональных чисел и приближается еще несколько способов — № 12, 13, 19 и 24, — но во всех них внутренняя симметрия заметно меньше, как об этом можно судить по развернутым числовым записям.

На IV этапе выбор предпретендентов результатами III этапа, и поэтому мы не проводим всех подсчетов. Выборочно сравним только способ № 18 IV этапа со способом № 12 (см. табл. 50).

Итак, данные количественного соотношения дистрибуций совершенно определенно говорят о том, что из 24 возможных в данном случае способов приписывания дифференциальных признаков только один является наилучшим. Обратившись к предыдущей табл. 49, мы видим, что он соответствует следующему порядку приписывания дифференциальных признаков, или одновременно порядку разбиений:

1. по мягкости—твердости,
2. по звонкости—глухости,
3. по способу (смычные—щелевые)
4. по месту (губные—зубные).

Подчеркнем еще раз, что с точки зрения ортодоксального соосьюровского принципа безразлично, какую последовательность разбиений предпочесть, поскольку на последнем этапе любого из 24 способов разбиений мы получаем одни и те же фонемы. С точки зрения проведенного здесь иного принципа это вовсе не безразлично, потому что подчиненность корреляций во всех случаях разная. В выбранном порядке подчиняющей является корреляция (класс) фонем, противопоставленных по твердости — мягкости а подчиненной корреляция (класс) по звонкости — глухости и т. д. В прямо обратной последовательности они исторически возникли в русском языке (ср. стр. 228).

На основании того, о чем говорилось в этом параграфе, мы

можем поставить более общий вопрос: действительно ли дифференциальные свойства языкового знака определяются тем постулатом (о знаке), который сформулировал Ф. де Соссюр? Отрицательный ответ на него предрешен. Мы вернемся к этому вопросу в § 1 и 3 «Заключения».

§ 2. Дистрибуция может быть совмещена с функцией.

Основания «грамматического метода» в современной советской русистике

Совмещение, которое является предметом этого параграфа, не требует больших разъяснений. Оно непосредственно вытекает из определения функции, данного в ч. I (§ 4) и из дальнейших уточнений (ч. III, гл. 1, § 4). Если функция, как это сделано выше, определяется как языковое средство (функтор), служащее транспозиции одного множества языковых единиц в другое множество языковых единиц, и если множество единиц, подвергающихся транспозиции, определяется как «область определения функции», то очевидно, что это последнее понятие совпадает с понятием «дистрибутивный класс». Покажем на примере тождественность понятий «область определения функции» и «дистрибутивный класс, или дистрибуция». В самом деле, отношения, скрытые в слове *летчик*, могут быть представлены обоими способами. Можно сказать, что суффикс *-чик* сочетается с дистрибутивным классом основ *лет-(еть)*, *мет-(ить)*, *рез-(ать)*, *сколот-(ить)*, *навод-(ить)* ... и т. д., вследствие чего возможны слова *летчик*, *метчик*, *резчик*, *сколотчик*, *наводчик* и т. д. Но можно также сказать, что абстрактный суффикс, или функтор, «*—чик*» имеет областью определения глаголы *лететь*, *метить*, *резать*, *сколотить*, *наводить* и т. д., которые входят в функтор и преобразуются в нем.

Трактовка суффикса как функтора, хотя и очень важна теоретически, фактически не является широко распространенной. В области исследования синтаксиса понятие функции распространено гораздо шире. Фактически (не всегда эксплицитно) оно стало основой оригинального метода в советской русистике, который мы, за неимением более удачного термина, назовем здесь «грамматическим методом». Такое название может быть оправдано тем, что исследования этого типа связаны с построением научной грамматики и проводятся рядом авторов (во главе с Н. Ю. Шведовой), группирующихся вокруг издания Академической грамматики.

В этой связи мы остановимся на понятии *пропозициональной функции*, или пропозициональной связи, и покажем, что в нем совмещены понятия функции и дистрибуции.

Поскольку речь идет о синтагматическом аспекте языка, центральным пунктом здесь оказывается предложение и высказывание. В логике они рассматриваются в разных ее разделах: 1) в аристотелевском учении о суждении с его основной формулой «*S* есть *P*» и ее обычной атрибутивной интерпретацией (*P* как при-

знак S), что в свою очередь связано с категориями «понятие», «объем», «класс»; 2) в формализации этого учения по линии учения о классах, в булевых алгебрах; 3) в иной формализации, по линии учения о силлогизмах, в исчислениях высказываний; 4) в логике отношений; 5) в наиболее современном виде — в виде исчисления предикатов. В лингвистике уживаются и сосуществуют аналоги почти всех названных логических систем. До последнего времени не прекращались опыты, в целом мало продуктивные, непосредственного увязывания аристотелевского учения о суждении с лингвистическим учением о предложении⁹. Интересные и перспективные работы Т. П. Ломтева¹⁰ составляют, как нам думается, своеобразный аналог логики отношений. Исследования, проводимые в русле синтаксической концепции академической «Грамматики современного русского литературного языка» 1970 г., и некоторые ее разделы, несмотря на отсутствие внешнего сходства (формального аппарата и т. д.), можно, по-видимому, считать наиболее полными лингвистическими аналогами логического исчисления предикатов (см. ниже о концепции сложного предложения В. А. Белошапковой).

Остановимся прежде на пропозициональной связке в простом предложении. Функтором здесь будет «структурная схема предложения»¹¹. Как функтор структурная схема простого предложения имеет областью определения функции лексику, т. е. слова, заполняющие соответствующие места в этой схеме (так как предложение — в большинстве случаев функция многоместная); значение этой схемы-функтора — предципирование, предикация. Структурная схема простого предложения является абстрактной единицей в том же смысле, что и суффикс (например, «—чик»). Функторы-предикаты создаются структурой самого предложения, его структурной схемой; глаголы же являются отдельными словами, способными заполнять соответствующие места функторов-предикатов, в чем и проявляют свое первичное назначение. Подчеркнуть это особенно важно потому, что авторы некоторых работ (например, Т. П. Ломтев) придерживаются иной концепции, согласно которой описать глагол можно только, описав

⁹ См., например, соответствующие статьи в сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950; «Логико-грамматические очерки». М., 1961.

¹⁰ См., например: Т. П. Ломтев. Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката, «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968.

¹¹ Говоря о структурной схеме предложения, мы используем термин и соответствующее понятие академической «Грамматики современного русского литературного языка» (М., 1970, § 1282—1288, 1290—1291), которые, однако, в несколько ином виде и независимо развиваются и в других работах. См., например: Г. В. Петрова. Принципы синтаксической таксономии — Автореф. канд. дисс. М., 1971.

структуру предиката, в котором этот глагол способен употребляться¹².

Для выяснения вопроса о пропозициональной связке в сложном предложении будем основываться на исследованиях В. А. Белошапковой¹³. Суть концепции автора заключается в том, что сложное предложение — не единица того же уровня, что простое предложение (как считают некоторые современные исследователи). Собственным грамматическим значением простого предложения является предикативность (в прежнем, недополненном понимании), собственным же грамматическим значением сложного предложения — смысловые отношения между соединяющимися в его составе компонентами. Предикативность у сложного предложения является не его значением, а, будучи необходимым качеством его компонентов, — элементом его структуры. Отношения между компонентами сложного предложения — той же природы, что и отношения между словоформами, соединяющимися в составе словосочетаний, но выражаются эти отношения иными средствами, совпадающими лишь отчасти с системой средств выражения связей между словоформами. «Система сложного предложения предполагает существование системы простого предложения и словосочетания со свойственными им закономерностями; она строится над этими системами и на их основе»¹⁴. Таким образом, последние являются синтаксическим обоснованием схемы сложного предложения.

Что сближает этот подход с отмеченными выше логическими концепциями? Если бы сложное предложение рассматривалось в одном ряду с простым, то с логической точки зрения его структура сводилась бы к структуре простого предложения, т. е. к различным видам пропозициональной связки «S есть Р» и к многоместным предикатам. Такое освещение было бы, очевидно, аналогично рассмотрению всех относящихся сюда логических проблем синтаксиса с довольно узкой точки зрения — либо логики отношений, либо формализованной силлогистики и исчисления высказываний. Но в данной концепции сложные предложения рассматриваются с точки зрения всего многообразия логических отношений между их частями и способов выражения этих отношений, взятых в их синтаксической системе, и в этом многообразии простая пропозициональная связка и многоместные предикаты простого предложения оказываются лишь частными случаями. Это аналогично расширению исчисления предикатов в логике.

¹² Смещение «синтаксической парадигмы» как структуры предиката предложения и «семантической парадигмы» как структуры групп глаголов, могущих употребляться в данном предикате, отмечалось в литературе; см.: Г. В. Петрова. О понятии парадигмы в семантике и синтаксисе. «Вестник МГУ». Серия Х. Филология, 1970, 6.

¹³ См. ее последние по времени работы: В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1970; — а также и соответствующий раздел академической «Грамматики».

¹⁴ В. А. Белошапкова. Сложное предложение..., стр. 4.

Чрезвычайно важно при этом и то, что такая лингвистическая система позволяет (подобно тому, как это делается в исчислении предикатов) каждому предикату поставить в соответствие определенную функцию¹⁵, что гораздо хуже удастся применительно к простой связке «S есть Р» — основной связке простого предложения.

Дадим теперь общее лингвистическое определение пропозициональной функции. Функтором пропозициональной функции служит та языковая форма предикации, которая называется структурной схемой предложения. Следовательно, в языке столько разновидностей пропозициональной функции, сколько структурных схем предложения — как простого, так и сложного. Поскольку схема характеризуется лексическим наполнением, а схема сложного предложения имеет наполнение в виде схем простых предложений, то «областью определения» пропозициональной функции является совокупность единиц, служащих наполнению соответствующей структурной схемы. Если исходными компонентами схемы были непредикативные единицы, то результатом применения функции будет простая предикация (простое предложение); если компонентами были предикативные единицы, то результатом окажется предикация того типа, которая характерна для сложного предложения. Таким образом, с содержательной стороны пропозициональная функция покрывает все формы предикации, существующие в данном языке (за исключением так называемых форм «неспециально предназначенных для предикации»)¹⁶.

Данные здесь определения позволяют наиболее естественным образом разграничить структуру предиката (ею будет структурная схема предложения, или функтор) и семантику предиката (ею будет, во-первых, «область определения» — лексическое наполнение или наполнение синтаксическое, если наполнителями структурной схемы оказываются более простые синтаксические единицы, как, например, простые предложения в составе сложного предложения; во-вторых, значение самого функтора). Может, однако, оказаться целесообразным не включать значение функтора (т. е. саму функцию) в семантику предиката. Поскольку разграничение сделано, это уже второстепенный вопрос.

Категорию синтаксического отрицания можно рассматривать на основе понятия пропозициональной функции. Области определения пропозициональной функции, как правило, ограничиваются а) со стороны лексики, б) со стороны семантики, в) со стороны набора простых предложений, — короче говоря, со стороны любого из ее наполнителей.

Посмотрим, в чем могут заключаться ограничения в области определения пропозициональной функции на примере синтак-

¹⁵ См. определение пропозициональных связок: Н. И. Кондаков. Логический словарь, стр. 420—421.

¹⁶ См. о них: «Грамматика...» § 1282.

сического отрицания. Соответствующий фрагмент русского синтаксиса состоит из трех групп структурных схем предложений: 1) из схем, вообще не принимающих отрицания, например: *Ну и характер!*; 2) из схем, допускающих как наличие, так и отсутствие отрицания, таких в русском языке большинство, например: *Ученик читает, Ученик не читает. Не ученик читает* (подробнее на них остановимся ниже); 3) из таких схем, в которых отрицание является постоянным компонентом схемы и которые без этого компонента не существуют, таких схем насчитывается тринадцать (например: *Некуда пойти; Билетов не достать; Ни огонька; Сегодня не уснуть*)¹⁷. Сточки зрения области определения пропозициональной функции — а все отрицательные схемы по определению являются видами этой функции — эти схемы распадаются на такие разряды:

А) семантически неограниченные, из общего количества 13 таких схем: *Нет + род. падеж (Нет покоя); Ничего + род. падеж прилагательного (Ничего нового); Ни + местоимение + согласованное сущ. в род. падеже (Никаких проблем); Не до + род. падеж (Не до театра); Не + инфинитив (+ же) (Не ночевать же!)*¹⁸; *Не + инфинитив совершенного вида (Не проехать); Не + страд. причастие на -о + род. падеж (Не послано письма);*

Б) семантически ограниченные, из 13 таких шесть, они в свою очередь делятся на две группы: а) лексически неограниченные, таких четыре: *Им. падеж + + не в + вин. падеж (Праздник не в праздник); Никого + род. падеж (Никого родных); род. падеж + глагол на -ся (Времени не остается, Трудностей не встречается); Ни + род. падеж (Ни души, Ни огонька);* б) лексически ограниченные, из шести схем таких две: одна с отрицательными местоимениями и наречиями типа *Некуда пойти, Не с кем говорить*; другая — с отрицанием *не* при инфинитивах двух глаголов *видать, слышать; Счастья не видать, Такого голоса нам уже не слышать*¹⁹ (схемы типа *Некуда пойти* и т. п. ограничены со стороны своего местоименного элемента).

Учет ограничений в области определения пропозициональной функции на примере синтаксического отрицания позволяет по-новому осветить некоторые сложные моменты синтаксиса. На первый взгляд кажется совершенно правомерным сопоставлять предложение *Ни души* с *Не было ни души* и *Не будет ни души*, и видеть в этом ряду оппозицию по линии времени: настоящее — про-

¹⁷ См. полное обследование отрицательных предложений в работе: К. В. Габучан. Отрицательные структурные схемы простого предложения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1971; ниже используются ее данные в несколько иной классификации.

¹⁸ Ср. тип без *же*: *Не жарко вам в валенках-то? — Не жарко: не плясать.*

¹⁹ Последние схемы тяготеют к фразеологизации: параллельная к *видать* форма *видеть* здесь невозможна.

шедшее — будущее. Однако такой подход означал бы рассмотрение этих форм вне системы отрицательных предложений русского языка. На самом деле схема типа *Ни души* является безглагольной²⁰, и, согласно общему правилу русского синтаксиса, соотносительные с нею формы синтаксического прошедшего и будущего времени должны были бы образовываться посредством введения глагола «быть»²¹, в результате чего мы имели бы предложения *Ни души*, **Было ни души*, **Будет ни души*, т. е. грамматически неправильные формы. Можно было бы попытаться выйти из этого затруднения в поисках системности иным путем, предположив, что в форме *Ни души* мы имеем разновидность схемы *Нет ни души*, но только с пропущенным *нет*. В таком случае формы *Не было ни души*, *Не будет ни души*, действительно, могли бы быть поставлены с ней в один ряд. Но тут трудность возникает в самой форме *Нет ни души*, так как тогда *ни* оказывается здесь всего лишь факультативным, но не обязательным элементом, и, удалив его, мы получаем *Нет + род. падеж* (ср. *Души нет живой; Покоя нет!*), т. е. совершенно иную схему русского предложения. Во всех случаях попытки обнаружить системность в соотношении названных форм приводят к синтаксическим противоречиям и доказывают отсутствие объективной синтаксической системности в этом месте.

Все дело в том, что сближенные здесь *Нет + род. падеж* и *Ни + род. падеж* являются двумя совершенно различными структурными схемами русского языка, а потому ряд *Ни души*, *Не было ни души*, *Не будет ни души* представляет собой всего лишь межсхемные, т. е. с точки зрения структуры предиката — второстепенные, а подчас и случайные отношения (случайные оппозиции). Они могут иметь системный характер лишь с точки зрения семантики, так как возникают на основе сходства в лексическом наполнении разных схем и распадаются с утратой лексического сходства. Подобным же образом решается вопрос о трехчленных рядах типа:

1	2	3
1. Такое бывает	Такое не бывает	Такого не бывает
2. Ответ пришел	Ответ не пришел	Ответа не пришло
3. Получено письмо	Не получено письмо	Не получено письма
4. Было о чем говорить	Не было о чем говорить	Не о чем было говорить

²⁰ См.: К. В. Рабучан. Указ. соч., стр. 17.

²¹ При более строгой теории даже такое сближение было бы неправомерным см.: V. Pisani. Zum russischen Nominalsatz. — IF, 49, 2, 1931; E. Benveniste. La phrase nominale. В его кн.: «Problèmes de linguistique générale». Paris, 1966 (см. русск. перев. в кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974); с типологической точки зрения см.: Н. А. Булах. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках, «Уч. зап. Ярославск. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского», 30 (40), 1957, стр. 53 и сл.

5. Там можно про- ехать	Там невозможно про- ехать	Там не проехать
6. Дождь	—	Нет дождя
7. Уже зима	Еще не зима	Еще нет зимы

Первая и вторая колонки представляют собой утвердительные и отрицательные варианты основных схем русского языка, допускающих в своем составе как утверждение, так и отрицание (это группа 2 на стр. 261). Третья колонка — это собственно отрицательные схемы русского языка, не допускающие никаких вариаций по линии «утверждение — отрицание». Первые две колонки — в каждой горизонтальной строке соответственно — принадлежат к соответствующей одной парадигме предложения, третья колонка представляет совершенно иные парадигмы. Связь между двумя первыми колонками, с одной стороны, и третьей колонкой, — с другой, не образует никакой парадигмы, она обусловлена лишь одинаковой семантикой выражений, стоящих в одном горизонтальном ряду.

Разумеется, целься не видеть связи между выражениями всех трех колонок, но все дело в том, что эти связи, как показывают детальные исследования, являются в современном русском языке регулярными лишь в рамках шести-семи семантических областей, показанных выше примерами под номерами 1—7.

Если более тщательно описать области определения, соответствующих шести или семи пропозициональным функциям (т.е. схемам предложения, данным в приведенных трех колонках), то будет получен совершенно определенный ответ на вопрос, в каких случаях допустимы семантико-синтаксические сближения типа *Получено письмо — Не получено письма*. Что ограничения здесь довольно серьезны, видно хотя бы из неправильности форм **Завтра меня вряд ли будет*; **Не приехало мамы* (фразы из речи иностранца).

Для современных теорий высказывания характерно четкое различие трех аспектов, или «функций», высказывания — 1) номинации, 2) предикации, 3) модальности²². В связи с этим возникает вопрос о том, в рамках какого аспекта следует рассматривать синтаксическое отрицание. Является ли оно отрицанием номинации, отрицанием предикации или отрицанием модальности? Рассмотрим все три возможности. Представление о языке как о семиотической системе разъясняет, что модальность возникает на основе категории времени как ее дальнейшее развитие и транс-позиция²³.

²² О различении номинации от предикации с модальностью см.: Н. Д. Арутюнова. О номинативном аспекте предложения. — ВЯ, 1971, 6; ср. также: В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 166 и сл., особенно стр. 200.

²³ См.: Ю. С. Степанов. Структура французского языка. М., 1965, стр. 86—88 и далее.

С этой точки зрения синтаксическое отрицание, не имея отношения к категории времени, не может быть и формой категории модальности. Остаются две возможности: отрицание либо форма номинации (отрицание номинации), либо форма предикации (отрицание предикации). Рассмотрим эти возможности на примере оппозиций двухчленных (или двухкомпонентных) предложений, состоящих из подлежащего и сказуемого. Они могут иметь отрицание либо при первом, либо при втором члене, либо при обоих сразу (другие возможные изменения категорий мы исключаем и рассматриваем эти предложения по линии других категорий — времени, порядка слов, лексического наполнения и т. д. — в неизменной форме). Вариации по линии отрицания образуют четырехчленную парадигму: 1) *Новичок играет*, 2) *Не новичок играет*, 3) *Новичок не играет*, 4) *Не новичок не играет*. К четырем парадигматическим формам надо присоединить еще одну, пятую, когда отрицание относится не к одному из членов предложения, как в четырех первых, а ко всему предложению в целом, и отрицаемому предложению эксплицитно или имплицитно может быть противопоставлено другое целое предложение: 5) *Не ветер бушует над бором*, *Не с гор побежали ручьи*, [*Мороз-воевода дозором Обходит владенья свои*]; *Не лед трещит*, *не комар пищит*, [*То кум до кумы судака тащит*] (см. также стр. 42—46).

Форма (2), взятая в ее письменном виде, является омонимом, точнее омографом, трех предложений, отрицаемая часть которых для наглядности взята в скобки: а) (*Не новичок*) *играет*, в смысле «Играет опытный мастер»; *не новичок* здесь семантический, выраженный лексемой, антоним к *новичок* и синоним к *мастер*, *опытный человек*²⁴; отношение этого предложения к форме (2) носит семантический характер, с синтаксической точки зрения — это случайная оппозиция; б) *Не (новичок) играет*, в смысле «Играет не тот, кого мы называем новичком в нашей среде», ср. *Петров играет* — *Не Петров играет*, это отрицание чисто синтаксическое; в) *Не (новичок играет)* — в противопоставлении, например, следующему: *Не новичок играет, а инструмент плохой, в этом все дело*, ср. *Не ветер бушует над бором* ... Последнее — это названная выше форма (5). Таким образом, форма (2) в одном из своих значений и форма (5) являются омонимами.

Осталось показать особенности формы (5). Сделаем это по аналогии с анализом в логике. Высказывание, описывающее нечто, например, высказывание «р», рассматривается как равносильное утверждению «Имеет место, что р»²⁵. Аналогично в естественном языке высказывание *В Арктике живут белые медведи* одновременно описывает и тем самым называет определенную ситуацию (выполняет функцию номинации) и утверждает существование

²⁴ О таком типе антонимии в русском языке см.: Л. А. Новиков, Логическая противоположность и лексическая антонимия. — РЯШ, 1966, 4.

²⁵ Ср.: Я. А. Славин, Об итерированных модальностях в современной логике. «Неклассическая логика». М., 1970, стр. 286—288.

признаков этой ситуации (выполняет функцию предикации). В «функции» номинации оно имеет синонимичную форму в виде *Проживание в Арктике белых медведей*. В «функции» предикации оно имеет синонимичную форму *Имеет место, что в Арктике живут белые медведи*. Точно также обстоит дело в случаях *Новичок читает; Петров читает; Ветер бушует над бором*. Отрицательная форма *Не (новичок читает); Не (ветер бушует над бором)*, и т. п. противопоставлена форме предикации *Имеет место, что, (новичок читает), Имеет место, что (ветер бушует над бором)*, но не противопоставлена форме номинации (заключенной в скобки). Итак, если в форме без отрицания *Ветер бушует; Новичок читает* и т. д. выражаются одновременно две «функции» — номинации (описания ситуации) и предикации (утверждения признаков ситуации), то в форме (5) с отрицанием эти функции разъединяются: форма (5) соответствует лишь отрицанию предикации, но не отрицанию номинации.

Синтаксическое отрицание в русском языке, т. е. отрицательные структурные схемы предложения, являются специфической формой предикации как вневременного утверждения признаков. Отрицание же номинации, или отрицательная номинация, очевидно, связанны с отрицательными формами глагольного слова. Вопрос об отрицании модальности требует специального изучения.

§ 3. Оппозиция может быть совмещена с функцией.

Основания порождающего (генеративного) метода

Приступая к теме, названной в заголовке этого параграфа, мы должны уточнить некоторые исходные положения. Одно из них касается термина «порождающая (генеративная) грамматика». Как уже указывалось (см. «Введение», § 2), он употребляется в двух значениях — во-первых, как «теория языка», во-вторых, как «метатеория», т. е. как «теория порождающих грамматик». В соответствии со всей задачей этой книги мы будем говорить о порождающей грамматике в первом смысле, как о теории языка, и рассматривать порождающий метод как метод этой теории.

Второе уточнение касается термина «порождение». В работах по порождающей грамматике находим разные его определения. Ряд авторов присоединяется к следующему толкованию Р. Б. Лиза, которое они цитируют: «Здесь, как и в других лингвистических работах, употребляется термин «порождать» (generate). Это специальное понятие часто смешивается с термином «производить» (produce), что приводит к печальным последствиям. Понятие **п о р о ж д е н и я** употребляется здесь в его математическом смысле, а именно как синоним **п е р е ч и с л е н и я**, **в ы б о р а** посредством некоторого правила. Например, мы можем утверждать, что функция, определенная на множестве натуральных чисел $y = 2x$ порождает множество четных чисел. Отметим, однако, что невозможно утверждение, будто функция производит

эти числа. Более того, нельзя сказать с уверенностью, что подобное утверждение имеет смысл»²⁶. Таким образом, здесь термин «порождение» приравнивается к термину «рекурсивная функция» и в конечном счете к термину «функция». Это определение в более узком виде повторяют, говоря, что термин «порождение» следует понимать в смысле синонима термина «рекурсивное перечисление»²⁷. (Наряду с «рекурсивным перечислением» под тот же общий термин «порождение» подходит и «трансформация» — см. ниже)²⁸. Однако в тех же работах имеется и другое понятие порождения — «аппликация». Лингвисты, работающие с этим понятием, считают, что с помощью операции аппликации можно порождать фразы любой степени сложности и что в аппликативной порождающей модели единственно существенной операцией, с помощью которой возможно порождение синтаксических структур любой степени сложности, является именно эта операция²⁹⁻³⁰.

Характерно, что в списках терминов в этих работах под заглавным термином «порождение» термин «аппликация» обычно не фигурирует и, следовательно, по мысли авторов, по-видимому, достаточно отличается от первого. Действительно, как объясняют исследователи, само название «аппликативная модель» происходит от слова «аппликация», обозначающего основную операцию, применяемую в этой модели. Аппликация — это бинарная операция, которая определяется в комбинаторной логике так: «если X и Y есть объекты, то XY есть также объект». Может ли быть понятие «аппликации» сведено к общему определению «порождения», как оно дано выше? Или, быть может, «аппликация» и «порождение» представляют собой две разновидности одного и того же более общего понятия и покоятся на общем основании? Вот вопросы, которые необходимо разрешить.

Остановимся сначала подробнее на «аппликации». Если брать ее в том виде, как она определяется обычно в контексте исследований по аппликативной модели, а не в контексте комбинаторной логики, на которую зачастую ссылаются в этой связи, то в основе операции «аппликации» лежит простое правило вывода, так называемый *modus ponens*, позволяющий из формул A и $(A \supset B)$ вывести формулу B . Само по себе это правило не принадлежит к комбинаторной логике и является, по выражению Х. Карри, «аналогом характерного свойства связки импликации»³¹. В этом случае, следовательно, логической основой операции «апплика-

²⁶ Р. Б. Лиш. О возможностях проверки лингвистических положений. — ВЯ, 1962, 4, стр. 54.

²⁷ Ср.: Н. И. Кондаков. Логический словарь. Ст. «Рекурсивная функция». ²⁸ См.: «Новое в лингвистике», вып. II, см. 1962, стр. 399.

²⁹⁻³⁰ См. основные работы по «аппликативной» структурной лингвистике.

³¹ Х. Карри. Основания математической логики. М., 1969, стр. 211; ср.: С. Яновская. Логика комбинаторная. «Философская энциклопедия», т. 3. М., 1965, стр. 226.

ции» является импликация. С некоторой точки зрения импликация, лежащая в основе «аппликации», и рекурсивная функция, лежащая в основе «порождения», могут быть сведены к общему понятию (см. ниже), но очевидно, что в данном случае для лингвистической теории важно как раз их отличие друг от друга.

Если же рассматривать определение «аппликации» в контексте комбинаторной логики, то ее основанием будет понятие «функции», независимое от понятия «множества» (множества значений аргументов и множества значений функции)³². И с этой точки зрения также различие между «аппликацией» и «порождением» достаточно существенно. С каких бы точек зрения ни подходить, различие между «аппликацией» и «порождением» остается; его-то, следовательно, мы и должны признать подлинным логическим основанием порождающего метода, которое, таким образом, оказывается двойственным. Может ли эта двойственность найти объяснение и синтез в какой-либо более общей системе взглядов?

Мы полагаем, что может и что такой более общей системой является различие между «синтаксическими системами» и «об-системами». К их сравнению обращались и аппликативисты, однако наши выводы из сравнения иные, что сейчас и будет показано. Х. Карри определяет названные системы следующим образом: «Первый из двух видов систем, который мы рассмотрим, — это так называемые синтаксические системы. В такой системе формальные объекты рассматриваются как выражения некоторого языка-объекта. Назовем этот язык *О-языком*. Тогда имеется определенный запас *О-символов* или *букв*, составляющих *О-алфавит*; формальные объекты являются конечными последовательностями этих букв.

Один путь представления объектов в виде индуктивного класса состоит в том, чтобы понимать их как образованные приписыванием справа каждый раз по букве. Если допускается пустое выражение, то его можно считать единственным исходным элементом; в противном случае мы должны считать исходным элементом каждую букву. Операция — приписывание буквы справа; число этих операций равно числу букв. Тогда выражения образуют индуктивный (причем монотектонический) класс; синтаксическую систему, понимаемую таким образом, мы будем называть *аффиксативной системой*. Как мы увидим дальше, это понятие в некоторых отношениях неудовлетворительно.

Второй путь состоит в том, чтобы понимать выражения как индуктивный класс, в котором буквы являются начальными элементами и существует единственная бинарная операция, называемая *сочленением*. Мы иногда символически обозначаем ее ... через \wedge Значение этой операции таково: если X и Y — выражения, то $X \wedge Y$ образуется приписыванием Y непосредственно после X (справа от него). Итак, если ' α ', ' β ' — буквы, X есть

³² См.: Х. Карри. Указ. соч., стр. 179—180; С. Яновская. Указ. соч., стр. 226.

' $\alpha\beta$ '. Y есть ' $\beta\beta\alpha$ ', то $X \wedge Y$ есть ' $\alpha\beta\beta\beta\alpha$ '. Ясно, что выражения являются теперь индуктивным классом; но так как сочленение ассоциативно, то этот класс политектоничен. Таким образом, ' $\alpha\beta\alpha$ ' имеет две конструкции:

$$\frac{\frac{\alpha' \beta'}{\beta'} \alpha'}{\alpha\beta\alpha} \qquad \frac{\alpha' \frac{\beta' \alpha'}{\beta\alpha'}}{\alpha\beta\alpha}$$

Синтаксическую систему такого вида мы назовем *конкатенативной*³³. Под термином «индуктивный класс» понимается здесь класс элементов, каждый из которых построен по определенному правилу. Если каждый элемент может быть построен только одним способом, то класс «монотектоничен», если несколькими, то класс «политектоничен».

Очевидно, что операция «аппликации» в аппликативной модели является фрагментом некоторой конкатенативной синтаксической системы. Операция разложения высказывания методом «непосредственно составляющих» (НС) также является фрагментом некоторой конкатенативной синтаксической системы.

«Во втором типе дедуктивной системы,— продолжает Х. Карри,— который мы назовем *об-системой*, формальные объекты образуют монотектонический индуктивный класс. Элементы этого индуктивного класса называются *атомами*, его начальные элементы— *атомами*, а способы комбинации (исходными) операциями. Каждый об является, таким образом, результатом конструкции из атомов посредством исходных операций; ввиду свойства монотектоничности эта конструкция единственна. Поэтому об может быть отождествлен с такой конструкцией, воплощенной, если угодно, в виде древовидной диаграммы (или нормальной конструкционной последовательности); в этом отношении об противопоставляется О-выражению, которое воплощается в виде линейного ряда. За исключением указанных свойств, безразлично, что представляют собой обы, и бесцветное слово «об» выбрано нарочно, чтобы подчеркнуть это безразличие»³⁴. Операция «рождение» в определенном выше смысле, а также «трансформация», представляющая собой цепочку дериваций и могущая быть представленной в виде математического дерева, очевидно являются фрагментом некоторой об-системы.

В аппликативной модели отношения между трансформацией и аппликацией представлены противоположным образом: трансформация характеризуется как принадлежность конкатенативной системы, а аппликация — как принадлежность об-системы. Это видно, например, из следующих положений основных работ этого направления: модели непосредственно составляющих и трансформационная модель принадлежат к конкатенативным системам;

³³ Х. Карри. Указ. соч., стр. 88—89.

³⁴ Там же, стр. 92.

можно утверждать, что поскольку линейный порядок следования лингвистических элементов принадлежит к аспектам функционирования языка, данным в прямом наблюдении, и не относится к внутренним, глубинным связям между лингвистическими элементами, структуры цепочек должны рассматриваться в качестве лингвистических фенотипов (т. е. конкретных черт естественных языков. — Ю. С.); аппликативная модель по своей логической структуре принадлежит к дедуктивным системам, которые Х. Б. Карри называет системами абстрактных объектов (ob-systems)³⁵.

Чем вызвана такая «обратная» квалификация этих операций в этой модели? Обратимся к утверждению, которое, может быть, это разъясняет. Когда аппликативисты говорят, что операция аппликации нелинейна, то они предлагают понимать это в том смысле, что с точки зрения этой операции нелинейными являются элементы языка-объекта. Сама же операция аппликации записывается линейным способом. Но этот линейный порядок относится не к языку-объекту, а к метаязыку, с помощью которого описывается язык-объект³⁶. Очевидно, что характеристика операции аппликации как нелинейной относится здесь к тем отношениям, которые существуют между аппликацией и описываемым с ее помощью объектом (естественным языком), т. е. к интерпретации системы. Но системы характеризуются как конкатенативные (линейные) или об-системы не на основании того, каковы их возможные интерпретации, а на основании их собственных свойств. Сама аппликация носит линейный характер.

Из сказанного выше и из нашего понимания отношений между «аппликацией» и «порождением» (включая в последнее «трансформацию»), отличного от понимания аппликативистов, следует, что «аппликация» и «порождение» являются двумя основными операциями в абстрактных порождающих моделях (как Н. Хомского, так и аппликативистов). «Аппликация» и «порождение» покоятся на двух различных логических основаниях, заключающихся в их принадлежности к двум разным типам систем: «аппликация» принадлежит к конкатенативным (синтаксическим, линейным) системам, «порождение» — к об-системам. Являются синтаксическими системами (или их фрагментами): метод непосредственно составляющих (НС); аппликация. Являются об-системами (или их фрагментами): «порождение» в узком смысле слова (как выше в определении Р. Б. Лиза); трансформации. Все эти операции принадлежат к абстрактному языку, являющемуся метаязыком по отношению к естественному языку-объекту. Сказанное можно резюмировать следующим образом (табл. 51).

Сказанным намечается также и синтез, или совмещение «аппликации» и «порождения», в том лингвистическом смысле совмещения,

³⁵ См. основные работы по «аппликативной» структурной лингвистике.

³⁶ Там же.

Таблица 51

Согласно аппликативной модели

Ср. здесь

	Уровень наблюдения (естественный язык-объект)	Уровень конструкторов (метаязык)
Синтаксические системы	Метод НС; трансформации	
Об-системы		Порождение; аппликации

	Уровень наблюдения (естественный язык-объект)	Абстрактный уровень (метаязык)
Синтаксические системы		Метод НС; аппликации
Об-системы		Порождение; трансформации

который был разъяснен в § 1, гл. II, ч. III. Логические основы этого синтеза заложены в самом взаимном отношении синтаксических систем и об-систем. Вот что говорит об этом Х. Карри: «...Каждый из двух типов систем можно свести к другому. Возможность синтаксического представления, изложенного в разделе 4 (книги Х. Карри. — Ю.С.) показывает, что об-система может быть сведена к эвтактической синтаксической системе. Обратное сведение для произвольной синтаксической системы показано в принципе в примерах 3 и 4. В случае систем, обычно используемых для логических целей, можно пойти даже дальше. Ведь эти системы — эвтактические и монотектонические, а такие системы, так сказать, одновременно принадлежат к обоим типам»³⁷ (разрядка моя. — Ю.С.). (Под эвтактической системой, точное определение которой нам здесь сейчас неважно, понимается система, в которой, в отличие от пантактической, не допускаются всевозможные выражения и где, следовательно,обы совпадают лишь с некоторыми, а именно правильно построенными выражениями синтаксической системы).

С другой стороны, импликация в широком смысле термина («если..., то...»), лежащая в основе трансформаций и «порождения», и «аппликация», лежащая в основе аппликативной модели, могут быть сведены к общему понятию «пликации»³⁸.

Рассмотрим теперь лингвистические аналоги указанных отношений. Из двух понятий порождения — «порождения» в собственном смысле слова (включая «трансформацию») и «аппликации» будем рассматривать лишь первое. Согласно приведенному выше определению (Р. Б. Лиза, к нему присоединяются и аппликатив-

³⁷ Х. Карри. Указ. соч., стр. 101.

³⁸ О содержании этого нового термина, введенного Х. Б. Карри в его русскими переводчиками, см.: Х. Карри. Указ. соч., стр. 210, 244.

сти), оно представляет собой в общем функцию. Таким образом, его лингвистическим аналогом является «функция» в определенном нами выше смысле термина (см. ч. I, § 4, и ч. III, гл. II, § 2). «Областью определения» функции в лингвистическом смысле являются классы дистрибуции (см. § 2). Теперь осталось показать, что эти классы дистрибуции в порождающих грамматиках вводятся как особым образом упорядоченные и что принцип упорядочения здесь представляет собой не что иное, как оппозицию. Тогда будет показано, что лингвистическими аналогами основных логических отношений порождающих грамматик являются «функция» и «оппозиция» и особый способ их совмещения.

Что понятие оппозиции фактически присутствует в порождающей грамматике (во всяком случае, аппликативной) видно из следующего рассуждения, которое мы здесь воспроизводим целиком. Даже и в отношении членов предложения требование выделять зависимости является достаточно сильным требованием, поскольку и в этом случае вопрос о том, что считать главным, а что зависимым, далеко не всегда представляется очевидным.

Аппликативное дерево оставляет открытым вопрос о зависимостях, но вместе с тем оно не ограничивается простой констатацией факта связи между парой элементов. В аппликативной грамматике связь между элементами рассматривается как процесс преобразования элементов одного лингвистического класса в элементы того же лингвистического класса или элементы другого лингвистического класса. Например, что такое связь «прилагательное + существительное»? Эта связь есть процесс преобразования существительного в существительное. Что такое связь «существительное + глагол»? Это процесс преобразования существительного в предложение. Что такое связь «предлог + существительное»? Это процесс преобразования существительного в наречие.

Аппликация есть связь, понимаемая как процесс преобразования одних лингвистических классов в другие. Между лингвистическими классами существует иерархия: одни классы всегда служат только операндами (это первичные классы), другие классы служат операторами только первичных классов (это первичные операторы), третьи классы служат операторами над первичными операторами (это вторичные операторы) и т. д. Таким образом, аппликативное дерево служит инструментом описания языка как динамической системы лингвистических классов, преобразуемых друг в друга (причем в систему входит и класс предложений)³⁸.

Рассмотрим теперь лингвистический вопрос о совмещении категорий оппозиции и функции в более общей форме — как вопрос о соотношении систем оппозиций в целом, т. е. парадигматики, с системой импликаций как линейных свойств, т. е. синтагматикой.

³⁸ См. в работах по философским вопросам «аппликативной лингвистики».

Прежде всего следует сказать, что соотносительное определение синтагматики и парадигматики принадлежит к одному из самых сложных теоретических вопросов лингвистики. В его трактовке в структурной лингвистике имеется существенное противоречие, усиливавшееся по мере развития ортодоксального структурализма.

Ф. де Соссюр, впервые четко указавший на различие тех и других отношений, определял их не зависимо друг от друга, просто указывая, что парадигматические отношения, по сравнению с синтагматическими, «отношения совершенно иного рода»⁴⁰.

Л. Ельмслев, развивая это положение де Соссюра, поставил парадигматические отношения (по его терминологии парадигматика — «система») в зависимость от синтагматических отношений (по его терминологии, синтагматика — «текст», или «процесс»). В самом деле, ведь парадигматические отношения «или — или» берутся именно как производное от места в тексте, или процессе, т. е. производное от синтагматики: или один, или другой элемент парадигматики может быть употреблен в одной позиции в тексте⁴¹. Между тем, как основное положение своей теории Л. Ельмслев утверждает обратное соотношение: «система порождает текст».

То же противоречие сохраняется и в определении аппликативистов, следующих в этом вопросе за Л. Ельмслевом. Противоречие даже углубляется, так как, если Л. Ельмслев характеризовал парадигматические отношения как логическую дизъюнкцию, где связка «или — или» допускает двоякое толкование «или/и», то новая модель придает формулировке более жесткий характер, оставляя за союзом «или» только одно значение, без «и», т. е. сводя парадигматические отношения к логической исключающей дизъюнкции⁴². Задержимся на логической стороне вопроса.

Синтагматические отношения аппликативисты трактуют в качестве аналога логической операции «конъюнкции», где термины «истинный» и «ложный» (в табл. 52 соотв. И, Л) надо заменить терминами «существует» и «не существует», тогда из таблицы видно, что синтагматическое отношение возможно только в том случае между двумя языковыми элементами, когда оба они сосуществуют в речевом потоке. Парадигматические отношения при этом рассматривают как аналог логической операции «исключающей дизъюнкции».

Мы продолжим эту логическую аналогию и с этой целью сопоставим табличку конъюнкции с табличкой исключающей дизъюнкции, т. е. трактовку синтагматических и парадигматических отношений в приведенной жесткой формулировке (1), и затем табличку конъюнкции с табличкой дизъюнкции, т. е. трактовку тех же отношений в менее жесткой формулировке Л. Ельмслева (2), — друг с другом.

⁴⁰ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 121

⁴¹ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1962, стр. 295.

⁴² Ср. в работах по «двухступенчатой» фонологии 60-х годов.

Таблица 52

(1) Синтагматика Парадигматика

р	q	$p \wedge q$	р	q	$p \vee q$
И	И	И	И	И	И
И	Л	Л	И	Л	И
Л	И	Л	Л	И	И
Л	Л	Л	Л	Л	Л

Мы видим, что при этой трактовке между синтагматикой и парадигматикой нет точек соприкосновения в логическом смысле: третьи колонки не имеют совпадающих значений И (где в третьей колонке первой таблицы стоит И, там в третьей колонке второй стоит Л; где Л в первой табличке, там Л и во второй). Если в свою очередь совместить ту и другую табличку по правилам конъюнкции, то между ними нет точки соприкосновения И.

Иное, при трактовке по Л. Ельмслеву (табл. 53):

Таблица 53

(2) Синтагматика Парадигматика

р	q	$p \wedge q$	р	q	$p \vee q$
И	И	И	И	И	И
И	Л	Л	И	Л	И
Л	И	Л	Л	И	И
Л	Л	Л	Л	Л	Л

в этом случае, если в свою очередь совместить третьи колонки табличек по правилам конъюнкции, то между ними обнаруживается совпадение в первой строчке: между синтагматическими и парадигматическими отношениями существует точка соприкосновения в логическом смысле.

В лингвистическом смысле этой точкой соприкосновения парадигматики и синтагматики будет с и н к р е т и з м.

Понятие синкретизма как общего свойства языка было введено в лингвистику Л. Ельмслевом⁴³. (Раньше слово «синкретизм» употреблялось только для обозначения совпадения падежей в парадигме, например, русск. *мальчика* — Р. и В. ед. числа). И хотя это было сделано им в строгом виде, однако и в учении Л. Ельмслева здесь остается место для двух разных толкований синкретизма. Первое толкование синкретизма вытекает из общих определений Л. Ельмслева, но самим автором примерами не подтверждено и в дальнейшем изложении у него не использовано. Остановимся на первом понимании. Сущности языка, связанные отношением «или — или» составляют к о р р е л я ц и ю, или парадигму. Отношение «или — или» следует понимать в свою очередь в новом отношении — к речи, т. е. так, что в речи (в языковом процессе) может быть использован в каждом данном месте или один член парадигмы, или другой, но не два сразу. Языковой процесс, т. е. речь, речевая цепь, основана на отношении «и — и», называемом р е л я ц и я. Корреляция в одном плане языка, например, в плане выражения, относится к корреляции в другом плане, в плане содержания, по-разному. Если изменение корреляции в одном плане влечет за собой изменение корреляции в другом плане, то между корреляциями обоих планов, т. е. внутри парадигм, хотя они и не принадлежат к процессу, к речи, все же существует тоже отношение «и — и», реляция. Такой случай отношения корреляций друг к другу называется к о м м у т а ц и е й. Пример (наш) коммутации: *мальчик* — *мальчику*, переход от одного члена парадигмы к другому в плане выражения сопровождается соответствующим переходом в плане содержания и обратно (ср. стр. 231).

Схема коммутации:

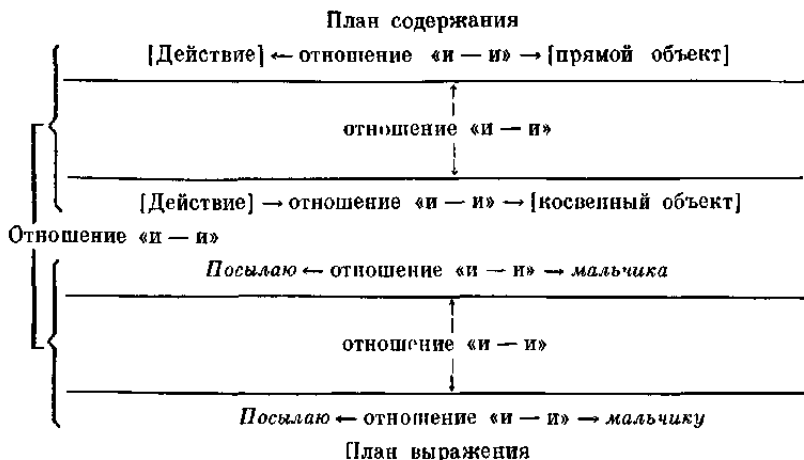

Если изменение корреляции в одном плане не сопровождается изменением в другом плане, то коммутация отсутствует: напр., *зарей* — *зарю*.

Далее Л. Ельмслев устанавливает аналогичное явление и в речевой цепи: «Точно так же как мы можем представить себе корреляцию и взаимозамену в парадигме, имеющей реляцию к соответствующей корреляции и к соответствующей взаимозамене па-

⁴³ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка.

радикалы в другом плане языка, мы можем вообразить реляцию и сдвиг в цепи, который имеет реляцию к соответствующей реляции и к соответствующему сдвигу в цепи в другом плане языка; в этом случае мы будем говорить о *пермутации*⁴⁴.
 Схема пермутации:

Коммутация и пермутация обозначаются общим термином *м у т а ц и я*. Синкретизм в общем виде Л. Ельмслев определяет как случай устранения мутации: «устраненную мутацию между двумя функцивами (элементами, сущностями языка. — Ю.С.) мы назовем совпадением, а категорию, установленную совпадением, назовем (в обоих планах языка) *с и н к р е т и з м о м*⁴⁵».

Если следовать этому самому общему определению (что и будет указанным выше первым толкованием синкретизма), то следует признать, что может быть два вида синкретизма.

1) Синкретизм в парадигматике (т. е. в результате устранения коммутации); например, в русском языке совпадение вин. и род. падежей в мужском роде одушевленных существительных; особая форма для каждого из указанных падежей отсутствует в этой парадигме, поэтому она, естественно, всегда будет отсутствовать и в тексте (в синтагматике); но в тексте синкретическая форма как правило воспринимается только в одном определенном значении — либо род., либо вин. падежа; синкретической форме в этой парадигме соответствуют расчлененные формы в других парадигмах, например, в парадигме женского рода.

2) Синкретизм в синтагматике (т. е. в результате устранения пермутации); например, в русском языке, совпадение значений им. и вин. падежей в форме род. приименного: *приглашение писателя* = 1) *писатель пригласил*, 2) *пригласили писателя*; отдельные

⁴⁴ Л. Ельмслев. Указ. соч., стр. 331.

⁴⁵ Там же, стр. 344.

формы им. и вин. падежей в парадигматике имеются, но в особых условиях текста (в синтагматике), а именно, при отглагольном существительном, они вступают в синкретизм.

Как уже было сказано, дальше в своей работе Л. Ельмслев развивает понятие синкретизма в ином направлении. Остановимся на этом втором понимании синкретизма. В качестве примеров он приводит, во-первых, синкретизм именительного и винительного падежей среднего рода в латинском языке, и, во-вторых, нейтрализацию между датскими *r* и *b* в конце слога, так что, например, слово *tor* может произноситься либо с *r*, либо с *b*, и делает следующий вывод: «Из данных определений следует: когда две сущности в одних условиях выявлены на основе коммутационного испытания как инварианты, а в других условиях они включаются в совпадение, то в последних они будут вариантами и только синкретизм будет инвариантом. В обоих примерах условия состоят в реляциях, в которые включаются данные сущности в цепи (разрядка моя, — Ю. С. Здесь видно, что Л. Ельмслев отказывается от понятия синкретизма в парадигматике и сводит последний к синкретизму в синтагматике, в цепи, который и становится таким образом самым общим случаем): коммутация между именительным и винительным падежами в латинском языке (которая прилагается, например, в первом склонении) устраняется, когда, например, именительный и винительный падежи включаются в реляцию со средним родом; коммутация же между *r* и *b* в датском языке... устраняется, когда *r* или *b* включаются в реляцию с предшествующей центральной частью слога»⁴⁶.

Между первым и вторым пониманием синкретизма существенная разница. Она обусловлена, однако, не разным определением синкретизма (оно остается одним в обоих случаях), а разным пониманием парадигмы. Первое толкование относится к традиционному пониманию парадигмы, при котором парадигмы имеют такое, например, для латинского языка, название «парадигма склонения среднего рода единственного числа»; каждая отдельная форма парадигмы называется, например, так: *-um*- 1) форма ср. рода, ед. числа, им. падежа; 2) форма ср. рода, ед. числа, вин. падежа. Второе толкование возникает потому, что сама парадигма в теории Л. Ельмслева понимается иначе, например, названная выше парадигма будет сложной, состоящей из парадигмы среднего рода и парадигмы падежей. Каждая отдельная форма парадигмы, неразложимая в плане выражения, например, *-um*-, в плане содержания представляется сложной, состоящей из трех сущностей: *-um*- 1) [ср. род] + [ед. число] + [им. падеж] 2) [ср. род] + [ед. число] + [вин. падеж].

Такое представление парадигмы в каждой отдельной ее форме и дает Л. Ельмслеву возможность утверждать, что «реляция,

⁴⁶ Л. Ельмслев. Указ. соч., стр. 344.

существующая в данных случаях, есть реляция между вариантами. Сущность, присутствие которой является необходимым условием для совпадения именительного и винительного падежей, есть вариант среднего рода, солидарный с группой именительный — винительный...»⁴⁷

Заметим, что оба понимания синкретизма, вытекающие из основного определения Л. Ельмслева, могут быть плодотворны и применяться в зависимости от того или иного понимания парадигмы и парадигматики. На этом вопросе мы подробно остановимся ниже.

Далее в учении Л. Ельмслева о синкретизме важно понятие импликации в синкретизме. Термин импликация совпадает с логическим термином, обозначающим отношение «если — то», и иллюстрируется следующим примером. Если в каком-либо языке (так, например, в русском) глухой и звонкий согласные являются инвариантами и связаны отношением коммутации, но в определенных условиях коммутация между ними устраняется, например, глухой перед звонким реализуется как звонкий, то имеет место синкретизм. При этом говорят, что тот глухой согласный, который заменяется соответствующим ему звонким, имплицитует этот звонкий. Например, в русск. *сбить* [зб'ит'] [с] имплицитует [з]. (О понятии импликации в этом смысле подробно см. ч. II, гл. I, § 4).

Самым важным в ельмслевской теории синкретизма являются понятия разрешимого синкретизма и неразрешимого синкретизма.

Если мы можем, несмотря на синкретизм, рассматривать латинское слово *templum* ср. рода в одном контексте как им. п., а в другом как вин. п., то это значит, что данный синкретизм разрешим. Он разрешается тем, что мы подставляем вместо формы *templum* другие формы им. и вин. падежей, в которых синкретизм отсутствует, — например, *domus* — им. п. и *domum* — вин. п. Если такие заключения по аналогии (в соответствии со строгими правилами анализа) невозможны, то синкретизм неразрешим. В русском языке простейшим примером неразрешимого синкретизма является синкретизм первой гласной фонемы в словах *корова* [карова], *собака* [сабака], ([o] или [a]?).

Весьма замечательно, что Л. Ельмслев далее в своей теории направил все внимание на исследование только разрешимого (дискретного) синкретизма. Здесь он достиг замечательных результатов и во многом, как было показано выше (ч. II), предопределил метод современного структурализма.

В соответствии с нашей задачей необходимо обратить внимание в первую очередь на явления неразрешимого (недискретного) синкретизма, охватываемые общим понятием «недискретности» (см. ч. I, § 6).

⁴⁷ Л. Ельмслев. Указ. соч., стр. 345.

Рассмотренные связи парадигматики и синтагматики подводят к необходимости заново в общей форме сформулировать основное положение об их соотношении (что и будет сделано ниже, см. «Заключение», § 2).

Вернемся теперь к упомянутому вопросу о зависимости понятия синкретизма от того или иного понимания парадигмы. Разные понимания парадигмы отчетливо были констатированы М. В. Пановым на примерах фонем и осознаны им как противоречие. «Звуки [а — á — ä], — пишет М. В. Панов, — невозможны в одной и той же позиции; мена указанных позиций всегда в современном русском литературном языке связана с меной этих звуков. Такой ряд позиционно чередующихся звуков составляет п а р а д и г м у. Парадигма, следовательно, — это ряд языковых единиц, различие между которыми определяется позицией»⁴⁸. Это понимание парадигмы, очевидно, приводит к тому, чтобы определить парадигматику как систему, основанную на отношении «или... или...» («или одно, или другое в одной и той же позиции, но не оба»). Иногда, — продолжает М. В. Панов, — термин «парадигма» употребляют в ином значении: парадигмой называют единицы, встречающиеся в одной позиции (т. е. употребляют в значении, прямо противоположном тому, какое указано выше). Например, сравнивая слова *дам — дом — дум — дым*, находят парадигму [а — о — у — ы]⁴⁹. Такое понимание парадигмы, очевидно, требует определить парадигматику, как систему отношений «или/и...» («и один и другой элемент возможны в одной позиции, но не оба сразу»). От такого понимания парадигмы М. В. Панов отказался. Вслед за тем В. М. Солицев показал, что оба понимания парадигмы возможны и не противоречат друг другу: при первом подходе парадигма понимается как узкий класс, при втором — как широкий класс, включающий в себя ряд узких классов. В. М. Солицев сформулировал следующее общее положение: «Минимальное ограничение (окружением или другими условиями) позиции дает максимально широкую парадигму, и, наоборот, максимальное ограничение (окружением или другими условиями) позиции дает минимально или предельно узкую парадигму»⁵⁰. Мы считаем только необходимым подвести под эту общую формулировку логические основания, что и сделано выше. Сказанным в этом параграфе обобщаются сведения о парадигмах, изложенные со ссылками на Л. Ельмслева, М. М. Гухман, В. М. Солнцева (см. ч. III, гл. 1, § 4).

⁴⁸ М. В. Панов Русская фонетика. М., 1967, стр. 5.

⁴⁹ М. В. Панов Указ. соч., стр. 6.

⁵⁰ В. М. Солицев Язык как системно-структурное образование М., 1971, стр. 77.

**§ 4. Дистрибуция, оппозиция, функция
могут быть совмещены с репрезентацией.
Основания семиотического (семиологического) метода**

Как уже указывалось (ч. III, гл. I, § 5), отношения репрезентации могут быть полностью продемонстрированы только на структуре языка в целом, ибо только в целом они представлены во всех своих разновидностях. С современной точки зрения, следует

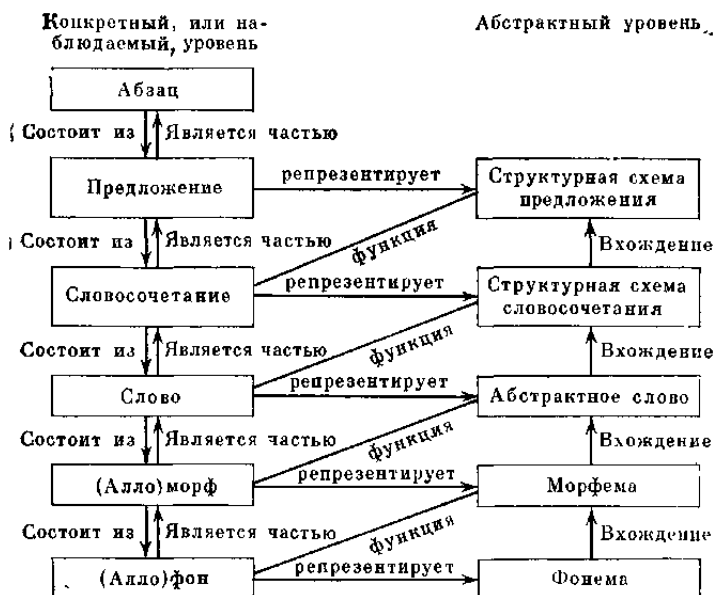

Рис. 17.

говорить не о «структуре» языка или о его «системе», а о «структуре системы», понимая под системой совокупность элементов языка и связывающих их отношений, а под структурой — совокупность отношений, рассматриваемых в отвлечении от элементов. Впрочем, термин «структура системы» мы находим уже у пражских лингвистов (см., например, известные «Тезисы», 1928 г.), и, употребляя его теперь, мы лишь восстанавливаем это понятие на новом этапе. Резюмируем в виде схемы понятие «структура системы» (рис. 17).

Такова в очень суммарном изложении семиологическая структура языка. Из сказанного очевидно, что она может быть описана лишь с учетом всех видов репрезентаций, а также отношений дистрибуции и оппозиции между единицами в пределах каждого уровня языка, отношений интеграции (вхождения, отношения части к

целому) и отношений сегментации (членимости) между единицами разных уровней ⁵¹.

Отношения функциональной зависимости, или функции, подробно охарактеризованы выше (ч. I, § 4; ч. III, гл. I, § 4). Совокупность единиц конкретного ряда составляет «область определения» для соответствующей «схемы» абстрактного ряда, что и символизовано на схеме косыми линиями, связывающими конкретный и абстрактный ряды.

Отношения «вхождения», существующие между единицами разных уровней абстрактного ряда, остаются с лингвистической точки зрения еще не изученными. В первом приближении их можно охарактеризовать с логической точки зрения ⁵².

С точки зрения этого представления о «структуре системы», каждая конкретная единица языка репрезентирует соответствующую ей абстрактную единицу.

Все значимые, т. е. «двуплановые» единицы (имеющие план выражения и план содержания), репрезентируют соответствующие им явления внеязыковой действительности (денотаты или референты): слово репрезентирует предметы внешнего мира и концепты сознания; морфема ⁵³ репрезентирует свои «семы», т. е. элементы концептов сознания; предложение репрезентирует ситуацию.

Отношения репрезентации того и другого рода, названные здесь, в совокупности образуют лишь первичную репрезентацию, соответствующую «первичной функции» ⁵⁴ языковых знаков. Вся схема в целом иллюстрирует лишь первичные репрезентации. С точки зрения современных представлений о системе языка, языковые единицы всегда имеют также и «вторичные функции». Метафора разного типа, новые значения и новая референтная отнесенность слова, постоянно возникающие в речи, — наиболее показательный пример «вторичных функций». В лингвистической концепции Е. Куриловича хорошо показаны такие «вторичные функции» всех других элементов языка — фонем, аблаута, грамматических морфем (ср. стр. 149). «Вторичные функции» языковых элементов ставят их — на основе уже имеющейся репрезентации — в новые отношения репрезентации к объективной действительности. Ниже мы на этой основе кратко охарактеризуем репрезентацию, которую языковые элементы осуществляют по отношению к объективной действительности. Ее описание дает представление о

⁵¹ Систематизацию отношений интеграции и сегментации можно найти в работе: Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. — в кн. Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Перев. с франц. М., 1974.

⁵² См.: Х. Карри. Основания математической логики, стр. 159.

⁵³ В соответствии с европейской лингвистической традицией термин «морфема» мы употребляем не только в узком значении, как на схеме, но и в широком — «морфема и соответствующие ей морфы».

⁵⁴ Здесь и далее в этом параграфе слово «функция» берется не в терминологическом смысле, а как синоним слова «назначение», потому что так он употребляется в работах лингвистов, детально исследовавших это явление, например у Е. Куриловича.

семиотической, или семиологической, структуре языка с содержательной точки зрения.

В основе всех многообразных использований языка как средства общения, познания и воздействия, лежат три элементарные функции, которые выполняет каждый язык, какова бы ни была его индивидуальная структура. Эти функции, следовательно, не зависят от того или иного специфического устройства отдельного языка, а принадлежат языку вообще. Три элементарные функции состоят в том, чтобы 1) назвать предметы реального мира (номинация), 2) привести названное в связь одно с другим (предикация), 3) локализовать названное в пространстве и времени относительно говорящего (локация). Три названные функции соответствуют трем аспектам общей семиотики: «номинация» как отношение языкового знака к объекту соответствует «семантике»; «предикация» как отношение знака к знаку (с дальнейшим отношением к действительности, что на этом этапе рассуждения несущественно) соответствует «синтактике»; «локация» как непосредственное соотнесение говорящим используемых им языковых знаков со своим «я» соответствует «прагматике». Вместе с тем второй чисто семиотический ряд терминов — «семантика», «синтактика», «прагматика» — обозначает более широкий круг явлений. «Номинация» — лишь один их аспектов «семантики», которая включает в себя, кроме номинативного, или онмасиологического, еще и семасиологический аспект. «Предикация» — один из типов отношений знака к знаку, эти отношения включают в синтагматике еще и непредикативные сочетания и, кроме того, связи знаков в парадигматике. «Локация» — лишь частный случай отношения человека к используемым им знакам.

Каждая элементарная функция в системе языка прикреплена к какой-либо ее части и находит в структуре этой части свои средства выражения, или свой формальный аппарат. Рассмотрим сначала первичные формальные аппараты функций, более или менее сходные в самых различных языках, затем перейдем к более сложным способам выражения каждой функции, которые возникают на основе первичных аппаратов, в значительной степени зависят от специфического устройства каждого языка и которые мы назовем вторичными аппаратами.

Первичный формальный аппарат номинации состоит из языковых знаков, составляющих именные и глагольные классы. Что касается имен, то к настоящему времени в языках земли обнаружены следующие четыре независимые классификации: 1) активные — неактивные классы, 2) суффиксальные и префиксальные классы, 3) одушевленные — неодушевленные классы, 4) грамматические роды. Некоторые из этих классификаций могут сосуществовать в одном и том же языке. Вопрос заключается в том, какой из четырех типов классов является первичным аппаратом номинативной функции. Семантические и типологические исследования заставляют предполагать, что если

не у самых истоков этой функции, то очень близко к ним стоят именные и глагольные классы так называемых «языков активного строя». К последним относятся группы на-дене, сиу и галф среди индейских языков Северной Америки и ряд языков семьи тупи-гуарани в Южной Америке. Глаголы в этих языках распределяются по двум основным классам — «активных» и «стативных» глаголов, основанных, как и соответствующие явления в имени, т. е. классы «одушевленных» и «неодушевленных», на той или иной степени отождествления с человеком⁵⁵. Эта семантическая характеристика — ближайшая степень отождествления с человеком и может рассматриваться как основной семантический признак первичного аппарата номинативной функции. Как основа номинативной функции понятие «человек» выступает не в виде «я» говорящего субъекта, а в виде представителя рода.

Знаки номинации всегда указывают на класс предметов, даже когда используются для обозначения лишь одного предмета; они называют предмет, характеризуя его; они могут быть названиями самих себя. Последнее свойство можно пояснить на таком примере. *Ваня весь в веснушках*; *Ваня — имя мальчика*; если эквивалент слова *Ваня* из второго высказывания подставим в первое, то получим* *Имя мальчика все в веснушках* — высказывание бессмысленное, что происходит из того, что слово *Ваня* одновременно является названием предмета (термин «предмет» в теории языка — общее название объективных явлений действительности) и названием самого себя. Знаки номинации могут быть названы х а р а к т е р и з у ю щ и м и.

Первичный формальный аппарат предикации состоит в элементарной синтаксической связи, заключающейся в том, что два знака номинации непосредственно следуют в речи один подле другого, так что их контактное расположение символизирует факт их связи. Сочетание двух имен, существительного и существительного, существительного и прилагательного, является здесь простейшим примером. Ср. русск. *меч-рыба*, франц. *poisson-chat* ‘рыба-кошка’, англ. *grammar school* ‘начальная школа’, *school grammar* ‘школьная грамматика’; русск. *белый дом*, и т. п. Ближайшим усложнением этого аппарата является именное предложение. Как уже отмечалось, во многих языках нет внешнего различия между именной синтагмой, примеры которой были приведены выше, и элементарным именным предложением, или различия минимальны. Ср. греч. *ἄριστον μεν ὕδωρ* ‘самое лучшее — вода’, или ‘самая лучшая вода’; лат. *varia et mutabilis semper femina* ‘изменчива и непостоянна всегда женщина’ и *varium et mutabile semper femina* ‘изменчивое и непостоянное (есть) всегда женщина’. Именная синтагма становится формой предикации, утверждения существования названных признаков, лишь

⁵⁵ Детальный обзор и предпосылки для такого понимания см.: Г. А. Климов. К характеристике языков активного строя. — ВЯ, 1972, 4.

в акте восклицания — непосредственном акте речи; именное предложение является формой предикации в любых условиях.

Знаки предикации могут быть названы у н и в е р с а л ь н ы м и и с и н т а к с и ч е с к и м и .

Первичный формальный аппарат локации состоит из знаков, которые могут быть определены только непосредственно в их отношении к протекающему акту речи. В индоевропейских языках это элементы «я» — «здесь» — «сейчас». «Я» определяется как субъект речи, называющий себя я в пределах одного акта высказывания. Таким образом я — это слово, референт которого есть его собственное употребление, это аутореферентное слово. «Здесь» определяется как местонахождение субъекта, определяющего себя как я. «Сейчас» определяется как время говорения субъекта речи, определяющего себя как я. Это время есть актуальное настоящее, оно не соотносимо непосредственно с прошедшим и будущим, а есть настоящее *par excellence*, в его ряду нет других времен. Слова я, это, сейчас как объекты обычного грамматического описания — это всего только «имена» метаязыка, прилагаемые к тем «я», «это», «сейчас», которые существуют лишь в протекающем акте высказывания.

Все эти три основных словесных знака могут быть заменены в своей первичной функции простым указанием — жестом. При этом «я» и «здесь» передается жестом, указывающим на говорящего и на место рядом с ним, а «сейчас» может быть сведено к жесту, обозначающему место.

Знаки локации могут быть названы з н а к а м и - и н д е к с а м и . В той мере, в какой аутореферентные указатели системы «я — здесь — сейчас» имеются в неиндоевропейских языках, они и там должны рассматриваться как принадлежность аппарата прагматической функции. Однако в некоторых из неиндоевропейских языков этот аппарат представлен еще и другими категориями. К нему следует отнести категорию «отчуждаемой — неотчуждаемой принадлежности» (франц. *aliénable — inaliénable*; по другой терминологии, «органической — неорганической принадлежности»). Эта категория разбивает имена на два класса, независимых от классов, устанавливаемых функцией номинации. Типичным представителем класса «неотчуждаемой принадлежности» выступают обычно части тела, впрочем классы могут варьироваться от языка к языку. Интересное проявление категории «отчуждаемой — неотчуждаемой принадлежности» находим в американиндейском языке ассинибойн, семьи сиу. Здесь имеется два собственно именных класса: одушевленные, неодушевленные и, кроме того, класс прилагательных и класс наречий. Морфемы — показатели лица выделяются как подтип в пределах совокупного класса одушевленных и неодушевленных и соответственно этому разделяются на свободные и связанные формы. Свободные формы имеют три типа, назначение которых заключается в том, чтобы эмфатически выделять имя тремя ступенями силы.

Из этих трех классов третий, представляющий собой комбинацию форм двух других классов, дает самое интенсивное выделение. Это непосредственная связь личных показателей с эмфатическим выделением является одним из свидетельств того, что мы имеем здесь дело с аппаратом функции локации.

В сочетании со словами класса прилагательных местоименные показатели дают два новых класса форм: 1) независимые формы, выражающие обладание (напр., 'Он привел свою жену'; 'эти ботинки — мои') и 2) зависимые формы, выражающие а) собственность, б) части тела, в) родственные отношения ('моя жена'); 'моя рука'; 'мой брат' и т. п.). Здесь отчетливо видно, что классификация на «отчуждаемую — неотчуждаемую» принадлежность возникает на основе отношения к «я» и независимо от собственно именных классов ⁵⁶.

Знаки первичных аппаратов имеют между собой и нечто общее как с формальной, так и с содержательной стороны. Здесь уместно вернуться еще раз к именной синтагме и подчеркнуть, что именная синтагма осуществляет акт номинации одновременно с актом установления синтаксической связи, одно в ней невозможно без другого. В этом смысле именная синтагма всегда есть название самой себя. Тогда аналогичные формальные свойства трех аппаратов можно обобщить в такой форме: элементы первичного формального аппарата всех трех функций могут быть названиями самих себя, они потенциально аутореферентны. Непервичные элементы формальных аппаратов этим свойством в общем случае не обладают. Например, показатели предложно-падежных отношений, даже когда они являются отдельными словами, а не морфемами не могут быть названиями самих себя. Слово *под* в русском языке может быть названо только как «предлог *под*», или «показатель определенного, такого-то отношения», или подобным образом. С содержательной стороны первичные аппараты всех трех функций более или менее тесно связаны с непосредственным актом говорения, с ситуацией непосредственного общения двух партнеров по акту речи — говорящего и слушающего.

Вторичные аппараты функций развиваются на основе различных типов метафоры, в своей сущности не отличающихся от метафорического переноса слов. Признаки ситуации непосредственного говорения переносятся на все возможные ситуации, сколь угодно далеко отстоящие от нее в пространстве и времени. В функции номинации метафорический перенос заключается в том, что отождествление с человеком становится основой для всех дальнейших классификаций, и в далеко опосредованном виде этот признак доходит до таких классификаций, как грамматические роды и суффиксальные классы имен и глаголов в индоевропейских языках. В функции предикации метафорический перенос состоит в том, что связь признаков в данном протекающем акте номинации

⁵⁶ Norman Balfour Levin. The Assiniboine Language, «International Journal of American Linguistics», part. II, vol. 30, № 3, 1964, стр. 16—28.

обобщается на связь признаков в любое время, вообще. Следовательно, между *белый дом* и *Дом белый* существуют те же отношения переноса признаков данной ситуации говорения на ситуации вне данного момента, что и в других случаях метафоры. В функции локации метафора состоит в том, что отношения «я — здесь — сейчас» ситуации говорения переносятся на любую другую ситуацию, становясь применительно к ней отношениями «он — тогда — там»; отношения актуального настоящего обобщаются на другие моменты времени, например перфект, превращающийся в аорист.

Дальнейшие усложнения и развития первичных аппаратов составляют уже предмет семиологической концепции языка, и их освещение выходит за рамки вопроса о методах⁵⁷.

§ 5. Иллюстрация принципа совмещения (§ 4) на целом фрагменте описания семантики (французский язык)

Каждый из «больших методов» в лингвистике (дистрибутивный, оппозитивный, функтивный и другие) имеет собственную, «первичную» сферу применения, в которой господствует он один и только он дает наилучшие результаты, и сферу «вторичную», куда он переносится, экстраполируется с меньшим успехом и где он подвергается конкуренции со стороны других методов. Например, дистрибутивный метод имеет своей «первичной» сферой выявление формальных классов лингвистических единиц из потока речи или письменного текста и лишь с частичным успехом может быть применен к описанию семантики. Как известно, после дистрибутивного описания семантики лингвистических единиц всегда оказывается некоторый «остаток» в значении каждой единицы, не сводимый к дистрибутивным классам значений. Оппозитивный метод дает наилучшие результаты тогда, когда, основываясь на формальных классах, выявленных с помощью дистрибутивного метода, желают установить полную систему этих классов в их формальной и семантической иерархии. Но этот метод гораздо менее применим в синтаксисе, в частности, к изучению типов предложений, которые не образуют регулярных оппозиций и корреляций. Функтивный метод приносит прекрасные результаты при выявлении транспозиций одного класса в другой, но трудно представить себе его применение, например, к задаче установить структуру одного класса (например, имен существительных). То же можно сказать обо всех других методах. Сила современной лингвистики — в разнообразии ее методов, каждый из которых отвечает своей цели и именно ее достигает наилучшим образом. Описание языка, претендующее на полноту, должно, не делаясь эклектичным, использовать разные методы — каждый в его сфере.

⁵⁷ Более детальное изложение этой концепции см. в книге: Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975.

В этом параграфе мы продемонстрируем в действии четыре принципа метода — дистрибуцию, оппозицию, импликацию (как разновидность функции), репрезентацию в их взаимодействии и установив предварительно последовательность их применения.

1. Категория *д и с т р и б у ц и и* применяется к тексту как «сырому материалу» и позволяет получить в конечной точке список языковых элементов, или, в наиболее полном описании, классы языковых элементов, определенных относительно друг друга. Значение при этом исключается настолько, насколько это вообще можно сделать, т. е. не целиком, но в возможно большей степени: значение как бы предполагается данным, неизменным и фиксированным, в то время как план содержания подвергается всем допустимым изменениям. Этот этап в данном случае мы предполагаем пройденным и список фонем, морфем и структурных схем словосочетаний и предложений французского языка известным. (Для таких хорошо изученных языков, как современный французский, это допущение вполне соответствует действительности).

2. Категория *о п п о з и ц и и* применяется во вторую очередь — к списку элементов, полученных на предыдущем этапе. В наиболее общем случае результатом предыдущего дистрибутивного этапа можно считать просто массу языковых элементов, еще не сведенных в классы, но хорошо отделенных один от другого. В этом общем случае исследователь делает как бы шаг назад от конечной точки дистрибутивного анализа (от классов языковых единиц) и ставит перед собой задачу выявить оппозиции в массе языковых элементов, служащих теперь новыми исходными данными. Итак, исходными данными на этом этапе будет масса слов и словосочетаний (с их известными структурными схемами построения) в том, например, перечне, какой составляет нормативный словарь языка. Понятие отдельности слова в данном очерке не обсуждается: отдельным словом считается то, что фиксировано в качестве такового в обычных словарях и что, — как предположено, — может быть подкреплено данными дистрибутивного анализа. Понятие устойчивого словосочетания также принимается как данное: устойчивым словосочетанием считается то, которое фиксировано в словарях как отдельная словарная единица.

Система словаря — алфавитный порядок, но с точки зрения семантики этот порядок есть беспорядок: масса элементов (слов и словосочетаний) образует массу хаотических противопоставлений, где каждый элемент отличается по значению от каждого другого, противопоставлен каждому другому, например, *я ~ в ~ делать ~ корова...* и т. д., и, следовательно, каждый независим. Система словаря не является, конечно, первозданным хаосом, она представляет собой результат иных исследований и итог словарной и грамматической традиции, но для последовательного применения принципа оппозиции она принимается как исходный первичный материал, происхождение которого теоретически не обсуждается. Приняв массу слов и словосочетаний языка как

непосредственно данное явление, исследователь на этом этапе ставит перед собой задачу выявить внутри массы противопоставлений каждого элемента каждому другому, противопоставлений хаотических и до начала этого этапа описания представляющих-ся равноправными, особо значимые противопоставления. Равноправными эти противопоставления представляются тогда, когда каждый элемент рассматривают как независимый, иными словами, высказывание о каждом элементе нельзя получить путем дедукции из высказываний о других элементах. Такое состояние массы элементов называется независимостью состояний. Исходной точкой для применения категории оппозиции является масса отчетливо отделимых друг от друга словарных единиц, находящихся в независимости состояний.

Противопоставлять элементы друг другу разумным образом мы можем лишь тогда, когда установим, по каким именно признакам мы будем их противопоставлять. Для описания общего случая в общем виде введем два признака — признак B и признак C и будем с их помощью описывать массу элементов $x_1, x_2, x_3, x_4 \dots x_k$. Пусть элемент x_1 имеет признак B , что будет записано как B_{x_1} , а все остальные элементы, поскольку они пребывают в независимости состояний, должны удовлетворять лишь одному условию — не смешиваться с элементом x_1 . Тогда они могут быть противопоставлены элементу x_1 по двум признакам 2^{2k-1} различными способами (B_{x_1} равняется $B_{x_1} +$ любое состояние остальных $(k-1)$ элементов):

$$\begin{aligned} B_{x_1} &\equiv (B_{x_1} \& C_{x_1} \& B_{x_2} \& C_{x_2} \& \dots \& B_{x_k} \& C_{x_k}) z_1 \\ &\vee (B_{x_1} \& C_{x_1} \& B_{x_2} \& C_{x_2} \& \dots \& B_{x_k} \& \bar{C}_{x_k}) z_2 \\ &\vee (B_{x_1} \& C_{x_1} \& B_{x_2} \& C_{x_2} \& \dots \& \bar{B}_{x_k} \& \bar{C}_{x_k}) z_3 \dots \text{и т. д.} \\ &\vee (B_{x_1} \& \bar{C}_{x_1} \& \bar{B}_{x_2} \& \bar{C}_{x_2} \& \dots \& \bar{B}_{x_k} \& \bar{C}_{x_k}) z_{2^{2k-1}} \end{aligned}$$

В этой формуле знаки означают: \equiv — «равняется», $\&$ — «и»; \vee — «или»; черта над буквой — отрицание качества, обозначаемого этой буквой, например, \bar{B} читается «не- B ». Полное описание состояний, представленное в приведенной записи, обладает очень большой общностью, оно применимо для самых разных масс элементов, находящихся в независимости состояний (физик Больцман, в частности, применил его для описания идеального газа), и оно может быть использовано также для описания массы языковых элементов, наглядно изображая исходную точку оппозитивного описания.

Далее задача лингвиста, применяющего оппозитивный принцип, заключается в том, чтобы, уменьшая или увеличивая количество признаков (в данном случае это количество можно сначала только увеличивать, так как в исходной точке было взято минимально возможное количество — два), строить полные описания состояний, а затем исключать из них те состояния системы, которые с

языковой точки зрения несущественны. Полное описание состояний есть система возможных языковых противопоставлений в данной массе элементов по данным выбранным признакам. Таким образом, выбор признаков накладывает первое ограничение на систему возможностей. Далее каждое противопоставление оценивается по его функциональной нагрузке в языке. Благодаря этому противопоставления, казавшиеся при полном описании состояний равноценными или однородными, выстраиваются в систему, обнаруживая иерархию от слабо нагруженных или вовсе не нагруженных до нагруженных в максимальной степени. Например, в ряду противопоставлений *я ~ в ~ делать* и т. д. оппозиции *я ~ ты*, *в ~ на*, *делать ~ сделать* и т. п. будут сильно нагруженными, в то время как оппозиции *в ~ делать* и подобные будут очевидно несущественными.

Таким образом, на этом этапе оппозитивного описания исследователь должен будет в той или иной степени решать две сопутствующие задачи — во-первых, выявлять условия сопоставления пар слов, во-вторых, соотносить друг с другом целые классы слов, так как слова, принадлежащие одному классу, образуют более нагруженные оппозиции, чем слова, принадлежащие разным классам (оппозиция *в ~ на* существеннее, чем *в ~ сделать*). Первая из этих задач подробно освещена в разделе «Исторический принцип» в связи с принципом максимального расчленения словоформ и их позиционного анализа (гл. II, § 6 и § 7). Необходимость решать эту задачу во всей полноте возникает при описании, ориентированном на дальнейшую историческую реконструкцию. При описании, ориентированном на выявление синхронной семантической системы (как в данной иллюстрации), исследователь обычно исходит из того, что ему заранее известно, какие именно словоформы целесообразно сопоставлять. Например, очевидно, что сопоставлять предлоги с предлогами существеннее, чем предлоги с глаголами. Иными словами, при описании, ориентированном на синхронию, и эта задача может считаться заранее решенной. Следовательно, исходя из общего принципа независимости состояний (независимости состояний массы словоформ наблюдаемого периода языка), исследователь далее может двигаться одним из двух путей преимущественно: 1) либо путем максимального расчленения словоформ и усиленного формального анализа — при описании, ориентированном на историческую реконструкцию, 2) либо, предполагая эту задачу в основном решенной, путем усиленного семантического анализа словоформ, объединенных в классы.

3. Категория и м п л и к а ц и и (как разновидность категории функции) применяется здесь после каждого этапа выявления оппозиций для установления отношений между множествами элементов с точки зрения их семантики и функциональной нагрузки. Импликация характеризует отношения включения одного множества в другое.

При выявлении импликаций исследователь должен также полностью учитывать семиотический принцип иерархии, согласно которому более глубокой парадигматике (или, что то же самое, более широкой парадигме) соответствует более протяженная синтагматика (или, что то же самое, синтагмы большей длины). Используемые здесь принципы импликации и иерархии подробно освещены выше (см. соответственно для импликации ч. III, гл. I, § 4, для иерархии ч. I, § 1, ч. III, гл. I, § 3).

Особенно важно подчеркнуть, что описание семантики на всем протяжении этого этапа описания, т. е. тогда, когда применяются категории оппозиции, импликации, иерархии, происходит лишь в терминах «тождеств — различий». Исследователь не определяет семантику обследуемого элемента или класса в целом качественно, он лишь констатирует ее различие или тождество другому элементу или классу по какому-либо признаку. Один из противопоставляемых элементов или классов может оцениваться как содержащий данный признак противопоставления и соответственно характеризоваться указанием «да», знаком плюс или подобным образом, в то время как противопоставленный элемент или класс будет характеризоваться отсутствием данного признака и соответственно указанием «нет», знаком минус и т. п. По отношению к качественному семантическому содержанию признаки описания выступают как шифрующие знаки или индексы каталога. Известное описание русских падежей Р. Якобсона является иллюстрацией этого этапа описания: признаки «периферийности», «объемности», «направленности» принадлежат системе описания и шифруют в определенной системе качественные семантические признаки русских падежей.

4. Категория репрезентации выступает на последнем этапе, когда требуется сопоставить определенным образом каталогизированные (или зашифрованные) значения словоформ или классов элементов с внеязыковым референтом, или денотатом. На этой ступени каталогизированное в бинарных признаках значение соотносится с одним из трех основных аппаратов в семиологическом устройстве языка — аппаратом номинации, аппаратом предикации или аппаратом локации, а затем детально описывается в соответствии с теми специфическими подразделениями, которые — в рамках трех аппаратов, принадлежащих каждому языку вообще, — отличают один язык от другого. Категория репрезентации и семиологической структуры языка подробно освещена выше (ч. III, гл. I, § 5, II, § 4).

Резюмировав таким образом принципы описания, продемонстрируем их на конкретном материале.

Итак, исходной точкой описания будет сравнение пары элементов, принадлежащих какому-либо классу элементов, установленному на этапе дистрибутивного анализа. При этом сравнение должно отвечать нескольким условиям.

1) Элементы должны быть сопоставимы по значению (условие

семантической сопоставимости). Например, семантически сопоставимыми будут элементы *за домом ~ у дома* или *за домом ~ за дом*. Не имеет смысла начинать с таких пар, где возможность сопоставления заведомо неопределенна, например, *за домом ~ позавчера* или даже *за домом ~ из кино*. (При более строгом подходе требованию семантической сопоставимости предшествует разрешение вопроса о формальной сопоставимости, достигаемое путем позиционного разложения словоформ, см. ч. II, гл. II, § 6). Принцип сопоставимости присутствует во всех теориях, где применяется категория оппозиции. Данному требованию семантической сопоставимости отвечает в фонологических теориях требование акустического или артикуляторного сходства звуков (в системе Н. С. Трубецкого, в системе Л. В. Щербы), требование «фонетической близости» (в формальной системе В. А. Успенского) и т. п. Семантическую сопоставимость строго определить так же затруднительно, как и «фонетическую близость», и все же ее нельзя считать ни в полном смысле интуитивной, ни тем более субъективной. Строже всего определяется семантическая сопоставимость, или семантическая близость, в пределах грамматики: семантически близкими будут слова одного формального класса — все местоимения, все предлоги, все глаголы и т. п. Семантически далекими — местоимения и глаголы, местоимения и предлоги и т. д.

2) Семантически сопоставимые, или близкие, элементы должны быть отчетливо разными (условие семантической разности). Например, не имеет смысла начинать описание с таких пар, как *с голода ~ от голода*, *в гору ~ на гору*, где семантическая разница может представляться неотчетливой. Напротив, удобны для начального сопоставления пары, антонимичные в каком-либо отношении: *в гору ~ под гору*.

Семантическое сравнение, отвечающее двум этим условиям, сводит произвол исследователя и возможность субъективной оценки до такого минимума, до какого их вообще возможно свести. В самом деле, исследователь оценивает здесь не самые значения, а лишь их тождество или различие в каком-либо одном отношении. Вместо собственного знания языка он может использовать знания носителя языка (информанта), предлагая ему лишь такие вопросы о значениях, которые требуют констатации тождеств или различий и ответов «да» — «нет», подобно тому, как это делается в известных процедурах дескриптивной лингвистики. Исследователь или его информант могут и не увидеть какой-либо разницы в значениях даже такой отчетливо противопоставленной пары, как русск. *с горы ~ от горы*. Напротив, они могут считать, что подметили отчетливую разницу в такой паре как русск. *с голода ~ от голода*, хотя в действительности их впечатление может быть ошибочным. Ни первый, ни второй случай не будут служить препятствием к завершению оппозитивного описания. «Семантическая слепота», довольно редкая сама по себе, легко устраняется увеличением количества обследуемых пар элементов или коли-

чества информантов. Излишняя «семантическая тонкость» может лишь удлинить описание.

Чтобы исключить такие резкие колебания, которые могли бы возникнуть в двух упомянутых случаях, вводится третье условие.

3) Элементы должны сопоставляться либо вне всякого контекста, либо в самом коротком из возможных контекстов (условие минимальности контекста). Например, для пары *иду ~ шел* наилучшим условием будет отсутствие всякого контекста, потому что это слова самостоятельные; для слов несамостоятельных — предлогов, артиклей и т. п. требуется минимальный контекст.

Э л е м е н т а р н а я п р о ц е д у р а (ш а г) о п и с а н и я.
Все исследование заключается в многократном применении одной и той же процедуры, основанной на принципах оппозиции и импликации. Сначала она применяется к минимальной семантической паре. В исходной минимальной паре разница значений двух сравниваемых элементов оценивается и обозначается условным знаком или словом. Например, сравнивая члены наугад выбранной минимальной пары *en France* 'во Франции' ~ *à la France* 'Франции', исследователь устанавливает, сам или с помощью информанта, что эти значения нетождественны. Тем самым он констатирует, что элемент *en* содержит какой-то признак, которого не содержит элемент *à*, или наоборот, элемент *à* содержит какой-то признак, отсутствующий в *en*. Положим, что исследователь приписал элементу *en* этот признак в положительной форме, обозначив его через *d*, а элементу *à* тот же признак как отсутствующий, т. е. в отрицательной форме, обозначив его тем же индексом с нулем вверху, *d⁰*. Как уже было сказано, знак, приписанный такому образом элементу значения, является по отношению к нему произвольным индексом или шифром. Для удобства можно, однако, предвосхищая конечный результат, выбирать для знака начальную букву того слова, которое послужит полным названием данного признака. В данном случае буква *d* служит удобным знаком, потому что она напоминает о слове *durée* 'протяженность', которым целесообразно назвать выделенный признак. После этого сравниваемые части в значениях *en* и *à* можно обозначить просто соответствующими буквами: «некоторая часть в значении предлога *en* = *d*», «некоторая часть в значении предлога *à* = *d⁰*». Однако очевидно, что сравнение справедливо лишь для определенного минимального контекста, в котором оно и производилось. Очевидно также, что в рамках этого контекста сравниваемые элементы *en* и *à* тождественны во всем, кроме выделенной и противопоставленной части. Если мы теперь обозначим суммарное значение контекста, за вычетом противопоставляемой части, каким-либо другим индексом, например *l* (от слова *local* 'местный'), то значение каждого предлога можно записать так: *en* = *d, l*; *à* = *d⁰, l*. Очевидно, наконец, что эта запись будет априори верна по крайней мере для некоторых других контекстов с таким же суммарным значением. Забегая вперед, к внеязыковому значе-

нию или референту, можно сказать, что это будут контексты со значением места или времени.

Выше мы сознательно пошли на одно упрощение, а именно, мы считали сравниваемыми элементами *en* и *à*, хотя в действительности выбранная минимальная пара противопоставляется отрезками *en* и *à la*. Это как раз одно из тех упрощений, допустимость и, более того, необходимость которых доказывается применением полного формального анализа путем максимального разложения словоформ на синтагматические позиции. Проведя такой анализ в данном случае (мы его опускаем), нетрудно убедиться в том, что в полной, «катализованной» записи *en France* выглядело бы как *en la France* и что, следовательно, форма *en* является вынужденным вариантом формы *en la*. В другой системе терминов можно было бы сказать, что *en* является «поверхностным» выражением для принадлежащего к «глубинной структуре» *en la*.

Элементарная процедура в таком описании уже дает некоторый выигрыш по сравнению с тем сопоставлением языковых элементов по значению, которое принято в традиционном, например, словарином, описании. Там значение предлогов определяется для каждого предлога независимо от другого: «данный предлог значит следующее», «данный (другой) предлог значит следующее». Здесь значения предлогов (или любых других элементов) определяются соотносительно со всеми элементами класса, в системе. Иерархия элементов выявляется как простое следствие проведенного описания, по общему правилу языковой системы: сфера употребления маркированного (признакового) члена уже, сфера употребления немаркированного (беспризнакового) члена шире. Для данной пары заведомо возможны такие случаи, где предлог *à* можно употребить, если употреблен предлог *en*. Укажем некоторые случаи из этого класса:

<i>en URSS</i> = <i>à l'URSS</i>	‘в СССР’,
<i>en Israël</i> = <i>à l'Israël</i>	‘в Израиле’,
<i>en Sorbonne</i> = <i>à la Sorbonne</i>	‘в Сорбонне’,
<i>en faculté</i> = <i>à la faculté</i>	‘на факультете’ и т. п.

Если мы имеем в виду употребление одного элемента вместо другого в определенном контексте, например, употребление *à* вместо *en* в контексте со значением места, то в общем виде такое соотношение можно записать формулой импликации

$$1, d \supset 1, d^0,$$

которая читается «если..., то...». В этой формуле на первом месте (слева) ставится признаковый член, и формула означает: «если употреблен признаковый член, то заведомо может быть употреблен беспризнаковый член». Когда же мы имеем в виду соотношение классов семантических признаков, то это записывается фор-

мулой включения

$$1, d^0 \subseteq 1, d,$$

которая читается «семантические признаки беспризнакового члена включаются в класс признаков признакового члена». С известной точки зрения это соотношение обратно предыдущему.

Наконец, если мы желаем указать заведомо возможные соотношения чередования признакового и беспризнакового членов (хотя нам неизвестно, имеются ли случаи фактического употребления признакового члена, например, *à la faculté* на месте *en faculté*), то это записывается формулой чередований

$$\text{en} // \text{à} (1a),$$

которая читается «признаковый и беспризнаковый члены по данному контексту потенциально могут чередоваться». Следовательно, с точки зрения того признака значения, который оценивается в проделанной только что операции, эта формула характеризует область свободных взаимозамен обследуемых предлогов.

Отношения чередования и импликации вовсе не обязательно должны распространяться на исходную минимальную пару, которая послужила выявлению дифференциального признака значения. Так, в данном случае выражением *à la France* нельзя заменить выражение *en France*. Таких пар может обнаружиться много, а часто и значительно больше, чем пар со свободным чередованием и импликацией. На этом первый шаг описания заканчивается.

По его окончании исследователь оценил выбранную пару элементов в определенном семантическом типе контекста, приписал элементам пару дифференциальных признаков, установил соотношение признакового и беспризнакового членов и, наконец, разбил всю массу контекстов этого семантического типа (в данном случае это контексты со значением места) на два подкласса, в одном из которых действуют формулы свободных чередований и импликаций обследуемых элементов, а во втором — эти отношения недействительны. Второй подкласс образует, таким образом, «исключения» из правил чередований и импликаций.

Второй шаг описания. Снятие «исключений». Переход к другому уровню. Для пары обследуемых предлогов было установлено, что, с одной стороны, имеются случаи, где предлог *à* может быть употреблен вместо предлога *en*, а с другой стороны, «исключения» — случаи, когда необходимо выбрать один и только один предлог: для некоторых слов только *à*, для некоторых других только *en*:

en France 'во Франции',
en Sardaigne 'в Сардинии',
en Corse 'на Корсике',
и т. д.

au Canada 'в Канаде',
au Japon 'в Японии',
à Madagascar 'на Мадагаскаре', и т. д.

На втором этапе описания исследователь трактует каждое такое сочетание как новый целый элемент и выбирает для сравнения новую минимальную пару, после чего снова применяет элементарную операцию.

Так, сравнивая новую минимальную пару *en France* 'во Франции' ~ *à la Jamaïque* 'на Ямайке', исследователь (сам или с помощью информанта) устанавливает отсутствие тождества между ними.

Поскольку отсутствие тождества замечается между любым элементом с предлогом *à* из класса этих элементов, когда мы сопоставляем его с любым элементом с предлогом *en* из класса других элементов, постольку исследователь вправе заключить, что причина нетождественности заключается не в собственных именах *Франция, Ямайка* как таковых, а в общих чертах каждого класса. Но общность класса выражается, а отчасти и создается общностью предлога при каждом слове класса. Таким образом, исследователь может приписать различие классов различию предлогов. Этот новый дифференциальный элемент значения в свою очередь должен получить условное обозначение, например *p* (от *proximité* 'близость'). Припишем предлогу *en* этот дифференциальный признак в положительной форме (*p*), а предлогу *à* — в отрицательной (*p*⁰). Как и на первом этапе, следует определить семантический контекст, для которого действительна эта оценка. Если на первом этапе контекст был определен как «место» (*I*), то теперь к этому определению очевидно добавляется ограничительный признак. Из набора элементов в классах следует, что этот ограничительный признак — «географический», т. е. не всякое место, а место в географическом смысле. Обозначим ограничительный признак через *g*. Тогда новый семантический контекст должен быть определен как «географическое место» (*Ig*). Прежние семантические признаки в содержании каждого предлога очевидно сохраняются.

Теперь мы можем записать семантическое содержание обследуемых предлогов следующим образом (условимся писать обозначение семантического контекста без запятых, а каждое обозначение признаков отделять запятой):

en = *l, d, Ig, p*; *à* = *l, d*⁰, *Ig, p*⁰.

Надо заметить, что в контексте «географическое место» предлог *en* имеет вынужденную (на «поверхностном уровне») форму *dans*, которая автоматически появляется перед артиклем, т. е. в тех случаях, где обязателен артикль. (Чем объясняется обязательное наличие артикля, составляет содержание особого правила артикля, которое очевидно не относится к теме «предлоги» и которое мы сейчас опускаем).

Между признаковым и беспризнаковым членами оппозиции существуют обычные отношения: по составу признаков маркированный член включает в себя немаркированный — *à* \subseteq *en* (*dans*)

или $l, d^0, lg, p^0 \subseteq l, d, lg, p$ по сфере употребления отношения обратные — если употреблен маркированный член, то в этом же контексте может быть употреблен немаркированный, т. е. констатируя $en (dans)$, мы можем заключить о возможности употребления \grave{a} , но не наоборот, импликация направлена от en к \grave{a} , $en (dans) \supset \grave{a}$ или $l, d, lg, p \supset l, d^0, lg, p^0$. В случаях последнего типа имеются также чередования.

Как и на предыдущем этапе описания, обнаруживаются контексты, для которых указанные отношения недействительны, — следующий класс географических названий может употребляться только с предлогом \grave{a} или при решительном предпочтении предлога \grave{a} : \grave{a} la Jamaïque, \grave{a} la Guadeloupe, \grave{a} la Martinique, \grave{a} Madagascar, \grave{a} Borneo, \grave{a} Cuba и т. п.

Итак, в результате второго этапа описания семантический контекст был сужен введением ограничительного признака «географический» и употребления предлогов \grave{a} , $en (dans)$ расчленены на два класса — в одном из них действуют правила чередований $\grave{a} // en (dans)$ и правила импликаций — $dans$ заменимо на \grave{a} , но не наоборот, в другом — эти правила недействительны.

Третий шаг описания. Снятие новых «исключений». Переход к новому уровню. Как и на предыдущем этапе, исследователь должен оценить класс, составивший исключения на предыдущем этапе, как новый семантический контекст, введя следующий ограничительный признак. Из перечня слов, составивших исключение на предыдущем этапе, видно, что этот новый ограничительный признак — «острова». Теперь семантический контекст определится как «географическое место, острова» или «географические названия островов». Этот контекст обнаруживает внутри себя новые оппозитивные минимальные пары: с одной стороны, \grave{a} la Jamaïque, \grave{a} la Guadeloupe, \grave{a} la Martinique, с другой стороны — \grave{a} Madagascar, \grave{a} Borneo, \grave{a} Cuba. Оппозитивными элементами выступают здесь уже предлог \grave{a} , с одной стороны, и тот же предлог в сращении с артиклем женского рода \grave{a} la, с другой. Введем для оценки дифференциальный признак i (который при переходе к внеязыковому референту получит интерпретацию как importance 'большая величина') и оценим по этому признаку \grave{a} как маркированный член, содержащий этот признак в положительной форме (i), а сочетание \grave{a} la как немаркированный член, содержащий этот признак в отрицательной форме (i^0).

На этом описание предлогов $en, dans, \grave{a}$ в контекстах со значением места, или предлогов $en, dans, \grave{a}$ как «предлогов места», заканчивается.

Для последнего этапа в данном случае, как и во всех подобных случаях, когда оппозитивное описание заканчивается и получаются мелкие классы слов, характерны дополнительные ограничения на отношения чередований и импликаций признакового и беспризнакового членов. В данном случае ограничение заклю-

чается в том, что признаковый член *à* может быть заменен беспризнаковым — сочетанием *à* с артиклем лишь при условии, что одновременно будет производиться замена артикля женского рода на артикль мужского рода. В такой форме правило импликации здесь сохраняет силу: вместо *à Cuba* можно сказать *au Cuba*, что, впрочем, будет редким случаем.

По завершении оппозитивного описания в условных дифференциальных признаках исследователь может перейти к репрезентативному семиологическому описанию, т. е. интерпретировать дифференциальные признаки как соответствия объективным внеязыковым реальностям, или референтам. Выше мы в целях сокращения объема описания на каждом этапе сразу указывали возможную объективную интерпретацию. Теперь мы должны сказать, что эта интерпретация является наиболее адекватной и резюмировать ее.

Французские предлоги со значением места *en*, *dans*, *à*, распадаются на два класса употреблений: (I) класс их употреблений в контексте «место» без какого-либо уточняющего или ограничительного признака, в этом классе предлоги *en* и *à* свободно взаимозаменяемы, причем *en* подчеркивает протяженность, в то время как *à* этого не делает (*en URSS* = *à l'URSS*, *en Israël* = *à l'Israël*, *en Sorbonne* = *à la Sorbonne*, *en faculté* = *à la faculté*); наличие предлога *en* в засвидетельствованном употреблении имплицитно подразумевает возможность употребить *à* на его месте, обратное не верно; (II) класс их употреблений в контексте «географическое место».

Этот класс распадается на два подкласса: (1) подкласс употреблений в контексте «географическое место» без дополнительного ограничительного признака, в этом классе предлог *en* (*dans*) подчеркивает близость местонахождения к Франции, предлог *à* этого не подчеркивает, следовательно, предлог *à* в этом контексте всегда может быть интерпретирован как обозначение дальнего географического места (*en France*, *en Danemark*, *en Sardaigne*, *en Corse*, *en Chypre*, *en Angleterre*, *en Allemagne*, *en Bulgarie*, *en Espagne* — территории, географически близкие, *au (dans le) Canada*, *au Vietnam*, *aux Indes*, *à la Jamaïque*, *à la Guadeloupe* — территории географически далекие); если употреблен предлог *dans*, то в этом же конкретном контексте вместо него может быть употреблен *à*, маркированный член оппозиции имплицитно в употреблении немаркированный; (2) подкласс употреблений в контексте «географическое место, остров» с дополнительным ограничительным признаком «остров». Последний подкласс распадается на два под-подкласса: (2а) под-подкласс употреблений в контексте «географическое место, остров» без какого-либо ограничительного дополнительного признака, в этом контексте, вообще говоря, допустимы две формы — предлог *à* с артиклем, как правило, женского рода, реже мужского, что зависит, естественно, от грамматического рода названия острова (*à la Jamaïque*, *à la*

Martinique, à la Guadeloupe и т. п., реже au Madagascar, au Cuba), и предлог à без артикля; в таком случае форма с артиклем не подчеркивает какого-либо признака в особенности, является семантически нейтральной формой, тогда как форма без артикля подчеркивает, что речь заведомо идет об острове; однако здесь, как и во всех случаях мелких специализированных подклассов слов, французский язык, оставляя в принципе свободу чередований артиклевой и безартиклевой форм, нормативно закрепляет какую-либо одну, в данном случае артиклевую (и тем самым формы мужского рода, которые преимущественно употребляются без артикля, автоматически отодвигаются в под-подкласс 2 б); (2 б) под-подкласс употреблений в контексте «географическое место, остров» с дополнительным ограничительным признаком «большой величины», т. е. «географическое место, остров большой величины», в этих контекстах употребляется предлог à без артикля; поскольку форма à без артикля в названиях географических пунктов чаще соответствует мужскому роду, постольку здесь обнаруживается специфическая зависимость между двумя категориями французского языка: мужской род в определенных условиях, а в названиях островов, как правило, является показателем большого размера.

Последний этап описания отчетливее, чем другие этапы, выявляет одну особенность, в скрытом виде присутствующую на всех этапах.

Признак «большой размер» можно отнести к характеристике контекстов под-подкласса 2 б, т. е. считать, что этот признак выражается только в названиях островов мужского рода, употребляющихся с предлогом без артикля. В этом случае названия островов женского рода, употребляющиеся с предлогом и с артиклем (например, à la Martinique) нейтральны по отношению к признаку размера, а следовательно, весь под-подкласс 2 а также нейтрален по отношению к этому признаку. Иными словами, признак размерности релевантен для под-подкласса 2 б и не релевантен для под-подкласса 2 а. Но можно считать и иначе, а именно, что признак размера релевантен и для класса 2 а, но что этот класс по этому признаку является лишь слабым, немаркированным членом, тогда как класс 2 б является по этому признаку сильным, маркированным членом. На возможность второй трактовки указывает то, что когда в классе 2 а обнаруживаются свободные чередования (например, à Cuba//au Cuba), в сущности чередующиеся формы подчеркивают тот же признак размера, точнее, форма без артикля подчеркивает его сильнее, форма с артиклем слабее. Соответственно так же обстоит дело на всех этапах описания. Так, на первом этапе признак «протяженность», который в классе I лишь стилистически подчеркивается предлогом en, когда этот последний чередуется с à, и признак «близость местонахождения», который является полностью оппозитивным в классе II,— это в сущности один и тот же признак, и он может даже получить об-

щую объективную интерпретацию: близкое пространство представляется или, во всяком случае, трактуется в языке как протяженное, далекое пространство — непротяженное. Точно так же на втором этапе признак «далекое — близкое», который подчеркивается при свободных чередованиях в классе 1, и признак «остров», который является полностью оппозитивным в классе 2, также в сущности один и тот же признак, потому что в определенную историческую эпоху (великих географических открытий) дальние экзотические страны ассоциировались с островами. Таково специфическое соотношение признаков с точки зрения их качественной, объективной интерпретации.

Но у них есть и языковая основа, заключающаяся в том, что семантический признак может быть приписан либо всему контексту, либо одному элементу, являющемуся специфическим языковым показателем этого контекста. На всем протяжении предыдущего описания мы старались подчеркнуть эту особенность: когда лингвист констатирует, что в современном французском языке имеется класс выражений, означающих «дальние от Франции большие острова», à Madagascar, à Haïti, à Bornéo, à Cuba и т. п., и что этот класс выражений имеет повторяющийся показатель — предлог à без артикля, то эта семантическая характеристика может быть отнесена либо к каждому выражению, взятому во всей его синтагматической длине, — к à Haïti, к à Cuba и т. д., либо только к общему показателю класса — предлогу. Очевидно, что со многих точек зрения вторая трактовка предпочтительнее, и что, принимая ее, мы должны формулировать словарные определения предлога иначе, чем это делается сейчас. Например, предлог à получил бы следующие словарные определения: 1) предлог, служащий для обозначения места, без подчеркивания его протяженности: à Paris в Париже, à l'école в школе, à la Sorbonne в Сорбонне; чередуется с en (dans), который подчеркивает протяженность; 2) предлог, служащий для обозначения географического места, удаленного от Франции: au Vietnam во Вьетнаме, aux Indes в Индии, à la Gaudeloupe на Гваделупе; чередуется с en, который подчеркивает близость к территории Франции; 3) предлог, служащий для обозначения большого острова, удаленного от Франции (как правило, без артикля): à Cuba на Кубе, à Haïti на Гаити, à Madagascar на Мадагаскаре.

Построенное таким образом семантическое описание может быть дальше развито в двух отношениях — в отношении фразеологии и в отношении стилистики.

В первом случае оно становится основой, над которой может быть надстроено описание фразеологических словосочетаний. Переход к фразеологии может быть иллюстрирован табл. 54.

Из резюмированного в таблице рассуждения очевидно, что фразеологическим сращением, или фразеологизмом, будет, с точки зрения принятой системы описания, такое словосочетание, которое при структурной тождественности в плане выражения сво-

Таблица 54

Таблица, иллюстрирующая переход от оппозитивного семантического описания лексических или грамматических классов к описанию фразеологии

№ класса	Пример (Французский)	Объем, или глубина, семантического контекста, выраженные в количестве признаков	Тип словосочетания
I	'в СССР'; 'в Сорбонне'	1) место, 2) собственное, или географическое, название	Свободное словосочетание
II, I	'в Канаде'; 'в Японии'	1) место, 2) географическое название 3) далекая территория	Устойчивое словосочетание
II, I, 2	'на Мартинике'; 'на Гаити'	1) место, 2) географическое название, 3) далекая территория 4) остров	Фразеологическое словосочетание
II, I 26	'на Кубе'; 'на Борнео'	1) место, 2) географическое название, 3) далекая территория, 4) остров, 5) большой остров	Фразеологическое сращение, или фразеологизм

бодным словосочетаниям несет в себе семантический контекст большей глубины или большего объема, что выражается в соответственно большем количестве семантических признаков (при соблюдении единой основы описания).

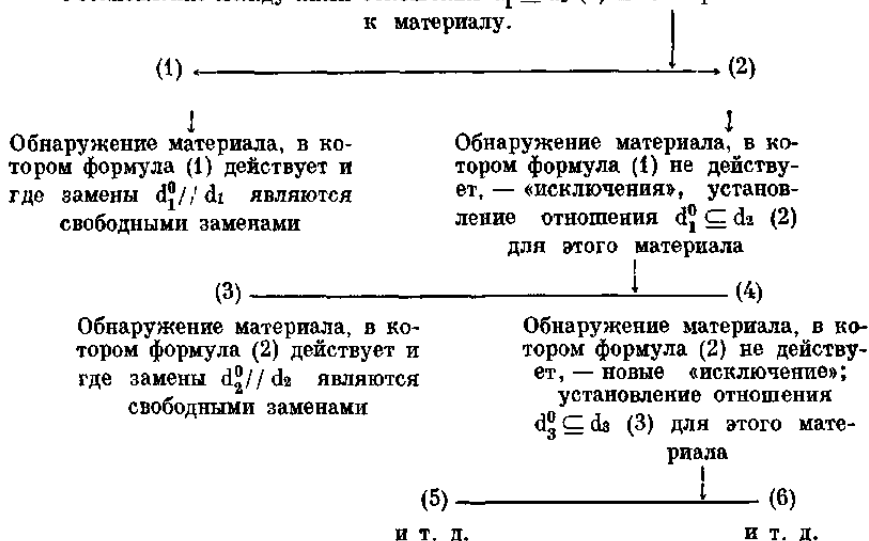
Во втором случае, когда оппозитивное семантическое описание развивается в отношении стилистики, оно становится основой для отделения сферы стилистики от сферы грамматики и лексики. Выделение стилистики может быть иллюстрировано следующей схемой (см. Примечание и табл. 55).

Примечание. На схеме латинской буквой d обозначена в общем виде всякая совокупность семантических признаков в данной последовательности описания, отличие одной совокупности от другой символизируется цифровым индексом при букве d.

Таблица 55

Общая схема структурно-семантического описания по оппозитивному принципу (отвлеченная от описания предлогов *en*, *à* в контекстах географических названий). Линия 2—4—6—сфера грамматики, линия 1—3—5—сфера стилистики

- (0) Инвариант значения: 'место', формы выражения: два предлога *en*, *à*
Установление между ними отношения $d_1^0 \subseteq d_1$ (1) и его применение к материалу.

Закljučая этим кратким параграфом идею синтеза методов, подчеркнем следующее. Видимость и сущность в языке не совпадают, и задача лингвистической науки состоит в том, чтобы проникать через видимость в сущность. Лингвисты идут к этой цели в общем двумя путями. Либо, наблюдая деталь за деталью и обобщая наблюдения, они движутся путем традиционного «филологического круга» (как, например, исследователи «языка и стиля» писателя). Либо, действуя по существу так же, они, кроме того, стремятся запечатлеть формализацией каждый свой шаг; они продвигаются посредством «гипотетико-дедуктивного метода» (как, например, исследователи «проблемы формализации в языке»). И хотя для объединения того и другого пути — высшего этапа синтеза предстоит еще очень многое сделать, цель эта, как мы пытались показать в заключение, реальна. Более того, все позволяет надеяться, что лингвистика возмещает плодотворный синтез методов и в других гуманитарных науках.

ПОСТУЛАТЫ, ФАКТИЧЕСКИ ДЕЙСТВУЮЩИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

§ 1. Постулат о тождествах — различиях

Проведенный обзор исследовательских принципов современной лингвистики позволяет заключить, что они подчиняются нескольким наиболее общим положениям. По установившейся традиции назовем их «постулатами». Фактически действующие постулаты не совпадают с наиболее четко сформулированной системой общих положений лингвистики — постулатами Ф. де Соссюра.

Оказывается, однако, что просто добавить несколько новых утверждений к тезисам де Соссюра невозможно и что в процессе их формулирования они становятся естественными антитезами к положениям де Соссюра. Но при этом вновь формулируемые постулаты отрицают постулаты де Соссюра не путем отбрасывания их, а так что последние включаются в новые постулаты как их частный случай, как положения, справедливые не вообще, а лишь при определенных условиях.

Постулат о тождествах — различиях в языке, сформулированный де Соссюром, гласит: в языке нет ничего, кроме тождеств и различий; отличительные свойства знака сливаются с самим знаком. Иначе — сущность языковых единиц создается их противопоставлениями, языковые единицы — чисто относительные и оппозитивные сущности. Такова фонема, создаваемая дифференциальными (т. е. отличительными) признаками; такова же морфема, сущность которой состоит в ее противопоставлениях другим морфемам; таково слово, значение (десигнат) которого создается дифференциальными отличиями от других слов его семантической группы; такова же и структурная схема предложения, которая входит в ряды, парадигмы структурных схем и, следовательно, определяется также дифференциальными признаками. Это безусловные и истинные положения.

Однако из постулата де Соссюра следует еще одно положение, которое необходимо со всей ясностью осознать. Если отличительные свойства знака сливаются с самим знаком, то, значит, назначение дифференциальных признаков — различать знаки языка, а тождества и различия в языке равноправны.

Этому положению и противопоставляется иное: различия заложены в самой материальной природе знаков языка, в их инди-

видуальности как звукотипов, как сочетаний звукотипов в морфы, как слов и т. д., индивидуальное же по самой сущности неповторимо и отлично одно от другого; дифференциальные признаки имеют назначением не различать, а отождествлять; таким образом, тождества и различия в языке не равны по праву, различия заложены в первоначальной природе элементов языка, как элементов материальных, различия первичны, а система языка отождествляет различные элементы посредством системы дифференциальных признаков. Дифференциальные признаки, вопреки своему названию (дифференция — «различие»), всегда, противопоставляя в одном отношении, соединяют в другом.

Справедливость нового постулата доказывается через его следствия. Из постулата де Соссюра следует, что, поскольку элементы языка представляют собой совокупности дифференциальных признаков, порядок приписывания (систематизации) дифференциальных признаков произволен. Из нового постулата следует, что этот порядок не произволен и из различных возможных порядков лишь один наиболее адекватен иерархии, объективно существующей в системе языка. Материал следующих параграфов может рассматриваться как доказательство нового постулата: ч. III, гл. I, § 3; II, § 1.

§ 2. Постулат о синтагматике — парадигматике

Постулат де Соссюра (в его более поздней, не авторской формулировке) гласит: в языке различаются два основных типа отношений — парадигматические и синтагматические. Парадигматические отношения — это отношения между языковыми единицами, могущими занять место друг друга в одной и той же позиции. Синтагматические отношения — это линейные отношения между языковыми единицами в потоке речи. Парадигматические отношения подчиняются логическому принципу «или — или», исключающей дизъюнкции. Синтагматические отношения подчиняются логическому принципу «и — и», конъюнкции.

Новый постулат: в языке различаются два основных типа отношений — первичные синтагматические и вторичные парадигматические. Синтагматические отношения подчиняются логическому принципу конъюнкции, «и — и». Парадигматические отношения могут быть приравнены отношениям по принципу «или — или», т. е. исключающей дизъюнкции, лишь в пределе или приближении к нему.

В новой формулировке постулата подразумевается, что языковая единица, имеющая материальную природу, является в силу этого всегда протяженной. При построении парадигматики нельзя отвлекаться от протяженности элементов и рассматривать их только как элементы оппозиций, как чисто оппозитивные сущности. Будучи протяженным, языковой элемент входит в парадиг-

матике в иерархические оппозиции, а в синтагматике соответствует не просто месту в речевой цепи, но месту определенной протяженности. Протяженность присутствует, таким образом, как в синтагматике, так и в парадигматике, и этим определяется то их понимание, о котором говорится в новой формулировке постулата.

Содержание следующих параграфов может рассматриваться как доказательство этого постулата: ч. II, гл. II, § 6; ч. III, гл. I, § 4; II, § 3.

§ 3. Постулат о синхронии — диахронии

Постулат де Соссюра гласит: ось одновременности, определяющая отношения между сосуществующими элементами языка (синхрония), резко противопоставлена оси последовательности во времени, по которой каждый из элементов первой оси располагается со всеми историческими изменениями (диахрония). «С наибольшей категоричностью различение это обязательно для лингвиста, ибо язык есть система чистых ценностей (значимостей), ничем не определяемая, кроме как наличным состоянием входящих в ее состав элементов»¹.

Новый постулат: ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диахронии). Описание глубинной структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции ее прошлого состояния. В теоретическом рассмотрении переносить предмет в прошлое равносильно тому, чтобы сводить его к наиболее простым элементам.

Содержание следующих параграфов может рассматриваться как доказательство этого постулата: ч. II, гл. I, § 2, § 3; гл. II, § 1; ч. III, гл. I, § 3 (конец); гл. II, § 1.

§ 4. Постулат о времени — пространстве

В системе де Соссюра такой постулат эксплицитно не формулировался, но фактически он лежал в основе другого постулата — о произвольности языкового знака. Таким образом, этот последний мы будем рассматривать как следствие более общего положения — о языке во времени и пространстве. Тезис о произвольности языкового знака де Соссюр формулировал с помощью понятия языковой границы. Он писал, что, например, понятие 'сестра', «означающее» знака, никаким внутренним отношением не связано с последовательностью звуков s-ø-r (sœur), служащей во французском языке его «означающим»; по другую сторону языковой границы, в немецком языке, то же означаемое выражается

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Перев. с франц. М., 1933, стр. 88.

иной последовательностью звуков — š-w-e-s-t-e-r (Schwester) ². Таким образом, в словесной формулировке де Соссюр утверждал произвольность связи между означаемым и означающим в пределах одного языка, а на деле понимал ее как произвольность отношения знака в целом (с его двумя сторонами — означаемым и означающим) к предмету объективного мира и доказывал это наличием языковых границ — резких, дискретных различий языка в пространстве.

То, что связь между означаемым и означающим как двумя сторонами знака не является произвольной, было хорошо показано позднейшей критикой и в настоящее время не вызывает ни у кого сомнений. Более существенно показать, что языковой знак не произволен и в другом отношении — как целое (состоящее из означаемого и означающего) в его отношении к объективному миру. Это положение и получает чисто лингвистическую форму в виде нового постулата о языке во времени и пространстве.

Новый постулат утверждает: произвольность языкового знака в его отношении к объективному миру сильно ограничена в силу того, что не существует категории дискретной языковой границы: языковые различия в пространстве, на разной территории, тождественны языковым различиям во времени, на одной территории; существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени — пространстве.

Это положение доказывается лингвистической географией (различия языковых знаков типа *вода* — *вада* в русском характеризуют различия диалектов одного времени на разных территориях и одновременно различия одного диалекта на одной территории в разные эпохи его существования). Это положение доказывается принципиально таким же образом сравнительно-историческим языкознанием для более широких языковых ареалов и целых семей языков.

В более узком смысле содержание следующих параграфов может рассматриваться как доказательство этого постулата: ч. II, гл. II, § 3, 4.

² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 79.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авалиани Ю. Ю. 30
 Аванесов Р. И. 15, 74, 75, 125—127, 148, 222, 223
 Айер А. (Ayer A.) 34
 Акуленко В. В. 53
 Апресян Ю. Д. 29, 32
 Арутюнова Н. Д. 32, 33, 44, 89, 263
- Балин Б. М. 19
 Баскаков Н. А. 146
 Балли Ш. (Bally Ch.) 36, 37, 240, 241
 Барышева И. В. 210
 Белл Г. (Bell G.) 219
 Белошапкина В. А. 258, 259
 Бельдиян В. М. 39
 Бенвенист Э. (Benveniste E.) 24, 34, 39—41, 49—51, 59, 130, 131, 147, 158, 160, 224, 262, 280
 Берка К. (Berka K.) 40
 Бецценбергер А. (Bezzenberger A.) 71
 Бодуэн де Куртене И. А. (Baudouin de Courtenay J.) 18, 51, 86, 130
 Бондарко А. В. 19, 20
 Борковский В. И. 227
 Бородин М. А. 124
 Брёндаль В. (Bröndal V.) 219, 220, 229
 Бругманн К. (Brugmann K.) 71, 127
 Брюнель Ж. (Brunel J.) 19
 Буга К. (Būga K.) 60, 152
 Бузассиова К. (Buzássyová K.) 207
 Булах Н. А. 262
 Булыгина Т. В. 24, 73, 213, 238, 239
 Бур де К. (Boer de C.) 24
- Вайан А. (Vaillant A.) 88, 137, 152, 173, 185, 195
 Ван-Вейк Н. (Van Wijk N.) 148, 171, 195
 Вандриес Ж. (Vendryes J.) 21, 155, 157, 161, 191, 193
 Васу Ш. Ч. (Vasu S. Ch.) 55, 56
 Вахек Й. (Vachek J.) 213, 214
 Велиева К. А. 146
 Веренк Ж. (Veurenc J.) 40, 146
 Виленик Н. Я. 114
 Виноградов В. А. 39, 76
 Винокур Г. О. 43, 44
- Винтер В. (Winter W.) 163, 165
 Войнова Л. А. 30
 Воронкова Г. В. 215
- Габучан К. В. 261, 262
 Гак В. Г. 30, 33
 Гамкрелидзе Т. В. 128
 Гарвин П. (Garvin P.) 7
 Гастев Ю. А. 235
 Гельгардт Р. Р. 32
 Гийом Г. (Guillaume G.) 50
 Гиро П. (Guiraud P.) 54
 Горнунг Б. В. 59, 128
 Гримм Я. (Grimm J.) 108, 109
 Гринберг Д. (Greenberg G. H.) 43, 146
 Гулыга Е. В. 19
 Гухман М. М. 15, 33, 46, 107, 109, 111, 193, 237, 238, 278
- Даль В. И. 224
 Денисов П. Н. 29
 Джоз М. (Joos M.) 4, 9
 Димри Дж. П. (Dimri Dj. P.) 55
 Дмитриев Н. К. 146
 Дыбо В. А. 88, 89, 120, 121
 Дэвис У. (Davis W.) 242
 Дэниэлз У. Л. (Daniels W. L.) 97
- Евдошенко А. П. 126
 Ельмслев Л. (Hjelmslev L.) 15, 73—82, 146, 165, 218, 228—236, 239, 272—278
 Есперсен О. (Jespersen O.) 19
- Жирмунский В. М. 101
 Жолковский А. К. 29, 32, 104
 Жуков В. П. 30
 Журавлев В. К. 126, 148
- Зализняк А. А. 25, 44, 48, 49, 65, 96, 121
 Земская Е. А. 44, 211
 Зенн А. (Senn A.) 193
 Зепс В. (Zeps V. J.) 96, 121
 Зинкявичус З. (Zinkevičius Z.) 173, 179
 Зуицки А. (Zwicky A. M.) 238
- Иванов Вал. В. 225, 226
 Иванов Вяч. В. 4, 194

Изенберг Г. (Isenberg H.) 28, 106
Илия Л. И. 19, 20, 21
Иллич-Свитыч В. М. 88, 89, 120, 152.

Йохансен С. (Johansen S.) 228

Казлаускас Й. (Kazlauskas J.) 151, 168, 175, 187, 195, 227

Камантаускас В. (Kamantauskas V.) 60

Кантино Ж. (Cantineau J.) 215—217, 236, 237, 245

Караулов Ю. Н. 126

Карри Х. Б. (Curry H. B.) 35, 266—270, 280

Карцевский С. (Karcevski S.) 36

Кацнельсон С. Д. 33, 111

Келльн Г. (Kölln H.) 190, 192, 193

Кенстович М. (Kenstowicz M. J.) 95

Кибрик А. Е. 5, 49

Кипарский В. (Kiparsky V.) 224, 238

Кипарский П. (Kiparsky P.) 59, 99—104

Климов Г. А. 33, 130, 195, 282

Клосс Э. (Closs E.) 106

Клюм А. (Klum A.) 19

Козлова М. С. 11

Колесов В. В. 224

Колмогоров А. Н. 47

Колпанский Г. В. 34

Кондаков Н. И. 35, 230, 236, 260, 266

Конецкая В. П. 22

Конрад М. (Konrad M.) 54

Копчак Д. (Corceag D.) 54

Копыленко М. М. 30

Кржижкова Е. (Křizková E.) 144

Куайн У. (Quine W. V. O.) 34

Кузнецов П. С. 24, 39, 44, 227

Кулагина О. С. 47, 49

Кумахов М. А. 21

Кунин А. В. 30

Кунина И. А. 30

Курилович Е. (Kuryłowicz J.) 39, 51, 59, 71, 72, 81—85, 104, 116, 120, 140, 147—149, 171, 173, 280

Куршат Ф. (Kuršaitis F.) 60

Лайгонайте А. (Laigonaitė A.) 60

Лайтнер Т. (Lightner Th. M.) 239

Лалаев И. П. 30

Левин Н. (Levin N. B.) 284

Лежен М. (Lejeune M.) 156

Лекомцев Ю. К. 228, 232, 233

Леман В. (Lehmann W.) 71

Лескин А. (Leskien A.) 83

Лиз Р. (Lees R. B.) 9, 10, 265, 266, 269, 270

Ломтев Т. П. 5, 86, 130, 206, 207, 258

306

Лорд Р. (Lord R.) 52

Лосев А. Ф. 10, 47, 107

Лэм С. (Lamb S.) 242

Макаев Э. А. 110, 128, 161

Макаров В. В. 31

Маковский М. М. 124

Малдер Дж. (Mulder J. W. F.) 214

Мареш Ф. (Mareš F. V.) 148

Маркус С. (Marcus S.) 65, 203, 218, 243—245

Марр Н. Я. 128—130

Мартемьянов Ю. С. 32

Мартинь А. (Martinet A.) 33, 105, 106

Мартынов В. В. 39, 58, 71, 97, 98, 148, 224

Мачаварьяни Г. И. 128

Мачаварьяни М. Т. 19

Мдивани Р. Р. 207

Мейе А. (Meillet A.) 21—24, 71, 88, 89, 122, 127, 131, 155, 157, 161, 183—185, 191, 193, 229

Мельников Г. П. 107, 108

Мельничук А. С. 33

Мельчук И. А. 29, 32, 104

Мещанинов И. И. 19, 32, 33

Милевский Т. (Milewski T.) 219

Милославский И. Г. 144

Молотков А. И. 30

Морковкин В. В. 29

Моркунас К. (Morkūnas K.) 179

Моррис Ч. (Morris Ch.) 239, 240

Мурат В. П. 228

Мучник И. П. 25

Наумова Т. Н. 33

Неринг А. (Nehring A.) 228

Никитин М. В. 31

Новиков Л. А. 29, 31, 264

Ноотен ван Б. (Nooten van B. A.) 58

Олмстед Д. (Olmsted D.) 9

Остин Дж. (Austin J.) 34

Панини (Pāṇini) 55—58, 79

Панов М. В. 15, 25, 44, 246, 247, 278

Панфилов В. З. 34, 263

Педерсен Х. (Pedersen H.) 151, 194

Перельмутер И. А. 192, 194

Петров Ю. А. 93

Петрова Г. В. 258, 259

Пешковский А. М. 41, 42

Пизани В. (Pisani V.) 166, 262

Пиранен И. (Piirani I. T.) 106

Пиотровский Р. Г. 107, 124

Поппер К. (Popper K.) 11, 49

Поспелов Н. С. 51

Пребенсен Х. (Prebensen H.) 232—234

Преображенский А. 224
Прокош Э. (Prokosch E.) 109—113
Пэйпер Х. (Paper H.) 207

Раевский М. В. 11, 116, 118
Рапанович А. Н. 39
Ревзин И. И. 44, 106, 146, 214, 219
Ревзина О. Г. 26, 27
Рейхелбах Г. (Reichenbach H.) 11
Рену Л. (Renou L.) 123, 183
Репина Т. А. 24
Рецкер Я. И. 30
Реформатский А. А. 126, 148, 213, 214

Рождественский Ю. В. 106
Розенкранц Б. (Rosenkranz B.) 194
Ройзензон Л. И. 30
Рошка П. И. 124
Руиг К. (Ruijgh C. J.) 156
Руйперес М. (Ruipérez M. S.) 156

Сводеш М. (Swadesh M.) 203
Семереньи О. (Szemerényi O.) 173
Серебренников Б. А. 7, 8, 99
Сигурд Б. (Sigurd B.) 106
Сиртсема Б. (Siertsema B.) 228, 230
Скарджюс П. (Skardžius P.) 60
Слинин Я. А. 264
Смирницкий А. И. 43, 44
Соболевский С. И. 154, 156
Солнцев В. М. 15, 46, 238, 278
Соловьева А. К. 32
Соль Сапорта (Sol Saporta) 106
Соссюр де Ф. (Saussure de F.) 41, 42, 46, 59—67, 69, 71, 74, 77, 82—84, 88, 94, 120—122, 251, 257, 272, 301—304

Станг Х. (Stang Chr. S.) 89, 120—122, 137, 140, 143, 151, 173, 184, 186, 187, 190

Стеблин-Кампенский М. И. 215
Степанова Л. Н. 22
Степанова М. Д. 5
Стен А. (Sten H.) 19
Столл Р. (Stoll R. R.) 48
Строусон П. (Strawson P. F.) 31

Тедеско П. (Tedesco P.) 193
Телия В. Н. 30
Тодоров Ц. (Todorov T.) 31
Топоров В. Н. 58, 195
Торбьорнссон Т. (Torbiörnsson T.) 63
Трейгер Д. (Trager G. L.) 4, 5
Тронский И. М. 71, 161
Трубачев В. Н. 24, 223
Трубецкой Н. С. (Trubetzkoy N. S.) 128, 213—217, 244, 290

Уленбек К. (Uhlenbeck C. C.) 128
Ульдаль Х. (Uldall H. J.) 228, 230, 232

Унгехойер Г. (Ungeheuer G.) 214
Уорт Д. (Worth D. S.) 239
Уорф Б. (Worf B. L.) 19
Уоткинс К. (Watkins C.) 59, 86, 87, 122, 123, 129—131, 173, 183, 184, 195
Успенский В. А. 47—49, 290
Уфимцева А. А. 28, 31, 34

Фант Г. (Fant G. M.) 94, 219, 220
Фасмер М. (Fasmer M.) 223
Федоров А. И. 30
Фибоначчи (Fibonacci) 114, 115, 117
Филин Ф. П. 125, 227
Филиппов В. Н. 20
Филлмор Ч. (Fillmore Ch. J.) 32, 33, 104—106
Фортунатов Ф. Ф. 41, 43, 44, 61, 69, 121, 131, 187, 190
Фрепкель Э. (Fraenkel E.) 134
Фурке Ж. (Fourquet J.) 113, 116, 118

Халле М. (Halle M.) 39, 83, 93—95, 97, 98, 121, 219, 220, 238, 239
Хенигсвальд М. (Hoenigswald M.) 89—92
Хирт Г. (Hirt H.) 71
Хоккет Ч. (Hockett Ch. F.) 25, 46, 205
Хомский Н. (Chomsky N.) 9, 10, 39, 83, 93—95, 97, 98, 106, 238, 269
Хэмп Э. (Hemp E.) 4, 5
Хэрари Ф. (Harary F.) 207

Черемисина М. И. 30
Чжао Юань-жень (Juen Ren Chao) 7, 8
Чижова Л. А. 144, 146

Шагиров А. К. 21
Шантрэн П. (Chantraine P.) 122, 129
Шахматов А. А. 148
Шведова Н. Ю. 257
Швицер Э. (Schwyzer E.) 160, 166, 193, 194
Шендельс Е. И. 19
Шлейхер А. (Schleicher A.) 152
Шмелев Д. Н. 28, 30
Шмид В. (Schmid W. P.) 195
Шпехт Ф. (Specht F.) 134
Штольц Ф. (Stolz F.) 166

Щерба Л. В. 47, 51, 290
Щербак А. М. 146
Щетинкин В. Е. 199
Щур Г. С. 54

Эдельман Д. И. 124
Эрнута А. (Ernout A.) 21, 122

Юлдашева Г. Д. 146

Яблонский Я. (Jablonskis J.) 168, 169, 176

Якобсон Р. (Jakobson R.) 22, 41, 94, 148, 213—220, 239, 289

Якубинский Л. П. 23, 24, 123

Янко-Тривницкая Н. А. 44

Яновская С. А. 266

Ярцева В. Н. 125

Яунюс К. (Jaunius K.) 60

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель включены более значительные языковые иллюстрации, в которых либо одни и те же языковые факты освещаются разными приемами и методами в разных местах книги, либо дается относительно развернутое авторское описание с единой точки зрения в одном месте.

Индоевропейский

— состав гуттуральных (заднеязычных) звукотипов 70 и сл.; 91;

— аблаут 87, 88; 130; 182;

— категория рода 21 и сл.; 46;

— категории глагола 182 и сл.; 191, и сл.

Древнегреческий

— вокализм в структуре слова 152 и сл.;

— аблаут 158 и сл.;

— категории глагола 165; 191 и сл.

Общеславянский

— палатализации 96; 99 и сл.;

— аблаут 132; 183 и сл.;

— категории глагола 183 и сл.; 191

— глагол «иметь, брать» 133 и сл.; 137 и сл.

Русский (с древнерусским)

— система и дистрибуция фонем 125, 126; 219 и сл.; 246 и сл.;

— палатализации 96; 99 и сл.;

— морфемный анализ глагольного слова 140 и сл.;

— система падежей 217; 226;

— категория рода — см. Индоевропейский;

— паронимы 53; 223 и сл.;

— типы предложений с отрицанием 261 и сл.

Общепольский и литовский

— парадигмы акцентуации 59 и сл.; 68 и сл.; 76 и сл.; 83 и сл.; 88 и сл.;

— закон Фортунатова—де Соссюра 61; 69; 88; 94; 120 и сл.;

— аблаут 132; 183 и сл.; аблаут в суффиксах 131; 187 и сл.;

— классы глаголов 168 и сл.;

— семантика категории «переходности» в польском 169; 180 и сл.; 191;

— глагол «иметь, брать» 133 и сл.;

Общегерманский и германские

— германское передвижение согласных 101 и сл.; 108 и сл.

Французский

— основосложение 40; 209 и сл.;

— система пространственных предлогов 291 и сл.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕТОДА В ЛИНГВИСТИКЕ

§ 1. Трехчастное строение метода и различные взгляды на соотношение частей	3
§ 2. Соотношение метода познания и метода изложения.	9
§ 3. Проблема классификации методов и композиция книги . . .	11

Часть первая

НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА И ЛИНИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Глава I.

ОБЗОР ПРИНЦИПОВ И ОБОБЩЕНИЕ

§ 1. Укрупнение грамматики	18
§ 2. Укрупнение лексикологии	28
§ 3. Центральная роль синтаксиса	31
§ 4. Сближение с современной логикой	33
§ 5. Возникновение формализации в недрах традиции	41
§ 6. Антропоцентризм	49
§ 7. Недискретность	52

Часть вторая

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Глава I.

ОБЗОР МЕТОДОВ

§ 1. Исторические предшественники. Панини	55
§ 2. Первоначальный алгебраический метод де Соссюра. Понятия «наблюдаемого множества», «ненаблюдаемого множества», «абстрактного процесса»	59
§ 3. Алгебраический метод в современных исторических реконструкциях. Понятие «матрицы» и «позиции»	65
§ 4. Функцивный метод Л. Ельмслева. Понятия «катализа» и «импликации»	73
§ 5. Функцивный метод в современных исторических реконструкциях.	79
§ 6. Оппозитивный метод. Понятие «оппозитивного отталкивания» у Е. Куриловича	81
§ 7. Оппозитивный метод в современном сравнительно-историческом языкознании. Различие материальной и структурной реконструкции	85
§ 8. Дистрибутивный метод в историческом применении. Понятие «замещения» и понятия «актуальной, потенциальной и фактической осуществимости»	87
§ 9. Реконструкция и история в теориях порождающих грамматик. Понятия «правила как абстрактного процесса» и «порядка правил как абстрактного процесса»	93

§ 10. Проблемы исторического описания и реконструкции в терминах «глубинных структур». Понятие «блока взаимосвязанных процессов»	98
§ 11. Метод моделей в исторических реконструкциях	106

Глава II

ОБЩЕОБЩЕНИЕ

§ 1. Синхронное описание современного состояния совпадает с первым этапом реконструкции	119
§ 2. Внутренняя реконструкция восстанавливает предшествующую систему, а не происхождение ее элементов	122
§ 3. Отсутствие резкого (дискретного) перехода от внутренней реконструкции к внешнему сравнению	124
§ 4. Междialeктная (межъязыковая) синонимия и дополнительная дистрибуция	128
§ 5. Принцип «независимости состояний»	133
§ 6. Принцип максимального расчленения каждой словоформы. Катализ, или позиционный анализ	140
§ 7. Иллюстрация принципа разложения. Позиционный анализ литовского и древнегреческого слова	149
§ 8. Иллюстрация принципа «независимости состояний» на большом массиве словоформ литовского языка. Этап анализа	167
§ 9. Иллюстрация этапа синтеза. Установление зависимостей расчлененных (катализированных) словоформ	179
§ 10. Гипотеза о предшествующем состоянии и ее проверка внешним сравнением	182

Часть третья

ЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Глава I

ОБЗОР МЕТОДОВ

§ 1. Множество и алгебраический метод	196
§ 2. Дистрибуция и дистрибутивный метод	203
§ 3. Оппозиция и оппозитивный метод	212
§ 4. Функция и функивный метод	228
§ 5. Репрезентация и репрезентативный (элементарный семиотический) метод	239

Глава II

ОБЩЕОБЩЕНИЕ

§ 1. Дистрибуция может быть совмещена с оппозицией. Основания теоретико-множественного метода	243
§ 2. Дистрибуция может быть совмещена с функцией. Основания «грамматического метода» в современной советской русистике	257
§ 3. Оппозиция может быть совмещена с функцией. Основания порождающего (генеративного) метода	265
§ 4. Дистрибуция, оппозиция, функция могут быть совмещены с репрезентацией. Основания семиотического (семиологического) метода	279
§ 5. Иллюстрация принципа совмещения (§ 4) на цельном фрагменте описания семантики (французский язык)	285

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОСТУЛАТЫ, ФАКТИЧЕСКИ ДЕЙСТВУЮЩИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

§ 1. Постулат о тождествах — различиях	301
§ 2. Постулат о синтагматике — парадигматике	302
§ 3. Постулат о синхронии — диахронии	303
§ 4. Постулат о времени — пространстве	304
Именной указатель	305
Предметный указатель	308

**Юрий Сергеевич
Степанов**

**Методы и принципы
современной лингвистики**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства Г. Н. Корозо
Художественный редактор Т. П. Поленова
Художник С. С. Верховский
Технический редактор О. Г. Ульянова

Сдано в набор 26/VII 1974 г. Подписано к печати 16/I-1975 г.
Формат 60×90¹/₄. Бумага № 2 Усл. печ. л. 19,5
Уч.-изд. л. 21 Тираж 5000. Тип. зак. 1007
Цена 1 р. 42 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10